

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Макр Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2013

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.M. Vabishchevich
T.A. Garupa
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

**Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»**

№ 1 / 2013

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Горбацкий А.А. Мотоль в исторической памяти.....	5
Стрелец М.В., Обуховская О.А. Еврейская типография в контексте реалий нового времени на примере типографии в Зульцбахе (Оберпфальц) (часть 1).....	19
Савіч А.А. Асобы заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага руху (1921–1939) у асвятленні айчынай гістарыяграфіі 1990–2000 гг.....	24
Рамановіч П.С. Стварэнне і баявая дзейнасць партызанскага атрада імя Я.Г. Макарэвіча (з успамінаў байца атрада Р.М. Калільца)	32
Стрэнкоўскі С.П. Прывілеі Бярэся як прававая аснова яго самакіравання ў XIV–XVIII стст.....	38
Таранец С.В. Новаторство в старообрядческой среде в XVIII – начале XX вв.	45
Мярчук В.М. Эканамічная эміграцыя заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію ў 1921–1939 гг.	52
Борун Е.Н. Социально-карикативная деятельность православных монастырей на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX вв.	65
Лаўрэнка Л.В. Стан лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.....	77
Прыборович А.А. Применение нетрадиционных методов исторического исследования в диссертационных работах отечественных историков (1991–2010 гг.).....	86
Пустаход Т.С. Старонкі творчай біяграфіі Міхаіла Баброўскага. Пачатак беларускага нацыянальнага адраджэння.....	93
Радзюк А.Л. Да гісторыі «Малачарскага таварыства» ў Баранавічах (1932–1936 гг.)	99

ЭКАНОМІКА

Черновалов А.В., Черновалов В.В. Проектирование цепей поставок в иерархических логистических сетях	104
Бонк Т., Цекановский З. Совершенствование экспедиторских услуг крупных логистических операторов на рынке транспортно-экспедиторских услуг Польши.....	112
Йохна В.Н. Функционально-ценностный подход в управлении инновационным развитием промышленного предприятия	119
Мацукевич В.В., Данилецкая А.В. Основные проблемы и направления развития внешнеэкономической деятельности предприятий-экспортеров и районов Брестской области	131
Зайцева Н.И., Шония И.И. Внедрение системы GPS-мониторинга как необходимое условие работы автотранспортного предприятия	139

ПРАВА

Глухова О.В. Соучастие в преступлении по уголовному законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины	149
Пухов А.А. Уголовная ответственность за распространение заразных болезней животных: опыт современного законодательства государств ближнего зарубежья.....	157
Гурина О.В. Сущность государственного надзора как юридической категории.....	162
Береговцова Д.С. Основные принципы международно-правового регулирования прав пациента.....	171
Лепешко А.Б. Понятийно-категориальный аппарат в феноменолого-коммуникативном подходе к анализу социально-правовой действительности	178

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Горбацкий А.А. С. Таранец. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). Том 1: Взаимоотношения старообрядческих сообществ с государством и официальной Церковью.....	187
Звесткі аб аўтарах	190

INDEX

HISTORY

Gorbatski A.A. Motol in the Historical Memory.....	5
Strelets M., Obuhovskaja O. Jewish Printing Office in the Context of Realities of Modern Times on the Example of Printing Office in Zultsbahe (Oberpfalts) (part 1)	19
Savich A.A. Personalities of Western Belarusian Liberation Movement (1921–1939) Reflected in Native Historiography of 1990–2000	24
Romanovich P.S. Formation and Military activity of Guerrilla Group Named after E.G. Makarevich (on the Memories of a Fighter G.N. Kalilets)	32
Strenkovski S. Brest Privileges as a Legal Basis of Self-government in the 16–18 th Centuries	38
Taranets S.V. Innovations in Old Believers' Environment at the 18 th and the Early 20 th Centuries	45
Miarchuk V. Economic Emigration from the Western Part of Belarus in Brazil from 1921 to 1939.....	52
Borun E.N. Socio-charitative Activity of the Orthodox Monastic Communities on the Territory of Belarus in the Second Quarter of the 19 th and Early 20 th Century	65
Lavrenko L.V. Forest Industry in Western Belarus in 1921–1939	77
Priborovich A.A. The Use of Unconventional Methods of Historical Research in the Dissertation Researches of Local Historians (1991–2010)	86
Pustakhod T. The Pages of Michael Bobrovsky's Creative Biography. The Beginning of the Belarusian National Revival	93
Radziuk A. History of «Milk Partnership» in Baranovichi (1932–1936)	99

ECONOMICS

Charnavalau A.V., Charnavalau V.V. The Supply Chain Designing in the Hierarchical Logistic Networks	104
Bonk T., Tsekanovski Z. The Organizing Solutions Used in Forwarding Services on the Example of Several Leaders in TSL Branch in Poland	112
Yokhna V.N. Functional Value Approach to the Management of Innovative Development of Industrial Enterprises	119
Matsukevich V.V., Daniletskaya A.V. Major Problems and Development Directions of Foreign Economic Policy of Exporting Enterprises and Districts in Brest Region	131
Zaitsava N.I., Shonia I.I. Introduction of System of GPS-monitoring as a Necessary Operating Condition of the Transportation Enterprise	139

LAW

Glukhova O.V. Implication in Crime in Criminal Legislations of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine	149
Puchov A.A. Criminal Liability Creating Threat of Spread of Infectious Diseases Common for People and Animals: the Experience of the Modern Legislation of the Neighbor Countries	157
Gurina O.V. The Main Point of the State Supervision as Legal Category	162
Beregovtsova D.S. The Basic Principles of the International Legal Regulation of the Rights of the Patient	171
Lepeshko A.B. Conceptual-Categorical System in Phenomenological-communicative Approach to Analysis of Social and Legal Reality	178

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Gorbatski A.A. S. Taranets. Old Belief in Russian Empire (the End of the XVII – the Beginning of the XX Century). Volume 1: Relationships of Old Belief Communities with the State and Official Church	187
Information about the authors	190

ІСТОРЫЯ

УДК 93(476) «1550/1600»

А.А. Горбацкий

МОТОЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье анализируются особенности земельной реформы, проводившейся в середине и во второй половине XVI в. в Пинском повете Великого Княжества Литовского; при этом основное внимание уделяется местечку Мотоль. Показаны те мероприятия, которые позволили в Мотоле провести земельные реформы, а также установить новую систему повинностей. Приводятся списки жителей местечка Мотоль, получивших новые усадьбы, а также списки тех, кто получил землю для ведения земледелия.

Вторая часть статьи посвящена отдельным преобразованиям в Мотоле, произошедшим после трех разделов Речи Посполитой – в первой половине XIX в.

Введение

Вместе с ростом феодального землевладения в Великом Княжестве Литовском, увеличением значения урожайности в доходных статьях как всего княжества, так и отдельного поместья, росло и стремление феодалов рационально организовать ведение всего поместного хозяйства. Феодалы стремились выявить и использовать все ресурсы крестьянского хозяйства, чтобы применить эффективную систему налогообложения. Достигнуть такого положения можно было тремя путями: во-первых, тщательным и повсеместным учетом количества и качества феодальной и крестьянской земли; во-вторых, введением однообразного налогообложения (повинностей), которое должно было соответствовать уровню экономического развития конкретного хозяйства; в-третьих, устранением имевшихся препятствий (чересполосица, дальнотемелье, земельные споры), которые мешали организации эффективного земледелия. В результате проведенных реформ королевская власть увидела их эффективность и периодически эти реформы повторяла.

Целью данной статьи является анализ реформ, проводившихся в Пинском княжестве (повете) и их реализация в местечке Мотоль.

Первые шаги земельной реформы в Пинском повете

С целью увеличения королевских доходов в XVI в. власти принимают решение навести порядок в королевских имениях. Главной задачей была разработка правил экономического ведения хозяйства и сбора налогов. Так, король Сигизмунд I Старый, видя, что старосты и тивуны Жомойтской земли привлекают крестьян к тяжелым физическим работам, собирают непомерные налоги без всяких на то юридических оснований, в 1529 г. издал «Уставу», в которой определил суммы денежных и других сборов с крестьян, оградил последних от самоуправства старост и их заместителей при организации и проведении различного рода хозяйственных и полевых работ. Такая же «Устава» была издана Сигизмундом I в этом же году для дворов в Виленском и Троцком поветах Великого Княжества Литовского.

В соответствии с «Уставой» королевские ревизоры сразу начали измерение всех королевских имений в пределах Великого Княжества Литовского. Так, в 1552–1555 гг. было измерено и описано Пинское и Клецкое княжество; в 1560–1563 гг. города Брянск и Сураж Станиславом Девялтовским Скочком и дворянином Андреем Дыбовским под надзором и руководством князя Адама Пильховского; в 1561–1566 гг. Пинский повет; в 1563 г. Кобринская экономия Дмитрием Сапегою [8, с. V]. Важные экономиче-

ские и правовые преобразования по улучшению своих имений в Пинском и Клецком княжествах провела мать Сигизмунда II Августа королева Бона.

По предписанию королевы Боны между 1552 и 1555 гг. была сделана ревизия (волочное измерение) земель Пинского и Клецкого княжеств. В состав Пинского княжества входили и земли Мотоля. По воле королевы измеренные земли раздавались крестьянам на основании установленных условий. Были указаны находящиеся в имениях королевы православные церкви и состоящее при них духовенство. Подробно описывались с указанием всех урочищ церковные, землянские (земляне – категория военнотрудового населения ВКЛ в XVI–XVII вв.) и королевские земли [8, с. III–V].

Оба эти княжества в конце XV начале XVI вв. принадлежали первоначально князьям Ярославичам, Ивану Ярославичу, а затем его сыну Федору. После смерти последнего земли перешли по наследству королю Сигизмунду I, который отдал их в пожизненное пользование своей второй жене Боне, дочери Медиоланского князя Сфорции [8, с. V]. Владея обширными имениями, частично подаренными ей мужем, а частично купленными, королева Бона пыталась навести строгий правовой и экономический порядок в своих владениях. С этой целью в 1552 г. она приказала Пинскому старосте Станиславу Хвальчевскому провести совместно с посланным от королевы ревизором Мельницким, подкоморием Алексеем Чосновским, ревизию, т.е. раздел на волоки всех принадлежащих ей в Пинском и Клецком княжествах земель. После раздела на волоки земли должны были быть розданы как своим крестьянам, так и посторонним лицам на установленных королевой условиях. Отчет об исполнении этого поручения был представлен Хвальчевским в виде писцовой книги, составленной под его руководством Иваном Горецким. Помощь в составлении отчета оказывали землемеры Иван Дубовский и Богуш Михнович.

Ревизия и раздача земель в королевских имениях были произведены Хвальчевским в соответствии с инструкциями, выданными ему королевой. Для измерения земли использовались обыкновенные в то время литовские меры: прут, морг и волока. Линейный прут содержал в себе $7\frac{1}{2}$ локтей, а локоть равнялся 25 русским дюймам. Десять квадратных протов (один линейный прут в ширину и 10 в длину) назывались землемерным протом, и 30 таких протов (или 300 квадратных протов) составляли один морг, а 30 моргов – волоку (которая равнялась 19 десятинам, 1 354 квадратным сажением, 7 квадратным футам и $6\frac{1}{2}$ квадратным дюймам).

Земельные работы Хвальчевского продолжались три года: с весны 1552 г. до весны 1555 г. В течение этого времени были измерены и взяты на учет все принадлежащие королеве пахотные земли в Пинском и Клецком княжествах. Большею частью эти земли были разбиты на волоки и в каждом селе разделены на три поля (в соответствии с используемой тогда трехпольной системой). Однако значительную часть полей, заброшенных по лесам и островам болотистого полесья, не удалось соединить в волоки. По-прежнему оставались небольшие отдельные участки, которые были разбиты на морги по старым границам. Обширные лесные пространства, заросли (дубравы) и покрытые водой болота оставались неизмеренными.

В период первой ревизии земель Пинского и Клецкого княжеств наиболее полно были учтены урочища местечка Мотоль: Борисова селитьба, Великий лес, Верхополки на границе с с. Ополь, Вершимаков на границе с с. Ополь, Восновый верх, Глиница, Голые поля, Горки, Груша, Грушник (долина-урочище), Гуменовая нивка, Денищи, Долгая струга, Жидень (остров-урочище), Заверша, Заголье, Загорье, Задовая гора, Звонецк, Земьянковчизна, Злотный лес (на границе Мотоля и Ополя), Злотуха, Качи, Корчища, Крайное, Краково нивище, Красный дуб, Кривое, Кривой островок, Кров, Крушник, Крушник, Лунево, Лучный лес (на границе Мотоля и Ополя); Лесная нивка, Малый луг, Малые нивки, Манишево (остров-урочище); Межилесье, Мосты, Мотольский остров,

Олесковский лес, Осавицкая струга (ручеек), Осовое, Осоский лес, Островок (застенковое урочище), Песилово, Пески, Пылина (долина-урочище), Пыльная, Пнюхи старые, Подбродье, Подкрайное, Полонное болото, Правидлы, Предищи, Приходный дуб (на границе Мотоля и Ополя), Проход, Пылина долина, Радехов, Радный колодезь, Ратный колодезь, Рыбый лес (на границе Мотоля и села Ополя); Самеш (остров-урочище под местечком Мотоль), Сосна, Сосница, Стронин, Судвих-лес, Токовища, Томыш, Трилесница задняя, Туровье, Угол, Упильное, Хлана, Хмели, Цепка долина, Черемушное, Черемушные горки, Шаховая стружка [8, с. 108–117; 215; 219; 282–284; 299; 300; 302; 382; 383; 523; 533; 546].

События развернулись так, что королева Бона в 1556 г. уезжает на родину в Италию. Ее земли перешли к Сигизмунду II Августу. Сигизмунд II Август (сын Сигизмунда I и Боны Сфорцы), вскоре после вступления на престол (в 1548 г.), предпринимает повсеместное измерение и описание своих имений с четким установлением их границ и ликвидацией чересполосицы. Делалось это с согласия, а порой и по принуждению частных землевладельцев, земян и духовенства.

Исполнителям воли короля (в качестве руководства) в 1557 г. была издана «Устава на волоки Господара Короля его милости у во всемъ князстве Литовском». «Устава» имела обязательную силу для всех частных владельцев при определении размера крестьянских повинностей. Таким образом, земли теперь уже Пинского старства еще раз были подвергнуты волочному измерению.

Процедура установления повинностей

Первое письменное упоминание о Мотоле относится к 1452 г. В Литовской метрике имеется дарственная грамота великого князя Казимира Сапеги пану Дарку: «За паном Дарком 14 человек в Мотоли...» [7, с. 94].

Во время первой ревизии земель Пинского и Клецкого княжеств для жителей Мотоля были сделаны налоговые облегчения. Главным событием была раздача земли королевским крестьянам. Лишняя земля отдавалась в пользование крестьянам частных землевладельцев и лицам других сословий: мещанам, земянам и духовенству. Все, кто брал землю, особенно новые поселенцы, освобождались на год, два, пять и даже шесть лет от повинностей. Установленной нормы надела не существовало, поэтому каждый мог брать столько земли, сколько хотел и сколько мог обработать. Количество принимаемой земли представителем любого сословия зависело от того, кто брал эту землю. В писцовой книге это подтверждается постоянно повторяемым словом «принял».

Свою особенность имела и процедура установления повинностей. Повинности определялись не по числу дворов или душ, а по количеству и качеству получаемой в надел земли. По степени качества земли разделялись на три категории: хорошая, средняя и плохая. Повинности за пользование этими землями делились также на три вида: издельная, денежная и натуральная. Издельная повинность, или тяглая служба, устанавливалась одинакового размера за любую волоку земли, какого бы качества она ни была. Каждый должен был отрабатывать по два дня в неделю с чем прикажут (с волами или лошадьё, с косой, серпом, сохой и т.д.). Те, кто имел половину волоки, отрабатывал один день, а кто имел еще меньше (особенно кто имел застенки), отрабатывал урок, т.е. выполнял единовременные работы без постоянной службы и других повинностей. Тяглые крестьяне, которые имели хорошую землю, кроме издельной повинности, должны были выплачивать за волоку 20 грошей чинша и давать одну солянку (2 четверти) ржи или 10 грошей, 2 солянки овса или 10 грошей, а всего 40 грошей (литовский грош в половине XVI в. равнялся 6½ русским серебряным копейкам).

Те, кто имел хорошую землю, за волоку выплачивали 15 грошей чинша, одну солянку ржи или 10 грошей, одну солянку овса или 5 грошей, а всего 30 грошей. Те, кто

имел плохую землю, за волоку выплачивали 12 грошей чинша, одну солянку ржи или 10 грошей, а всего 22 гроша.

Описанные выше преобразования были проведены и в Мотоле. Мотоль, или Мотыль, до 1554 г. был селом, в котором жили королевские крестьяне с землянскими и занимались тяглой службой. В 1554 г. Хвальчевский по распоряжению королевы Боны выселил землянских крестьян на остров (на другую сторону Мотольского озера). В этом же году село Мотоль было переименовано в местечко, которое освобождалось на два года от повинностей, а его жители получили статус мещан.

Новому местечку было выделено 999 протов (1 волока, 3 морга и 9 протов) усадебной земли. Из этой площади земли 544 прута передавалось на чинш, 30 протов отдавалось войту, 15 священнику и 410 протов оставались нерозданными. Отводилось 75 огородов (по одному моргу каждый). 63 огорода передавалось на чинш, 3 было отдано войту и 9 оставались нерозданными.

Пахотной и сенокосной земли было выделено 34 волоки, 16 моргов и 22 прута. Из этого количества 28 волок, 2 морга и 25 протов земли передавалось на чинш. Одна волока, 20 моргов и 17 протов земли оставались нерозданными. Со всех обмеренных и розданных жителям Мотоля земель уплачивалось 29½ коп грошей.

К 1554 г. в Мотоле было пять улиц и одна православная церковь с двумя священниками: Богданом Поликарповичем и Богданом Малищичем. Городским войтом был Станислав Шинвальский [8, с. XXX].

Вторая ревизия (теперь уже Пинского староства, куда входил Мотоль) проводилась через девять лет. Король Сигизмунд II Август с целью более правильного устройства королевских крестьян и улучшения сбора королевских доходов повелел провести в 1561–1566 гг. волочное измерение королевских земель, организовать трехпольное хозяйство и равномерное распределение поземельных наделов, или, другими словами, провести новую аграрную реформу «валочная памера» Пинского староства. Цель таких административно-хозяйственных мер Сигизмунд II Август выразил в письме к пинскому старосте С. Довойне: «Поведаемъ тебе, ижъ для лепшого покоя межи подданныхъ нашихъ и для постановенья платовъ и пожитковъ нашихъ господарскихъ умыслили есьмо расказати въ старостве твоёмъ Пиньскомъ, яко и въ иныхъ замкохъ и дворехъ нашихъ земли подданныхъ на волоки въ три поля розмерити и поровняти». Поручение короля было выполнено королевским дворянином (в ВКЛ и Речи Посполитой это шляхтич, который служил при дворе великого князя или короля) Лаврином Войною (позже пинский староста) [5, с. 14].

К 1566 г. в состав Пинского староства входило 105 сел, 2 местечка и один город – Пинск. Пинск и села имели более 1 437 волок земли, или 27 300 десятин. Сюда не включались спорные с духовенством и землянами земли. Общего налога население указанных территорий (без учета натуральных повинностей) уплачивало более 1 160 коп литовских грошей, или более 69 600 литовских грошей.

В административном отношении Пинское староство было разделено на восемь войтовств: Купетицкое, Паршевицкое, Чернчицкое, Курелицкое (Кужелицкое), Дружиловское, Христиболотское, Кигировское и Хоенское. (Войтовство – административно-хозяйственная единица в ВКЛ в XV–XVIII вв. В войтовство входила одна или несколько деревень, которые чаще всего составляли небольшое хозяйственное владение на великокняжеских землях). Мотоль входил в Дружиловское войтовство. Во главе каждого войтовства стоял войт из крестьян. Кроме указанного административно-территориального деления было еще и волостное деление. На период 1561–1566 гг. в Пинском старостве было три волости: Пинская, Вядская и Заречная. Для более эффективной организации хозяйственной деятельности были образованы фольварки (вид феодального земельного владения в ВКЛ и Речи Посполитой: двор феодала с комплексом строений

и угодий). Таких фольварков в Пинском старостве было четыре: Селецкий, Ставецкий, Дружиловский и Стыгический. Фольварками руководили управители. Для обработки фольварочной земли использовались батраки, или прежняя невольная челядь, получившая название огородников.

В войтовство Курелицкое входили следующие села: Куреличи, Гневчичи (нынешние Гневчицы), Гутово, Великая Глинная, Ворочевичи (нынешние Вороцевичи).

В войтовство Паршевицкое входили села: Паршевичи, Кошевичи, Богушево, Соловы, Ляховичи, Понятичи, Бродница, фольварок Ставок.

В войтовство Дружиловское входили села: Дружиловичи, Трилесица (нынешние Трилиски), Пнюхи, Псищево (нынешнее Псыщево), Старая Осовница, Малая Осовница, обруб Язвинки, местечко Мотоль, урочище Папоротница, обруб-урочище Скотовище.

В войтовство Хоенское входили села: Старые Кони, Погосто, Хвойно, Житковичи, Потаповичи, Кончичи, Иванкевичи, Прикладники, Омутувичи, Сваловичи, Бучин, Задолжье, Кухче, Хранин, Озерцы, Марочна, Сенчичи, Жидче, Коморы, Семехевичи, местечко Нобель, дворище Потаповское, дворище Путяловское [5, с. 16].

Наделы в местечке Мотоль

Основной единицей измерения подворного крестьянского надела была признана волока, состоящая из 30, 33 и более моргов, разделенных на три равных поля. Волока равнялась 30 моргам, но по причине того, что в Пинском старостве почвы были слабоурожайными, то тут волока равнялась 33 и более моргам. Лишняя земля, которая оставалась после проведенных измерений по предложенной схеме и установленной норме, по желанию крестьян продавалась им или раздавалась бесплатно. Строго фиксированными были пахотные (полевые) наделы, а сенокосы, пастбища и выгоны оставлялись крестьянам в размерах, которые были на время проведения учета земельных угодий. Поэтому сенокосы, пастбища и выгоны у крестьян были неравномерны.

Каждая волока облагалась повинностями, которые были разнообразными. Частично их наличие и названия были обусловлены существовавшими в то время обычаями. Но в большей степени повинности зависели от качества почвы и от имущественного статуса работника. В отдельных случаях в писцовую книгу кроме сведений о наличии земли включались сведения о наличии крупного скота – волон и лошадей.

Как было отмечено выше, в войтовство Дружиловское входило местечко Мотоль, или Мотыль. Местечко располагалось на площади земли более 2 волок, или 38 десятин. В нем было 8 улиц (Старо-Берестейская, Глушецкая, Спасская, Пинская, Минская, Осовницкая, Ново-Берестейская и Млыновая), 178 усадеб (отдельный дом с прилегающими к нему строениями и угодьями), из которых 57 были свободными. За всю землю, находящуюся под усадьбами, жители Мотоля платили 7 коп. Расчет за нее производился по расценкам города, т.е. за один селитебный прут 5 пенязей, огородный – 2½ пенязя и один полевой прут 1 пенязь. (Селитебная территория – это земли, принадлежащие для строительства жилых и общественных зданий, дорог, улиц, площадей в пределах городов и местечек).

Волочных наделов, т.е. наделов для ведения земледелия, было 40. К этим наделам добавлялось еще два обрuba: урочище Папоротница (9 волок земли) и урочище Стоковище (9 волок земли). Кроме этого в пользовании мещан Мотоля находились застенки (7 волок земли). В целом под полями и сенокосами местечка находилось более 65 волок, или более 1 235 десятин. Если сравнивать с Пинском, то в местечке Мотоль земли было больше на 235 десятин. За пользование полевыми землями мещане Мотоля платили чинш 55 грошей за одну волоку [9, с. IX].

В период второй ревизии (через девять лет после первой) в Мотоле было уже четыре православные церкви: Спасская, Пречистенская, Петровская и Воскресенская

[9, с. IX]. В период ревизии (1561–1566 гг.) земля в местечке Мотоль раздавалась мещанам. Лаврин Война, как главный исполнитель повеления короля Сигизмунда II Августа, в отдельных местах Мотоля оставлял старые усадьбы, а в других местах разбивал новые.

На старом месте оставался рынок, под него отводилось 1 морг и $2\frac{1}{2}$ прута земли. Границами рынка были: с южной стороны улица Старо-Берестейская, продолжением которой была улица Пинская; с северной стороны реки Пилина и Ясельда; с западной – православная церковь и с восточной стороны границей рынка была Васильева пасека. Вокруг рынка находилось 24 усадьбы (плаца), заселенных ранее. Они занимали общую площадь $8\frac{1}{2}$ прута. Из них 3 усадьбы были свободными. Каждая усадьба имела селитебную и огородную землю. Так, хозяевам 21 ранее заселенной усадьбы принадлежало $69\frac{1}{2}$ протов селитебной и $70\frac{1}{2}$ протов огородной земли. Огородная земля в общую усадебную площадь не включалась [10, с. 43].

В результате проведенной ревизии были разбиты и новые земельные усадьбы. С южной стороны рынка такие усадьбы получили:

1. Станислав Шимвальский, войт – 8 протов селитебной земли и $2\frac{1}{2}$ прута огородной земли.

2. Михаил Онисимович – 4 прута селитебной земли.

3. Степан Климович – 3 прута селитебной земли.

4. Андрей Климович – 3 прута селитебной земли.

С западной стороны рынка новые участки получили:

1. Агафон Онанчич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.

2. Иван Савич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.

3. Пашко Лукич – $1\frac{1}{2}$ прута селитебной и 2 прута огородной земли.

4. Дмитрий Семенович – $1\frac{1}{2}$ прута селитебной и 2 прута огородной земли.

5. Петр Елисеевич – $1\frac{1}{2}$ прута селитебной и 5 протов огородной земли.

6. Василий Жукович – $1\frac{1}{2}$ прута селитебной и 2 прута огородной земли [10, с. 41].

С северной стороны рынка новые усадьбы получили:

1. Матвей Мальшич – 5 протов селитебной и 5 протов огородной земли.

2. Кирилл Данилович – 3 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

3. Яков Иоцевич – 3 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

4. Денис Ивашинец – 3 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

5. Михаил Онацевич – 3 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

6. Матвей Гатинец – 3 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

7. Андрей Степанович – 3 прута селитебной земли.

8. Александр Петрович – 3 прута селитебной земли.

9. Дмитрий Семенович – $2\frac{1}{2}$ прута селитебной земли.

10. Михаил Созонович – 2 прута селитебной земли.

С восточной стороны рынка новые усадьбы получили:

1. Савва Нестерович – 2 прута селитебной и 6 протов огородной земли.

2. Богдан Юдич – 3 прута селитебной земли.

3. Осип Олешкович – 3 прута селитебной земли.

4. Созон Нестерович – 3 прута селитебной и 6 протов огородной земли.

По Старо-Берестейской улице, если идти с рынка на Запад, по левой стороне новые усадьбы получили:

1. Елисей Созонович – 3 прута селитебной и 6 протов огородной земли.

2. Григорий Пожега – 4 прута селитебной и 6 протов огородной земли.

3. Андрей Сеневич – 4 прута селитебной и 4 прута огородной земли.

4. Богдан Радкович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.

5. Мартин Филиппович – 2 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

6. Бокиан Гриневиц – 2 прута селитебной и 3 прута огородной земли.

7. Федор Жукович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
8. Богдан Данилович – 2 прута селитебной и 3 прута огородной земли.
9. Мартин Михалевич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
10. Ермак Жукович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
11. Черных Костюкович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
12. Борыс Костюкович – 1½ прута селитебной и 2 прута огородной земли.

По правой стороне Старо-Берестейской улицы усадьбы получили:

1. Евстафий Ленцевич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
2. Малуха Костюкович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
3. Ленец Яцкович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
4. Василий Каленич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
5. Федор Спорович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
6. Данило Волосович – 6 протов селитебной и 2 прута огородной земли.
7. Калиник Мисевич – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
8. Данило Жакович – 4 прута селитебной и 2 прута огородной земли.

На Старо-Берестейской улице было 23 усадьбы (плаца). Хозяевам этих усадеб принадлежало 62½ прута селитебной и 52 прута огородной земли.

Устанавливалась сумма налога за пользование такими землями. Жители Старо-Берестейской улицы за один селитебный прут платили 5 пенязей, а за один огородный прут – 2½ пенязя. Общая сумма годового налога составляла 31 грош и ¼ пенязей [10, с. 43–45].

По Пинской улице, если идти с рынка на восток, по правой стороне новые усадьбы получили:

1. Кузьма Онисимович – 2 прута селитебной и 3 прута огородной земли.
2. Яков Литвинович – 2 прута селитебной и 2 прута огородной земли.
3. Матвей Данилович – 2 прута селитебной и 3 прута огородной земли.
4. Радко Олешкович – 2 прута селитебной и 2½ прута огородной земли.
5. Иван Свиридович – 2½ прута селитебной и 2½ прута огородной земли.

На противоположной стороне улицы новые участки получили:

1. Олешко Петрович – 10 протов селитебной земли.
2. Михаил Созонович – 5 протов селитебной и 10 протов огородной земли.
3. Евстафий Фомич – 5 протов селитебной и 10 протов огородной земли.
4. Яков Есевич – 5 протов селитебной и 30 протов огородной земли.

По Пинской улице было вновь разбито 24 усадьбы (плаца), которые занимали общую площадь 110½ прута. Общая площадь огородной земли составляла 124 прута. Все, кто получал новые усадьбы по этой улице, освобождались на три года от уплаты налога. Начиная с 1565 г. они должны были платить 5 пенязей с селитебного и 2½ пенязя с огородного прута. Общая сумма налога составляла 48 грошей и 7 ½ пенязей [10, с. 47–49].

Спасская улица шла от рынка, возле церкви, на северо-запад. По правой стороне улицы, если двигаться в направлении церкви, новые усадьбы получили:

1. Макар Иванович – 2 прута селитебной и 4 прута огородной земли.
2. Борис Гриневиц – 12 протов огородной земли.
3. Фома Яцынич – 3 прута селитебной и 4½ прута огородной земли.
4. Иван Фомич – 3 прута селитебной и 4½ прута огородной земли.
5. Евстафий Фомич – 7 протов селитебной земли.

6. Богдан Малыщич, священник – 10 протов селитебной и 20 протов огородной земли.

7. Станислав Шимвальский на городище – 22½ прута огородной земли.

По противоположной стороне Спасской улицы, если идти с рынка, новые усадьбы получили:

1. Данило Романович – 5 протов селітэбной і 6 протов огородной землі.
2. Иван и Николай Романовичи – 5 протов селітэбной і 6 протов огородной землі.
3. Санец Романович – 5 протов селітэбной і 6 протов огородной землі.

Всех новых усадеб по Спасской улице выделялось 11. Хозяевам этих усадеб принадлежало 40 протов селітэбной і 85½ протов огородной землі. За каждый прут селітэбной землі платился налог 5 пенязей, а за прут огородной – 2½ пенязя. Общая сумма налога составляла 35 грошей і 2½ пенязя [10, с. 47].

Минская улица пересекалась с Пинской и шла с юга на северо-восток. Если двигаться с юга на северо-восток в сторону реки Ясельды, то по левой стороне улицы, до перекрестка с Пинской, новые усадьбы получили:

1. Станислав Войтович – 15 протов селітэбной і 15 протов огородной землі.
2. Илья Иванович – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.
3. Василий Мачинич – 5 протов селітэбной і 3 прута огородной землі.
4. Андрей Стецкевич – 5 протов селітэбной і 3 прута огородной землі.

За перекрестком с Пинской улицей новые усадьбы получили:

1. Яков Мартинович – 5 протов селітэбной і 4½ прута огородной землі.
2. Яков Олешкович – 5 протов селітэбной і 6½ протов огородной землі.
3. Демид Гриневич – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.

4. Лукьян Познякович и Демид Гриневич – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.

5. Андрей Познович – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.
6. Мартин Олешкович – 10 протов селітэбной і 20 протов огородной землі.
7. Иван Олешкович – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.
8. Семен Микулич – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.
9. Игнат Сеневиц – 5 протов селітэбной і 4½ прута огородной землі.

По противоположной стороне Минской улицы, если двигаться в том же направлении, новые усадьбы получили:

1. Ермак Хведькович – 5 протов селітэбной землі.
2. Елисей Хведькович – 5 протов селітэбной землі.

По Минской улице всего была отведена 31 новая усадьба. Хозяева этих усадеб получали 180 селітэбных і 20½ огородных протов и освобождались на три года от уплаты налога. Начиная с 1665 г. они должны были платить за один прут селітэбной землі 5 пенязей, а огородной 2½ пенязя [10, с. 51–53].

Ново-Берестейская улица пересекалась со Старо-Берестейской и шла с юга на север. Если двигаться по улице в северном направлении, то по левой стороне новые усадьбы получили:

1. Иван Сидорович – 6 протов селітэбной землі.
2. Сидор Ходорович – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.
3. Федор Жукович – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.
4. Павел Ленцевич – 5 протов селітэбной землі.
5. Семен Партыкович – 5 протов селітэбной землі.
6. Марко Гриневич – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.
7. Константин Ячинич – 5 протов селітэбной землі.
8. Данило Волосович – 5 протов селітэбной і 10 протов огородной землі.
9. Василий Келенич – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.

По правой стороне Ново-Берестейской улицы, если двигаться в северном направлении новые усадьбы получили:

1. Степан Малышевич – 5 протов селітэбной землі.
2. Андрей Онисимович – 5 протов селітэбной і 5 протов огородной землі.
3. Григорий Ячинич – 5 протов селітэбной землі.

4. Кирилл Ячинич – 5 протов селитебной земли.
5. Яков Громадский – 15 протов селитебной земли.
6. Павел Лечевич – 10 протов селитебной земли.
7. Богдан Ячинич – 5 протов селитебной земли.
8. Афанасий Гриневиц – 5 протов селитебной земли.
9. Григорий Радкович – 5 протов селитебной земли.
10. Яков Станючич – 5 протов селитебной земли.
11. Павел Олисевиц – 5 протов селитебной земли.
12. Яков Черныхович – 5 протов селитебной земли.
13. Матвей Величкович – 5 протов селитебной земли.
14. Симон Величкович – 5 протов селитебной земли.
15. Созон Семенович – 5 протов селитебной земли.

По Ново-Берестейской улице было отведено 59 новых усадеб. Общая площадь селитебной земли, которая выделялась под эти усадьбы, составляла 326 протов, а огородной земли хозяева этих усадеб получали 40 протов. Хозяева усадеб также освобождались на три года от уплаты налога. Начиная с 1665 г. они должны были платить за один прут селитебной земли 5 пенязей, а огородной 2½ пенязя [10, с. 55–57].

Для организации земледелия мещане местечка Мотоль также получали три поля. Первые два поля находились рядом, а третье отдельно. Первая главная стена (граница) двух полей начиналась от королевского леса в урочище Ляскало, шла прямо на восток, проходила возле гуменных плацов и заканчивалась возле городских огородов. Вторая боковая стена (граница) начиналась от главной стены, шла прямо на север, проходила возле городских огородов и заканчивалась в королевской пуще. Третья стена (граница) была параллельна первой, начиналась от боковой, или от конца участков третьего поля, шла прямо на восток, проходила возле королевской пущи и Мотольских застенков и соединялась с боковой стеной возле тех же застенков. Четвертая боковая стена (граница) начиналась от стены параллельной первой или от отмеченных выше застенков, шла прямо на юг, проходила возле обруба Тристеница и заканчивалась возле Тристеницкого леса. Третье поле располагалось между первым и вторым, городскими огородами и рекой Ясельдой (Ясолдой).

Первое поле, которое находилось недалеко от Ляскальского леса, имело 40 участков, каждый из которых имел 51 шнур в длину и 7 протов в ширину, что составляло 11 моргов и 27 протов в каждом. Общая площадь поля 443 морга и 180 протов. Часть земли на этом участке была неурожайной. Второе поле располагалось рядом с первым и было ему равным. Оно также имело неурожайные земли. Третье поле имело 40 участков, оно состояло из двух прямоугольных территорий; на первой территории находилось 8 участков, а на второй 32. Общая площадь этого участка составляла 353 морга и 58 протов. Таким образом, общая площадь всех трех полей составляла 40 волок посредственной земли.

Землю жителям местечка Мотоль начали раздавать, начиная с первого поля.

1. Санец и Иван, Николай и Данило Романовичи, Степан Яцкевич – 2 волоки.
2. Радко, Жук Алексеевичи, Яков Станючич, Григорий Радкевич, Иван и Василий Жуковичи – 2 волоки.
3. Ермак Матвеевич, Евстафий и Павел Лецевичи – 1 волока.
4. Андрей Грицевич и Анания Величкович – 1 волока.
5. Семен и Метях Величковичи – 1 волока.
6. Андрей Онисимович, Фома Ячевич – 1 волока.
7. Андрей Семенович, Богдан Радкевич, Федор Данилович – 1 волока.
8. Федор Спорович, Василий Коленич, Яков Литвинович и Валентий Хильцевич – 1 волока.

9. Иван и Мартин Олисковичи – 1 волока.
10. Димитрий Семенович, Петр Елисеевич – 1 волока.
11. Михаил, Калиник Мисевичи, Мартин Филиппович и Василий Сукович – 1 волока.
12. Федор, Созон, Алексей Нестеровичи – 1 волока.
13. Богдан Поликарпович, мотольский священник, раньше имел землю и теперь ему дано столько же – 1 волока.
14. Этот же священник как чиншевик – 1 волока.
15. Гаврило Иванович – 1 волока.
16. Кузьма Онисимович, Пашко Лукич, Иван Савич, Кирило Данилович – 1 волока.
17. Войт Станислав Шимвальский – 2 волоки.
18. Войт Станислав Шимвальский как чиншевик – 1 волока.
19. Федор Жукович и Данило Якович – 1 волока.
20. Андрей, Лукьян и Марк Позниковичи и Яков Олешкович – 1 волока.
21. Данило Волосович, Сидор Ходорович, Василий Онисимович – 1 волока.
22. Малуха, Черних и Борис Костюковичи – 1 волока.
23. Агафон, Сидор Михаил Онацевичи – 1 волока.
24. Яков Иочевич, Евстафий Лечевич, Денис Ивачевич – 1 волока.
25. Семен и Игнатий Сеневици, Матвей Микулич, Яков Савич – 1 волока.
26. Василий Матфеевич, Константин Савич, Яков Матвеевич – 1 волока.
27. Евстафий и Иван Хомичи, Андрей Онисимович – 1 волока.
28. Осочник Марко Гриневич (имеет 1 волоку в обрубе Токовище) – 1 волока.
29. Осочник Борис Гриневич (имеет 1 волоку в обрубе Токовище) – 1 волока.
30. Мартин и Иван Олешковичи – 1 волока.
31. Юхна Олескович – 1 волока.
32. Созон Семенович – 1 волока.
33. Григорий Пожога – 1 волока.
34. Леон Сахович, Ананий Грицевич, Демид Гриневич, Яков и Матвей Лечевичи – 1 волока.
35. Данило Волосович и Сидор Ходорович – 1 волока.

Вокруг местечка Мотоль находилась и неурожайная земля, таковой было определено 2 волоки и 12 моргов. Эти земли находились в урочищах Передний Верх (между городскими землями, лесом Дымище и болотом Дымище), Кличев (между Ведьминным болотом и лесом Дымница), Задняя Тростяница (между местечком Токовище и Дружиловским лесом). Раньше земли этих урочищ принадлежали Даниле Волосовичу с потужниками. Неурожайные земли были также и в урочище Папоротница под Великим лесом (между обрубом Папоротница и старым полем возле леса). Раньше эта земля принадлежала Олизару Семеновичу. Неурожайные земли площадью от 2 до 4 моргов раздавались бесплатно тем жителям Мотоля, которые получали землю. Например, Ермак Матвеевич, Андрей Онисимович и Семен Величкович получили дополнительно по 2 морга земли, Андрей Семенович, Федор Спорович и Иван Олешкович по 3 морга, Федор Сукович, Андрей и Лукьян Позняковичи получили по 4 морга неурожайной земли.

Как уже говорилось, жители местечка Мотоль в соответствии с проведенной земельной реформой получали 40 волок земли, пригодной для ведения хозяйства, из которых две волоки принадлежали войту и одна церкви. Налог на эти три волоки не устанавливался. Таким образом, мотоляне имели 37 волок земли, подлежащей налогообложению, и обязаны были платить налога: чинша – 40 грошей, за толоки – 12 грошей. Налог с 37 волок земли определялся суммой 31 копа и 21 грош [10, с. 55–57].

На протяжении XVIII в. Речь Посполитая постепенно утрачивала свой экономический и политический потенциал. От года к году государство все больше ослабе-

вало и как субъект международного права. Все это привело к известным трем разделам Речи Посполитой.

Мотоль в составе Российской империи

По второму разделу (1793 г.) часть Пинского повета и г. Пинск отошли к России, Мотоль еще оставался в составе Речи Посполитой. По условиям третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.) Мотоль отходит к Российской империи. Этому разделу предшествовало восстание 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко. Санкции, которые применялись российскими властями к участникам восстания, затронули и Мотоль. Одним из наиболее активных участников восстания был Михаил Клеофас Огинский, а мотольскими посессиями владел виленский воевода, большой гетман ВКЛ Михаил Казимер Огинский. Оба они были из рода князей Огинских, владения которых были конфискованы и отданы верным русскому царю новым владельцам.

После присоединения белорусских земель к Российской империи экономическая жизнь городов и деревень попадает в новую систему социально-экономических отношений. Были проведены административно-территориальные преобразования, постепенно вводилась русская система мер веса и площадей, а также изменялись условия и формы налогообложения.

С 1795 г. земли Ивановского района входят поочередно в состав Слонимской, Литовской, Гродненской и Минской губерний. Что касается Мотоля, то с 1795 г. он в составе Слонимской, с 1797 г. Литовской, а с 1801 г. в составе Кобринского повета Гродненской губернии Российской империи [1, с. 370]. С 1798 г. Мотоль имеет статус фольварка [4, л. 2], а с 1801 г. является волостным центром и казенным поместьем [11, с. 18]. В 1886 г. в Кобринском повете была 31 волость, среди которых Одрижинская, Осовницкая, Вороцевичская, Дружиловская, Ивановская, Мотольская и Опольская.

Как отмечалось выше, после вхождения белорусских земель в состав Российской империи постепенно вводилась русская система мер веса, площадей и налогообложения. До ввода в документооборот русской системы мер использовалась система мер, существовавшая в Великом Княжестве Литовском, а документация велась на польском языке. Например, инвентарь от 1 января 1798 г. фольварка Мотоль, относившегося к Гродненскому лесничеству, составлен по образцу инвентарей ВКЛ. Так, Василий Янукевич с братом Степаном и сестрой Мариэлей имели $\frac{1}{4}$ волоки земли, 2 коровы, 3 вола, 1 коня. Из повинностей им необходимо было отрабатывать на панщине 2 дня в неделю, а 12 дней отрабатывать на общих обязательных работах. Кроме вышеназванных жителей Мотоля к Гродненскому лесничеству были приписаны: Семен Лебедь с женой и детьми Юлианной, Юстиной, Авдотьей и Магдаленой; Яков Янукевич с женой, матерью и братьями Петром, Василием и Михаилом; Григорий Сакович с женой и сыном Федором; Ян Козерко-Сакович с женой, братом Степаном и сестрой Марианной; Семен Сакович с женой Катериной, сыновьями Петром, Яном и Борисом. Вышеназванные жители Мотоля имели $\frac{3}{4}$ волоки земли и должны были отдавать в казну по завершении уборки: ржи – 5 бочек, гречки 7 осьмин, гороха – 2 осьмины, овса – 1 бочку, пшеницы – 2 осьмины, ячменя – 1 бочку, семян льна – 6 гарнцев [4, л. 2–3].

К началу XIX в. Мотоль сохраняет статус местечка, в нем меняются названия некоторых улиц, социальный состав жителей, появляются новые хозяева.

26 ноября 1802 г. местечко Мотоль передается в пожизненное владение без платежа в казну квартиры французской принцессе де Брольи-Ревель [2, л. 2]. Для учета имущества и установления нового налогообложения в 1803 г. составляется инвентарь. Согласно инвентарю в 1803 г., улицы имели следующие названия: Пинская, Брестская, Спасская, Старомлынская, Новобрестская, Глушецкая.

В середине местечка размещался рынок. С трех сторон его окружало 12 жилых домов крестьян. В центре рынка стояла униатская церковь Преображения Господня, возле нее находилась колокольня. Церковь и колокольня были покрыты гонтом и огорожены новым деревянным забором. Часть домов, окружавших рынок, принадлежали евреям. Их дома имели кирпичные дымоходы. За домами находилась старая еврейская школа, а недалеко от школы – еврейское кладбище. За кладбищем стояла винокурня и шинок, которые принадлежали евреям. Недалеко от церкви стояли две еврейские лавки, а также небольшие дома, в которых жила шляхта. Все дома имели деревянные дощатые заборы, и только отдельные имели заборы из жердей. В отдельных низких местах выкапывались каналы, насыпались валы и делались мостки.

На берегу р. Ясельда находилось две мельницы, одна из которых была старой.

Пинская улица с двух сторон была застроена крестьянскими домами. За домами размещались огороды, частично огороженные деревянным забором.

Брестская улица также с двух сторон была застроена крестьянскими домами. За домами размещались огороды, которые были обсажены деревьями.

Спасская улица проходила позади церкви. По обеим сторонам улицы стояли дома крестьян, а находившиеся за домами огороды имели прямоугольные формы. По улице, недалеко от церкви, находился дом священника.

Улица Глушецкая шла по самому берегу озера. Улица была застроена домами крестьян. За домами размещались огороды.

Улица Старомлынская пересекалась с улицами Спасской и Глушецкой, проходила по берегу озера и доходила до вала и мельницы. На улице находились дома крестьян, а за домами тянулись огороды, обсаженные различными деревьями [2, л. 1–1об.].

Жители местечка Мотоль платили 5 основных видов налога: подымный – 136 руб. 57 коп., чоповый – 25 руб. 50 коп., поголовный – 43 руб. 50 коп., млыновый – 6 руб. 90 коп., почтовый – 40 руб. 90 коп. Общая сумма государственного налога от местечка Мотоль составляла 354 руб. 44¾ коп. [2, л. 4].

В 1803 г. в местечке Мотоль проживало 708 мещан. Из них 299 мужчин и 327 женщин. Также тут проживали евреи. В указанном году в местечке проживало 63 еврея [2, л. 29–29об.]. Первыми в инвентаре местечка Мотоль идут шляхтичи. В 1803 г. шляхтичей в Мотоле проживало 6 человек (4 мужчины и 2 женщины): Томаш Бобровский – 50 лет, его жена Марина – 30 лет; вдова Лукерия Ивашиченкова – 56 лет, ее сын Матуш – 12 лет; Иван Новицкий – 54 года.

Среди мещан в инвентарь вписаны:

1. Данила Остапа сын Малич – 44 года. Жена Дария – 36 лет. Дочь Феодора – 9 лет.
2. Пахом Трофима сын Ратиевич – 68 лет. Жена Наталия – 56 лет. Сын Андрей – 25 лет. Его жена Саламея – 18 лет. Их дочь Кристина – 1 год.
3. Иван Семена сын Данилевич – 61 год. Жена Дора – 53 года. Сын Леон – 3 года. Дочь Виктория 20 лет.
4. Михайла Григория сын Башкович – 73 года. Жена Ульяна – 60 лет. Сын Сергей – 18 лет. Его жена Настя – 16 лет. Дочь Ульяна – 41 год. Ее муж Прокоп – 41 год. Их сын Андрей – 6 лет.
5. Яков Степана сын Шиколай – 38 лет. Жена Арина – 36 лет. Дочь Марина – 9 лет.
6. Петр Степана сын Шиколай – 48 лет. Жена Марина – 48 лет.
7. Грик Василия сын Шиколай – 40 лет. Жена Марина – 40 лет. Сын Ничипор – 9 лет.
8. Якуб Федора сын Шиколай – 68 лет. Жена Грипина – 67 лет. Сын Харитон – 43 года. Его жена Параша – 38 лет. Их сын Антон 11 лет.
9. Кондрат Ивана сын Шиколай – 81 год. Жена Настасия – 81 год. Сын Михайла – 26 лет. Его жена Марина – 20 лет.

10. Федор Кондрата сын Шиколай – 48 лет. Жена Агапа – 48 лет. Сын Иван – 10 лет. Сын Демьян – 2 года. Дочь Текля – 8 лет.

11. Иван Алексея сын Михович – 48 лет. Жена Татьяна – 43 года. Зять Зинов Филимович – 30 лет. Его жена Доминика – 18 лет. Их дочь Анна – 3 года.

12. Федор Петра сын Михович – 34 года. Жена Арина – 20 лет. Брат Янко – 20 лет. Мать их Катерина – 58 лет.

13. Василий Данила сын Кузюр – 44 года. Жена Христина – 43 года. Сын Дмитрий – 18 лет. Сын Иван – 3 года. Дочь Татьяна – 11 лет. Дочь Гелена – 1 год.

14. Демьян Алексея сын Кузюр – 58 лет. Жена Ева – 48 лет. Сын Степан – 26 лет. Его жена Федора – 18 лет. Их дочь Текля – 3 года. Второй сын Федор – 15 лет. Третий сын Петр – 16 лет. Дочь Анна – 10 лет.

15. Михаил Фомин сын Михович – 58 лет. Сын Иван – 28 лет. Его жена Мария – 28 лет. Их дочь Настасия – 1 год. Второй сын Семен – 26 лет. Его жена Авдотья – 20 лет.

16. Моисей Фомы сын Михович – 54 года. Жена Авдотья – 54 года. Сын Пилип – 28 лет. Его жена Аксиния – 28 лет.

17. Иван Василия сын Михович – 48 лет. Жена Татьяна – 48 лет.

18. Степан Каленика сын Минюк – 63 года. Жена Авдотья – 48 лет. Первый сын Яким – 32 года. Его жена Параша – 25 лет. Их сын Данило – 2 года. Второй сын Иван – 28 лет. Его жена Параша – 28 лет. Третий сын Максим – 9 лет.

19. Степан Каленика сын Минюк – 58 лет. Жена Марина – 53 года. Дочь Корута – 19 лет. Дочь Федора – 13 лет. Дочь Агапа – 9 лет. Сын Антон – 26 лет. Его жена Пракседа – 20 лет.

20. Демьян Ивана сын Минюк – 58 лет. Дочь Пелагея – 3 года. Сын Яков – 28 лет. Его жена Марина – 28 лет. Брат Миколай – 10 лет. Сестра Агапа – 12 лет.

21. Иоахим Степана сын Романович – 54 года. Жена Агапа – 48 лет. Сын Павел – 17 лет. Брат Сазон – 52 года. Его жена Татьяна – 48 лет. Их сын Федор – 10 лет.

Французская принцесса де Брольи-Ревель владела местечком Мотоль до конца 1827 г., а 30 декабря 1827 г. департамент государственного имущества Министерства финансов Российской империи направляет Гродненской казначейской палате царский указ о принятии местечка Мотоль в казенное ведомство с 12 апреля 1828 г. Своим указом император Николай ликвидировал право владения местечком Мотоль французской принцессой де Брольи-Ревель. В указе отмечалось, что государственное казначейство должно ежегодно выплачивать принцессе 1 217 руб. серебром до ее смерти.

27 января 1828 г. император подписывает очередной указ «О пожаловании командиром 1-й бригады 25-й пехотной дивизии генерал-майору Бройко в Гродненской губернии местечка называемого Мотоль на 12 лет с платежом в казну квартowych денег по 217 руб. в год серебром» [2, л. 1–3]. В связи с передачей Мотоля генерал-майору Бройко в 1828 г. был составлен очередной инвентарь местечка [2, л. 30–40об.].

Заклучение

1. Инвентари местечка Мотоль середины XVI в. свидетельствуют о том, что материальный уровень и физические возможности его жителей были разными. В Мотоле жители получали разное количество земли: от 2 до 15 пругов селитебной и от 2 до 22½ огородной земли. Если учесть то, что жители получали (или брали) для организации земледелия в поле в основном по одной волоке земли, то можно предположить, что для определенной части мещан земледелие было не основным родом занятий.

2. Как видно из инвентарей, земли в местечке Мотоль, как и во всем Пинском княжестве (повете) отдавались во владение как отдельным хозяевам, так и группе съёмщиков, связанных между собой родством: отец с сыновьями, братья, дядья и племянники. К подобным группам родственников примыкали потужники, посторонние люди,

принятые для сотрудничества и совладения. Занимая сначала обособленное положение, потужники могли впоследствии слиться с группой родственников более или менее тесно.

3. Местечко Мотоль к середине XVI в. имело четкую архитектурную планировку. Улицы имели названия, а наличие четырех церквей свидетельствует о высоком культурном и духовном уровне жителей.

4. После присоединения белорусских земель к Российской империи экономическая жизнь местечка Мотоль попадает в новую систему социально-экономических и политических отношений. С 1828 г. Мотоль передается в казенное ведомство и получает нового хозяина. Мещане утрачивают все экономические льготы, которые даровала им в 1554 г. королева Бона и которые периодически подтверждались последующими королями ВКЛ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 8 : Канто–Кулі. – 576 с.
2. Библиотека Вильнюсского университета. – F 4. А 902. Инвентарь местечка Мотоль Кобринского повета за 1803 г.
3. Библиотека Вильнюсского университета. F 4. А 1020. Дело по предписанию Департамента Государственного имущества о принятии в казенное ведомство местечка Мотоля, пожалованного принцессе де Броли-Ревель в пожизненное без платежа квартиры владение, и о Всемиловейшем пожаловании того ж местечка на 12 лет с платежом квартиры командиру 1-й бригады 2-й пехотной дивизии генерал-майору Бройко.
4. Государственный исторический архив Литвы (LVIA). F. SA. – Bib. 11344. Инвентарь фольварка Мотоль. 1798 г.
5. Горбацкий, А.А. Административно-хозяйственное устройство земель Ивановского района Брестской области во второй половине XVI в. / А.А. Горбацкий // Вісник Брэсцкага ўн-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 14–22.
6. Калечыц, А.Г. Старажытная Янаўшчына / А.Г. Калечыц. – Брэст : Выд-ва Брэсцкага ўн-та, 2001. – 106 с.
7. Литовская метрика. Ч. 1. Т. 1. : Спб. : Сенатская типография, 1910. – 871 с.
8. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 г. – Вильна : Типограф. А.Г. Сыркина, 1884. – 714 с.
9. Писцовая книга бывшего Пинского староства составленная по велению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостой Лаврином Войною. Ч. 1. – Вильна : Типография А.И. Зака, 1874. – 421 с.
10. Писцовая книга бывшего Пинского староства составленная по велению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостой Лаврином Войною. Ч. 2. – Вильна : Типография А.И. Зака, 1874. – 599 с.
11. Стасевіч, П.С. Вёска над Ясельдай : Гіст.-краязн. нарыс / П.С. Стасевіч. – Мінск : Полымя, 1991. – 101 с.

Gorbatski A.A. Motol in the Historical Memory

The author of the article analyzes features of the land reform pursued in the middle and the second half of the 16th century in Pinsk Poviats of Grand Duchy of Lithuania focusing on the little town Motol. The undertakings are shown, which enabled to conduct land reforms in Motol, and to establish a new system of duties. The lists of residents of Motol are provided, who got new manors, and also the lists of those who received the land for farming.

The second part of the article deals with certain transformations in Motol occurring after the three partitions of Poland in the first half of the 19th century.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.02.2013

УДК 327.0 (034)

М.В. Стрелец, О.А. Обуховская

**ЕВРЕЙСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ НОВОГО
ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ТИПОГРАФИИ В ЗУЛЬЦБАХЕ (ОБЕРПФАЛЬЦ)
(часть 1)**

В белорусской исторической науке отсутствуют специальные работы, посвящённые еврейским типографиям. Между тем это уникальный пласт еврейской истории. Авторы настоящей статьи попытались частично восполнить указанный пробел, обратившись к истории еврейской типографии в г. Зульцбах. Типография в Зульцбахе имела широкую известность и популярность как одна из небольших еврейских типографий и, несмотря на невысокое качество печати, выпускала многочисленные работы светской и религиозной литературы, способствуя тем самым дальнейшему развитию типографского дела в Германии. Свобода от местного колорита издания и общедоступность предопределили существование этой типографии на протяжении без малого двух веков. Опыт её функционирования не может не заинтересовать историков, культурологов, лингвистов, литературоведов, религиоведов.

Введение

В белорусской исторической науке отсутствуют специальные работы, посвящённые еврейским типографиям. Между тем это уникальный пласт еврейской истории. Авторы настоящей статьи попытались частично восполнить указанный пробел, обратившись к истории еврейской типографии в г. Зульцбах.

Известно, что наиболее крупные центры еврейского книгопечатания: Амстердам, Венеция и Прага – сделали себе имя благодаря не только высокому качеству содержания их печатных изданий и нового, точно разработанного комментария к изданиям Библии и Талмуда, но и высочайшему типографскому качеству, которому пытались подражать другие скромные типографии и которое сегодня считается самым высоким достижением. Согласование содержания и формы может быть достигнуто только у того издательства, которое располагает достаточными средствами. В еврейском мире печати было мало тех, кто сумел это обеспечить в течение продолжительного времени. Большинство еврейских печатников работали на низком уровне, как это было в случае с Зульцбахом. Авторы в итоге показали, что (в противовес известным типографиям из Амстердама, Праги, Венеции) в Зульцбахе появился новый вид типографий, который оставался свободным от местного колорита издания и к тому же был общедоступным, что обеспечило ему долгую и богатую издательскую жизнь.

Цель публикации – проиллюстрировать на примере типографии в Зульцбахе общее и особенное в развитии еврейских типографий в новое время.

Упоминания о еврейской типографии в Зульцбахе в специальной и мемуарной литературе

«Пожалуй, нет второй еврейской типографии в германских странах того времени, которая завоевала бы такую репутацию и известность у масс, как типография Зульцбаха. Ее популярность была неоспорима с 1730 по 1830 гг.; в непрерывной последовательности сменяли друг друга равные работы мирской литературы отчасти в бесчисленных, часто не более, чем для рассмотрения тиражах: молитвенники всех времен и для многих обрядов, Талмуд, Мишна, пятикнижие, еврейско-немецкая женская литература, нравоучительные религиозные книги, пророки и агиографы».

Этими словами открывает доктор Магнус Менахем Вайнберг, раввин Зульцбюрга (Оберпфальц), свою монографию «Еврейская типография в Зульцбахе (1669–1851)», которая была издана во Франкфурте в 1904 г. [1].

После этой подробной работы в 1923 г. и 1930 г. последовали две работы, которые дополняют наши знания об этом известном центре иудейской печати [2; 3]. Над ними работали Арон Фрайман, библиотекарь древнееврейского отдела университетской библиотеки во Франкфурте-на-Майне, и Йозеф Прис из Мюнхена. Последний владел большим собранием печатных изданий Зульцбаха, которое сегодня находится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене. Краткий обзор об истории этой типографии дает последняя появившаяся статья Михаэля Шнэбергера [4].

В этих работах нам представлены исторические обстоятельства, которые побуждали Кристиана Августа герцога Пфальц-Зульцбаха поселить евреев в незаметном месте и некоторым из них предоставить привилегию печати [5]. Точно так же мы можем пролистать в общей сложности 701 приведенное наименование, которое до сегодняшнего дня еще не было зарегистрировано в издании, тираже, нумерации страниц, тематике и месте издания. Две немецкие библиотеки, которые были упомянуты ранее, владеют сегодня богатым фондом экземпляров этой типографии.

Дальнейшие упоминания о еврейской типографии Зульцбаха можно найти у национального писателя Израиля Хаима Нахмана Бялика (родился в 1873 г. в деревне Рады на Волынщине и умер в 1934 г. в Вене). Х.Н. Бялик много лет сам был издателем и старался собрать богатство иудейской литературы и выпустить в новой и привлекательной форме для молодого поколения. В некоторых его статьях о еврейской книге и некоторых новых еврейских публикациях начала XX столетия он имел обыкновение использовать объективность написанных еврейских текстов, которые он запоем читал в ранней юности и принял всей душой. Воодушевленно описывал он цвет бумаги, запах напечатанных страниц, форму и качество напечатанных букв в тетрадах, книгах и газетах, которые он с упоением читал. В своей написанной на еврейском языке статье о двух важнейших еврейских газетах Хаскалы он описывает типографию Зульцбаха, с которой познакомился еще будучи молодым читателем печатных работ [6]:

«Каждая книга, которая попадала в мои руки, оставляла свой след – раскраска ее страниц запоминалась в моей памяти в первую очередь, я не мог затем больше различать саму книгу и ее цвет. Книга и ее цвет сливались в единое целое, накладывая отпечаток на все место издания.

Житомир, к примеру, я рисовал себе как город, который имеет одну единственную плоскость. Там всегда сияло солнце, жители города были всегда одеты празднично, все в хорошем настроении и милы друг с другом, веселые и радостные. Совсем по-другому Славиту: всегда туман. Если шел дождь и были пасмурные дни, по ее улицам протягиваются колеи, и канавы наполнены мутной водой. Все ее жители показывают язвительные гримасы и озлобленные души, страдают из-за плохих зубов и раздраженного кишечника. Какой контраст с Зульцбахом! Город Зульцбах – окруженный пастбищами, где пасется стадо овец и крупного рогатого скота. Я почти мог бы слышать колокольчики на шеях скота и жевание при поедании травы...

А вы знаете почему? Бумага печати Житомира была белой, светлой и гладкой и черные буквы сияли на ней, в отличие от Славиты, где она была тусклой, грубой и пропитанной водянистыми каракулями. Бумага из Зульцбаха была затасканной, растрепанной и с тонким, мягким пухом, как трава. В этом пуху скрывались грубые и тонкие буквы, имеющие коричневатый цвет, из-за возраста...

Позднее, когда я уже вырос, мне стало ясно, что мое инстинктивное воображение немного искажило реальность. Житомир, к примеру, хоть и чистый город, но его жители ни дружелюбны, ни в хорошем настроении. Славита – окружена сосновыми лесами и ее посещают больные туберкулезом. А Зульцбах изготавливает, как оказалось, хорошее пиво и выращивает толстых свиней» [7 с. 193–199].

Ключевые детерминанты функционирования типографии, наиболее значимые вехи её истории

Перспективы одного молодого мечтающего писателя, как и перечень большинства дохода от печати этого города, пробудили любопытство. Как получилось, что этот город стал одним из самых важных мест еврейской печати? Как можно определить издания этой типографии?

Виттельзбахерский граф герцог Кристиан Август (1622–1708), который в 1641 г. был назначен герцогом Пфальц-Зульцбаха, был толерантным правителем, в конце Тридцатилетней войны сделал Зульцбах духовным центром. Он интересовался мистикой и каббалой. В 1656 г. в Вюрцбурге он принял католическую веру вместо протестантской, однако позволил жителям герцогства оставаться в своей вере. В 1666 г. он разрешил евреям поселиться в Зульцбахе. В 1664 г. предоставил кальвинисту Абрахаму Лихтенталеру, а в 1669 г. наборщику из Праги Исааку Коену бен Йехуде (Йудельсу) привилегию печатать еврейские книги в Зульцбахе [8]. Вместе с другими работниками из Праги они издали 2 книги, которые были напечатаны при Лихтенталере. Вторая книга Йудельса считается пропавшей. В 1931 г. мюнхенский раввин доктор Йозеф Прис сообщает о двух других изданиях того времени [9].

В 1684 г. Мозес бен Ури Шрага Блох пытался открыть еврейскую типографию в Зульцбахе. Усердный торговец Мозес Блох был основателем еврейской общины Зульцбаха. В его доме встречались для молитвы, так как до 1687 г. в Зульцбахе не было синагоги и, следовательно, рассчитывать можно было только на частные помещения. Первой книгой его типографии была основополагающая книга Каббалы, Зохар (на иврите – мерцание, свет), которая была издана в 1684 г. Вместе с герцогом Кристианом Августом в этом издании, восьмом по счету с 1558 г., принимали участие также оба последователя его мистического учения. Франциус Мерсус ван Хельмонт (1614–1699) и Кристиан Кнорр фон Розенрот (1636–1689) снабдили это красивое издание введением на латыни и поддержали финансово. Более 30 изданий появилось в скромной типографии Блоха, что свидетельствует о его больших амбициях. Вайнберг установил: «Нет другого издателя Зульцбаха, который бы напечатал из пресса так много книг, которые обращаются к религиозной или более и менее научно образованной публике, как он» [10, с. 26–33]. После его смерти в 1694 г. типографией занимались его два старших сына, Файстл и Мозес, до 1699 года.

Третий член типографии Зульцбаха, Аарон бен Ури Липманн Фрэнкель, издавал книги при уже существующей типографии Мозеса Блоха. Аарон Фрэнкель был родом из образованной семьи раввинов из Вены, которая после высылки из столицы в 1673 г. оказалась в Зульцбахе. Богатая детьми и родственниками семья Аарона Фрэнкеля также была состоятельной. Это облегчило им получение скромной типографии умершего Блоха и улучшение изданий по части содержания и набора. Таким образом, он единственный печатник Зульцбаха, которой использовал пергамент и дорогую бумагу. Кроме того он держал в Фюрте склад книг, который до 1800 года служил местом отправки и сбыта.

Младший сын Аарона Фрэнкеля – Залман Мэшуллам – после кончины отца в 1720 г. принял его дела. Под его руководством в Зульцбахе начался расцвет печати. Прежде всего из-за ежегодно печатаемых календарей в книжном и стеновом формате, которые принесли ему славу и признание. Его издательство расширялось, он построил для своих семи печатных машин здание, которое сохранилось и по сей день. Кроме того он владел собственным литейным цехом и использовал, по его утверждению, 33 тюка бумаги (около 16 500 печатных листов) для издания своих книг. Руководство Зульцбаха обязало еврейских печатников покупать необходимую бумагу у ближайшей бумажной фабрики в Зиграсе. Изделия бумажной фабрики часто критиковались Залманом Мэшулламом. Этим можно было объяснить скромное качество изданий Зульцбаха. Зал-

ману Мэшулламу удалося напечатаць у Зульцбаху два поўных выданьня Талмуду і тым самым прославіць Зульцбах як месца пэчаты. Пасля яго пэчатнае дэло прыйшло ў упадак.

Сыноўя Залмана Мэшуллама Аарон і Нафталі выступілі ў 1764 г. ў якасьці кампаньёнаў і сталі вэст дэла. У 1772 г. дарогі сыноўей разошліся. Аарон владэла тыпаграфіяй, а Нафталі, які не многа абладала спэсэбнасьціма к торгавлэ і вэдэнію дэла, пэрэшэл на рабату ў кантору внэ Зульцбаху. 30 лэт спустя старэй Нафталі, абніцаваўшы і ішчущы пэмашці, вэрнулэся назад ў Зульцбах і прасіл яго прыняць. Яго жэланіэ было выполнэно дэтэма старшаго брата. Дэ 1785 г. Аарон Фрэнкэль вэл дэла адін. У 1786 г. яго старшы сын Зэкэль выступіл ў якасьці кампаньёна прэдпрыятія. С 1795 г. дэ 1819 г. Зэкэль бэн Аарон, самы абразаванны з пэчатнікоў Зульцбаху, управлял прэдпрыятіэм адін. У ісполнэніэ баварскаго ўказа 1813 г. вэсе сыноўя Аарона Фрэнкэля прынялі фамілію Арнштайн.

Паслэдняя глава еврэйскай тыпаграфіяй ў Зульцбаху пэвэстувэт о фірме «З. Арнштайн і сыноўя», котарая сущэствовала с 1819 пэ 1851 г. У гэтой торгавой фірме рабэталі сыноўя Зэкэля, Эліас і Саломон, вмісэе с іх отцом. Дажэ распад фірмы нэ прычініл врэда тыпаграфіяй, она прэдоджала сущэстваватэ дэ 1851 г. Большой пэжар, котарый ў 1822 году разрушыл большую частэ Зульцбаху, нэ імэл значытэльных пэслэдствы для дэятэльнастэ тыпаграфіяй. Хоця вэсе бухгалтэрскіэ кнігі і дэкумэнтэ сталі жэртвой агня, вэскорэ было вэсе заново создало і напэчатано. Однако два слэдуючы прэісшэствія прывэлі к гібэлэ тыпаграфіяй: прыняты ў 1800 г. Австріяй запрэт на імпорт для вэсех напэчатаных за грэніцэй еврэйскіх кніг і развэтіэ новых торгавых цэнтрэв і пугэй, что прывэлэ к снужэнію інтэрэса к пэчаты Зульцбаху.

Колічэствэ пэявівшыхся ў тэчэніэ пэчты двухсотлэтнэй дэятэльнастэ кніг впэчатляэт. Пэ сравапнію с другіма выдэающыміся тыпаграфіяма, такіма как Амстэрдам (около 2 850 наіменованій), Вэнеція (2 246), Прага (1 584) ілі самы молэдой тыпаграфіяй – ў Вільно (1 196), крошэчны Зульцбах гордо стоіт на пятэом мэстэ срдэі еврэйскіх тыпаграфіяй ў історія еврэйскай кнігі. Эслі крупныэ мэста пэчаты навязываліся чэрэз разнаобразіэ пэявівшыхся тэм, отчэтлівым тыпаграфічэскім качэствэм, новаторскіма ізданіяма, как, к прімэрэ, ізданія с коммэнтаріяма к Талмуду ілі Бібліі, так гэе отсуствовало пэ большэй частэ ў пэчаты Зульцбаху. Мэжду стрэкама монографіяй чітатэль мэжэт прочітатэ, что качэствэ пэчаты нэ вэсгдэ было прэкрэсным, часто встрэчаліся ошібкы, а іллустраціяй были скуднымі. Ізданія Зульцбаху были как раз дэступным массовым прэдуктом для молящыхся, малэобразованных і для сэмей, котарыэ хотэлі прэводітэ шірэкоформатныэ большыэ літургіэ вэчэра Пэсхі.

Оні былі пэхожы на многыэ дарогыэ прэжскыэ ізданія. Такжэ прэктічныэ справочнікы, как, к прімэрэ, прэвіла Шаббата, прэдпісанія к Шэхтэн ілі калэндары для пугэшэствуючых вэздэ еврэйскіх торгавцэв – вэсе гэе было хорэшо прэдуманной стратэгіяй тыпаграфіяй Зульцбаху, чтобы прывлэчэь как мэжно большэе пэкупатэлэй.

Впэчатляющэй явлээтэся і пэпытка пэчатнікоў Зульцбаху, пэрэіздатэ Талмуд. Пэрвыма жітэляма Зульцбаху, котарыэ пэпыталіся гэе сдэлатэ, былі наслэднікы умэршаго Мозеса Блоха, пэчатніка ізданія Зохара. Вдова і еэ сыноўя пэрэіздэлі ў тэчэніэ 1684 г. ў общэй сложності 8 трактатов: Бава Меція, Бава Кама, Бейца, Чагіга, Кетубот, Макот, Рош Хашана і Масэчэт Пурім, прічэм послэдній был прэсто фарсом, котарый служіл для обучающыхся развлэчэніэм на прэзднік Пурім. У 1699 г. пэслэдовалі два дальнэйшых трактата пэчатніка Аарона бэн Урі Ліпманна. У 1755 г. пэявілся трактат Бэрахот, ізданный Мэшулламом Залманом бэн Аароном Фрэнкэлем, котарый ў послэдуючыэ годы пэтыалэся пэлноствэу іздатэ Талмуд. Как заявлялі Вайнбэрг і Шнэбэргер, гэе было сывязано со многіма прэпятствіяма, пэтому что ў гэе врэмя сэмья пэчатнікоў із Амстэрдама Пропс пэтыалэся выпустітэ собствэнноэ ізданіэ Талмуду. Прі пэмощі раввінов с обэіх сторэв – пэчатніка Зульцбаху і сэмьи Пропс – послэ

1763 г. возникла борьба издателей, которая сопровождалась пасквилями и объяснительными письмами. Подводя итог, следует отметить, что издание Зульцбаха, равнодушно-го к попытке издательства Амстердама, более скромное издание. Издание Пропса отличается дополнениями и большим количеством комментариев, типографски более наглядное, а качество бумаги и печати более ценное. Различия не были упомянуты во время споров. Речь шла лишь о праве, в дальнейшем разрешить издавать Талмуд Зульцбаха и самоутвердиться с экономической точки зрения.

В XIX столетии стало очевидным, что сбыт в Зульцбахе и экономическая эффективность предприятий печати стоят на первом плане, нежели качество содержания печатных изданий: экономически отдаленное местоположение Зульцбаха и запрет на импорт в Вену были непреодолимыми препятствиями для зульцбахских печатников, наборщиков, переплетчиков и других работников. Последнее издание Зульцбаха – молитвенник 1851 г. – заканчивает почти 200-летнюю историю необычного издательства, которое возникло по политико-экономическим причинам, приведшим в конечном счете к прекращению его деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Im Commissionsverlag von A.I. Hoffmann. – Frankfurt a. M. 1904.
2. Jahrbuch der Jüdisch-literarischen Gesellschaft, 15. – S. 125–155.
3. Jahrbuch der Jüdisch-literarischen Gesellschaft, 21. – S. 319–370.
4. Schneeberger, M. Jüdische Landgemeinden in Bayern (14). Im Schatten des Buchdrucks – die Geschichte der Sulzbacher Juden / M. Schneeberger // Jüdisches Leben in Bayern 100. – 2006. – S. 23–31.
5. Weinberg, M. Geschichte der Juden in der Oberpfalz. V. Herzogtum Sulzbach (Sulzbach und Floss) M. Weinberg // Schriften der Historischen Kommission des Verbandes der Bayerischen Istraelitischen Gemeinden II. – München, 1927. – S. 5–71.
6. Йешайяху Виноград «Иерусалим 1993 – 1995 гг.», Зульцбах.
7. «HaMeliz, haZefirah weZewa haNejar» [«Die Zeitschrift, der Fürsprecher, die Epoche und die Farbe des Papiers»] // Ch.N. Bailik: Diwrei sifrut [«Literaturstücke»]. – Tel Aviv, 1965. – S. 193–199.
8. Ebd., S. 194.
9. Finke, M. Sulzbach im 17. Jahrhundert. Zur Kulturgeschichte einer süddeutschen Residenz / M. Finke. – Regensburg, 1997. – S. 242.
10. Die ersten Sulzbacher hebräischen Drucke (1669–1670) // Mitteilungen der Soncino-Gesellschaft 7–10 März, 1931. – S. 26–33.

Strelets M., Obuhovskaja O. Jewish Printing Office in the Context of Realities of Modern Times on the Example of Printing Office in Zultsbahe (Oberpfalts) (part 1)

In the Belarusian historical science there are no special papers devoted to Jewish printing offices. Meanwhile, it is irreplaceable stage of Jewish history. The authors of this article attempted to partially fill this gap by turning to the history of Jewish publishing office in Sulzbach. The publishing office in Zultsbahe had fame and popularity as one of the small Jewish publishing houses and, despite the poor quality print, produced numerous works of secular and religious literature, thereby contributing to the further development of the printing business in Germany. Freedom from local color publication and accessibility predetermined the existence of this printing house for nearly two centuries. Experience of its operation can not fail to interest historians, anthropologists, and linguists, literary, religious.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.02.2013

УДК 930.(476)

А.А. Савіч

АСОБЫ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНА-ВЫЗВАЛЕНЧАГА РУХУ (1921–1939 гг.) У АСВЯТЛЕННІ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1990–2000-х гг.

У артыкуле на падставе шырокага кола гістарыяграфічных крыніц даследаваны пытанні адлюстравання месца і ролі дзеячаў заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага руху 1921–1939 гг. у працах айчынных гісторыкаў. Савецкая гістарычная навука з яе класавымі і партыйнымі прыярытэтамі рэзка адмоўна ставілася да дзейнасці палітыкаў некамуністычнай арыентацыі ў Заходняй Беларусі, у 1930–1950-я гады нават адданыя кампартыі дзеячы былі рэпрэсаваны, а іх дзейнасць падавалася як справа агентаў дэфензівы. У часы Рэспублікі Беларусь айчынная гістарыяграфія здолела назапасіць трывалыя падставы навукова-метадалагічнага характару для пераасэнсавання дзейнасці беларускіх палітыкаў, іх гістарычнай рэабілітацыі, уключэння ў кантэкст нацыянальнай гісторыі.

Уводзіны

Яксна новы перыяд развіцця беларускай гістарычнай навукі, у тым ліку заходнебеларускай гістарыяграфіі, пачаўся ў пачатку 1990-х гадоў пасля распаду СССР і ўстанаўлення незалежнасці Рэспублікі Беларусь, калі ў грамадстве адкрыта праявілася цяга да сапраўднай гісторыі Айчыны, у прыватнасці гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Узнікла вострая неабходнасць пераадолення крызісных з’яў і выпрацоўкі новых гісторыка-метадалагічных падыходаў да асэнсавання мінулага. Да таго ж вялікая колькасць разнастайнай навуковай і навукова-папулярнай прадукцыі савецкіх часоў пра «сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне», «інтэрнацыянальнае выхаванне», «рэвалюцыйны авангард», з аднаго боку, стварала ілюзорнае ўражанне пра добра вывучаную гісторыю Заходняй Беларусі, з другога – перанасыціла чытача, наводзіла сум і апатыю сваёй відавочнай тэндэнцыйнасцю, заідэалагізаванасцю, завуаляванасцю многіх пытанняў. Паступова пачала фарміравацца ўласнабеларуская мадэль мінулага, усталёўвацца нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі, якой быў характэрны свой погляд на гісторыю Бацькаўшчыны, пачалі стварацца і прыцягваць увагу даследаванні, якія паглыблялі заходнебеларускую праблематыку, у тым ліку гісторыю дзейнасці нацыянальных палітычных і культурных дзеячаў.

Адлюстраванне дзейнасці палітычных і культурных дзеячаў Заходняй Беларусі ў 1990–2000-я гады

Важнай прыкметай вывучэння ў 1990–2000-я гады гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. была яе персаніфікацыя, якая на падставе новых метадалагічных падыходаў дазволіла пашырыць гістарычную рэтраспектыву за кошт асэнсавання індывідуальных духоўных, ідэйна-палітычных аспектаў. Навуковы аналіз узаемаадносін удзельнікаў грамадска-палітычных працэсаў, адносін з афіцыйнымі ўрадавымі і праўрадавымі арганізацыямі, стаўлення да разнастайных дзяржаўных мерапрыемстваў, дыскусій па розных пытаннях палітычнай дзейнасці, асэнсаванне ўплыву на беларускіх дзеячаў на падставе адпаведных ідэалагічных і сацыяльна-эканамічных дактрын, вырашэння фінансава-матэрыяльных пытанняў дазволілі своеасаблівым чынам «ажывіць» гісторыю Заходняй Беларусі. У такім асвятленні сталі больш абгрунтаванымі высновы і зразумелымі паводзіны і ўчынкі актыўных удзельнікаў беларускага нацыянальнага руху. І гэта тычылася не толькі «дазволенах» у савецкія часы біяграфій дзеячаў, такіх як Б. Тарашкевіч, С. Рак-Міхайлоўскі, І. Дварчанін, С. Прытыцкі і інш. [1], але і тых, дзейнасць якіх не ўпісвалася ва ўсталяваныя дагматы, ста-

раннымі намаганнямі савецкіх гісторыкаў заціралася ў тлум мінулага, – А. Луцкевіча, А. Станкевіча, В. Гадлеўскага, Р. Скірмунта, В. Багдановіча, А. Уласава і інш. [20]. Гэтыя і іншыя палітыкі савецкімі гісторыкамі фактычна былі выключаны з гісторыі беларускага руху, а некаторыя, як, напрыклад, С. Булак-Балаховіч, які ў пачатку 1920-х гадоў з’яўляўся бадай што ключавой фігурай беларускай ваенна-палітычнай іерархіі ў Заходняй Беларусі, і сёння маюць супярэчліваю ацэнку ў сувязі з правядзеннем антысавецкай дзейнасці, у тым ліку звязанай з арганізацыяй вайсковых фарміраванняў супраць пракамуністычных партызанскіх атрадаў [19]. На неабходнасць аб’ектыўнага даследавання асобы С. Булак-Балаховіча звяртаў увагу А. Грыцкевіч [5, с. 93–97]. Архіўныя матэрыялы даюць падставы меркаваць аб арганізаванай супраць С. Булак-Балаховіча апэратыўна-агітацыйнай кампаніі па яго ўсемагчымым ачарненні. У рапартах дэфензівы маецца інфармацыя пра мэтанакіраваную дыскрэдытацыю С. Булак-Балаховіча, якая адбывалася ў выніку таго, што «банды, грацуёнцыя ў пасе надгранічным, падаюцца як арганізаваныя Балаховічам паўстанцкія аддзелы, якія змагаюцца з бальшавіцкімі». У выніку гэтага ваенна-палітычнага супрацьстаяння асобныя рэгіёны падвяргаліся нападам, рабаўніцтву, жыхары стэрарызаваны [6, арк. 156].

Нядобрабычлівыя адносіны ў дачыненні да дзеячаў, якія першапачаткова дэманстравалі незалежныя ад савецка-бальшавіцкіх структур погляды, адстойвалі асноўныя ідэі беларускай дзяржаўнасці, рэалізаваныя сёння ў выглядзе Рэспублікі Беларусь, маюцца і ў пачатку ХХІ ст. Пацвярджэннем гэтага з’яўляюцца праявы неабгрунтаванага скептыцызму да дзейнасці беларускіх нацыянальна-дэмакратычных дзеячаў. Разважаючы аб «змене арыенціраў беларускай палітычнай эміграцыі» ў кантэксце разважанняў пра эвалюцыю БСДП і Б. Тарашкевіча, С. Рак-Міхайлоўскага, П. Валашына, П. Мятлы, В.Ф. Гігін кваліфікаваў названых палітыкаў як апазіцыю. Па-першае, наўрад ці яны лічылі сябе эмігрантамі і, жывучы ў Беларусі, хоць і Заходняй, імі не былі. Па-другое, адназначна прыпісваць «беларускай апазіцыі» жаданне канкурыраваць з кампартыяй таксама бачыцца беспадстаўным. Згадаем тут тэорыю двухкарэннасці КП(б)Б і КПЗБ, якая мела месца ў беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х гадоў. На тэрыторыі Заходняй Беларусі вядомы шматлікія прыклады супрацоўніцтва дэмакратаў і сацыялістаў з кампартыяй. У сярэдзіне 1920-х гадоў беларускія палітычныя сілы ў Польшчы, і не толькі, каардынаваліся функцыянерамі з БССР і ў большых ці меншых памерах знаходзіліся ва ўзаемакантактах з «камуністычным цэнтрам» – КП(б)Б [7, с. 158–160, 176, 177, 187]. Б. Тарашкевіч ва ўспамінах узгадваў пра тое, што беларускія дзеячы Рак-Міхайлоўскі, Рагуля, Кахановіч, Мятла і Валашын ўжо на працягу 1923 г. наведвалі савецкае паўпрэдства ў Варшаве. Сам палітык заявіў аб сваім супрацоўніцтве з камуністамі наступнае: «З партыяй і пад кіраўніцтвам яе я стаў працаваць з вясны 1924 году» [2, № 5, с. 132–133]. Пра трывалыя сувязі іншых дзеячаў з прадстаўнікамі БССР гаворыў Р. Зямкевіч у сваіх рапартах «двойцы»: «Ярэміч хоча любой цаной зваліць Луцкевіча. Ён мае поўны давер Менска. Ярэміч за савецкія грошы выдае «Вольны сыцяг», у якім аплёўваюцца польскія парадкі, затое хваляцца савецкія парадкі і свабода. Ярэміч цяпер у беларускім руху – самая небяспечная гадзіна» [23].

Не можа быць падтрымана і жаданне прынізіць палітыка-дыпламатычны статус і ролю ўрадаў БНР, якія ім падаюцца ў двухосі, падкрэсліць яе варожасць у дачыненні да БССР. Наадварот, уважліва аналізуючы дакументы 1920-х гадоў, якія тычацца шматпланавых і шматаспектных узаемадачыненняў БНР і БССР, можна зрабіць лагічную выснову аб своеасаблівай рэабілітацыі і ўспрыняцці БНР і яе структур у партыйна-дзяржаўным асяродку Савецкай Беларусі. Складанасці ж ідэйна-палітычнага выбару, матэрыяльна-тэхнічнага, арганізацыйна-фінансавага характару якраз і падкрэсліваюць станоўчыя, стваральныя справы дзеячаў БНР. Сёння наўрад ці хтосьці будзе аспрэчваць думку, што поспехі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва БССР, у тым ліку ўзбуй-

ненне тэрыторыі, у значнай ступені абумоўліваліся прынцыповай пазіцыяй і актыўнай дзейнасцю прадстаўнікоў «беларускай нацыянальна-дэмакратычнай апазіцыі». Тым больш немагчыма пагадзіцца з аўтарскім імкненнем адрадзіць у змененым выглядзе ўсталяваны яшчэ ў 1920-я гады тэзіс аб палітычным банкруцтве і нікчэмнасці «белбурнацаў»: «Ідэалогія нацыянал-дэмакратаў была адарвана ад светапогляду большасці беларускага народа: прэваліраванне нацыянальных патрабаванняў над сацыяльнымі не мела актуальнасці, ва ўсялякім выпадку, для Цэнтральнай і Усходняй Беларусі» [4, № 4, с. 58].

Спагадлівыя ўзаемаадносіны з беларускім дзеячамі мэтанакіравана падтрымліваліся прадстаўнікамі савецкай улады рознага ўзроўню. У гэтым сэнсе метадалагічную значнасць маюць звесткі пра падзеі, якія дапамагаюць высветліць матывацыю і паводзіны прадстаўнікоў савецкай дыпламатыі, у тым ліку паўпрэдаў у Польшчы, у дачыненні да беларускага руху, у прыватнасці інфармацыя Р.Р. Лазько і М.М. Мезгі аб стаўленні савецкага кіраўніцтва да беларускага пытання ў Польшчы. Зафіксавана зацікаўленасць савецкага боку аслабленнем Польшчы на яе ўсходніх ускраінах, пагаршэннем беларуска-польскіх адносін, прадпрымаліся захады арганізацыйнага характару, накіраваныя на падтрымку антыпольскіх груп у Заходняй Беларусі. Напрыклад, «Войкаў прасіў тэрмінова павялічыць матэрыяльную дапамогу менавіта радыкальным нацыянальным элементам на гэтай тэрыторыі. У той жа час савецкае кіраўніцтва прыкладала актыўныя намаганні, каб не дапусціць стварэння і ўмацавання нацыянальных аб'яднанняў, гатовых да супрацоўніцтва з польскім урадам» [12, с. 31]. Адзначым, што грэблівыя назвы ў дачыненні да беларускіх дзеячаў «беларускія нацыянал-фашысты», «згоднікі», а таксама звесткі аб фінансаванні беларускіх арганізацый, непадкантрольных КПЗБ, польскай уладай, былі народжаны савецкімі дыпламатамі, якія курыравалі беларускае пытанне ў Польшчы [14]. Пазней гэтая інфармацыя шырока ўжывалася савецкімі гісторыкамі для сцвярджэння думкі аб неахайнасці і амаральнасці «белбурнацаў». «Праз Польшчу з Масквы на Берлін ляжаў галоўны напрамак сусветнай рэвалюцыі, на думку кіраўніцтва УКП(б)», – лічыў Р.Р. Лазько, гаворачы пра спробы савецкага кіраўніцтва рэалізаваць ідэю Камінтэрна – «распароць цяперашнюю польскую дзяржаву па нацыянальных швах» пры дапамозе масавага сялянскага руху і Грамады [10, с. 48]. У выніку прымянення такога кшталту «рэцэптаў» беларускае пытанне рабілася сродкам уздзеяння, дыпламатычнай картай, пры дапамозе і за кошт якой адбывалася ўладкаванне савецка-польскіх адносін [9, с. 53, 202].

Спажывецкія адносіны праваднікоў бальшавіцкай палітыкі ў Заходняй Беларусі пацвярджаюцца архіўнымі матэрыяламі. Так, яшчэ ў канцы верасня 1922 г. у час парламенцкай кампаніі партыйны функцыянер у лісце з Заходняй Беларусі, магчыма, да У.М. Ігнатоўскага, паведамляў цікавую інфармацыю. Паводле яе, аўтар карэспандэнцыі выкарыстаў адзін з лістоў адрасата на імя Т. і Р. (магчыма, Тарашкевіча і Рагулі. – А.С.) і асабіста з імі размаўляў, яны вельмі згаворлівыя, «маюць цягу да вас, але баяцца рэпрэсій. Я іх супакоіў. ...Пакуль цяжка сказаць, што з імі можна зрабіць. Маё меркаванне: іх знішчаць не ў нашых інтарэсах. Як бы гэта ні было, яны – апазіцыя. У два месяцы іх не апрацуеш, адзінае, што можна зрабіць, – 3-5 уцягнуць да нас, а астатнія стануць абывацелямі. ...Клянйцеся Аляксандру Рыгоравічу (магчыма, А.Р. Чарвякову. – А.С.)». Не менш паказальны змест яшчэ аднаго ліста ад 14.12.1922. У ім аўтар, аналізуючы вынікі выбараў у польскі парламент, у дачыненні да беларусаў выказаўся так, што яны «правялі каля 14. У большасці сваёй бяспветныя твары. Будуць марыянеткамі ў руках Луцк... (Антон Луцкевіча. – А.С.). Некаторых з іх можна будзе спакусіць у працэсе працы і тым павялічыць свае сілы» [15, арк. 39адв, 49]. Што і было зроблена праз некалькі гадоў, калі Беларускі пасольскі клуб быў падзелены на дзве часткі і ўтварылася падкантрольная КПЗБ Грамада. У сярэдзіне лета 1928 г. прадстаўнікі савецкай дыпламатыі ў Польшчы мелі вялікі ўплыў на беларускі рух і падтрымлі-

валі сувязі як з пракамуністычнымі, так і з нацыянальна-дэмакратычнымі беларускімі дзеячамі. Планавалася нават аб'яднаць беларускіх прадстаўнікоў у новым сейме, аднак і гэты варыянт развіцця падзей у канчатковым выніку быў накіраваны на дыскрэдытацыю Ф. Ярэмчыка [8, с. 35].

Акрамя чыста палітычных кампаній савецкія дыпламаты арганізавалі і акцыі помсты ў дачыненні да непажаданых асобаў, як гэта было з М. Гурыным-Маразоўскім. Савецкі паўнамоцны прадстаўнік у Варшаве А. Загорны 19.06.1926 г. у лісце ў Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ настойліва рэкамендаваў «пры абставінах, якія склаліся, Стаха (М. Гурын-Маразоўскі. – А.С.) пастарацца неадкладна прыбраць з гарызонта. Зразумейце, што ён ведае Роберта, Дзіка, Корчыка (партыйныя псеўданімы дзеячаў КПЗБ. – А.С.) і ўсіх, і што ён саромецца не будзе» [14, арк. 128]. Вядома, што М. Гурын-Маразоўскі пасля няўдалай спробы рэалізаваць свае палітычныя планы быў абвінавачаны камуністамі ў супрацоўніцтве з дэфензівай і 16 сакавіка 1928 г. забіты як правакатар С. Клінцэвічам. Прыклады адкрытага запалохвання і шантажу беларускіх дзеячаў – членаў Грамады, якія пасля забароны арганізацыі і пераследу польскай уладай адышлі ад супрацоўніцтва з камуністамі, – пацвярджаюць, што рэпрэсіўныя памкненні прадстаўнікоў камінтэрнаўскіх сілаў не абмяжоўваліся прыведзенымі актывамі помсты. Камуністы баяліся, што важная інфармацыя аб дэталях іх шырокага нелегальнага пранікнення ў грамадска-палітычнае жыццё можа стаць вядомай польскім уладам, таму пагражалі фізічнай расправай тым сваім былым саюзнікам, якія валодалі адпаведнай інфармацыяй і маглі патэнцыяльна стаць крыніцай для дэфензівы. Так, Войцік (верагодна, А.І. Войцік, рэдактар-выдавец газеты «Сялянская праўда» [11]) на пагрозы аб прыгатаванні для яго «лёсе ГУРЫНА», адказаў, што «на выпадак яго смерці ўсё паднаготнае будзе напісана ў некалькіх лістах і будзе ляжаць у надзейных асоб, і пасля смерці ўсё будзе апублікавана, дзякуючы чаму праціўнікі пабаяцца яго застрэліць». Па словах А.І. Войціка, забойства «было б ужо зроблена з Астроўскім, калі б «там» (у кіраўніцтве КПП–КПЗБ. – А.С.) не ведалі, што ў Астроўскага ўсё падрыхтавана да апублікавання на выпадак яго забойства» [13, арк. 38]. Напэўна, інфармацыя, якой валодалі Р. Астроўскі, А. Войцік і іншыя, была настолькі канфідэнцыйнай, што валоданне ёй захавала жыццё гэтым і, магчыма, іншым дзеячам беларускага нацыянальнага руху. Што, аднак, не пазбавіла Р. Астроўскага ад вялікай колькасці бруду, які канцэнтравалася ў камуністычных асяродках і змяшчаўся на старонках пракамінтэрнаўскіх выданняў [13, арк. 66–78].

У публікацыях была даказана шырока ўжывальная практыка фінансавання савецкімі дзяржаўнымі ўстановамі апазіцыйных арганізацый у Заходняй Беларусі. Менавіта пытанні фінансавання савецкім бокам беларускіх арганізацый займалі важнае месца ва ўзаемаадносінах паміж прадстаўнікамі беларускага руху і іх партнёрамі з БССР. Так, напрыклад, з дзяржаўных сродкаў БССР, паводле каштарысу на 1926–1927 гг., на КПЗБ выдзялялася 468 365 руб. Пры гэтым на ўтрыманне арганізацый ЦК КПЗБ выдаткоўвалася 153 тыс. руб. на год: на школу КПЗБ, дапамогу Беларускай школьнай радзе, беларускім гімназіям, газеце, спартыўным арганізацыям, на прадстаўніка КП(Б)Б і КПЗБ у Варшаве, прадстаўніцтва КПЗБ у БССР [18, с. 70–71].

Нельга выключаць савецкай фінансавай складовай у дзейнасці іншых арганізацый, а таксама перыядычных выданняў у Заходняй Беларусі. Так, напрыклад, паводле В. Пануцэвіча, у «канцы 1935 г. Масква мантавала ў заходніх краінах і ў Заходняй Беларусі так званы «народны фронт», быццам супрацьвагу на рост нацыяналізму і фашызму. У запраўднасці гэта была маскоўская надбудоўка для праводжання сваіх сымпатыяў, чаго нельга было рабіць пад камуністычнай ці сацыялістычнай вывескай. У Вільні прамоўтарам «народнага фронту» была група левых Дэмбінскага, што выдавала часопіс «Папросту». Група гэтая спагадна выказвалася да беларускага вызвольнага

руху ды востра крытыкавала польскую шавіністычную палітыку. Кс. Станкевіч сымпатызаваў гэтай групе...» [17, с. 64]. Цалкам магчыма, названыя дзеячы атрымлівалі фундацыі ад савецкіх прадстаўніцтваў, у тым ліку і А. Станкевіч, да якога бальшавіцкія агенты звярталіся з прапановай аб супрацоўніцтве яшчэ ў сярэдзіне 1920-х гадоў [21, с. 525]. Верагодна, гэта можна сказаць і аб іншых выданнях, напрыклад двухтыднёвіку «Асва», які пачаў выходзіць з сакавіка 1934 г. і галоўным аб'ектам крытыкі абраў розных «нацыянал-зdraднікаў, кшталту Луцкевіча, Астроўскага, Клімовіча, Станкевіча, а таксама наваспечаных нацдэмаў з ТБШ Шырмы і Марцінчыка. Ідэалагічны падтэкст артыкулаў «Асвы» прасочваўся лёгка: кампраметацыя беларускага нацыянальна-вызваленчага руху» [3]. Пытанні ўнушальнай арганізацыйна-кадравай (перакід на кіраўнічыя пасады ў КПЗБ грамадзян БССР, навучанне кадраў у школе КПЗБ), матэрыяльна-тэхнічнай (дзеянасць друкарні КПЗБ, выданне падпольнай літаратуры, перакід зброі і да т.п.), фінансавай (як з дапамогай сродкаў самой БССР, так і Масквы) дзейнасці сістэматызавана і абгрунтавана прадстаўлены ў кандыдацкай дысертацыі В.М. Цынкевіча [21; 22]. Больш падрабязную інфармацыю пра фінансаванне КПЗБ савецкімі дзяржаўнымі і грамадскімі органамі можна атрымаць у некаторых архіўных справах у фондзе Прадстаўніцтва ЦК Кампартыі Заходняй Беларусі [14; 16].

Заклучэнне

Такім чынам, у 1990–2000-я гг. айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі ажыццявіла паварот да асэнсавання шматаспектных пытанняў, якія накіраваны на асэнсаванне ролі асобаў – дзеячаў беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў кантэксце складаных і драматычных фактараў. Ва ўмовах знаходжання на лініі вострага супрацьстаяння паміж польскімі і прасавецкімі сіламі беларускія палітычныя дзеячы вымушаны былі рэагаваць на разнастайныя звароты не толькі прадстаўнікоў гэтых накірункаў, але літоўскіх, нямецкіх і іншых уплывовых палітыкаў. Гэта прыводзіла да трансфармацыі поглядаў і тактыкі беларускіх арганізацый, якія, атрымліваючы разнастайную падтрымку, у тым ліку арганізацыйна-фінансавую, траплялі пад кантроль чужых сілаў. У выніку беларусы становіліся закладнікамі палітычнай кан'юнктуры, навязанай ім звонку, заўзята адстойвалі чужыя інтарэсы насуперак інтарэсам беларускай справы, актыўна ажыццяўлялі шальмаванне палітычных апанентаў – беларускіх дзеячаў і ў рэшце рэшт самадыскрэдытацыю. Прадстаўнікі савецкай гістарычнай навукі актыўна выкарыстоўвалі негатыўныя фармулёўкі ў дачыненні да прадстаўнікоў беларускага нацыянальна-дэмакратычнага крыла, якія сфарміраваліся ва ўмовах вострага ідэа-на-палітычнага супрацьстаяння, усталёўваючы ў якасці асноўнай думку аб варожасці і здрадніцтве беларускіх палітыкаў, якія дэманстравалі альтэрнатыўныя камуністычным ідэям погляды. Такія метадалагічныя падыходы прыводзілі да спрашчэння і прымітывізацыі грамадска-палітычнай гісторыі Заходняй Беларусі. На працягу 1990–2000-х гг. айчынная гістарыяграфія здолела стварыць трывалы навукова-метадалагічны падмурак, у тым ліку крыніцазнаўчыя падставы, для стварэння праўдзівага вобраза актыўных удзельнікаў заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага руху. Навуковы аналіз узаемаадносін удзельнікаў грамадска-палітычных працэсаў, адносін з афіцыйнымі ўрадавымі і праўрадавымі арганізацыямі, стаўлення да разнастайных дзяржаўных мерапрыемстваў, дыскусій па розных пытаннях палітычнай дзейнасці, асэнсаванне ўплыву на беларускіх дзеячаў на падставе разнастайных ідэалагічных і сацыяльна-эканамічных дактрын, вырашэння фінансаво-матэрыяльных пытанняў дазволілі своеасаблівым чынам «ажывіць» гісторыю Заходняй Беларусі. Гэта дазволіла ажыццявіць чарговы этап гістарычнай рэабілітацыі тых асобаў, якія, не з'яўляючыся саюзнікамі і паплечнікамі кампартыі, на працягу 1920–1980-х гг. незаслужана мелі абразлівыя ярлыкі здраднікаў, згоднікаў, ворагаў беларускага народа.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Адамушка, У.І. Ігнат Дварчанін – рэвалюцыянер, гісторык, паэт / У.І. Адамушка // Беларус. гістарычны часопіс. – 1993. – № 3. – С. 113–119; Адамушка, У. ... І пачаць будаўніцтва дзяржавы нашай [Пра С.А. Рак-Міхайлоўскага] / У. Адамушка // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 26–29; Адамушка, У.І. Язэп Амяльянавіч Гаўрылік / У.І. Адамушка // Беларус. гістарычны часопіс. – 1995. – № 2. – С. 174–182; Бергман, А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Гістарычны жыццёпіс / А. Бергман. – Мінск : Маст. літаратура, 1996; Бандарэнка, М. Ігнат Дварчанін / М. Бандарэнка // Польша. – 2000. – № 6. – С. 116–129; Иоффе, Э.Г. Сергей Притыцкий: хроника жизни / Э.Г. Иоффе // Беларус. думка. – 2008. – № 6. – С. 92–97; Цуба, М.В. В.З. Корж: невядомыя і малавядомыя старонкі жыцця / М.В. Цуба. – Пінск : «Паляшук», 2009. – 88 с.
2. Аўтабіяграфія Браніслава Адамавіча Тарашкевіча, члена КПП (КПЗБ) з 1925 года / прадмова А. Валахановіча, У. Міхнюка ; стылізаваны пераклад Ю. Бушлякова, В. Караткевіч // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 92–132; № 5. – С. 130–186.
3. Вашкевіч, А. Нашы сцягі над Заходняй / А. Вашкевіч // ARCHE Пачатак. – 2007. – № 4 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2007-04/vaskievic704.htm>. – Дата доступу: 03.04.2012.
4. Гигин, В. Кризис белорусской национально-демократической оппозиции в 1921–1925 гг. / В. Гигин // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2002. – № 3. – С. 36–46; № 4. – С. 49–59.
5. Грыцкевіч, А. Заканчэнне савецка-польскай вайны ў другой палове 1920 г. і постаць генерала Булак-Балаховіча / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1995. – № 5. – С. 90–115.
6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд. 67. – Воп. 4. – Спр. 27. Приказы, распоряжения командования о деятельности пинской экспозитуры и сообщения о политическом движении на территории пинской экспозитуры.
7. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў. – Т. 2: 1923–1927 гг. / склад. У.М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск, 1999. – 461 с.
8. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў. – Т. 3: 1928 – чэрвень 1941 г. / склад. У.М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск, 2001. – 321 с.
9. Лазько, Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
10. Лазько, Р. Хто ж знішчыў «Грамаду»? / Р. Лазько // Беларус. мінуўшчына. – 1994. – № 2. – С. 46–49.
11. Ліс, А. Войцкі Антон Іванавіч / А. Ліс // Энцыклап. гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск : БелЭН, 2003. – Т. 6, кн. 2: Усвея-Яшын; Дадатак. – С. 358–359.
12. Мезга, М. Мяжа канфрантацыі (становішча Заходняй Беларусі пасля падпісання Рыжскай дамовы 1921 г.) / М. Мезга // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 2. – С. 29–31.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 242п. – Воп. 1. – Спр. 153. Матэрыялы о руководстве партии национально-освободительным движением (протоколы, циркуляры, резолюции, письма и др.) (1927–1932).
14. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 1. – Спр. 86. Письма ЦК КПЗБ в Представительство.
15. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 11. Переписка секретного отдела Центрального бюро КП(б) Белоруссии с Белостокским окружным комитетом КП(б) Белоруссии о положении в Белостоке, по персональным и другим вопросам.
16. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 2. – Спр. 44. Отчет Представительства Компартии Западной Белоруссии о работе за период с 15 апреля по 15 ноября 1925; Спр. 118. Приходно-расходная книга (представительства Компартии Западной Белоруссии) с указанием фамилий и кличек членов партии (1927–1928).

17. Пануцэвіч, В. Кс. Вінцэс Гадлеўскі / В. Пануцэвіч // Спадчына. – 1993. – № 3. – С. 51–72; № 5. – С. 81–94; № 6. – С. 69–85.

18. Протыко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протыко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.

19. Розенблат, Е.С. Дискуссия о С. Булак-Балаховиче продолжается... / Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. – Вып. 3. – Брэст : Выд-ва С.Б. Лаўроў, 2002. – С. 391–398; «Степень достоверности – достоверно...»: ар-мія Булак-Балаховіча і антысавецкі «супраціў» 1921–1927 гадоў у дакументах ВЧК (АДПУ) / падрыхт. Алег Ліцкевіч // Беларус. думка. – 2008. – № 6. – С. 54–59; № 7. – С. 86–91; Чарнякевіч, А. Кароткі нарыс гісторыі ўзаемаадносін беларускага нацыя-нальнага руху і II аддзела Галоўнага камандавання (Генеральнага штаба) Войска Польскага ў 1918–1923 гг. / А. Чарнякевіч, А. Пашкевіч // ARCHE Пачатак. – 2009. – № 8. – С. 22–73.

20. Сидоревич, А. Антон Луцкевич : главы из книги / А. Сидоревич // Нёман. – 1990. – № 7. – С. 91–167; Сідарэвіч, А. 3 жыцця Антона Луцкевіча. Артыкул першы. Маёнтак / А. Сідарэвіч // ЛІМ. – 1991. – 18 студзеня. – № 3. – С. 13–14; Сідарэвіч, А. 3 жыцця Антона Луцкевіча. Артыкул другі. Астрожныя запісы / А. Сідарэвіч // ЛІМ. – 1991. – 25 студзеня. – № 4. – С. 12–13; Сідарэвіч, А. 3 жыцця Антона Луцкевіча. Артыкул трэці. Расправа / А. Сідарэвіч // ЛІМ. – 1991. – 1 лютага. – № 5. – С. 13, 15; Лабынцев, Ю. Витебчанин Вячеслав Богданович – белорусский сенатор II Речи Посполитой: церковная, политическая и литературная деятельность / Ю. Лабынцев // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства : зб. матэрыялаў IV міжнар. навук. канф., Віцебск, 24–26 красавіка 1997 г. – Віцебск : Выд-ВА. ВДУ, 1997. – Ч. 2. – С. 286–288; Луцкевіч, Л. Аляксандар Уласаў / Л. Луцкевіч, Г. Войцік. – Вільня, 2001. – 18 с.; Вашкевіч, А. Сымон Якавюк: адраджэнец, спекулянт, манархіст і савецкі дыверсант / А. Вашкевіч, Д. Нарэль // ARCHE Пачатак. – 2005. – № 5. – С. 176–232; Вашкевіч, А. Ксёндз Адам Станкевіч / А. Вашкевіч // Куфэрак Віленшчыны. – 2005. – № 1 (10). – С. 4–35; Смалянчук, А. Жыццё і смерць Рамана Скірмунта (паводле вусных успамінаў хыхароў Піншчыны) / А. Смалянчук // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2002. – Zesz. 18. – S. 214–222; Ільін, А. Раман Скірмунт у грамадска-палітычным і культурным жыцці Піншчыны ў 20–30-я гг. XX ст. / А. Ільін // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 8. – С. 98–106; Конан, У. Ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі : Філасофскае абгрунтаванне беларускай ідэі / У. Конан [Электронны рэсурс]. – Режим доступу: <http://jivebelarus.net/history/faces/priest-vincent-hadleuski-philosophic-bases-of-belarusian-idea.html>. – Дата доступу: 25.10.2008; Лабынцаў, Ю. Хрысціянская любоў і культура супраць насілля: духоўная спадчына В. Багдановіча ў нашы дні (Беларусь, Літва, Польшча, Расія) / Ю. Лабынцаў, Л. Шчавінская // Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі : матэрыялы Міжнар. сімпозіума, Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. : у 2 кн. / Рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Чарнобыль, 2003. – Кн. 2 – С. 207–221; Пашкевіч, А.В. Аляксандр Уласаў як беларускі палітык у міжваеннай Польшчы / А.В. Пашкевіч // Асоба ў гісторыі. Гераічнае і трагічнае : матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф. студэнтаў, аспірантаў і маладых вучоных, прысвеч. памяці праф. У.У. Мелішкевіча, 12–13 лістапада 2004 г. – Брэст : Акадэмія, 2006. – С. 214–219; Грыцкевіч, В. Справа аб замаху Барыса Каверды на Пятра Войкава. Яшчэ адзін міф пра этнічнага беларуса / В. Грыцкевіч // ARCHE Пачатак. – 2006. – № 11. – С. 116–128; Ліс, А. Gloria victis! : Зб. твораў / А. Ліс. – Мінск : І.П. Логінаў, 2010. – 754 с.; Расстраляная літаратура : творы беларус. пісьменнікаў, загубленых карнымі органамі бальшавіцкай улады / уклад. Л. Савік, М. Скоблы, К. Цвіркі, праф. А. Сідарэвіча, камент. М. Скоблы, К. Цвіркі. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 696 с.; Смалянчук, А. Палескія Скірмунты: трагедыя восені 1939 года / А. Смалянчук // ARCHE Пачатак. – 2011. – № 3. – С. 401–409.

21. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі : зб. твораў / А. Станкевіч ; укл., навук. рэд., камент., прадм. А. Пашкевіч, А. Вашкевіч. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1098 с.

22. Цынкевіч, В.М. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.15 / В.М. Цынкевіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2004. – 20 с.; Цынкевіч, В.М. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.15 / В.М. Цынкевіч. – Мінск, 2004. – 127 с.

23. Чарнякевіч, А. Псіхалогія здрады: беларускі нацыянальны рух вачыма канфідэнта II аддзела польскага Генеральнага штаба / А. Чарнякевіч, А. Пашкевіч // АРСНЕ Пачатак. – 2005. – № 6. – С. 214–271.

Savich A.A. Personalities of Western Belarusian Liberation Movement (1921–1939) Reflected in Native Historiography of 1990–2000

In this article, based on a broad range of historiographic sources the questions concerning the role and place of Western Belarusian figures in the national liberation movement of 1921-1939 years in the works of historians are investigated. Soviet historical science, with its class and party priorities had sharply negative attitude to the activities of politicians of noncommunist orientation in Western Belarus, in the 1930-1950s; even devotees of the Communist Party leaders were persecuted, and their work served as a business of dyfenzivy agent. At the time of the Republic of Belarus national historiography managed to accumulate solid foundation of scientific and methodological work to reconsider the activity of Belarusian politicians, their historical rehabilitation, including in the context of national history.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.06.2012

УДК 94(476) «1941/45»

П.С. Рамановіч

**СТВАРЭННЕ І БАЯВАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ
ПАРТЫЗАНСКАГА АТРАДА ІМЯ Я.Г. МАКАРЭВІЧА
(З УСПАМІНАЎ БАЙЦА АТРАДА Р.М. КАЛІЛЬЦА)**

Адным з прыярытэтных накірункаў айчынай і замежнай гістарычнай навукі з'яўляецца вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Для больш глыбокага асэнсавання падпольнай і партызанскай барацьбы супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў асабліваю каштоўнасць уяўляюць успаміны непасрэдных удзельнікаў падзей мінулай вайны. У дадзеным артыкуле на аснове ўспамінаў байца партызанскага атрада Рыгора Мікітавіча Калільца паказана падпольная барацьба камсамольцаў і актывістаў в. Моталь, якія сталі стваральнікамі партызанскага атрада імя Я.Г. Макарэвіча і ўдзельнікамі яго баявых аперацый. Прыводзяцца прыклады падрыву партызанамі нямецкіх эшалонаў, паказваецца дзейнасць партызанскай каманды, узаемадзеянне беларускіх партызан з 1-й Украінскай партызанскай дывізіяй пад кіраўніцтвам П.П. Вяршыгары, мужнасць і гібель партызан у баях з ворагам.

Уводзіны

У свядомасці цэлых нацый і народаў унікальнае месца займае гістарычная памяць пра Другую сусветную вайну, а для нашага народа – пра Вялікую Айчынную. Мінулая вайна – гэта не проста гераічная падзея сусветнай гісторыі XX ст. Другая сусветная вайна, у адрозненне ад войн лакальных, па прычыне сваёй маштабнасці прымушае зноў звярнуцца да той духоўнай спадчыны, якой гісторыя сустрэла і праводзіла войны, спадзеючыся, што гэта ў апошні раз.

Другую сусветную вайну, а Вялікую Айчынную тым больш, нельга разглядаць як вайну, выкліканую супярэчнасцямі паміж заходнімі дзяржавамі, фашысцкай Германіяй і Савецкім Саюзам. Фашызм як практыка ёсць непазбежнае ўзвышэнне і перабольшванне «свайго» нацыянальнага (этнічнага) зместу, прыніжэнне носьбітаў іншых этнічных вартасцей, нават праз фізічную ліквідацыю.

Вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны было і застаецца адным з прыярытэтных накірункаў айчынай і замежнай гістарычнай навукі. Па розных праблемах ваеннай гісторыі Беларусі апублікавана больш за 10 тыс. манаграфій, фундаментальных даследаванняў, артыкулаў, энцыклапедычных выданняў, успамінаў непасрэдных удзельнікаў падзей. Рэканструкцыя баявой дзейнасці асобных партызанскіх атрадаў вызначаецца неабходнасцю запаўнення прагалаў па дадзенай тэме, больш глыбокага асэнсавання падзей Вялікай Айчыннай вайны.

Беларусь была акупіравана на працягу чэрвеня–жніўня 1941 г. Фашысты ставілі за мэту ліквідаваць нацыянальную дзяржаўнасць Беларусі, ператварыць яе ў аграрна-сыравінны прыдатак і калонію фашысцкай Германіі. Яны расчлانیлі тэрыторыю Беларусі: паўночна-заходнія раёны Брэсцкай вобласці і Беластоцкую вобласць з гарадамі Гродна і Ваўкавыск далучылі да Усходняй Прусіі (бецырк Беласток), паўднёвыя раёны Брэсцкай, Пінскай, Палескай і Гомельскай абласцей – да рэйхскамісарыята «Украіна», утварыўшы з іх 4 акругі: Мазырскую, Васілевіцкую, Петрыкаўскую, Ельскую; паўночна-заходнія раёны Вілейскай вобласці ўключылі ў генеральную акругу Літва, Віцебскую, Магілёўскую, большую частку Гомельскай і ўсходнія раёны Мінскай абласцей – у зону армейскага тылу. У склад генеральнай акругі Беларусі («Генеральбецырк Беларутэнія») увайшлі Баранавіцкая, Вілейская, Мінская (без усходніх раёнаў), паўночныя раёны Брэсцкай, Пінскай і Палескай абласцей, што складала 1/3 тэрыторыі БССР. Гэтая тэрыторыя была ўключана ў склад рэйхскамісарыята «Остланд» з рэзідэнцыяй у Рызе і падзелена на 10 акруг (гебітаў): Баранавіцкую, Барысаўскую, Вілейскую, Ганцавіцкую, Глыбоцкую, Лідскую, Мінскую, Навагрудскую, Слоніўскую, Слуцкую.

На чале генеральнага камісарыята Беларусі са жніўня 1941 г. быў гаўляйтар В. Кубэ (22.09.1943 г. знішчаны членамі мінскага падполля), яго замяніў начальнік СС і паліцыі на Беларусі групэнфюрар войск СС фон Готберг.

Акупацыйны рэжым, што быў устаноўлены нямецкімі войскамі на захопленай ім тэрыторыі, распрацоўваўся яшчэ да нападу на Савецкі Саюз. Галоўныя яго прыцыпы былі выкладзены Гітлерам у сакрэтным мемарандуме «Некаторыя думкі пра абыходжанне з насельніцтвам на Усходзе» ад 25.05.1940 г. У ім указвалася, што захопленыя ўсходнія тэрыторыі належыць разглядаць як аб'ект каланізацыі і германізацыі. Генеральны план «Ост» прадугледжваў не толькі германізацыю, а таксама высяленне і знішчэнне народаў Усходняй Еўропы, у тым ліку і Беларусі.

Стварэнне і асобныя баявыя аперацыі партызанскага атрада імя Я.Г. Макарэвіча

З самага пачатку акупацыі на беларускай зямлі пачаў разгортвацца партызанскі рух. Згодна з дырэктывай СНК і ЦК УКП(б) ад 29.06.1941 г. і пастановай ЦК УКП(б) ад 18.07.1941 г., арганізацыя партызанскай барацьбы была ўскладзена на партыйныя камітэты, органы НКУС СССР.

На разгортванні ўзброенай партызанскай барацьбы і падпольнай дзейнасці ў гарадах і іншых населеных пунктах Беларусі арыентавала Дырэктыва № 1 ЦК КП(б)Б ад 30 чэрвеня 1941 г. аб пераходзе на падпольную работу партарганізацый раёнаў, занятых ворагам, «у мэтах кіраўніцтва дзейнасцю партызанскіх атрадаў і дыверсійных груп у раёнах, занятых ворагам, для барацьбы з часцямі варажай арміі, для распальвання партызанскай барацьбы скрозь і ўсюды, для падрыву мастоў, дарог, псавання тэлеграфнай і тэлефоннай сувязі, падпалу складоў, для стварэння нязносных умоў для ворага і яго памагатых, для зрыву ўсіх яго мерапрыемстваў...» [1, с. 52].

1 ліпеня 1941 г. ЦК КП(б)Б прыняў Дырэктыву № 2 партыйным, савецкім і камсамольскім арганізацыям па разгортванні партызанскай барацьбы ў тыле ворага. Ставілася задача пакрыць усю занятую нямецка-фашысцкімі захопнікамі тэрыторыю Беларусі густой сеткай партызанскіх атрадаў [1, с. 53–54].

Ва ўмовах нянавісці да акупацыйнага рэжыму расло імкненне людзей да барацьбы з ім. Вайна супраць ворага аб'ядноўвала ўсіх – незалежна ад веры і нацыянальнасці. У канцы 1941 г. у розных рэгіёнах Беларусі незалежна адзін ад аднаго сталі ўзнікаць невялікія атрады і групы з мясцовых патрыётаў, партыйных і савецкіх работнікаў, актывістаў, ваеннаслужачых Чырвонай Арміі, якія апынуліся ў акружэнні. Фарміраванне атрадаў адбывалася ва ўмовах жорсткага дэфіцыту часу, без належнага матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння. З цягам часу гэтыя групы раслі, аб'ядноўваліся, ствараючы баявыя і даволі небяспечныя для ворага партызанскія фарміраванні.

Летам 1941 г. першымі супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў выступілі І.М. Калілец (1920 г.н., сакратар гарпасялковага савета ў Моталі, сакратар камсамольскай арганізацыі), С.С. Мінюк (1914 г.н., участковы ўпаўнаважаны НКУС у Моталі), В.Г. Міронава (1916 г.н., па камсамольскай пуцёўцы ў 1939 г. была накіравана ў Заходнюю Беларусь наладжваць адукацыю, працавала дырэктарам школы ў Моталі).

З успамінаў Р.М. Калільца¹: «В августе–октябре 1941 г. Калилец Иван Михайлович открыто с оружием появлялся в Мотоле и окрестных деревнях. Вместе с С.С. Минюком, И.С. Парфеевцом из деревни Калилы и другими подпольщиками собирали оружие и готовились к открытой вооруженной борьбе. В сарае комсомольца А.К. Данилевича (д. Мотоль) провели собрание комсомольцев. Присутствовало около 30 человек. Было принято постановление: «К 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции срывать по возможности мероприятия немецко-фашистских оккупан-

¹ Успаміны Р.М. Калільца захоўваюцца ў асабістым архіве аўтара артыкула.

тов и выступить с открытыми боями». Вся деятельность подполья зимой 1941–1942 гг. свелась к агитационной работе среди населения против немецких оккупантов и мероприятий немецко-полицейского гарнизона по отправке в Германию продуктов, одежды, против выезда молодежи на работу в Германию. Люди убеждались в чуждой и враждебно-расовой идеологии немецко-фашистских захватчиков».

Да вясны 1942 г. падпольны і партызанскі рух праходзіў першы, арганізацыйны этап. Падпольныя арганізацыі і партызанскія групы былі малаколькаснымі і недастаткова ўзброенымі. Не існавала адзінага цэнтра, які б каардынаваў іх барацьбу. Удзельнікі савецкага руху супраціўлення не мелі асаблівай падтрымкі з боку мясцовага насельніцтва. Савецкая ўлада на тэрыторыі Іванаўскага і Драгічынскага раёнаў праіснавала толькі два гады, і за гэты час разам са станоўчымі зменамі назіраліся і негатыўныя з’явы – рэпрэсіі і дэпартацыі. Некаторая частка насельніцтва займала нейтральна-чакальную пазіцыю, частка – ваража ставілася да дзеянняў падпольшчыкаў і партызан.

У кастрычніку 1941 г. група падпольшчыкаў з вёсак Моталя і Опаля ва ўрочышчы Мінічы (на поўнач ад в. Тышкавічы Іванаўскага раёна) залажыла першы партызанскі стан. У чэрвені 1942 г. адбылася сустрэча партызанскіх груп Іванаўскага і Драгічынскага раёнаў, якія паклалі пачатак стварэнню баявога атрада.

З успамінаў Р.М. Калільца: «Часть группы, с Е. Макаревичем (лейтенант, командир пулеметного взвода, окруженец), стояла на том, чтобы идти на восток к действующей армии. Вторая часть группы, с Калильцом Иваном Михайловичем, настаивала на том, что нужно действовать на месте, начинать громить немецко-полицейские гарнизоны. Е. Макаревич с частью группы ушел на восток. На границе Телехановского и Ганцевичского районов встретился с рейдовой бригадой, в которой были представители БШПР. Е.Г. Макаревича назначили командиром отряда и приказали вернуться обратно в Споровские болота. Комиссаром отряда был назначен И.М. Калилец, начальником штаба – А.И. Семёнов. Молодого лейтенанта (Женьку) партизаны полюбили за его смелое и отважное спокойствие. В бою он вел себя хладнокровно и умело, команды были чёткие и ясные. Отряд под его командованием постепенно набирал силу, начал громить немецко-полицейские гарнизоны».

На тэрыторыі Беларусі адбывалася арганізацыйнае ўзаемадзеянне груп і атрадаў мясцовых партызан са спецгрупамі, якія накіроўваліся з тэрыторыі РСФСР. Магчымасці партызан значна ўзраслі, калі ў раён іх дзеянняў з Вялікай зямлі была дэсантавана спецыяльная група маёра В.А. Цвяткова, якая мела сувязь з БШПР. Задачай групы была арганізацыя партызанскага руху. Пры ўдзеле мясцовых партызан група правяла мабілізацыю мужчынскага насельніцтва з навакольных вёсак. Быў створаны партызанскі атрад № 25. У верасні 1942 г. адбылася сустрэча Я.Г. Макарэвіча і В.А. Цвяткова. Атрады пачалі супрацоўнічаць. Партызанскія атрады сталі папаўняцца новымі байцамі.

З успамінаў Р.М. Калільца: «С быстрым ростом отряда в июне 1943 г. уже было создано две роты численностью более 100 человек партизан в каждой. В августе 1943 г. была выделена и третья рота. В ротах насчитывалось более 200 человек в каждой. Командиром 1-й роты был назначен Ф.Н. Лаврисюк, командиром 2-й роты – И.Н. Калилец, командиром 3-й роты – П.В. Товстелёв».

Лепшых партызан і камуністаў (па жаданні і па загадзе) забіраў у свой атрад В.А. Цвяткоў, папаўняючы свае спецыяльныя групы.

З успамінаў Р.М. Калільца: «В июле 1943 г. Цветков забрал в отряд Юсупова Александра, Прадуна Александра, Мазько Куприяна, в том числе из Мотоля Шиколая Степана, Миховича Степана и Петра, Лукашевича Григория, Демковича Игната, Демковича Ивана, Типуна Василия и многих других».

У першы ваенны год атрад праводзіў эпизадычныя налёты на апорныя пункты ворага. З цягам часу засады, дыверсіі партызан на чыгунцы, баі з паліцэйскімі гарнізонамі ўсё больш і больш непакоілі акупантаў.

З успамінаў Р.М. Калільца аб асобных баявых аперацыях партызанскага атрада імя Я.Г. Макарэвіча:

«1) 20.10.1942 г. произведён взрыв на железной дороге Дрогичин – Снитово. Уничтожен паровоз и 50 вагонов, убито более 300 немцев;

2) 22.11.1942 г. произведён взрыв на железной дороге Иваново – Юхновичи, пущено под откос 8 вагонов с машинами;

3) 22.11.1942 г. сожжено 3 моста на узкоколейке Телеханы – Иваново. Сожжена станция в д. Поречье;

4) 14.01.1943. – бой в Мотоле. Напав на засаду полицаев, партизаны убили коменданта и четырёх полицаев;

5) 02.1943 г. – разгром Бездежского, Хомского, Брашевского, Левковичского постерунков;

6) 21.05.1943 г. – бой у д. Сорочни. Сожжена молотилка, уничтожена легковая машина, убито около 20 немцев;

7) 25.08.1943 г. – бой в Березлянах. Из партизанской засады было убито 3 и взято в плен 14 мадьяр;

8) 08.1943 г. – взрыв полотна Бродница – Иваново, Дрогичин – Нагорье, Дрогичин – Антополь. Бой у д. Гошево. Убит пулемётчик Миша и 6 партизан».

18 ліпеня 1943 г. ад куль украінскіх нацыяналістаў загінуў Я.Г. Макарэвіч.

З успамінаў Р.М. Калільца: «Группа украинских националистов около 130 человек с большим запасом оружия направлялась в Западную Украину для борьбы с партизанами. Е. Макаревич с партизанами до 100 человек окружили националистов и после короткого боя предложили сдаться. На переговоры с националистами, которые выкинули белый флаг, пошли Е. Макаревич, Ф.Н. Лаврисюк (командир роты) и П.Ф. Минюк (командир отделения). Е. Макаревич отпустил часть партизан, а сам вместе с одним отделением повёл националистов в д. Кремко, чтобы там их разоружить. Увидев такую ситуацию, националисты автоматными очередями убили Е. Макаревича, ранили его адъютанта Васю Кузенко. Забрав планшет Е. Макаревича с шифровым кодом, националисты повернули к железной дороге Брест – Пинск. Далеко они не ушли. Все они были уничтожены партизанской бригадой Щорса на границе Белоруссии и Украины. После похорон Е. Макаревича (похоронен в д. Спорово) общее собрание партизан отряда постановило именовать отряд имени Е. Макаревича».

Брэсцкі падпольны абкам КП(б)Б і штаб злучэння партызанскіх атрадаў прызначылі камандзірам атрада Івана Міхайлавіча Калільца, які быў камісарам гэтага атрада. У атрадзе імя Я. Макарэвіча было некалькі спецыяльных груп, якія займаліся падрыхтоўчай справай. Асабліва эфектыўна дзейнічала група Мінюка Паўла Піліпавіча.

З успамінаў Р.М. Калільца: «П.Ф. Минюк был сапером польской армии, знал подрывное дело и обучал партизан взрывать рельсы железной дороги. Сам изобрел мину «на карандаш». Это был самый эффективный, но опасный способ. Взрывчатка вкапывалась под рельсу, а на взрывчатку ставился взрыватель (запал). На запал торцом ставился сердечник из простого карандаша, и аккуратно вынималась чека. Под тяжестью паровоза карандаш ломался, и мина приводилась в действие. Этим способом подрыва эшелонов пользовались подрывники и других отрядов». Асабіста П.П. Мінюком і пры яго ўдзеле было падарвана 14 эшалонаў ворага.

З разгромам нямецкіх паліцэйскіх гарнізонаў партызаны ўзялі пад кантроль вялікую тэрыторыю ўздоўж чыгункі Жабінка – Кобрын – Лунінец – Баранавічы. У многіх населеных пунктах былі ўстаноўлены партызанскія камендатуры. У канцы 1943 г. па-

ліцэйскі гарнізон у Моталі быў разгромлены. Замест нямецкай у Моталі з'явілася партызанская камендатура (15 чалавек з ліку партызан атрада Я. Макарэвіча).

З успамінаў Р.М. Калільца: «В д. Мотоль партызанская комендатура была сздана в сентябре 1943 г. Комендантом был назначен бывший председатель поселкового совета Н.И. Калилец. Комендант имел печать с гербом БССР и надписью «Смерть фашистским оккупантам». Печатью удостоверялись пропуска, справки. Под руководством комендатуры была организована слесарно-токарная мастерская по ремонту и изготовлению оружия. В мастерской работали: мастера Я.М. Михович, А.А. Райкевич, токарем – И.Н. Райкевич, слесарями – Г.Н. Райкевич, Н.А. Стасевич, братья Алексей и Валентин Саевичи. В конце марта 1944 г. мастерская была перенесена в д. Тышковичи».

У канцы сакавіка 1944 г. у Іванава і Драгічын былі накіраваны рэгулярныя нямецкія часці і ўласаўцы з мэтай блакіраваць партызанскую зону і разграміць 1-ю Украінскую дывізію пад камандаваннем П.П. Вяршыгары. Асноўныя сілы партызан і каўпакаўцаў пачалі адыход, які забяспечвала рота атрада імя Я. Макарэвіча. З 28 сакавіка па 4 красавіка 1944 г. у раёне вёсак Калілы, Трыліскі, Моладава, Дастоева, Моталь, Тышкавічы ішлі цяжкія баі.

З успамінаў Р.М. Калільца: «Во второй половине марта 1944 г. в Мотоле расположилось соединение под командованием П.П. Вершигоры. Соединение находилось две недели. Было много раненых. Комендатура партизан и местное население оказывало помощь. Немцы с запада, юга и востока начали наступление на Мотоль. Оборонительные бои на подступах к Мотолю вела 2-я рота отряда Макаревича под командованием И.Н. Калильца. Бои продолжались 7 дней. Все соединения удачно отступили. Погибла пулемётная группа партизан из 5 человек, но враг временно был остановлен. Чтобы немцы не смогли преследовать ковпаковцев, через реку Ясельда был сожжён мост. В д. Тышковичи в бою с немецкими танками погибло 22 партизана».

Вораг быў часова спынены, што дало магчымасць выратавацца большай частцы насельніцтва. Партызаны з баямі адступілі ў Спораўскія балоты. Жорсткія баі ішлі каля вёскі Здзітава на рубяжы па рацэ Ясельда з карным атрадам СС і часцямі 5-й нямецкай дывізіі. Толькі праз два тыдні ворагу ўдалося фарсіраваць раку і выцесніць партызан у в. Спорава. Але ворагу не ўдалося прарвацца ў партызанскія лагеры. Тысячы мірных жыхароў былі выратаваны ад смерці. Партызанскія брыгады «Савецкая Беларусь» і імя Свядлова ўтрымалі абарону да злучэння з Чырвонай Арміяй.

Немцы ўварваліся ў Моталь і ўчынілі жорсткую расправу над мірным насельніцтвам. Фашысты падпалілі вёску, забівалі ўсіх, хто трапіўся на вочы. Згарэла ўся заходняя частка вёскі.

Даведка выканкама Іванаўскага райсавета дэпутатаў працоўных аб здзейсненых злачынствах нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў в. Моталь: «2 апреля 1944 г. при отступлении партизанского соединения Ковпака из Мотоля в направлении Ивацевичи – Телеханы немецкие захватчики ворвались в Мотоль и факелами подожгли жилые дома. В результате пожара сгорело 383 дома» [2, с. 168].

У ліпені 1944 г. атрад імя Я.Г. Макарэвіча налічваў 486 партызан. Атрад правёў 93 адкрытыя баі, у якіх знішчана каля паўтары тысячы фашыстаў, прыблізна столькі ж паранена [2, с. 187, 221].

Заклучэнне

У сярэдзіне ліпеня 1944 г. часці 55-й гвардзейскай стралковай дывізіі пад камандаваннем Героя Савецкага Саюза генерал-маёра А.П. Турчынскага 20-га стралковага корпуса 28-й арміі вызвалілі в. Моталь. Саўінфармбюро паведаміла аб гэтым так: «На паўночным захадзе і захадзе ад г. Пінска нашы войскі, развіваючы наступленне, авалодалі

раённымі цэнтрамі Пінскай вобласці – гарадамі Янаў і Целяханы, а таксама з баямі ўзялі звыш 50 іншых населеных пунктаў, у тым ліку Тышкавічы, Моталь» [2, с. 242].

На могілках в. Моталь у брацкай магіле пахаваны савецкія воіны і партызаны. У 1955 г. там быў устаноўлены абеліск, а ў цэнтры Моталю – помнік 187 моталіанам, якія загінулі на франтах Вялікай Айчыннай вайны. Я.Г. Макарэвіч пасмяротна ўзнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны I ступені і медалём «Партызану Айчыннай вайны» II ступені. Імем адважнага камандзіра названа адна з вуліц г. Іванава.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : документы и материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967. – Т. 1 : Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 744 с.

2. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Іванаўскага раёна. – Мінск : БелТА. – 592 с.

Romanovich P.S. Formation and Military Activity of Guerrilla Group Named after E.G. Makarevich (on the Memories of a Fighter G.N. Kalilets)

One of the priority directions of domestic and foreign historical science is the study of the history of World War II. For a deeper understanding of the underground and guerrilla struggle against the Nazis the memories of directly involved participants in the events are of great importance. In this article, based on the memoirs of Kalilets Gregory Nikitich, a fighter of the guerrilla group, the underground struggle of Komsomol members and activists of the village Motol, who became the creators and participants in military operations of the guerrilla group named after E.G. Makarevich is shown. The examples of undermining of German trains by partisans, the defeat of the German police garrisons, the activity of guerrilla commandant's office, the interaction of Belarusian partisans with the 1st Ukrainian Partisan Division under P.P. Vershigory, courage and death of partisans in combat with the enemy are given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2013

УДК 94 (476)

С.П. Стрэнкоўскі**ПРЫВІЛЕІ БЯРЭСЦЯ
ЯК ПРАВАВАЯ АСНОВА ЯГО САМАКІРАВАННЯ Ў XIV–XVIII стст.**

У артыкуле аналізуецца прывілеі, атрыманыя Брэстам на працягу існавання ў ім самакіравання, заснаванага на магдэбургскім праве. Выкарыстаны граматы, якія апублікаваныя ў друкаваных зборніках, і тыя, што знаходзяцца ў кнігах Метрыкі ВКЛ. Зроблены высновы аб тым, што прывілей на магдэбургскае права Брэсту 1390 года з'яўляецца пачатковым момантам у станаўленні традыцыі гарадскога права ВКЛ. У ім быў замацаваны шэраг палажэнняў, якія ў далейшым сталі падставой для фундацыйных прывілеяў іншым гарадам Беларусі. Адсутнасць у ім разгляду цэлага шэрагу пытанняў функцыянавання гарадскога самакіравання дала падставу для далейшага выкарыстання ў гарадскім праве вуснай традыцыі і звычайнага права. Вопыт, які такім чынам назапашваўся, далей знаходзіў адлюстраванне на старонках прывілеяў іншым гарадскім паселішчам. Абшчына самастойна выпрацоўвала нормы, якія датычыліся наменклатуры, колькасці і парадку выбараў службовых асоб самакіравання.

Уводзіны

Апошняя чвэрць XIV ст. для ВКЛ – гэта кропка біфуркацыі, калі пад уздзеяннем пагрозы, якая зыходзіла ад Тэўтонскага ордэна, названая дзяржава пайшла на аб'яднанне з Польшчай. Гэта абумовіла паступовае запазычанне структур улады і кіравання, якія былі ўласцівы для Польшчы. Такой дастаткова стэрэатыпнай для Польшчы XIV ст. формай гарадскога самакіравання было магдэбургскае права. Пры гэтым неабходна пагадзіцца з Ю. Бардахам, які лічыў распаўсюджанне магдэбургскага права ў ВКЛ часткаю ўсеагульнага цэнтральна- і ўсходнееўрапейскага працэсу рэцэпцыі нямецкага права [1, с. 24, 33]. Рэцэпцыя гэтая аблягчалася пэўным падабенствам магдэбургскага права і славянскіх звычаяў, якое падкрэсліваў у свой час В.А. Мацяёўскі [2]. Сёння гэтая думка праводзіцца А.Л. Рагачэўскім [3, с. 21–22].

Відавочна, што падараванне Вільні і Бярэсцю магдэбургскага права можна разглядаць і як вынік дзеяння ў гісторыі т.зв. QWERTY-эфектаў, бо Ягайлам быў выкарыстаны першы, ляжачы на паверхні ўзор гарадскога права, хоць у наяўнасці былі і больш распрацаваныя яго варыянты (напрыклад, хэлмінскае). Па меркаванні У.І. Пічэты, перш за ўсё магдэбургскае права давалі «вузлавым» гарадам (Бярэсце – «мост» паміж Польшчай і ВКЛ) [4, с. 426]. Пэўную ролю тут адыграла і барацьба Ягайлы з Вітаўтам, на што звяртаў увагу Р. Баравы [5].

Вывучэнне менавіта берасцейскага комплексу прывілеяў з'яўляецца актуальным, бо ў ім бярэ пачатак гарадское права ВКЛ. Разам з тым менавіта як пэўны комплекс берасцейскія прывілеі XIV–XVIII стст. не даследаваліся ні ў айчыннай, ні ў замежнай гістарыяграфіі. Спецыяльнае даследаванне гісторыі Бярэсця Т. Забэлы абмяжоўвалася толькі XVI ст., і вялікую ўвагу аўтар надаваў сацыяльна-эканамічнаму развіццю горада [6]. У працах жа В.Д. Дружчыца [7; 8] і З.Ю. Капыскага [9] берасцейскія прывілеі даследаваліся разам з граматамі іншых паселішчаў і таксама датычыліся XVI і XVII стст.

Задачамі нашага даследавання з'яўляюцца храналагічнае выкладанне прывілеяў, атрыманых горадам на працягу яго магдэбургскай гісторыі, выяўленне грамат гораду, якія змешчаны ў друкаваных крыніцах і Метрыцы ВКЛ, і іх аналіз. Таксама неабходна параўнаць нормы прывілеяў з рэальнымі мерапрыемствамі ў галіне самакіравання, якія адбываліся ў горадзе ў разглядаемы час. Для гэтага намі выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя метады (лагічны метады, аналіз, сінтэз, абагульненне), так і спецыяльна-гістарычныя метады (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны).

Фундацыйныя прывілеі на магдэбургскае права

Як ужо адзначалася вышэй, пачатак магдэбургскаму самакіраванню Бярэсця паклаў прывілей Ягайлы 1390 г., хоць самі па сабе нормы магдэбургскага права ў гэтай грамаце адсутнічаюць. Яго дыспазіцыя ўтрымлівае палажэнні аб пераводзе Бярэсця з «рускага» на магдэбургскае права; аб вызваленні берасцейскіх мяшчан ад усіх іншых правоў і звычайў, якія парушаюць апошняе, ад «усялякага суда і ўлады» ўсіх дзяржаўных службовых асоб; аб увядзенні суда войта, у тым ліку па крымінальных справах; аб падсуднасці войта толькі суду вялікага князя па магдэбургскім праве ў выпадку, калі яго выклікаюць спецыяльным лістом з асабістай пячаткай вялікага князя; аб надзяленні Бярэсця 60 ланамі зямлі і выплаце з яе чынша на дзень святога Марціна [10, с. 189–190]. У адрозненне ад віленскага прывілея 1387 г. тут утрымліваецца згадка аб вызваленні мяшчан ад улады службоўцаў дзяржавы. З другога боку, зусім адсутнічае парадак прызначэння войта і ўпамінанне аб іншых службовых асобах, парадак збору падаткаў. Відавочна, што гэтыя пытанні рэгуляваліся вуснай традыцыяй. Таксама адзначалася, што войт мае права ў крымінальных справах ажыццяўляць правасуддзе «па звычайу зямлі», абапіраючыся пры гэтым на «права нямецкае». Прычым абсяг яго ўладных паўнамоцтваў якраз і ляжыць у плоскасці судовай дзейнасці: судзіць, вырашаць справы, асуджаць і караць вінаватых. Напэўна, тут, як і ў граматах іншых гарадоў ВКЛ, такое падрабязнае апісанне правамоцтваў войта звязана з тым, што ў магдэбургскім праве не войт, а бургграф быў найвышэйшай судовай інстанцыяй у горадзе.

Амаль аднолькавы змест мае грамата на магдэбургскае права, якая дадзена Бярэсцю Вітаўтам 25.01.1408 г. [11, с. 3–5]. Яна адрасавана ўсім жыхарам горада: «немцам і палякам і ўсіх нацый людзям, якія належаць хрысціянскай веры і рэлігіі каталіцкай, як немцы і літоўцы, і ўсім схызматыкам неафітам». Пры гэтым дзеянне магдэбургскага права не распаўсюджваецца на русінаў-праваслаўных. Вітаўт дае ў поўнае валоданне Бярэсцю вёску Казловічы, што паклала пачатак наяўнасці ва ўласнасці магдэбургскіх гарадоў ВКЛ вёсак, засценкаў, фальваркаў як агульнагарадской уласнасці. Менавіта такія сельскія паселішчы ў ВКЛ карысталіся нямецкім правам у адрозненне ад той жа Польшчы, дзе яго мела вялікая колькасць вёсак. У якасці прыкладу Бярэсцю вялікі князь прыводзіць Люблін, што ў далейшым выклікае, у прыватнасці, запазычанне люблінскіх нормаў берасцейскімі цэхамі.

Бярэсце атрымала прывілей на магдэбургскае права ад Казіміра Ягелончыка ў 1440 г. [11, с. 16–18]. Прывілей датычыўся жыхароў усіх нацый і веравызнанняў, паўтараў змест папярэдніх, аднак разам з войтам прыгадваў радцаў. Гэтыя прывілеі трэба разглядаць у комплексе, бо яны не пацвярдзальныя, а раўназначныя.

28.07.1495 г. грамату, якая адначасова датычылася горада і разам з тым прызначала новага войта, выдаў вялікі князь Аляксандр. Пацвярджаючы гораду магдэбургскае права, гаспадар растлумачыў парадак выбараў бурмістраў. Штогод войт з выбраных радцаў павінен быў вызначыць і канфірмаваць 2 бурмістраў [12, с. 26–28]. У 1505 г. ў суботу перад Вербнай нядзеляй Аляксандр яшчэ раз пацвердзіў Бярэсцю магдэбургскае права [13, арк. 79–90].

Ільготныя і пацвярдзальныя прывілеі XVI–XVIII стст.

Вялікі князь Жыгімонт Стары 20.09.1511 г. пацвердзіў берасцейскім мяшчанам магчымасць збіраць у гарадскую скарбонку даходы ад мераў збожжа, мёду, гандлёвых і хлебных сталкоў, мядовых, піўных і вінных гандляў, гандлю гарэлкай на ратушы, мясных ятак, крамаў, пастрыгальні, васкабойні. Было дазволена пабудаваць гарадскую лазню з прыбыткам на ратушу. Уводзілася 3 кірмашы: на актаву Трох Каралёў, дзень святога Войцеха, дзень святога Баўтрамея. Усё гэта закладвала фінансавую аснову гарадскога самакіравання. Старасту забаранялася судзіць мяшчан і кіраваць імі. Духоўныя і свец-

кія падданыя, якія займаліся рамяством і гандлем, павінны былі супольна з іншымі мяшчанамі плаціць серабшчыну, напраўляць паромы і масціць масты падчас прыезду вялікага князя і праваднікоў. Пад «знакамітага чалавека» мяшчане павінны былі даваць не болей за две падводы і двух праваднікоў [14, с. 93–95; 15, с. 87–88; 16, с. 455–457; 13, арк. 79–90]. Канфірмацыйны прывілей Жыгімонт Стары выдаў і ў 1520 г. [13, арк. 79–90].

Як бачым, берасцейскія мяшчане шырока выкарыстоўвалі магчымасць звяртання да вялікага князя з мэтай рэгулявання падатковых і павіннасных адносін, упарадкавання гарадскога скарбу. Гэтая практыка працягвалася і далей. Жыгімонт Стары 05.05.1525 г. вызваліў мяшчан Бярэсця ад дачы падвод і праваднікоў паслам, а пакідаў такі абавязак толькі ў дачыненні да тых, хто будзе мець лісты з уласным подпісам вялікага князя [17, с. 376–377]. Ён жа 23.06.1525 г. вызваліў берасцейскіх мяшчан ад дачы шасці коней на прыезд вялікага князя, даў ім права збіраць маставое мыта на Мухаўцы, Угрынцы і Струзе па паўгроша ад купецкага воза, ад купецкага каня па 2 пенязі, ад буйной жывёлы па пенязю, ад пяці дробных жывёл таксама па пенязю. За гэтыя грошы мяшчане павінны былі рамантаваць адпаведныя масты, а таксама набываць зброю. Абавязак рамантаваць паркан ускладаўся як на мяшчан магістрацкай юрысдыкцыі, так і на княжацкіх, панскіх і духоўных мяшчан [17, с. 388–389].

Жыгімонт Аўгуст 21.11.1551 г. выдаў гораду прывілей, якім перадаў на карысць абшчыны чынш з 60 гарадскіх ланаў зямлі [18, арк. 58адв.–60]. За гэта горад павінен быў справіць гадзіннік і трымаць трубача, а таксама забяспечыцца «речми бронными для беспечнейшаго мешканья». Таксама кароль вызваліў магдэбургскую абшчыну ад падводнай павіннасці.

Генрых Валуа 10.04.1574 г. пацвердзіў Бярэсцю прывілеі на магдэбургскае права вялікіх князёў Ягайлы, Вітаўта, Казіміра, канфірмацыйныя прывілеі вялікіх князёў Аляксандра 1505 г., Жыгімонта I 1520 г., Жыгімонта Аўгуста. Дадзеная грамата не ўносіла ніякіх змен і не ўтрымлівала дапаўненняў [19, арк. 22–24адв.].

У час міжкаралеўя мяшчане Бярэсця атрымалі прывілей ад паноў-рады ВКЛ, які дазволіў ім набываць солад для вырабу піва «на стороне за местом», а таксама ў сваіх броварах варыць піва і сыціць мёд і гандляваць імі, не даючы ў каралеўскі скарб ніякіх падаткаў і капшчыны [20, арк. 154–154адв.]. Ён быў пацверджаны 30.05.1579 г. У гэты ж дзень берасцейскія мяшчане атрымалі права браць маставое ад кожнага купецкага каня па 1 пенязю на гарадскі прыбытак [20, арк. 152адв.–153адв.].

Стэфан Баторый прывілеем ад 03.01.1580 г. дазволіў берасцейскім мяшчанам спаганяць «на ратуш» з купцоў маставое мыта па 2 пенязі з воза, у які запрэжаны 1 ці 2 кані, і па 4 пенязі з воза, запрэжанага 4 канямі, па прычыне вялікіх выдаткаў на рамонт мастоў на рэках, а таксама на брукаванне горада [21, арк. 2–3].

Жыгімонт Ваза па просьбе мяшчан Бярэсця павялічыў памер маставага мыта да 4 пенязяў ад кожнага каня, нягледзячы на колькасць запрэжаных у воз коней. Маставое не спаганялася толькі са шляхты і іх падвод. Немагдэбургскія мяшчане, якія не жадалі ўдзельнічаць у рамонце мастоў, павінны былі выплачваць мыта, як купцы з іншых гарадоў. Прывілей датаваны 13.03.1595 г. Гандлярам, якія прыезджалі ў Бярэсце, не дазвалялася гандляваць збожжам і іншымі прадуктамі харчавання на прадмесцях і па вуліцах. Прычым падданыя немагдэбургскіх юрыдык і перакупнікі з іншых гарадоў не маглі набываць тавары, «покул знак местский на ратушу вывешон будеть» [22, арк. 313адв.–315]. Прывілеем ад 07.05.1596 г. Жыгімонт III вызваліў Бярэсце ад старога мыта ад усялякіх тавараў на берасцейскай каморы, спасылаючыся на грамату Вітаўта, якая згарэла ў ліку іншых разам са скрынкай месцкай у доме райцы Андрэя Слупскага ў час пажару рынка 15.11.1595 г. Грамата датычылася як магдэбургскай абшчыны, так і яўрэяў [23, арк. 81адв.–82адв.]. 18.06.1607 г. кароль дазволіў Бярэсцю праводзіць кірмашы на Дзень Святога Лукі Евангеліста, Дзень Святой Агнэты, Узнясенне Пана

[24, арк. 48–49]. Граматай 28.02.1631 г. Жыгімонт Ваза канфірмаваў мяшчанам уста-наўленне маставаго памерам у 2 шэлягі ад фурманскіх вазоў і купцоў, за выключэннем «стана духоўнаго і шляхты» [25, арк. 469–469адв.]. 16.08.1631 г. Жыгімонт III пацвердзіў прывілеі на магдэбургскае права Ягайлы, Вітаўта, Казіміра, канфірмацыйныя прывілеі Аляксандра 1505 г., Жыгімонта Старога 1511 і 1520 гг., Жыгімонта Аўгуста 1551 г., Стэфана Баторыя 21.12.1576 г. Грамата ўключала поўныя тэксты названых прывілеяў, агаворвала права свабоднай элекцыі службоўцаў горада цэхмістрамі і абшчынай, а таксама прысягу ландвойта (*viceadvocatus*) [13, арк. 79–90]. Менавіта гэты прывілей нарматыўна падмацоўваў звычай, які ўжо бытаваў у горадзе раней, аб чым сведчаць элекцыйныя акты (напрыклад, 1589 г. [9, с. 103], 1625 і 1626 гг. [26, арк. 481, 600], 1650 г. [27, арк. 336]). З актаў відаць, што выбары ў Бярэсці адбываліся на Серадапосце. Абшчына самастойна вызначала аплату працы сваіх службоўцаў. Так, у апошнім з прыведзеных выпадкаў пісару Базылю Раповічу прызначалася штогадовая «пенсія» ў 10 коп літоўскіх грошаў.

Прыгданую грамату Жыгімонта III пацвярджае яго ж ліст да дзедзічнага войта Бярэсця Казіміра Тышкевіча 16.04.1632 г. [28, арк. 109–109адв.]. Кароль загадаў войту прынесці ў ратушы прысягу па нормах *Juris Maydeburgensis* і прытрымлівацца іх у сваёй дзейнасці. Прысяглага ландвойта войт павінен быў прызначыць са складу магістрата. Суды па крымінальных і «вялікіх» правах ён павінен быў ажыццяўляць згодна з правіламі *juditium compositam* разам з усім складам магістрата ў ратушы. Таксама і іншыя справы войту прадпісвалася разглядаць разам з лаўнікамі ў ратушы. Асабіста і ў сваім доме войт мог судзіць толькі тыя справы, якія не перавышалі 10 коп грошаў, што ўскосна адпавядае віленскаму судовому вількеру. Членаў магістрата войт мог судзіць толькі разам з усім яго складам. Прадпісвалася не забараняць апеляцыі да караля і задворнага суда. Падаткі дазвалялася збіраць магістрату і перадаваць не войту, а адразу да паборцаў. Войт не павінен быў спаганяць віну ў памеры большым, чым вызначалі нормы магдэбургскага права (на практыцы, відаць, «Уставы выплат» Б. Граіцкага) і прывілеі горада. Гэты ліст пацвердзіў 15.02.1633 г. новы кароль Уладзіслаў IV.

Граматай ад 19.02.1633 г. Уладзіслаў ізноў пацвердзіў магдэбургскія прывілеі Бярэсця. У грамаце гаворыцца, што прывілеі, напісаныя на пергаменце лацінскай мовай, былі «у адной кнізе змешчаныя» [28, арк. 79–80]. Такім чынам, можна меркаваць аб наяўнасці ў Бярэсці такой жа кнігі прывілеяў, як у Вільні, Віцебску, Гародні.

Уладзіслаў IV асобна агаворвае некаторыя гарадскія парадкі. Так, бурмістры і шафары павінны былі штогод на Серадапосце рабіць «лічбу» перад васьмю дэпутатамі, абранымі паспольствам. Прычым войт і ландвойт умешвацца ў гэта не маглі. Пацвярджаецца выкананне гэтай пастановы запісам у актавай кнізе ад 11.03.1637 г., калі былі выбраныя 8 дэпутатаў «для слухання лічбы»: па 2 ад рынку і ад вуліц Замухавецкай, Заўбрынецкай, Пясецкай [29, с. 15]. Шафараў у горадзе штогод выбіралі два: адзін загадваў прыбыткамі, а другі – выдаткамі [29, с. 602]. Увесь горад на год выбіраў шпітальных апекуноў, якія адказвалі за ўтрыманне «рускага шпіталя» і штогод рабілі справаздачу [29, с. 793].

Па грамаце Уладзіслава войт павінен быў прызначаць ландвойтам аседлага мяшчаніна з ліку магістрата. Войту і ландвойту забаранялася судзіць разам з лаўнікамі бурмістраў і райцаў. Такі суд мог адбывацца толькі на супольным пасяджэнні лавы і рады. Войт не мог забараняць апеляцыю да каралеўскага суда, для чаго павінен быў выдавацца выпіс з гарадскіх кніг з войтаўскай і радзецкай пячаткамі. Войту і ландвойту забаранялася «свавольна і бяспраўна» абцяжарваць берасцейскіх мяшчан вінамі. Рабіць гэта можна было толькі па рашэнні рады. Суды прадпісвалася адпраўляць згодна «Саксоне права Майдэбургскага». Мяркуючы па актавых кнігах магістрата, у Бярэсці карысталіся лацінскамоўнымі выданнямі М. Яскера, польскамоўнымі «Парадкам судоў»,

«Артыкуламі» і «Учынкам» Б. Граіцкага, а таксама «Саксонам» П. Шчэрбіча. Ландвойт, лаўнікі і іншыя мяшчане, якія называлі сябе войтаўскімі слугамі, а жылі на магдэбургскіх землях, павінны былі несці ўсе гарадскія падаткі і павіннасці нароўні з магдэбургскімі мяшчанамі. Гэта датычылася таксама яўрэяў, якія жылі на гарадскіх плацах [28, арк. 80–80адв.].

Апошні вядомы канфірмацыйны прывілей Бярэсцю выдаў Аўгуст III 20.11.1744 г. [31, с. 547–550]. Грамата ўскосна пацвярджае існаванне ў XVIII ст. традыцыі выбарання бурмістрамі па адной асобе «рымскага» і «грэчаскага» спавядання (у дадзеным выпадку Павел Сегяневіч і Дзям’ян Татарыновіч). У ёй прыгаданы два прывілеі папярэднікаў гэтага караля. Ян Казімір 27.07.1661 г. вызваліў горад ад усіх «цяжараў ваенных» (ізноў жа прыгаданы бурмістры – католік і «рускі»: Габрыэль Раманоўскі і Раман Матфіевіч). Кароль забараніў ландвойту ўмешвацца ў суд бурмістраў і радцаў, за выключэннем крымінальных спраў. Яму забаранялася сведчыць акты на землі і іншыя «вечнасці». Берасцейскія суды павінны былі кіравацца «плебісцытам Віленскім». Апеляцыя ад дэкрэтаў бурмістроўска-радзецкага суда павінна была накіроўвацца адразу да караля, а не да войта. Тым, хто абражаў на сесіі ўрад словамі, пагражала закаванне ў «куну». Дамы магістрацкіх асоб вызваліліся ад пастояў. Усе хрысціяне, яўрэі і татары, якія жылі ў горадзе і займаліся гандлем і рамяством, павінны былі падначальвацца і судзіцца ў магістраце і несці ўсе павіннасці разам з магдэбургскай абшчынай. Гораду перадаваліся кадуковыя маёмасці, на якія не было прэтэндэнтаў на працягу 3 гадоў. Граматай ад 1672 г. прывілей Яна Казіміра пацвердзіў Міхал Вішнявецкі. У актавым запісе берасцейскага магістрата за 1726 г. прыгадваюцца таксама прывілеі Яна III і Аўгуста II, «каб людзі розныя, якія жывуць на землях панскіх, духоўных, кляштарных і маюць заробак з занятку рамяством у горадзе, аддаўшы пану штогадовы чынш, усе павіннасці, якія належаць гораду, выконвалі і судам войта і яго намесніка падлягалі» [40, с. 389].

Заклучэнне

Такім чынам, можна сцвярджаць, што прывілей Бярэсцю 1390 г. на магдэбургскае права з’яўляецца пачатковым момантам у станаўленні традыцый гарадскога права ВКЛ. У ім быў замацаваны шэраг палажэнняў, якія ў далейшым сталі асновай для фундацыйных прывілеяў іншым гарадам Беларусі. Акрамя таго, нераспрацаванасць у ім многіх пытанняў функцыянавання гарадскога самакіравання стварала падставу для далейшага выкарыстання вуснай традыцыі і звычаёвага права. Вопыт, які назапашваўся, знаходзіў адлюстраванне на старонках прывілеяў іншых гарадскіх паселішчаў ВКЛ. Мяшчане Бярэсця актыўна ўдзельнічалі ў дзейнасці самакіравання горада. Можна канстатаваць, што менавіта абшчына вызначыла тую колькасць бурмістраў, радцаў і лаўнікаў, якая існавала ў горадзе на працягу магдэбургскага перыяду. У далейшым грамадою былі створаны такія дадатковыя пасады гарадскога самакіравання, як шафары, дэпутаты і шпітальныя апекуны, існаванне якіх было замацавана каралеўскімі прывілеямі. Парадак жа іх абрання быў вызначаны самімі мяшчанамі. Мяшчане Бярэсця звярталіся да гаспадароў па ільготныя і імунітэты прывілеі, якія стваралі фінансавы падмурак самакіравання. Усе нададзеныя гораду прывілеі рэалізаваліся на практыцы, былі прававымі падставамі для існавання і дзейнасці органаў самакіравання, прыняцця імі рашэнняў па канкрэтных справах жыхароў горада і яго ваколіц.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Bardach, J. Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII wieku / J. Bardach // Kwartalnik historyczny. – R. 87. – № 1. – Warszawa, 1980.

2. Macejowski, W.A. Historia miast i mieszczan w kraiach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. / W.A. Macejowski // Roczniki towarzystwa przyjaściół nauk. – Poznań, 1890. – t. XVII. – Z. 2.
3. Рогачевский, А.Л. Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 153 с.
4. Пичета, В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В.И. Пичета. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 547 с.
5. Баравы, Р. Атрыманне магдэбургскага права Берасьцем і палітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім на мяжы XIV–XV стст. / Р. Баравы // Беларус. гіст. агляд. – Т. 1, сш. 1. – Мінск, 1994. – С. 38–53.
6. Забэла, Т. Места Берасцейскае ў XVI ст. / Т. Забэла // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 8. Працы клясы гісторыі. – Менск, 1929. – Т. III. – С. 83–109.
7. Дружчыц, В.Д. Войты і іх улада ў беларускіх месцах з магдэбургскім правам / В.Д. Дружчыц ; Інбелкульт. – Мінск, 1928. – 58 с.
8. Дружчыц, В.Д. Магістрат у беларускіх месцах з магдэбургскім правам у XV–XVII стагоддзях / В.Д. Дружчыц. – Мінск : Друкарня Беларус. акад. навук. – 31 с.
9. Копыский, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1975. – 191 с.
10. Стрэнкоўскі, С.П. Прывілеі і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV – канцы XVIII стагоддзя : манаграфія / С.П. Стрэнкоўскі. – Мінск : МГІРА, 2008. – 251 с.
11. Акты Литовско-Русского государства / изд. М.В. Довнар-Запольским. – М. : Универ. тип., 1899. – XII, Вып. 1. – 258 с.
12. Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединённых с ней владений / под ред. М. Круковича. – Вильна, 1858. – VIII, 164 с.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 104. Прывілеі і іншыя акты.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. – СПб, 1848. – 437 с.
15. Lietuvos Metrika. Knyga № 9 (1511–1518) / Parengė K. Pietkiewicz. – Vilnius : Zara, 2002. – 615 p.
16. Lietuvos Metrika. Knyga № 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antonavičius. – Vilnius, 1995. – 708 p.
17. Lietuvos Metrika. Knyga № 12 (1522–1529). – Vilnius : Zara, 2001. – 854 p.
18. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 35. Метрыка прывілеяў, данін, пацвярджэнняў.
19. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 57. Прывілеі, пажалаванні, пацвярджэнні.
20. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 64. Метрыка караля Стэфана.
21. НГАБ. Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 66. Прывілеі, пажалаванні, пацвярджэнні.
22. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 78. Прывілеі і пажалаванні.
23. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 83. Прывілеі, пацвярджэнні і пажалаванні.
24. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 89. Прывілеі, пажалаванні, пацвярджэнні.
25. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 99. Прывілеі на розныя пасады, старосты, арэнды.

26. НГАБ. – Фонд 1786. – Воп. 1. – Спр. 1. Актавая кніга брэсцкага магістрата 05.10.1623 – 01.10.1626.

27. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 123. Прывілеі, пажалаванні, пацвярджэнні.

28. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 106. Прывілеі, пажалаванні і дэкрэты Уладзіслава IV.

29. НГАБ. – Фонд 1786. – Воп. 1. – Спр. 2. Кніга брэсцкага магістрата 19.01.1637 – 30.12.1641.

30. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 173. Кніга меншай канцылярыі.

31. НГАБ. – Фонд 1786. – Воп. 1. – Спр. 5. Кніга актаў магдэбургскіх брэсцкіх ад 1708 да 1739 года.

Strenkovski S. Brest Privileges as a Legal Basis of Self-Government in the 16-18th Centuries

In this article the author analyzes the privileges received by Brest during the existence of self-government, based on Magdeburg rights. Certificates previously published in the printed collections, and the Metric books of the Grand Duchy of Lithuania were also used by the author. Conclusions are made about the fact that the privilege of the Magdeburg right given to Brest in 1390 is the starting point in the development of the town law traditions in the Grand Duchy of Lithuania. That privilege fixed a number of provisions, which later became the basis for fundamental privileges of other Belarusian cities. The lack of taking into consideration a number of issues related to city self-government functioning created the basis for further use of oral tradition and customary law. Accumulated experience was further reflected on the pages of other urban settlements privileges. The community itself developed standards concerning the nomenclature, the number and the elective order of the self-government officials.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.10.2011

УДК 271.222 (470+571) – 86 «17–19»

С.В. Таранец

НОВАТОРСТВО В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СРЕДЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.

Старообрядцы умели плодотворно сочетать традицию и новацию. Они создали технологически самую передовую российскую промышленность, стали первопроходцами на пути внедрения новых методов экономического развития, изобретателями технических новшеств. Старообрядцы шли в первых рядах строительства крупной машинной индустрии. Их предприятия были оснащены лучшим оборудованием, в т.ч. мощными силовыми установками (генераторами, турбинами, вентиляторами, лампами) и электричеством, что существенно улучшило условия труда рабочих, на них работали высококлассные специалисты из Англии и Германии. Продукция предприятий староверов выдерживала конкуренцию не только в России, но и за рубежом, вытеснив аналогичные английские, немецкие и французские товары из ряда азиатских стран. Старообрядцы выпустили первый в России автомобиль, создали первую многотоннажную нефтеналивную баржу и одними из первых начали добычу нефти, осуществили первое отечественное производство оптических, механических и медицинских инструментов. Они применяли технические новшества в судоходстве и сельском хозяйстве, проложили путь в социально-экономическом и культурном развитии Западного Казахстана, Южного Урала, Дона, Дальнего Востока. В ряде российских регионов положили начало регулярному хлебопашеству, создали передовое рыбное хозяйство. И все же, несмотря на широкое применение технических новшеств на производстве, в быту староверы, как правило, сохраняли традиционный уклад жизни.

Введение

Несмотря на то, что русские старообрядцы на протяжении XVIII – начала XX в. являлись инициаторами внедрения технических новшеств в развитие торговли и промышленности, их традиционно считали ретроgrадами. Такое отношение к староверам сформировалось ввиду приверженности представителей древнего православия к старым обычаям и обрядам, которые, как правило, распространялись на веру и быт старообрядцев и в то же время мало были применимы в экономической сфере. В этой связи очень важно показать реальную роль русских старообрядцев в развитии российской экономики, развенчать не соответствующие действительности мифы.

По замечанию московского исследователя предпринимательства А.В. Стадникова, старообрядчество одновременно сочетало в себе два противоположных полюса: традицию и новацию [1, с. 91]. Огромные богатства династий Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Кузнецовых, Трындиных, Третьяковых, Солдатенковых, Рахмановых, Громовых, Дехтеревых, Дубининых, Степуниных, Гусевых, Шамовых, Крестовниковых выросли прежде всего на принципах трудолюбия, взаимовыручки, единства корпоративных и семейных связей, социальной деятельности и религиозного сообщества, на стремлении к независимости, в условиях гнета со стороны государства и господствующей Церкви.

На пути к новым формам хозяйствования

Ученые, не вполне знакомые с экономической деятельностью старообрядцев, ошибочно зачисляют их в число ретроgrадов, которые категорически не принимали бытовых и технических новаций. Не соглашается с такой постановкой вопроса петербургский исследователь староверия Н.Ю. Бубнов: «Распространенное представление о старообрядцах как ретроgrадах, явных врагах новаций в культуре, сторонниках исключительно национальной православной ориентации не находят реального подтверждения в материалах нашей работы» [2, с. 367]. Ученый видит в старообрядцах культурных и образованных для своего времени людей, которые были хорошо знакомы с широким кругом национальной и западноевропейской исторической и художественной литературы. Купцы-староверы не только шли в ногу со временем, но и опережали его. Во многих отраслях хозяйства они стали пионерами внедрения новых методов его веде-

ния, равно как изобретателями технических новшеств. По определению профессора И.В. Поздеевой, старообрядцы создали ткацкие фабрики, являвшиеся одними из передовых в Европе, открыли первое в России производство алюминия и пластмасс, построили первые нефтеналивные суда, основали первый аэродинамический институт, первый музей народного искусства [3, с. 18]. Еще в 1875 г. в Москве комиссия Рогожской старообрядческой общины разрешила использовать фотоаппарат. Впервые на бумаге были запечатлены интерьеры и экстерьеры храмов Рогожского кладбища [4, с. 50].

Исследовавшая быт староверов Верхокамья К.Г. Мяло справедливо отмечает, что дело обстояло гораздо сложнее, что «т.н. «новшества» не распространялись только на соборных старцев «от обмирщения, т.е. от соприкосновения их с окружающей скверной. Для старцев изготовлялась одежда из домотканного полотна и обязательно изготовленными в общине ножницами, питались старцы из специально изготовленной посуды, тогда как для остальной части населения Верхокамья новшества не были чуждыми. Еще в начале XX в. здесь активно использовались заводские жатки, сеялки, веялки, швейные машины, керосиновые лампы и т.д.» [5, с. 97]. Даже беспоповский крестьянский быт и хозяйство не были враждебно настроены к проникновению в их среду техники, а поддержка местных ремесел обретала некий высший, священный смысл.

Велико новаторство старообрядцев в регионах России. В начале XVIII в. на Олонечких металлургических заводах работало от 80 до 100 тыс. человек, большая часть из которых принадлежала к староверию. Ценил труд, технические знания, упорство, трезвость и трудолюбие старообрядцев, правительство, несмотря на жесткие преследования в других регионах страны, шло на уступки в отношении олонечских беспоповцев. В заводских поселениях им было разрешено иметь даже свои храмы. Одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии стало применение паровых двигателей. Как отмечал В.И. Ленин, «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [6, с. 514]. В этом деле старообрядцы шли в первых рядах. Лучшими машинами были оснащены текстильные фабрики купцов-староверов Зубовых и Кубаревых в п. Клиницы Черниговской губернии [7, с. 174]. Важно отметить, что у М. Кубарева не встречались классических форм эксплуатации. Во время работы и за пределами предприятия слышалось веселое пение трудящихся, что свидетельствовало не только о хороших условиях труда, но и об адекватном вознаграждении за него.

В 1857 г. на фабрике Коноваловых в Вичуге Костромской губернии установили паровую машину мощностью в 30 лошадиных сил. В 1862 г. эта фабрика была оснащена 84 импортными механическими ткацкими станами. В 1880 г. на предприятии в д. Бонячки действовало семь корпусов, в которых работало более 2 тыс. рабочих. Для них были построены казармы, торговые лавки, баня и школа. В 1871 г. стараниями семейства Коноваловых от Вознесенска до Кинешмы была проложена новая железная дорога, благодаря чему товары из этого региона быстро доставлялись не только в Москву, но и в др. регионы империи. В Каменке А.П. Коновалов создал конкурентоспособное отбельно-красильное производство, в несколько раз увеличил количество ткацких станков, продолжил строительство прядильного цеха, для рабочих построил жилой квартал «Сашино». В начале XX в. эта фабрика была оснащена мощными силовыми установками, в частности, паротурбогенератором трехфазного тока и генератором мощностью в 520 киловатт, турбиной системы Цели. Освещение на фабрике было электрическое.

Лучшим предприятием Юго-Западного края был завод киевского купца-старовера Р.П. Дехтерева, который поставлял оборудование для сахарной и винокуренной промышленности Правобережной Украины. Это предприятие принадлежало к лучшим в своей отрасли. Оно выдерживало конкуренцию с аналогичными зарубежными заводами.

Как отмечал киевский гражданский губернатор И.И. Фундуклей, для сахарной промышленности региона завод поставлял фильтры, медное и другое оборудование; для спиртовой промышленности – трубы, запорную арматуру, ректификаторы, паровые котлы и машины, а также другие изделия народнохозяйственного значения. В 1844 г. по заказу крупного сахарозаводчика Правобережной Украины, положившего начало сахарной промышленности в этом регионе, графа А.А. Бобринского завод Р.П. Дехтерева изготовил первый паровик высокого давления мощностью в 20 лошадиных сил [8, с. 86].

В 1857 г. на ткацких фабриках М.Я. Рябушинского в г. Малый Ярославец работали станки из Манчестера. Своеобразным толчком к технической модернизации предприятий послужили пожары. Например, пожар 1874 г. на Чуриковской фабрике стал «причиной» развития производства в Вышнем Волочке: для обеспечения фабрик электроэнергией здесь была построена электростанция. За высокое качество продукции изделия промышленных предприятий Рябушинских удостоивались права изображения на них Государственного герба. Вышневолоцкая фирма была соединена с Николаевской железной дорогой [9, с. 154].

В 1916 г. Сергей Павлович и Степан Павлович Рябушинские стали соучредителями завода «Автомобильное Московское общество», которое выпустило первый в России автомобиль [10, 367].

Происходивший из крестьян Вятской губернии беспоповец безбрачного согласия Яков Иванович Шишкин не только построил, но и запустил в производство альбуминовые заводы в Самаре, Харькове, Петербурге, Москве, Одессе, Оренбурге и Туле. Примечательно, что 80% производимой на них продукции уходило на экспорт в страны Западной Европы [11, с. 15].

Знаменитый нижегородский предприниматель П.Е. Бугров впервые применил в судоходстве техническую новинку: он перевел баржи на конную тягу, причем лошади двигались не по берегу реки, а крутили вал барабана непосредственно на барже, подтягивая специально заброшенный вперед якорь. Вновь изобретенные коноводки не только двигались вчетверо быстрее бурлаков (в день вместо 5 они проделывали около 20 верст), но и повысили грузоподъемность барж с 35 тыс. пудов до 80 тыс. пудов [12, с. 152].

В начале XX в. в России по темпам и качеству технической модернизации первое место занимала текстильная (хлопчатобумажная) промышленность, которая главным образом была сосредоточена в руках купцов-старообрядцев [13, с. 25]. Благодаря староведам на ивановских фабриках усовершенствовали приемы ткачества: здесь начал применяться челнок-самолет, а крашение ситца проводилось с использованием прочных заварочных способов. Династия купцов-староверов Бурлыных механизировала производство.

В 40-х годах XIX в. на фабрике купцов Красильщиковых в Родниках из кирпича были возведены специальные производственные корпуса, оборудованы механические бумаготкацкая и красильно-аппретурная фабрики, на которых использовали силу пара. В 1860 г. на этом же предприятии была построена механическая ткацко-красильно-бельная фабрика, применена первая паровая машина. Благодаря внедрению передовых технологий по уровню промышленного производства фабрика в Родниках вышла на первое место в Юрьевском уезде Костромской губернии [14, с. 241]. Уже в конце 80-х гг. XIX в. корпуса этого предприятия освещались при помощи газа, на его территории были построены новые склады и пожарное депо.

Поддерживая техническое совершенствование своих предприятий, братья Красильщиконы пригласили к себе инженеров (химика А.О. Горева, технолога П.П. Матисена) и др. специалистов, имеющих высшее техническое образование. И.Г. Красильщиков заботился не только о повышении квалификации своих рабочих, но и о достойных заработках для них. В начале XX в. квалифицированный рабочий принадлежащего им текстильного комбината получал самую высокую заработную плату в Костромской гу-

бернии. В 1916 г. на комбинате работало около 10 тыс. чел., а стоимость всех предприятий Красильщиковых оценивалась в 16 млн руб. – огромную по тем временам сумму.

На фабриках купца И.И. Скворцова работали выписанные из Англии мастера и механики, которые следили не только за наладкой станков, но и их работой. Здесь были построены фабричные квартиры повышенного комфорта для мастеров, машинистов, прядильщиков и подмастерьев. Все служащие обеспечивались отдельными домиками на одну-две семьи, а также квартирами с электрическим освещением, садом и огородом. На постройку домов рабочим на предприятии выдавались специальные ссуды, а имеющим собственные квартиры выплачивались квартирные деньги. Для нужд трудящихся были созданы школа, училище, библиотека, больница и др. объекты социального назначения.

В ряду наиболее развитых и крупных во Владимирской губернии предприятий была фабрика купцов-старообрядцев Кокушкиных. В 1898 г. на Лежневской фабрике А.В. Кокушкина было установлено электрооборудование: динамо-машина, два трехфазных генератора, 400 электроламп. Уже через два года здесь же установлен новый генератор. В начале XX в. в корпусах этой фабрики размещались турбина, мотор трехфазного тока, вентиляторы и лампы, что заметно улучшило условия труда рабочих. В 1910 г. на фабрике был построен новый корпус и приобретено более 600 усовершенствованных ткацких станков [14, с. 254].

Фарфоровые заводы знаменитого М.С. Кузнецова определяли технический прогресс российской фарфоровой промышленности. Именно Кузнецовы первыми в России применили кусковый торф для обжигания посуды. Заводчик заключил с немецкой фирмой «Товарищество Винцер Кильн» договор на использование муфельной печи, благодаря чему повысилось качество обжига живописи по фарфору [15, с. 267]. Кузнецовы осуществили продвижение российского фарфора на зарубежные, прежде всего восточные рынки. Своей продукцией они вытеснили немецкий, английский и французский фарфор из Персии, Афганистана и Монголии. Для развития искусства живописи по фарфору ежегодно на средства М.С. Кузнецова в Строгановской школе технического рисования обучалось несколько мальчиков из Гуслиц. Владельцем крупнейшего в России фарфорового предприятия была учреждена стипендия Академии художеств. На заводах купца были учреждены премии для лучших рабочих. Благодаря вниманию, которое уделял М.С. Кузнецов своим рабочим и предприятиям, у него на производстве сосредоточились ведущие живописцы страны [15, с. 268].

В 1907 г. в доме старообрядца М.С. Кузнецова Н.П. Рябушинский организовал выставку художников-авангардистов «Голубая роза», на которой среди прочего были представлены декоративные росписи блюда по мотивам сказки «Садко», выполненные работавшим на кузнецовских предприятиях художником М.А. Врубелем.

Новаторским подходом к делу отличался один из крупнейших русских фабрикантов Д.И. Морозов, который построил железную дорогу, позволившую соединить г. Богородск с Московско-Нижегородской линией [16, с. 201]. Железная дорога была проложена к текстильному предприятию Г.К. Горбунова в с. Киселеве Костромской губернии. Фабрика работала на электричестве и имела объекты социальной инфраструктуры [17, с. 132].

Новейшее оборудование, эффективные зарубежные красители и американский хлопок использовались на Никольской мануфактуре купцов Морозовых. Продукция этой фирмы отличалась высоким качеством и пользовалась большим спросом среди населения страны.

Владелец крупной в Нижнем Новгороде судоходной компании Д.В. Сироткин построил первую на Волге нефтеналивную баржу грузоподъемностью в 10 тыс. тонн [18].

В.А. Кокорев открыл в Сураканах завод по производству осветительного газа из нефти, создал Бакинское нефтяное общество. В Петербурге он основал Волжско-Камский банк, основной капитал которого состоял из средств старообрядцев Т.С. Мо-

розова, Г.И. Хлудова и К.Т. Солдатенкова. Банк финансировал нефтяную и мукомольную промышленность страны [19, с. 307]. Вообще В.А. Кокорев имел передовые взгляды: он одним из первых выступил за отмену крепостного права в России, а в работе «Миллиард в тумане» он приветствовал будущее освобождение крестьян, для выкупа их земельных наделов призывал купечество создать специальный банк.

Известный старообрядческий деятель С.М. Шibaев завел нефтяные промыслы в г. Баку. В 1884 г. он преобразовал их в Товарищество производства русских минеральных масел и химических продуктов под названием «С.М. Шibaев и К». Соучредителями этого предприятия стали сын московского купца 1-й гильдии М.А. Муравьева Алексей Митрофанович и потомственный почетный гражданин Александр Николаевич Соколов. Несколько позже ими было открыто «Шibaевское нефтепромышленное общество в Лондоне». Основной капитал фирмы составил в 6,5 млн рублей [10, с. 375].

Династия купцов-староверов Трындиных открыла первое в России производство оптических и механических инструментов. Родоначальник этой династии – Сергей Семёнович Трындин – происходил из крестьян Владимирской губернии. Первое специальное образование он получил при физическом кабинете Московского университета. Трындины стали первыми русскими оптиками. В 1809 г. в Москве они основали первый в России оптический магазин [20, с. 291]. В 1884 г. эти купцы строят первую в России паровую фабрику физических приборов и хирургических инструментов, выпускавшую физические, хирургические и ортопедические приборы. Затем при ней создается первая в России ремесленная школа для подготовки специалистов по производству хирургических, ветеринарных инструментов и физико-механических приборов, в которой получали специальность 25 учащихся.

В конце XIX в. предприятие Трындиных становится крупнейшим в этой отрасли. Ежегодно на их фабрике работало 175 рабочих, производивших продукции на сумму 250 тыс. рублей. В 1914 г. основной капитал фирмы «Е.С. Трындина сыновей в Москве» достиг 800 тыс. рублей [20, с. 299]. В 1909 г. к празднованию своего столетнего юбилея фирма получила два государственных герба, 53 награды и многочисленные благодарности. В 1882 г. за снабжение медицинскими инструментами Российского общества Красного Креста Трындины получают благодарность от императора, а в 1885 г. во время проведения Всемирной выставки в Антверпене награждаются золотой медалью за изготовление высококачественных физических инструментов. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. фирма получила высшую награду – «Grand prix».

В г. Ржеве Тверской губернии в старообрядческой семье родился и вырос изобретатель-самоучка, работавший в области механики, химии и оптики, Терентий Иванович Волосков (1729–1806) [21, с. 179].

По внедрению новшеств в сельском хозяйстве на Дальнем Востоке старообрядцы стояли на втором месте после молокан, тогда как другие русские нестарообрядцы более последовательно проявили консервативность в этом отношении [22, с. 336].

По словам А.И. Изюмова, Уральское войско, которое сплошь состояло из староверов, стало цитаделью русской цивилизации на границе с Великой Степью. Именно уральские казаки-староверы стали первопроходцами в социально-экономическом и культурном освоении края. Они положили начало правильному и регулярному хлебопашеству, огородничеству, бахчеводству и садоводству за реками Урал, Илек, Деркул и Чаган, создали передовое по тому времени рыбное хозяйство. Казакам принадлежало первенство в основании ряда укреплений в глубинах Великой Степи. Уральские казаки основали такие города и поселки, как Эмбенское, Уральское, Раимское, Уильское, Нижнеэмбенское, Темирское и др. Важно отметить, что и первые газеты в Западном Казахстане стали выходить именно в Уральском войске. В столице Уральско-

го казачьего войска г. Уральске открылись первые в Западном Казахстане театр, библиотека, кинотеатр и гимназия [23, с. 428].

Заклучение

Таким образом, старообрядцы умели плодотворно сочетать традицию и новацию. Они создали технологически самую передовую российскую промышленность, стали первопроходцами на пути внедрения новых методов экономического развития, изобретателями технических новшеств. Староверы шли в первых рядах строительства крупной машинной индустрии. Их предприятия были оснащены лучшим оборудованием, в т.ч. мощными силовыми установками (генераторами, турбинами, вентиляторами, лампами) и электричеством, что существенно улучшило условия труда рабочих; на них работали высококлассные специалисты из Англии и Германии.

Продукция предприятий староверов выдерживала конкуренцию не только в России, но и за рубежом, вытеснив аналогичные английские, немецкие и французские товары из ряда азиатских стран. Старообрядцы выпустили первый в России автомобиль, создали первую многотоннажную нефтеналивную баржу и одними из первых начали добычу нефти, осуществили первое отечественное производство оптических, механических и медицинских инструментов. Они применяли технические новшества в судоходстве и сельском хозяйстве, проложили путь в социально-экономическом и культурном развитии Западного Казахстана, Южного Урала, Дона, Дальнего Востока. В ряде российских регионов положили начало регулярному хлебопашеству, создали передовое рыбное хозяйство. И все же, несмотря на широкое применение технических новшеств на производстве, в быту староверы, как правило, сохраняли традиционный уклад жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стадников, А.В. Роль московского старообрядчества в развитии российской текстильной промышленности / А.В. Стадников // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1998.
2. Бубнов, Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция / Н.Ю. Бубнов. – СПб., 1995.
3. Поздеева, И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы / И.В. Поздеева // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества : сб. науч. трудов / Отв. ред. И.В. Поздеева. – Вып. 4. – М., 1998.
4. Юхименко, Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой / Е.М. Юхименко. – М., 2005.
5. Мяло, К.Г. Традиционная община в историческом времени: реликт или альтернатива? // Традиционная книга и культура позднего средневековья : Труды Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археограф. исслед. МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 окт. 2006 г.) : в 2 ч. / Ответ. ред. И.В. Поздеева. – Ярославль, 2008. – Ч. 2.
6. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Избр. соч. в 10 т. – М., 1984. – Т. 2.
7. Гутман, А. Историческое развитие технической и мануфактурной промышленности Черниговской губернии и современное ее состояние / А. Гутман // Черниговские губернские ведомости. – 1852. – № 17.
8. Таранец, С. Старообрядчество города Киева и Киевской губернии / С. Таранец. – Киев, 2004.
9. Энциклопедия купеческих родов. 1000 лет российского предпринимательства. Из истории купеческих родов. – М., 1995.

10. Стадников, А.В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX вв.) А.В. Стадников // Мир старообрядчества: история и современность. – Вып. 5 / Отв. ред. И.В. Поздеева. – М., 1999.
11. Поздеева, И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества / И.В. Поздеева // Мир старообрядчества: история и современность : сб. науч. трудов / Отв. ред. И.В. Поздеева. – Вып. 5. – М., 1999.
12. Седов, А.В. П.Е. Бугров – крупнейший нижегородский солеподрядчик / А.В. Седов // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2000.
13. Поздеева, И.В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. / И.В. Поздеева // Мир старообрядчества / Под ред. И.В. Поздеевой. – Вып. 2. – М., 1995.
14. Столбов, В. «Капиталисты» крестьяне-старообрядцы и их влияние на развитие промышленного Иваново-Вознесенского района в XVIII–XIX вв. / В. Столбов // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность / Отв. ред. и состав. С.В. Таранец. – Вып. 2. – Киев, 2008.
15. Смирнов, И.П. Вклад старообрядцев в развитие искусства фарфора в России / И.П. Смирнов // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2002.
16. Дроздов, М.С. «Давыд сын Иванов». Д.И. Морозов – знаменитый предприниматель и тайный издатель / М.С. Дроздов // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т. 1. – М., 2005.
17. Кряжевских, А.Л. Духовные центры старообрядчества Южной Вятки в первой половине XIX в. А.Л. Кряжевских // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т. 1. – М., 2007.
18. Старообрядцы-поповцы в Нижнем и его окрестностях // Старообрядец. Газета для старообрядцев всех согласий. – 1996. – № 2.
19. Филаткина, Н.А. «Миллиард в тумане» / Н.А. Филаткина // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т. 1. – М., 2007.
20. Трындин, Е.Н. Старообрядцы Трындины. История первой в России частной оптико-механической фирмы / Е.Н. Трындин // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т. 1. – М., 2007.
21. Ленчиненко, М.В. История ржевского старообрядчества / М.В. Ленчиненко // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1997.
22. Аргудяева, Ю.В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность / Ю.В. Аргудяева // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества : сб. науч. трудов / Отв. ред. И.В. Поздеева. – Вып. 4. – М., 1998.
23. Изюмов, А.И. Культурная миссия казаков-староверов Уральской области / А.И. Изюмов // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т. 1. – М., 2005.

Taranets S.V. Innovations in Old Believers' Environment at the 18th and the Early 20th Centuries

The Old Believers were able to combine a tradition and an innovation. They created the most cutting-edge Russian industry and devised innovative technologies. They were pioneers in adopting the novel methods of economic development. The Old Believers were among the very first industrialists, who founded a large-scale machine production. Their industrial enterprises were electrified and upgraded with the best power plants including generators, turbines, ventilators and lamps, what totally improved the working conditions. The high-qualified specialists from Great Britain and France were taken on. The production of Old Believers' enterprises were competitive not just in Russia but also abroad having replaced analogical English, German and French commodities in a number of Asian countries. The Old Believers produced the first Russian car, the multitonnage bulk barge, optical, mechanical and medical instruments. They established one of the first oil-production enterprises. They applied innovations in navigation and agriculture and facilitated the social, economic and cultural development of the West Kazakhstan, South Ural, Don and the Far East. They started a regular arable farming in a number of Russian regions and founded the leading fishery. Nevertheless, despite the broad using of technical innovations in industry, the Old Believers kept mostly the traditional way life.

УДК 94(476) «1921/1939»

В.М. Мярчук

ЭКАНАМІЧНАЯ ЭМІГРАЦЫЯ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ў БРАЗІЛІЮ Ў 1921–1939 гг.

У артыкуле прадстаўлена інфармацыя аб эканамічнай эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію ў 1921–1939 гг. На падставе архіўных крыніц рэканструявана адміністрацыйна-тэрытарыяльнае рассяленне заходнебеларускіх эмігрантаў у штатах Бразіліі, выдзелены перыяды эміграцыі ў гэтую краіну і адлюстравана структура польска-бразільскіх мірацыйных адносін. Аўтарам выяўлены сацыяльна-эканамічныя аспекты міжваеннай эміграцыі ў Бразілію, вызначаны яе асаблівасці для заходнебеларускага рэгіёна, таксама даследавана адаптацыя заходнебеларускіх эмігрантаў, якія ў пошуках лепшага жыцця вымушаны былі распрадаваць маёмасць і пакідаць родныя мясціны для далейшай эміграцыі на бразільскія кававыя плантацыі і сельскагаспадарчыя калоніі.

Уводзіны

У 20–30-я гг. XX ст. на тэрыторыі Заходняй Беларусі атрымала распаўсюджанне эканамічная эміграцыя ў краіны Лацінскай Амерыкі. Эміграцыйная палітыка тагачасных польскіх улад спрыяла перасяленню сельскагаспадарчага насельніцтва ў паўднёвыя рэгіёны Бразіліі. Гістарыяграфія эміграцыйнай праблематыкі 1921–1939 гг. з Заходняй Беларусі амаль не даследавана ў айчыннай гістарычнай навуцы, а пытанні эміграцыі ў паўднёвыя землі Бразіліі наогул не разглядаліся. Толькі агульную характарыстыку эміграцыі з Польшчы ў Бразілію ў вызначаны перыяд правялі польскія даследчыкі М. Куля, К. Гранёўскі, Т. Кубіна, Я. Цюрось, Б. Жабко-Патаповіч, А. Хэмпел [1–8]. Нешматлікія працы польскіх даследчыкаў прысвечаны эміграцыі ў асобныя штаты Бразіліі: напрыклад, М. Ляпецкі апісаў сацыяльна-эканамічнае і культурнае жыццё эмігрантаў у штаце Парана [9]. Больш дэталёвы аналіз польскай эміграцыі ў Бразілію ўзгадваецца ў манаграфіях М. Парадойскай, З. Дабасевіча, В. Румэля [10–12]. На мяжы XX і XXI стст. у польскай гістарыяграфіі з’явіліся працы А. Гаўрышэўскага, А. Кіцінгер, М. Маліноўскага, прысвечаныя даследаванням эміграцыйнай палітыкі і інтэнсіўнасці эміграцыйных рухаў перыяду паміж Першай і Другой сусветнымі войнамі [13–15]. Сярод украінскіх даследчыкаў эміграцыйнай праблематыкі 1920–30-х гг. можна вылучыць П. Качарабу і А. Шваба, якія займаліся вывучэннем эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Украіны, але часткова закраналі і Палескае ваяводства [16–17]. Улічваючы нераспрацаванасць тэмы ў беларускай гістарычнай навуцы, мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца рэканструкцыя міжваенных эміграцыйных працэсаў з Заходняй Беларусі ў паўднёвыя землі Бразіліі.

Эвалюцыя эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію

У канцы XIX – пачатку XX стст. у Бразіліі існавала два тыпы каланізацыі: першы – прыватная сялянская каланізацыя ў штаце Рыа-Грандзі-ду-Сул, якая ў асноўным была прадстаўлена нямецкімі перасяленцамі; другая – дзяржаўная каланізацыя, якая існавала ад 1870 г. у штаце Сан-Паўлу і была звязана з працай на плантацыях кавы.

Менавіта да другога тыпу каланізацыі ў Бразіліі адносіцца і пачатковы этап эміграцыі з Заходняй Беларусі. Першы крок наладжвання польска-бразільскіх эміграцыйных адносін міжваеннага часу быў пакладзены ў 1921 г., калі бразільскі ўрад распрацаваў іміграцыйны праект аб польска-бразільскім супрацоўніцтве. Згодна праекта, бразільскія ўлады прадстаўлялі імігрантам бясплатны праезд з Гданьска да месца працаўладкавання, выдзялялі па 50–75 га зямлі на выгаднай 10-гадовай выплаце і дапамагалі абжыцца на зямельнай гаспадарцы. 7 ліпеня 1921 г. адбылося пасяджэнне Варшаўскага

эміграцыйнага ўпраўлення з удзелам прадстаўнікоў міністэрстваў, на якім былі прыняты артыкулы праекта. Аднак у хуткім часе вызначылася, што бразільскі ўрад не здольны арганізаваць фінансавую дапамогу імігрантам з Усходняй Еўропы, што прыпыніла рэалізацыю праекта [18, с. 94]. Нягледзячы на складанасці, якія ўзнікалі пры арганізацыі міграцыйных працэсаў, першыя эмігранты з Заходняй Беларусі з'явіліся ў паўднёвых рэгіёнах Бразіліі ў 1923 г.

У штаце Сан-Паўлу назіраўся недахоп працоўных рук на плантацыях кавы – мясцовыя арандатары былі зацікаўлены ў пастаўцы замежнай рабочай сілы, што выклікала актыўную дзейнасць міграцыйных агентаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі. З гэтай нагоды федэральныя ўлады Бразіліі дазволілі арандатарам выдзяляць сродкі на бясплатную транспарціроўку эмігрантаў у форме акрэдытавання будучай працы, а таксама аказваць дапамогу пры пакупцы зямельнай гаспадаркі. Пасля гэтага агенты мараходных таварыстваў пачалі шырокамаштабную агітацыю на заходнебеларускіх землях, заахвочваючы эміграцыю ў Бразіліі. 6 студзеня 1921 г. бразільскім урадам быў прыняты дэкрэт, які каардынаваў працэсы замежнай іміграцыі. Асноўная ідэя дэкрэта заключалася ў прадухіленні ўезду ў краіну «ненадзейных людзей» [19, с. 91–92].

Такім чынам, у першай палове 1920-х гг. асноўным накірункам бразільскай эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва стаў штат Сан-Паўлу, дзе эмігрантам прадстаўлялася праца на плантацыях кавы. Трапічны клімат і неспрыяльныя для еўрапейцаў умовы існавання рабілі працу на плантацыях кавы вельмі цяжкай, а адаптацыю – складанай і доўгай. Аднак толькі дзякуючы працы на кававых плантацыях малазямельныя і беззямельныя заходнебеларускія эмігранты маглі набыць ўласны кавалак зямлі. Так, у газеце «Эмігрант» адзначалася: «Урад штату Сан-Паўлу мае намер пакрыць сродкі праезду сельскагаспадарчым сем'ям, разлічваючы на тое, што не ведаючы мовы і мясцовых звычаяў, тыя ў канчатковым выніку будуць задзейнічаны на плантацыях кавы. А пакуль яны заробяць грошай, то пройдзе шмат гадоў. Такая праца з'яўляецца сапраўднай няволей. У трапічным клімаце Сан-Паўлу рабочы з Польшчы не вытрымае працы на плантацыях кавы» [16, с. 252].

Аднак цяжкасці ў ажыццяўленні польскай эміграцыйнай палітыкі ў дачыненні да Бразіліі выклікала пазіцыя ўлад гэтай краіны: новыя ўрадавыя пастановы дазвалялі імігрыраваць у Бразілію толькі вызначаным катэгорыям насельніцтва, а пасля прыняцця дэкрэта 31 снежня 1924 г. імігранты павінны былі валодаць пасведчаннем асобы і маральнасці з фотаздымкам і адпячаткамі пальцаў [19, с. 93]. У выпадку адсутнасці дадзеных дакументаў бразільскія ўлады за ўласны кошт маглі дэпартаваць імігранта. Транспарціроўка імігрантаў па дэкрэце 1924 г. ажыццяўлялася толькі кампаніямі, вызначанымі бразільскім урадам.

Нягледзячы на наймаверныя цяжкасці працы на плантацыях кавы, дадзены від эміграцыі быў распаўсюджаным сярод перасяленцаў. Паводле даных міжнароднай эканамічнай канферэнцыі 1927 г. і М. Шаўлеўскага, усяго на працягу 1921–1925 гг. з Польшчы ў Бразілію выехала 5 022 чалавекі, з якіх па 40% складалі яўрэі і палякі, 20% – беларусы. Такім чынам, можна меркаваць, што ў 1921–1925 гг. з Заходняй Беларусі ў Бразілію выехала каля 1 000 чалавек [20, с. 113; 21, л. 41–42; 22, с. 26].

У другой палове 1920-х гг. эміграцыя ў Бразілію адрознівалася хуткім ростам маштабаў перасялення. Палітыка польскіх улад была накіравана на здабыццё новых рэгіёнаў для сельскагаспадарчай эміграцыі. У пачатку 1925 г. Эміграцыйнае ўпраўленне накіравала ў Бразілію спецыяльную камісію на чале з К. Вархалёўскім, якая павінна была даследаваць іміграцыйныя магчымасці гэтай краіны [16, с. 253]. Вынікам працы стала падпісанне ў лютым 1927 г. дырэктарам Варшаўскага эміграцыйнага сіндыкату С. Гаўронскім пагаднення з урадам штату Сан-Паўлу адносна працаўладкавання імігрантаў [23, л. 71, 91; 24, л. 41]. У мэтах яе выканання ўпраўленне распрацавала інст-

рукцыю па арганізацыі перасяленняў. Згодна з ёй, адказнасць за набор эмігрантаў была ўскладзена на Дзяржаўнае ўпраўленне пасрэдніцтва працы. Канчатковае рашэнне выносіла кваліфікацыйная камісія ў складзе дырэктара ўпраўлення пасрэдніцтва працы, дэлегатаў каланізацыйнага таварыства і доктара. У рабоце камісіі меў права ўдзельнічаць дэлегат ад ўраду штата Сан-Паўлу. Па прыбыцці ў порт Сантас (штат Сан-Паўлу) у прысутнасці чыноўніка Эміграцыйнага ўпраўлення Польшчы адбывалася падпісанне пагаднення паміж эмігрантамі і арандатарамі, згодна якога бразільскі бок пакрываў усе выдаткі за праезд. Перасяленцы павінны былі быць ва ўзросце ад 14 да 50 гадоў, фізічна здаровымі, здольнымі да сельскагаспадарчай працы, з добрымі маральнымі характарыстыкамі, якія пацвярджаліся мясцовымі органамі ўлады. Кожная сям'я эмігранта павінна была складацца як мінімум з чатырох чалавек [19, с. 91–92].

У кастрычніку 1928 г. Варшаўскае каланізацыйнае таварыства атрымала ад урада штата Эспірыту-Санта канцэсію агульным коштам 1 млн мілрэйсаў (3 75 тыс. зл.) на каланізацыю 50 тыс. га зямлі 300 сельскагаспадарчымі сем'ямі [23, л. 71, 91; 24, л. 41]. А ў 1929 г. было заключана пагадненне з Варшаўскім каланізацыйным таварыствам на каланізацыю 50 тыс. га зямлі, дзе на працягу 8 гадоў павінны былі пасяліцца 1 800 сем'яў з Польшчы. На гэтай ніве каланізацыйнае таварыства заснавала калонію «Агія Бранка» («Белы арал») [25, л. 1]. Здавалася б, адсутнасць абмежаванняў эміграцыі ў калонію павінна было выклікаць зацікаўленнасць у эмігрантаў. Аднак эміграцыя ў гэтым накірунку не атрымала вялікага распаўсюджвання, бо пагадненне было заключана ў перыяд эканамічнай нестабільнасці ў Бразіліі і не мела практычнага значэння.

Перад выездам у калонію эмігрантамі выплачываўся задатак ў памеры 500 злотых. Астатняя сума дзялілася на тры роўныя часткі, аплата якіх пачыналася з чацвёртага году каланізацыі. Пры аднаразовай выплаце поўнага кошту земельны надзел абыходзіўся эмігрантам у 860 злотых [23, л. 59; 25, л. 70]. Праезд у калонію для дарослай асобы (ад 10 гадоў) складаў каля 667 злотых, для дзяцей ад 5 да 10 гадоў – каля 333 злотых і для дзяцей ад 1 да 5 гадоў – каля 166 злотых [26, л. 141].

Тэрыторыя калоніі «Агія Бранка» мела некалькі сельскагаспадарчых цэнтраў: Агія Бранка (81 га), Монтэ Карла (71 га), Кашуэйра-дас-Кобры (100 га). У 1930–1931 гг. Марская і каланіяльная ліга ажыццявіла пашыраную каланізацыю тэрыторыі Агія Бранка: былі каланізаваны тэрыторыі Жабоцікал і Сан-Габрыэль-да-Палья. Асноўную масу каланістаў складалі сялянскія сем'і (у сярэднім 97 сем'яў), якія апрацоўвалі каля 100 зямельных надзелаў плоўаю ў 3 000 га. Першая група заходнебеларускіх эмігрантаў прыбыла ў калонію «Агія Бранка» ў 1929 г. [27, л. 209].

Складаныя кліматычныя ўмовы і неадпаведныя санітарна-гігіенічным нормам умовы працы і жыцця ў калоніі «Агія Бранка» нярэдка былі прычынай узнікнення і распаўсюджвання эпідэміяў. У 1930–1932 гг. было зарэгістравана каля 3 000 выпадкаў інфекцыйных захворванняў [27, л. 99; 28, л. 184]. Акрамя таго, распаўсюджанай з'явай былі трафічныя язвы, інфекцыйныя захворванні [29, с. 141; 30, л. 3; 31, л. 4]. У сувязі са складанай эпідэміялагічнай сітуацыяй назіраліся ўцёкі эмігрантаў з тэрыторыі «Агія Бранкі». Напрыклад, на 1 студзеня 1938 г. агульная колькасць эмігрантаў у калоніі складала 335 сем'яў, з якіх 254 сям'і (75,82%) пакінулі межы калоніі [27, л. 234]. Акрамя таго, эмігранты, якія пакідалі тэрыторыю калоніі «Агія Бранка», неаднаразова сцвярджалі, што прадстаўнікі Варшаўскага каланізацыйнага бюро і Эміграцыйнага сіндыкату давалі недакладную інфармацыю аб умовах працы і жыцця ў калоніі, не паведамлялі аб існаванні трапічных захворванняў і адсутнасці механізацыі працы [29; 30, л. 22].

Вынікам настойлівай эміграцыйнай палітыкі польскага ўрада з'явілася павелічэнне ў другой палове 1920-х гг. колькасці заходнебеларускіх эмігрантаў у Бразіліі. Паводле звестак польскай афіцыйнай статыстыкі, у 1927–1928 гг. з Заходняй Беларусі ў паўднёвыя землі Бразіліі выехала 857 чалавек (1927 г. – 379, 1928 г. – 478). З аналізу

табліцы 1 вынікае, што найбольшую распаўсюджаннасць у 1927–1928 гг. у заходнебеларускім рэгіёне атрымала эміграцыя з Палескага ваяводства, якая складала амаль 60% ад агульнай колькасці заходнебеларускіх эмігрантаў. Нізкі паказчык эміграцыі на працягу двух гадоў назіраўся ў Віленскім (11%) і Навагрудскім (7%) ваяводствах [31–33].

Табліца 1 – Эміграцыя з Заходняй Беларусі ў Бразілію ў 1927–1928 гг., чал.

Год	Ваяводства				Разам
	Беластоцкае	Віленскае	Навагрудскае	Палескае	
1927	50	20	31	278	379
1928	123	72	29	254	478

Складзена на падставе [31].

Аднак згодна статыстычных справаздач мясцовых органаў з Віленскага ваяводства, ў 1927–1928 гг. у Бразілію выехала 209 чалавек, а гэта ў 2 разы больш, чым паводле даных статыстыкі МУС Польшчы. Па іх звестках найбольшая актыўнасць эмігрантаў Віленскага ваяводства выявілася ў 1928 г. ў Маладзечанскім (116 чалавек) і Віленскім (59 чалавек) паветах [32, л. 6–22].

На фоне сусветнага эканамічнага крызісу і хуткага росту беспрацоўя ва ўсім свеце ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. польскія афіцыйныя ўлады імкнуліся вырашыць складанае сацыяльна-эканамічнае становішча заходнебеларускага краю шляхам наладжвання эміграцыі. Начальнік аддзела Варшаўскага эміграцыйнага сіндыкату Ф. Гадомскі адзначаў: «Беспрацоўныя элементы ў Польшчы яшчэ не зусім дэмаралізаваныя. Нарэшце ў нас, як у сельскагаспадарчай краіне, у працоўных яшчэ жывая традыцыя працы на зямлі. Улічваючы гэта, існуе магчымасць ўладкавання часткі беспрацоўных у заакаянскіх краінах, дзе пануе эктэнсіўная форма сельскай гаспадаркі, што дазволіла б пераचाкаць эканамічны крызіс, які скаваў увесь свет» [16].

Дзякуючы намаганням Ф. Гадомскага ад польскага ўрада была атрымана шырокая фінансавая падтрымка для ажыццяўлення каланізацыі бразільскіх тэрыторый. Яго падтрымаў і старшыня Савета міністраў Польшчы К. Світальскі, які ў адкрытым лісце выказаў поўнае разуменне намераў Варшаўскага каланізацыйнага таварыства, «прызнаючы каланізацыйную акцыю карыснай і мэтанакіраванай» [16]. У лютым 1929 г. каланізацыйнае таварыства атрымала канцэсію ад бразільскага ўрада на каланізацыю 50 тыс. га зямлі ў штаце Эспірыту-Санту. Маючы значную падтрымку ва ўрадавых колах, каланізацыйнае таварыства ў сакавіку 1929 г. атрымала дазвол міністра працы і сацыяльнай апекі на набор перасяленцаў у Бразілію. Паводле інструкцыі, эміграцыя насіла калектыўны характар, а кошт падарожжа аплачвалі самі эмігранты. Каардынацыяй вызначэння эмігрантаў займалася Упраўленне пасрэдніцтва працы. Працэдура афармлення эмігрантаў была такой, як пры эміграцыі ў штат Сан-Паўлу ў 1926 г. Розніца заключалася толькі ў тым, што эмігрант пасля атрымання кваліфікацыі падпісваў з каланізацыйным таварыствам (працадаўцам) пагадненне.

Карыстаючыся падтрымкай афіцыйных улад, прадстаўнікі каланізацыйнага таварыства і агенты мараходных кампаній разгарнулі на заходнебеларускіх зямлях небывалую агітацыю, вынікі якой не прымусілі сябе чакаць. У 1929 г. эміграцыя з Заходняй Беларусі ў Бразілію была асабліва маштабнай. На прыкладзе Палескага ваяводства можна прасачыць дынаміку павелічэння эміграцыі ў канцы 1920-х гг.: 1926 г. – 115 чалавек, 1927 г. – 278, 1928 г. – 263, 1929 г. – ужо 806 (табліца 2) [34–35].

Аднак эксперымент каланізацыйнага таварыства ў Эспірыту-Санту на працягу 1929–1930 г. не апраўдаў надзеі польскага Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення: у калоніях пасялілася толькі 135 сем'яў, з якіх некаторыя ў хуткім часе пакідалі

прадстаўлены ім зямельныя надзелы і падалася ў горад [36, л. 73]. У выніку такіх абставін урад штату забараніў каланізацыйнаму таварыству ажыццяўляць набор новых пасяленцаў з Заходняй Беларусі.

Табліца 2 – Колькасць эмігрантаў з Палескага ваяводства ў Бразілію (1926–1938 гг.), чал.

Год	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Колькасць	115	278	263	806	334	65	56	69	59	44	351	436	74

Складзена на падставе [35].

У пачатку 1930-х гг. па ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі назіралася скарачэнне эміграцыйных плыняў у Бразілію. Першапачатковай прычынай гэтага з’явілася цяжкае эканамічнае становішча плантатараў, якія пачалі плаціць наёмным рабочым мізэрныя грошы. На змяншэнне эміграцыі паўплывала пазіцыя афіцыйных бразільскіх улад. У снежні 1930 г. была забаронена высадка ў портах Бразіліі пасажыраў трэцяга класа, якія не мелі пры сабе працоўных кантрактаў, запрашэнняў ад сваіх блізкіх сваякоў ці хаця б дамовы з каланізацыйнымі таварыствамі [36, с. 386]. Урад Бразіліі неаднаразова рабіў намаганні па стрымліванні іміграцыі (дэкрэт 1930 г. аб зніжэнні іміграцыі ў 1931 г.) [37]. Для зніжэння іміграцыйнага напружання ў Бразіліі Варшаўскае эміграцыйнае ўпраўленне пачало ўстанаўліваць квоты на выдачу замежных пашпартаў. Паводле распараджэння ад 4 лютага 1930 г., на Брэсцкую экспазітуру Эміграцыйнае ўпраўленне выдзяліла квоту ў 710 чалавек [38; 39, л. 1]. Пазней такія эміграцыйныя квоты даводзіліся кожны месяц.

Нягледзячы на змяншэнне хвалі эміграцыі ў 1931 г. з Беластоцкага, Віленскага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў у бразільскім напрамку, менавіта ў 1926–1931 гг. эміграцыйныя працэсы былі найбольш выніковымі: туды выехала 4 274 чалавекі, што было значна больш, чым за астатнія гады міжваеннага перыяду (табліца 3) [40; 41].

Табліца 3 – Эміграцыя з Заходняй Беларусі ў Бразілію ў 1926–1938 гг.

Ваяводства	Гады			
	1926–1931	1932–1936	1937–1938	1926–1938
Беластоцкае	988	340	243	1 517
Віленскае	856	224	17	1 107
Навагрудскае	569	175	6	906
Палескае	1 861	579	22	2 950
Усяго	4 274	1 318	288	6 480

Складзена на падставе [40; 41].

1930-я гг. адзначаліся інтэнсіўнай эміграцыйнай палітыкай польскіх улад, якая была вынікам узмацненням крызісных з’яў у эканоміцы Польшчы. Па-першае, у 1931 г. была рэанімавана Марская і каланіяльная ліга [42, с. 5–15.]. Па-другое, у штаце Парана было ўтворана прадстаўніцтва Марскай і каланіяльнай лігі для ажыццяўлення каланізацыі краю [43, л. 74; 44, л. 6]. Аднак павялічыць маштабы эміграцыйных плыняў з Заходняй Беларусі ў той час было вельмі складана. Не прываблівала эмігрантаў і бесперашкодная эміграцыя ў калонію «Агія Бранка».

У пачатку 1933 г. польскі ўрад прыступіў да рэалізацыі чарговых мерапрыемстваў, накіраваных на падтрымку Варшаўскага каланізацыйнага таварыства, Марскай і каланіяльнай лігі: прадстаўлена пазыка ў памеры 120 тыс. злотых для калоніі «Агія

Бранка» і вылучаны крэдыт у суме 100 тыс. злотых для Марской і каланіяльнай лігі. На атрыманыя ад міністэрства замежных спраў Польшчы грошы планавалася заснаваць у Паране сетку ўзорных калоній, арыентаваных на экспарт прадукцыі ў Польшчу, і будаўніцтва чыгункі, якая павінна злучыць новыя тэрыторыі з Курытыбай [36, л. 82]. Гэта сведчыла, што польскі ўрад спрабаваў выкарыстаць кожную магчымасць для павелічэння эміграцыйных патокаў з Заходняй Беларусі. Аднак рэалізаваць такія намеры было нялёгка, бо ўмовы гаспадарчага ўладкавання на прапанаваных тэрыторыях былі надзвычай складанымі. Па прыбышці ў галоўны прапускны эміграцыйны пункт Бразіліі, які знаходзіўся паблізу Рыа-дэ-Жанейра, а потым транспарты з эмігрантамі адпраўляліся да Вікторыі (сталіцы штата Эспірыту-Санту). Усё падарожжа з удакладненнем фармальнасцей у порце працягвалася чатыры тыдні [16, с. 260]. Пасля гэтага пасяленцы дабіраліся да калоніі чыгункай, аўтамабільным транспартам і нават муламі. Акрамя таго, з 1 студзеня 1933 г. бразільскае консульства ў Варшаве патрабавала абавязковага медыцынскага агляду ва ўласнага доктара Я. Яхімовіча, што каштавала 12 злотых. Без медыцынскага пасведчання бразільскія візы лічыліся несапраўднымі [43, л. 12].

Абмежавальная іміграцыйная палітыка Бразіліі і складаныя сацыяльна-эканамічныя ўмовы адаптацыі перасяленцаў замарудзілі і скарацілі ў некалькі разоў эміграцыю з Заходняй Беларусі ў паўднёвыя штаты Бразіліі. Так, ў 1931 г. з Палескага ваяводства выехала 65 чалавек, у 1932 г. – 56, у 1933 г. – 69, у 1934 г. – 59, у 1935 г. – 44 [34].

У 1936 г. назіралася ажыўленне эміграцыйных працэсаў, якое было абумоўлена шэрагам фактараў: паляпшэннем кан'юнктуры ў бразільскай эканоміцы і ўзмацненнем дзейнасці Марской і каланіяльнай лігі ў штаце Парана, дзе былі вылучаны новыя каланізацыйныя прасторы без іміграцыйных абмежаванняў. У 1936 г. тут былі створаны калоніі «Марская воля» і «Генерал Дрэшар» [45, л. 241]. Умовы атрымання зямельных надзелаў на гэтых калоніях былі такімі ж, як і ў калоніі «Агія Бранка». У выніку такой дзейнасці павячылася колькасць эмігрантаў. Напрыклад, у лютым і красавіку 1936 г. толькі ў Пінскі адзел Эміграцыйнага сіндыкату з заявамі на эміграцыю ў Бразілію звярнуліся 435 асоб, з якіх 351 – выехала [46, л. 1–4].

Наступным крокам па ўзмацненні абжавання іміграцыйнай палітыкі Бразіліі быў эміграцыйны закон аб максімальнай гадавой колькасці эмігрантаў ад 16 ліпеня 1934 г., які ўступіў у дзеянне 15 красавіка 1936 г. і быў пацверджаны Канстытуцыяй Бразіліі 1937 г. Сутнасць закона заключалася ў тым, што іміграваць ў Бразілію маглі толькі 2% насельніцтва ад колькасці імігрантаў за апошнія 50 гадоў [47, л. 7]. Для Польшчы колькасныя штогадовыя паказчыкі ў 1936 г. складалі каля 1 800 чалавек, а ў 1938 г. – толькі 535) [48, с. 136]. Такая сітуацыя прывяла да таго, што для заходнебеларускага насельніцтва Бразілія сярод эміграцыйных краін канчаткова адышла на другі план.

Аднак, згодна патаемнаму «эміграцыйнаму» плану 1937 г., Польшча не адмаўлялася ад інтэнсіўнай эміграцыйнай палітыкі з заходнебеларускіх зямель. Для падтрымання выбранага курсу міністэрства замежных спраў Польшчы стала ажыццяўляць намаганні для аднаўлення эміграцыі ў штат Сан-Паўлу. Спрыяла эміграцыйнай палітыцы польскіх улад і цяжкае матэрыяльнае становішча заходнебеларускага насельніцтва. Так, паводле звестак Пінскага адзела эміграцыйнага сіндыкату, у 1937 г. было пададзена 1 681 заява на выезд у Бразілію, з якіх большая колькасць – у першай палове года (табліца 5). Аднак рэальная колькасць эмігрантаў, якія выехалі ў Бразілію ў 1937 г. з Палескага ваяводства, складала 436 чалавек [49, л. 8–19, 20–36].

У канцы 1930-х гг у бразільскім грамадстве назіраецца ўздымам шавіністычных настрояў. Да ўлады прыходзіць генерал Ж. Варгас, які ўсталёўвае ў Бразіліі аўтарытарную сістэму кіравання, што паўплывала і на працэсы заходнебеларускай эміграцыі. Быў прыняты шэраг законаў, якія абмяжоўвалі свабоду жыцця імігрантаў. Галоўнай задачай такой палітыкі была паскораная асіміляцыя перасяленцаў. Вынікам гэтага стала за-

крышце марскіх портаў для замежных караблёў. Першым закрыў мяжу штат Рыа-дэ-Жанейра – галоўны порт прыёму імігрантаў з Еўропы, пасля яго – іншыя штаты, куды накіроўваліся заходнебеларускія жыхары [50, л. 161].

Пікам антыіміграцыйнай палітыкі Бразіліі быў дэкрэт «Аб нацыяналізацыі» («Кодэкс іміграцыі») ад 4 мая 1938 г., які прадугледжваў амаль поўнае спыненне іміграцыі [51, с. 114]. У выніку польская гадавая квота склала 1 230 чалавек [48, с. 137]. Згодна дэкрэта, іміграцыя ў Бразілію павінна была мець выключна сельскагаспадарчы характар: працаўладкоўваць імігрантаў маглі толькі ўласнікі сельскагаспадарчых калоній, якія атрымалі канцэсіі ад дзяржаўных органаў. Артыкулы 39 і 40 Кодэкса утрымлівалі нормы, згодна з якімі ў Бразіліі забаранялася ўтвараць калоніі з прадстаўнікоў адной нацыянальнасці. Паводле дэкрэта, дазваляліся наступныя суадносіны імігрантаў у калоніях: 30% павінны былі складаць бразільцы, астатнюю частку – імігранты (па 25% іншых нацыянальнасцей). Пры атрыманні візы ў бразільскім консульстве ў Варшаве перавагу мелі кроўныя сваякі першай ступені. Заходнебеларускія эмігранты, якія перасяліліся ў Бразілію, абавязваны былі атрымаць у пашпартным адзеле МЗС у Рыа-дэ-Жанейра пасведчанне аб легальным знаходжанні ў краіне [52, с. 43–58]. Згаданы дэкрэт выклікаў заняпад эміграцыі з Польшчы ў Бразілію. Так, у 1938 г. колькасць эмігрантаў з Польшчы ў гэтым напрамку склала ўсяго 535 чалавек. Калі ў Пінскім адзеле эміграцыйнага сіндыкату ў 1937 г. было зафіксавана 1 681 заяў на эміграцыю, то ў 1938 г. іх колькасць паменшылася да 260 (табліца 4). Усяго з Палескага ваяводства ў 1937 г. выехалі 436 чалавек, у 1938 г. – 74 (табліца 2).

Табліца 4 – Колькасць заяў ад насельніцтва Палескага ваяводства на эміграцыю ў Бразілію ў 1937–1938 гг. (паводле звестак Пінскага аддзела эміграцыйнага сіндыкату)

Год	Па месяцах												Разам
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
1937	291	226	341	168	111	112	122	82	39	98	38	53	1 681
1938	75	38	28	8	17	11	2	5	5	10	36	25	260

Складзена на падставе [46; 49].

Такім чынам, эміграцыю ў Бразілію з тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., якая набыла даволі шырокі размах, можна падзяліць на такія перыяды: 1) 1921–1925 гг.; 2) 1926–1931 гг.; 3) 1932–1939 гг. Першы перыяд (1921–1925 гг.) адметны тым, што заходнебеларускія эмігранты накіроўваліся ў штат Сан-Паўлу, дзе працаўладкоўваліся на кававыя плантацыі. Другі (1926–1931 гг.) і трэці (1932–1939 гг.) перыяды эміграцыі ў Бразілію, якія характарызаваліся актывізацыяй дзейнасці эміграцыйных улад Польшчы, каланізацыйных таварыстваў, Марскай і каланіяльнай лігі, суправаджаліся павелічэннем колькасці эмігрантаў у паўднёвых рэгіёнах Бразіліі.

На падставе аналізу эміграцыйных статыстычных матэрыялаў устаноўлена, што на працягу міжваеннага перыяду з Беластоцкага, Віленскага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў у паўднёвыя землі Бразіліі выехала каля 6 880 чалавек.

Сацыяльна-эканамічныя аспекты эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію

На працягу ўсяго міжваеннага перыяду адміністрацыйна-прававая база міграцыйных адносін Польшчы і Бразіліі неаднаразова дапаўнялася і абмяжоўвалася. Аднак нязменнымі заставаліся абавязковыя патрабаванні да эмігрантаў. Так, бразільскія ўлады дазвалялі ўязджаць у краіну сваім грамадзянам і асобам, якія накіроўваліся ў Бразілію дру-

гім ці першым класам, мелі неіміграцыйны пашпарт (такія пасажыры атрымоўвалі візы без вызначанай квоты). Людзі, якіе мелі бразільскае запрашэнне, пасведчанне маральнасці і пацверджанне адказнасці, таксама маглі атрымаць бразільскую візу [24, л. 12]. Візы ў Бразілію выдаваліся пры наяўнасці дарожнага білета і рэгістрацыйнай карты эмігранта. Кошт візы складаў каля 20 зл. [53, л. 1; 54, л. 1].

У адрозненне ад адзінкавай эміграцыі ў ЗША і Канаду ў Бразілію выязджалі цэлымі сям'ямі. Асаблівасцю эміграцыі ў Бразілію з'яўляецца тое, што яна была маладаступнай для малазямельных і беззямельных сялян, рабочых [1, с. 23]. Інтэлектуальная і прафесійная эміграцыя ў Бразілію не атрымала распаўсюджвання, у сувязі з чым Варшаўскае эміграцыйнае ўпраўленне неаднаразова папярэджвала эмігрантаў аб цяжкасцях пры пошуках працы па спецыяльнасці [55, л. 1]. Першапачатковы капітал эмігрантаў, якія накіроўваліся ў бразільскія калоніі, залежаў ад іх матэрыяльнага становішча і мог адрознівацца на 500 долараў [56, л. 60].

Транспарціроўку заходнебеларускіх эмігрантаў з Еўропы ў порт Рыа-дэ-Жанэйра ажыццяўлялі сусветныя мараходныя кампаніі, якія атрымлівалі канцэсію ад Польшчы. У 1927 г. канцэсію на правоз эмігрантаў атрымала 6 сусветных мараходных кампаній: «Chargeurs Riunis», «Cosulich Line», «KHL», «Nelson line», «Societe Generale de Transports Maritimes a Vapeur», «RML». Караблі адпраўляліся з еўрапейскіх портаў Гданьск, Гаўр, Бардо, Трыест, Амстэрдам, Булонь-сюр-Мэр, Лондан, Ліверпуль, Шэрбург, Саўтгемптан. Працягласць падарожжа ў Бразілію складала тры-чатыры тыдні, а сярэдні кошт дарожнага білета трэцяга класа складаў 107 долараў [57, л. 2]. З буйных гарадоў Бразіліі ўглыб краіны эмігранты дабіраліся чыгункай. З Рыа-дэ-Жанэйра да Паранагуа (Парана) праезд складаў 51,5 долараў, а з Сантаса – 26,8 дол. [58, л. 6].

Эмігранты з Заходняй Беларусі сяліліся пераважна ў штатах Парана, Сан-Паўлу, Эспірыту-Санту, Рыу-Грандзі-ду-Сул, Мінас-Жэрайс, Санта-Катарына [1, с. 21, 27–28; 18, с. 93; 59, л. 295]. Усе яны знаходзіліся ў паўднёвай Бразіліі і валодалі тэрыторыямі, прызначанымі для каланізацыі [52, с. 41–52].

З табліцы 5 добра відаць, што асноўная плошча каланізацыйных зямель Бразіліі размяшчалася ў штаце Парана, менавіта там і была створана найбольшая колькасць польскіх калоній і сельскагаспадарчых цэнтраў, дзе працаўладкоўваліся перасяненцы з Заходняй Беларусі.

Табліца 5 – Тэрыторыі, запланаваныя ўрадам Бразіліі для каланізацыі (1934 г.)

Штат	Плошча каланізацыйнай зямлі, га	Колькасць асаднікаў	Прыблізны кошт 25 га зямлі, золотых
Эспірыту-Санта	75 000	1800	1 500
Сан-Паўлу	700 000	20000	3 000
Парана	2 000 000	64800	1 500

Складзена на падставе [58].

Вялікая плошча тэрыторыі Параны знаходзілася ў руках каланізацыйных кампаній і ўласнікаў: «Brazil Development Colonisation Company», «Francisce Missine Ag. Banku Fr. Wlosk. Guarapuava», «Affonso Paz do Nacsimento», David Carneiro Kurytyba, «Sociedade Rural Int. Joinville», Marins Abreu de Camargo, «Cia de Terras Norte do Parana», «Jorge Walter. Koncesja rządowa», урад штата Парана, таварыства замежнай каланізацыі ў Берліне, Паранскае каланізацыйна-гандлёвае акцыянернае аб'яднанне [60, л. 155–156].

Асноўная маса каланіяльных асяродкаў размяшчалася ў цэнтральных муніцыпалітэтах Параны, дзе былі ўтвораны наступныя калоніі і асадніцкія тэрыторыі: «Флорэста», «Парана Плантэйшын», «Маршал Малет», «Араўкарыі», «Новы Гданьск», «Мар-

ская воля», «Варта», «Маркіз Абрантэс», «Куацігуа», «Жоакін Тавора» і інш. [47, л. 12; 59, л. 180, 265; 60, л. 38; 61, л. 12].

Яскравым прыкладам польскіх калоній, дзе працаўладкоўваліся заходнебеларускія эмігранты, з'яўляецца калонія «Марская воля». Яна была ўтворана ў 1934 г. і складалася з 348 зямельных надзелаў, з якіх 286 мелі плошчу па 25 га, а астатнія 62 – па 0,6 га. Першыя каланісты патрапілі ў калонію ў 1935 г. Кошт падарожжа складаў каля 2 265 злотых, а зямельны надзел толькі 735 (гэты факт яшчэ раз падцвярджае велізарны кошт білетаў) [62, с. 9–10; 63]. У 1937 г. калонія была заселена толькі на 50%; у падобным стане былі і іншыя эміграцыйныя каланіяльныя суполкі. Дадзеная сітуацыя стала вынікам абмежавальнай іміграцыйнай палітыкі Бразіліі, што прывяло да змены на-прамку плыні эмігрантаў з Заходняй Беларусі на Аргенціну і Парагвай. Калонія «Марская воля» спыніла сваё існаванне ў 1938 г.

У штаце Рыа-грандзі-ду-Сул былі ўтвораны шматлікія калоніі, якія размяшчаліся ў асноўным каля гарадоў Патас Лагуна, Кашыас, Эрэшын і Іжуі. Даволі папулярнай сярод заходніх беларусаў была калонія «Санта Роса». На 1930-я гг. прыпадае найбольшая актыўнасць эміграцыйных перасяленняў: у 1936–1938 гг. у калоніі асела 488 сем'яў з Польшчы, з якіх 285 былі праваслаўнага веравызнання, 127 – рымска-каталіцкага, 35 – грэка-католікаў, евангелістаў налічвалася 33 сям'і, адвентыстаў – 1 сям'я. З тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1936–1938 гг. у калонію «Санта Роса» выехала 167 сем'яў, большасць якіх эміграцыйныя заявы падавалі ў Пінскі (70) і Беластоцкі (71) аддзелы Варшаўскага эміграцыйнага сіндыкату [64, л. 3].

У штаце Сан-Паўла існавала каланізацыйнае таварыства «Soiedade Promotora de Colonizacão», якое займалася працаўладкаваннем эмігрантаў на кававых плантацыях [65, л. 4–7]. Фазэнда Гаўтапара з'яўлялася адной з распаўсюджаных кававых плантацый для эмігрантаў [66, с. 8]. У 1935 г. для прадухілення недахопу працоўных рук на плантацыях кавы арандатары пачалі праводзіць агітацыю сярод цэлых сем'яў, якім прадстаўлялася аплата за праезд да Сан-Паўлу ў форме акрэдытавання кошту будучых даходаў. Гэта дазваляла эмігрыраваць нават тым сем'ям, якія не маглі самастойна набыць неабходную для падарожжа суму грошай [48, с. 382; 59, л. 102; 67, с. 96].

У кнізе «У справе эміграцыі да Сан-Паўла» М. Панкевіч заўважаў, што «плантацыі кавы – гэта дарэмная праца, хваробы... кававыя плантацыі не маглі фінансава забяспечыць нашага работніка, дазволіць атрымаць паміраючаму з голаду кавалак хлеба» [67, с. 129]. Аднак, нягледзячы на цяжкія ўмовы эмігранцкага лёсу, на працягу 1929–1938 гг. толькі праз пасрэдніцтва Варшаўскага каланізацыйнага таварыства з Польшчы ў Бразілію выехала 38 караблёў з 361 сем'ёй каланістаў [32, л. 234].

Ажыўленне эміграцыйнага руху выклікала рост злоўжыванняў з боку агентаў махахонных таварыстваў. У 1929 г. на Палессі былі выпадкі прымусу і нелегальнай эміграцыі ў Бразілію, аб чым дакладваў камандант дзяржаўнай паліцыі ў Брэсце [68; 69, л. 1; 70, л. 105]. Кіраўнікі махахонных кампаній, напрыклад, за грашовыя ўзнагароджанні прадстаўлялі зацікаўленым асобам інфармацыю аб эміграцыі ў Бразілію. Бывалі выпадкі, што за афармленне дакументаў агенты патрабавалі ад эмігрантаў грашовую суму ў 40 долараў. Вельмі спрытнымі падманшчыкамі эмігрантаў былі і чыноўнікі эміграцыйнага сіндыкату. Для прадухілення нелегальнай і некарэктнай агітацыі па загадзе кіраўніка Брэсцкай экспазітуры эміграцыйнага ўпраўлення Ч. Хэлмоўскага была праведзена праверка дзейнасці агентаў махахонных таварыстваў, у выніку якой некаторыя бюро былі закрыты [70, л. 81–101].

Сацыяльна-эканамічная і псіхалагічная адаптацыя эмігрантаў у бразільскіх калоніях праходзіла ў складаных умовах: многія тэрыторыі былі пазбаўлены ірыгацыйных сістэм і знаходзіліся на вялікай адлегласці ад сродкаў камунікацый. Акрамя таго, на большасці калоній адсутнічала механізацыя працы. Такім чынам, ад эмігрантаў па-

трабаваліся значныя рэсурсы для прыстасавання на зямлі, якімі заходнебеларускія перасяленцы не валодалі.

Для наладжвання культурна-асветніцкай дзейнасці ў Бразіліі польскімі ўладамі рабіліся намаганні па арганізацыі адукацыйнага працэсу, у які былі ўцягнуты і дзеці заходнебеларускіх эмігрантаў [71, с. 85]. Так, для атрымання абавязковай адукацыі ў некаторых муніцыпалітэтах Бразіліі былі адкрыты адукацыйныя школы для дзяцей імігрантаў: у муніцыпалітэце Порта-Алегре дзейнічала польска-бразільская школа імя Т. Касцюшкі [72, с. 9].

Бразілія – адна з лацінаамерыканскіх краін, якая ў 1921–1939 гг. прываблівала заходнебеларускіх эмігрантаў вялікімі плошчамі неапрацаванай зямлі і марамі аб жыцці ў дастатку на ўласнай гаспадарцы. У адрозненне ад польскіх яўрэяў-эмігрантаў, якія канцэнтраваліся ў асноўным у гарадах, дзе ўладкоўваліся на заводы і адкрывалі свае дробныя рамесніцкія лаўкі, былыя заходнебеларускія сяляне працаўладкоўваліся ў асноўным на кававыя плантацыі і сельскагаспадарчыя фазэнды [73, с. 3; 74; 75].

Заклучэнне

Такім чынам, у выніку даследавання эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію ў 1921–1939 г. зроблены наступныя высновы:

1. На агульным фоне заходнебеларускіх эміграцыйных працэсаў 1920–1930-х гг. распаўсюджанне атрымала эміграцыя ў Бразілію. Яе можна падзяліць на 3 этапы: 1) 1921–1925 гг. – пачатак эміграцыйных перасяленняў на кававыя плантацыі штата Сан-Паўлу; 2) 1926–1931 гг. – найбольш актыўная эміграцыя насельніцтва ў штаты Бразіліі, што было падмацавана палітыкай польскіх улад, накіраванай на асваенне новых рэгіёнаў для эміграцыі; 3) 1932–1939 гг. – перыяд заканадаўчых абмежаванняў эміграцыі з боку бразільскіх улад і спаду маштабаў перасялення.

2. Вялікую ролю ў актывізацыі эміграцыйных плыняў у Бразілію адыгралі каланізацыйныя таварыствы, Марская і каланіяльная ліга, якія атрымлівалі канцэсіі на каланізацыю зямлі ад урадаў Польшчы і Бразіліі. Так былі ўтвораны калоніі «Агія Бранка» ў Эспірыту-Санта, «Марская воля», «Варта», «Новая Воля» і «Генерал Дрэшара» у Паране, «Санта Роса» у Рыа-грандзі-ду-Сул і інш.

3. Асноўная маса заходнебеларускіх эмігрантаў, якія ў 1921–1939 гг. выехалі ў паўднёвыя штаты Бразіліі, – гэта сельскагаспадарчыя рабочыя і рабочыя на кававых плантацыях. Гарадская эміграцыя не атрымала распаўсюджання сярод прадстаўнікоў заходнебеларускай эміграцыі.

4. Найбольш інтэнсіўнае перасяленне заходніх беларусаў назіралася ў паўднёвыя штаты Бразіліі: Парана, Сан-Паўлу, Рыа-Грандзі-ду-Сул, Эспірыту-Санту, Мінас-Жэрайс, Санта-Катарына. На працягу 1921–1939 гг. ў гэтыя штаты з заходнебеларускіх зямель выехала каля 6 880 чалавек.

5. Сацыяльна-эканамічная і псіхалагічная адаптацыя заходнебеларускіх эмігрантаў праходзіла ў складаных умовах: для ўладкавання жылля і сельскагаспадарчай дзейнасці неабходны былі немалыя фінансавыя сродкі, моцнае фізічнае здароўе і бесперапынная праца.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Kula, M. *Polonia brazylijska* / M. Kula. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1981. – 230 s.
2. Kula, M. *Sukcesy i porażki osadników w Brazylii* / M. Kula // *Przegląd Polonijny*. Vol. 3. – 1977. – № 2. – S. 75–81.
3. *Dzieje Polonii w Ameryce Łacińskiej* / Red. M. Kula. – Wrocław, 1983. – 159 s.

4. Groniowski, K. Polska emigracja zarobkowa w Brazylii. 1871–1914 / K. Groniowski. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. – 293 s.
5. Kubina, T. Wśród polskiego wychodźstwa w Ameryce Południowej / T. Kubina. – Potulice, 1938. – 357 s.
6. Ciuruś, E. Polacy w Brazylii / E. Ciuruś. – Lublin, 1977. – 56 s.
7. Żabko-Potopowicz, B. Osadnictwo polskie w Brazylii / B. Żabko-Potopowicz. – Warszawa, 1936. – 128 s.
8. Hempel, A. Polacy w Brazylii / A. Hempel. – Lwów, 1894. – 215 s.
9. Lepecki, M. Parana i Polacy / M. Lepecki. – Warszawa, 1962, – 47 s.
10. Paradowska, M. Polacy w Ameryce Południowej / M. Paradowska. – Wrocław, 1977. – 315 s.
11. Paradowska, M. Podróżnicy i emigranci. Szkice z dziejów polskiego wychodźstwa w Ameryce Południowej / M. Paradowska. – Warszawa, 1984. – 34 s.
12. Dobosiewicz, Z. Polonia w Ameryce Łacińskiej / Z. Dobosiewicz, W. Rómmel. – Lublin, 1977. – 247 s.
13. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania im. Stanisława Leszczyńskiego PAN, 2005. – 622 s.
14. Kicinger, A. Polityka emigracyjna II Rzeczypospolitej / A. Kicinger // Central European Forum for Migration Research. Working Paper. – Warszawa : CEFMR, 2005. – № 4. – 82 s.
15. Malinowski, M. Ruch polonijny w Argentynie i Brazylii w latach 1989–2000 / M. Malinowski. – Warszawa, 2005. – 324 s.
16. Качараба, С.П. Еміграція з Західної України (1919–1939) / С.П. Качараба. – Львів : Львів. нац. ун-т імені І. Франка, 2003. – 415 с.
17. Шваб, А.Г. Еміграція з Волині в 1921–1939 рр. : автореф. дис. ... канд. гістор. наук: 7.00.01 / Р.І. Шваб; НАН України; Чернівецький держ. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 1996. – 23 с.
18. Polityka imigracyjna w Brazylii // Kwartnik Instytutu Naukowego do badań emigracyjnych i kolonizacyjnych. – 1927. – Т. 2. – S. 87–94.
19. Kołodziej, E. Dzieje Polonii w zarysie 1918–1939 / E. Kołodziej. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1991. – 336 s.
20. Szawleski, M. Kwestia emigracji w Polsce / M. Szawleski. – Warszawa : Wyd-wo Polskiego Towarzystwa Emigracyjnego, 1927. – 210 s.
21. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Zespół MSZ. – K. 9889.
22. Szawleski, M. Ludność, emigracja i przeludnienie w Europie powojennej / M. Szawleski // Ekonomista, Warszawa, 1927. – Т. 2, 3. – S. 76–114.
23. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9811.
24. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 2082. – Воп.1. – Спр. 14.
25. Дзяржаўны гістарычны архіў у г. Львове (ДГАЛ). – Фонд 799. – Воп. 1. – Спр. 7.
26. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9809.
27. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9812.
28. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9642.
29. Medycyna. – 1932. – № 3–4. – 21 lut. – S. 141.
30. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9813.
31. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9725.
32. Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Літвы (ЦДАЛ). – Фонд 51. – Воп. 17. – Спр. 86.
33. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9819.
34. Emigracyjny przegląd. – 1926. – Т. 2.

35. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9886.
36. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9850.
37. Polesie (Brześć nad Bugiem). – 1931. – 17 maja.
38. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 631.
39. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 622.
40. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9883.
41. Zaruchta, A. Dwudziestolecie emigracji z Polski (1918–1938) / A. Zaruchta. – Warszawa, 1939.
42. Orlicz-Dreszer, G. Program Ligi Morskiej i Kolonjalnej / G. Orlicz-Dreszer. – Warszawa : Wyd-wo Ligi Morskiej i Kolonjalnej, 1933. – 16 s.
43. ДАБВ. – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1.
44. ЦДАЛітвы. – Фонд 1187. – Воп. 1. – Спр. 35.
45. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 5.
46. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 76.
47. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9578.
48. Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX) / Pod. red. A. Pilcha. – Warszawa : Państwowe wyd-wo Naukowe, 1984. – 537 s.
49. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 77.
50. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 130.
51. Klasa, A. Akcja nacjonalizacyjna w Brazylii a sytuacja Polonii brazylijskiej w okresie poprzedzającym wybuch II wojny światowej / A. Klasa // Przegląd Polonijny. – Z. 1. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. – 1975. – S. 114–121.
52. Krasieński, M. Sytuacja zbiorowości polonijnych i innych grup imigranckich w Brazylii w dobie ustaw nacjonalistycznych prezydenta Vargasa / M. Krasieński // Przegląd Polonijny. – Wrocław–Warszawa : Wyd-wo PAN, 1979. – Zesz. 1 (11). – S. 41–52.
53. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 616.
54. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 558.
55. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 634.
56. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 618.
57. ДГАЛ. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 632.
58. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9577.
59. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9820.
60. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9804.
61. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9802.
62. Kolonizacja Nowej Woli (z cyklu «Gawędy kolonjalne») // Polska na Morzu. – № 1. – Styczeń 1935. – S. 9–10.
63. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9577.
64. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9791.
65. Emigracja w Sao Paulo. Fazenda Gautapara // Kwartnik Instytutu Naukowego do badań emigracyjnych i kolonizacyjnych. – 1927. – T. 2. – S. 5–40.
66. Kołodziej, E. Wychodźstwo zarobkowe z Polski. 1918–1939 / E. Kołodziej. – Warszawa : Książka i wiedza, 1982. – 291 s.
67. Emigracja w Sao Paulo (Artykuł z książki M. Panke wicza «W sprawie emigracji w Sao Paulo») // Kwartnik Instytutu Naukowego do badań emigracyjnych i kolonizacyjnych. – 1926. – T. 1. – C. 129–131.
68. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9803.
69. ДАБВ. – Воп. 1. – Спр. 237.
70. ДАБВ. – Воп. 1. – Спр. 5.
71. Olcha, A. Emigracja polska w Brazylii: 100 lat osadnictwa / A. Olcha, A. Kaczmarek. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1971. – 551 s.

72. Robotnik Polski. – 1938. – №9 (6 marca).
73. Новое русское слово. – Нью-Йорк. – 1930. – 27 июля.
74. Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. – Warszawa, 1939. – 323 s.
75. Wskazówki dla wychodźców do Brazylii (Mała biblioteka emigranta polskiego № 4). – Warszawa, 1929. – 58 s.

Miarchuk V. Economic Emigration from the Western Part of Belarus in Brazil from 1921 to 1939

The article provides information about the economic emigration from the western part of Belarus to Brazil from 1921 to 1939. It was based on archival sources which reconstruct administrative-territorial settlement of Belarusian immigrants into the western part of Brazil, also periods of emigration to this country were marked and the structure of emigration relationship between Poland and Brazil was reflected. The author reveals the socio-economic aspects of the inter-war immigration in Brazil, defines its features for the western region of Belarus, and also investigated the adaptation by Belarusian emigrants from the western part, who were looking for a better life and were forced to sell their property and to leave their homes for further emigration to Brazil's coffee plantations and agricultural colonies.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2013

УДК 27-788 «18/19»

Е.Н. Борун

СОЦИАЛЬНО-КАРИТАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье представлен один из видов деятельности православных монашеских общин, функционировавших на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX вв. Рассмотрен ряд аспектов в структуре социально-карикативной деятельности монастырей: религиозно-образовательный, просветительско-миссионерский, воспитательно-исправительный, благотворительно-попечительский. К началу XX в. штатные православные монастыри на территории Беларуси оказывали всем слоям населения социальную поддержку. В рассматриваемый период сложилось два пути осуществления монашеского социального служения: поддержка государственных сборов и создание собственных структур для реализации социальных программ. Выявлено, что открытые традиционные формы социальной поддержки во второй четверти XIX – начале XX вв. уступают по значимости закрытым формам, которые осуществлялись монастырями в деятельности по организации школ, приютов, больниц, библиотек, богаделен. Можно констатировать, что православные монастыри играли роль социального стабилизатора, принимали на себя призрение и обучение незащищенных слоев общества.

Введение

Период второй четверти XIX – начала XX вв. в истории Русской Православной церкви характеризуется государственной регламентацией и принуждением церкви к активизации социальной деятельности. Важнейшее место в выполнении социальной функции Русской Православной церковью занимали монашеские обители. Монастыри должны были оказывать людям не только внутреннюю духовную помощь, но и внешнюю, социальную поддержку. Социальная поддержка – понятие более широкое, чем благотворительность, так как включает в себя не только материальный, но и медицинский, физический, социально-правовой, психологический, педагогический и другие аспекты. Благотворительность – это особая форма социальной поддержки, заключающаяся в основном в материальной помощи нуждающимся. Благотворительность побуждается разными мотивами: состраданием, религиозными верованиями, нравственными воззрениями, патриотизмом, сознанием гражданской солидарности между членами общества, желанием получить признательность со стороны правительства, видящего в благотворительности один из способов смягчить или устранить социальную напряженность [1, с. 6–7]. Как одно, так и другое явление основываются на понятии милосердия [2, с. 27]. Интенсивное развитие монастырской благотворительности активизировалось, по мнению исследователя Зырянова, в пореформенный период в связи с общей перестройкой социально-экономического уклада в стране. Уходила в прошлое крепостническая опека во всех ее видах, рушились патриархальные отношения, обострялся социальный вопрос [3, с. 323].

Такое превращение монастырей в благотворительные центры не проходило без полемики. Например, архимандрит Никон (Рождественский), последовательный сторонник созерцательного направления в монашестве, утверждал, что благотворительность погубит монастыри. Никон видел главными целями монашеской жизни церковные службы, молитвы и воспитание духа. Мир должен ожидать от монастыря лишь духовный подвиг и молитвы [3, с. 324]. Дискуссия продолжилась на монашеском съезде 1909 г. Съезд,

Научный руководитель – А.А. Горбацкий, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

возглавляемый Никоном, высказался против открытия в монастырях благотворительных учреждений (школ, больниц, приютов), так как их режим неизбежно приходит в противоречие с режимом монастырей, ломает монастырский устав. Для благотворительных целей целесообразно открывать союзы, братства, общины, но не монастыри [3, с. 325–327].

Цель статьи – рассмотреть особенности социально-карикативной деятельности православных монашеских общин на территории Беларуси, выявить направленность и характер данной деятельности.

Организация форм социального монашеского служения

В рассматриваемый период в белорусских епархиях сложилось два пути осуществления монашеского социального служения: поддержка государственных сборов и создание собственных структур для реализации социальных программ. Традиционным видом социального служения являлись сборы, имевшие миссионерские и благотворительные цели. Собранные православными монастырями средства шли на общепархиальные нужды, на содержание Епархиального Училищного Совета, пострадавшим от разных несчастных случаев, в пользу бедных. Так, Могилевский Братский монастырь в 1867–1868 гг. пожертвовал в пользу бедных духовного звания 5 рублей 75 копеек, передал 11 рублей 44 копейки в богадельню г. Могилева [4, л. 20, 126]. От монастырей Полоцкой епархии (Витебского Маркова, Тадулинского, Полоцкого Богоявленского, Вербиловского) поступило в Витебский епархиальный миссионерский комитет 34 рубля 79 коп. [5, с. 936–937]. Монастырями Минской епархии на пособие жителям местностей, потерпевшим от неурожая 1891 г. было собрано 35 рублей 66 копеек [6, с. 22, 24, 25]. Денежные суммы, собранные в монастырях белорусских епархий были незначительными. К примеру, из 8 769 рублей 48½ копейки, собранных в Полоцкой епархии в 1876 г. на призрение бедных духовного ведомства от православных монастырей поступило 175 руб. 73 коп. [7, с. 192].

Кроме денежных пожертвований продолжали сохраняться открытые формы монашеской помощи в виде милостыни и пищи для нищих и бедных. Так, в Оршанском Успенском женском монастыре за оградой монастыря располагалось здание для богомольцев. За счет монастыря все богомольцы в праздничные дни – 8 июля, 15 августа – получали бесплатный чай [8, л. 111].

Данные открытые традиционные формы социальной поддержки во второй четверти XIX – начале XX вв. уступают по значимости закрытым формам, которые осуществлялись монастырями в деятельности по организации школ, приютов, больниц, библиотек, богаделен. Монастыри взяли на себя роль социального стабилизатора, принимали на себя призрение и обучение незащищенных слоев общества. В условиях недостатка школ и социальных учреждений монастырские просветительские и благотворительные учреждения имели особое значение, особенно в северо-западных епархиях.

Первые учебные заведения духовного ведомства при мужских монастырях – дьячковские училища – были открыты в 1838–39 гг. с целью подготовки низшего клира. Поводом для их создания послужило постановление собора униатских иерархов (1834 г.) о восстановлении в униатских церквях богослужения православной церкви. В результате возникла острая потребность в подготовке причетников по причине полной непригодности наличных дьячков. Так, с августа 1845 г. дьячковское училище функционировало в Полоцком Богоявленском монастыре. Будущие дьячки обучались уставу и церковному пению, катехизису и священной истории, арифметике и особенно счислению на счетах, славянскому и русскому чтению и письму. За нравственностью учеников наблюдали монахи: иеромонах Иосиф (Земницкий) обучал катехизису, священной истории и чистописанию; он же наблюдал за поведением, прилежанием и опрятностью учащихся. Иеродьякон Иона обучал славянскому и русскому чтению, уставу

и церковному пению; он же исполнял обязанности эконома, наблюдал за пищей и одеждой учащихся, вел приходно-расходные книги. Кроме занятий учебными предметами воспитанники практически готовились к прохождению дьячковской должности и приучались к труду: они ежедневно утром и вечером посещали церковь, затем какое-то время уделяли физическому труду (летом работали в огороде, а зимой упражнялись в ручных работах). Училище было закрыто в 1849 г. определением Священного Синода от 10 июня – 15 ноября 1848 г. по предложению семинарского начальства, изъяснившего, что взрослые дети духовенства более не поступают в дьячковские классы, а малолетние должны быть определяемы в духовные училища. В течение своего существования это училище исполнило очень почетную миссию, дав епархии более 100 обученных дьячков [9, с. 230–231; 10, с. 26]. После закрытия дьячковских училищ подготовкой причетников для православных церквей обязаны были заниматься все штатные мужские монастыри белорусских епархий. Причетнические классы существовали до 1869 г., а закрыты они были в связи с постановлением Священного Синода о том, что причетники должны получить богословское образование.

В Могилевской епархии причетнические классы были открыты в Охорском и Чонском Успенском монастырях [11, л. 5об.–6; 12, л. 5].

В Минской епархии обучением причетников были заняты Грозовский, Пинский, Ляданский, Слуцкий мужские монастыри. В каждом из них с 1849 г. по 1855 г. обучались от 2 до 20 человек; возраст учащихся составлял от 15 до 28 лет. Обучали причетническим предметам иеромонахи и штатные послушники. Так, в Слуцком монастыре обучением причетников были заняты иеромонах Андриан и послушник Григорий Покровский. Обучение велось по следующим предметам: катехизис, славянское чтение, русское чтение, церковное пение, порядок в церкви, церковный устав [13, л. 1–172; 14, л. 54].

Функцию выпуска псаломщиков из послушнической братии в Полоцкой епархии стали выполнять мужские монастыри – Полоцкий Богоявленский и Витебский Марков Троицкий [15, с. 264].

Практически при всех штатных монастырях белорусских епархий были организованы церковно-приходские школы и школы грамоты [16, с. 172–174, 185–186, 216, 265–266; 17, с. 66–67, 207–208, 210–213, 375–378, 388–389; 18, л. 25об.; 19, л. 16об; 20, с. 41; 21, л. 182; 22, с. 19; 23, с. 107; 24, с. 37–39; 25, с. 6–7] (таблица).

Таблица – Монастырские церковно-приходские школы и школы грамоты Могилевской, Минской, Литовской, Полоцкой епархий.

Монастырь	Школа	Год основания	Год, число учеников
Могилевская епархия			
Мозоловский Вознесенский	Две школы	1871	1886 – 44
			1871 – 21
			1916 – 33
Оршанский Кутеинский Богоявленский	Церковно-приходская	1874	60
	Иконописная	1884	13
Оршанский Кутеинский Успенский	Церковно-приходская	1884	
Неклюдовская Борисоглебская пустынь	Церковно-приходская	1899	

Продолжение таблицы

Пустынский Успенский	Церковно-приходская	В 1890 г. функционировала	1890 – 42
Мстиславский Тупический Свято-Духов	Церковно-приходская	1888	1915 – 67
Оршанский Успенский	Церковно-приходская	1884	1906 – 42
			1915 – 87
Баркалабовский Спасо-Вознесенский	Церковно-приходская	В 1890 г. функционировала	
Ляданский Благовещенский	Школа грамоты	В 1908 г. функционировала	
Слуцкий Свято-Троицкий	Школа грамоты и ремесла	В 1890 г. функционировала	
Минский Спасо-Преображенский	Школа грамоты	1874	
Минский Свято-Духов	Церковно-приходская	В 1901 г. функционировала	
	Ремесленная	1875	
Литовская (Гродненская) епархия			
Березвечский Рождества-Богородицкий	Церковно-приходская	1901	
Гродненский Борисоглебский	Церковно-приходская	В 1908 г. функционировала	
Жировицкий Успенский	Церковно-приходская	В 1890 г. функционировала	27
Красностокский Рождества-Богородицкий	Церковно-приходская	1901	
Драгичинское отделение Красностокского Рождества-Богородицкого	Женская школа	1904	
Чонский Успенский	Церковно-приходская	1907	
Борунский	Школа грамоты	В 1908 г. функционировала	
Полоцкая епархия			
Витебский Марков Свято-Троицкий	Церковно-приходская	1874	30
Полоцкий Спасо-Евфросиниевский	Церковно-приходская	1887	40–47
Полоцкий Богоявленский	Церковно-приходская	1888	33
Тадулинский Успенский	Церковно-приходская	1894	
Вербиловский Покровский	Церковно-приходская	1884	23
	Иконописная мастерская	1896	

В 1836 г. Св. Синод отдал распоряжение о создании на территории Беларуси школ при церквях и монастырях, а указом от 27 февраля 1846 г. требовалось увеличить число училищ для обучения детей духовенства и крестьян при православных монастырях и приходских церквях [26, с. 96]. Значительный рост числа церковных школ на территории белорусских епархий начинается в 1880-е гг. после того как в 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». В них значилось, что главными задачами подобных школ является утверждение в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщение первоначальных полезных знаний [27, с. 7].

Если при монастыре не имелось учебного заведения для детей, то обители оказывали материальную помощь функционирующим школам в епархии. Например, Могилевский Богоявленский братский монастырь содержал на своем иждивении детей бедных родителей и сирот, обучающихся в городских учебных заведениях [28, л. 40]. Охорский Преображенский мужской общежительный монастырь находился в благоприятных экономических условиях: владея достаточным количеством земли, монастырь отдавал крестьянам в аренду 410 десятин полевой и сенокосной земли за 7 000 руб. Часть этой суммы (2 333 руб. 45 коп.) по указу Св. Синода монастырь переводил на содержание Могилевской пастырской школы [28, л. 35об.]. Бельничский монастырь вносил на содержание Бельничской женской двухклассной школы по 180 руб. в год, имел на иждивении 16 мальчиков, обучавшихся в местном земском двухклассном училище [28, л. 40]. В 1883 г. настоятель с братией Слуцкого Свято-Троицкого монастыря учредило стипендию «для беднейшего, благоуспешного и благонравного ученика» Слуцкого духовного училища. Она составляла 100 рублей, выделенных из экономических сумм монастыря [29, л. 1–2]. Фактически монастырские церковно-приходские школы до начала XX в. проводили главным образом религиозно-воспитательную, а не образовательную деятельность. Тем не менее церковно-приходские школы содействовали распространению грамотности среди народа, повышению его образовательного уровня и улучшению моральных качеств.

Со второй половины XIX в. социально-карикативная деятельность стала играть главную роль в жизни православных женских обителей и была гораздо богаче, чем в мужских монастырях. Так как в силу монастырского устава нахождение женщин и детей с переходного возраста в мужских монастырях было невозможно, то основной упор делался на женские обители. Возрастание роли женских монастырей и общин во второй половине XIX в. в религиозно-нравственной и благотворительной жизни региона являлось и одной из сторон процесса духовного развития женщин, получившего после реформ 60-х гг. XIX в. новый импульс. По сути государство и церковь задействовали скрытый ресурс, используя рост самосознания и социальной активности женщин в пореформенный период для развития сети социальных учреждений. По указу от 6 апреля 1866 г. повелевалось при учреждении новых обителей «предлагать учредителям соединять ... с удобствами уединенной монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную» [30, с. 14]. И это при том, что экономическое положение женских монастырей было значительно хуже, чем мужских. Насельниц в женских обителях было больше, земельных угодий меньше и худшего качества, а от казны средств на содержание отпускается меньше, чем мужским.

В конце XIX – начале XX вв. для женских обителей стало характерно создание просветительско-благотворительных комплексов, состоявших, как правило, из школы, приюта, богадельни, библиотеки, больницы. Таким образом, в монастырской системе социальной помощи основной стала закрытая форма помощи через специальные благотворительные заведения, оказывающие помощь целенаправленно и постоянно. К закрытым формам помощи относится также организация общежитий, интернатов при школах и содержание учащихся, фельдшерских пунктов и аптек, столовых и гостиниц.

Первый приют и женское училище на территории Беларуси были открыты при Буйницком Свято-Духовом женском монастыре в 1835 г. под покровительством Государя Императора; так называемый Дом призрения содержался на средства Могилевского Епархиального Попечительства [31, л. 1–3]. Дом был отстроен на частные пожертвования разных благотворителей (4 243 руб.), воспитывалось в нем 30 сирот духовного звания, и имелась возможность принимать еще до 30 пансионеров [32, с. 10].

Можно привести пример открытия женских монастырей на территории Беларуси только с условием организации при них системы заведений для оказания помощи нуждающимся. Так, для открытия Минского Преображенско-Варваринского первоклассного женского монастыря главным условием восстановления являлось создание приюта для сирот, больницы и помещения для сестер милосердия. Поэтому Св. Синод выделил для покупки смежного с монастырем дома 10 000 руб. Преосвященный Александр, епископ Минский и Бобруйский, произнес речь на освящении монастырского храма, в которой определил цель учреждения обители: «Дать приют и наставление ищущим присоединение к Православной церкви... дать приют и первоначальное образование сиротам женского пола» [33, с. 6–9]. При приюте Минского монастыря находилась школа, занятия в которой проходили с 1 сентября по 15 июня. В течении 25-летней деятельности приюта полный курс обучения прошли 250 воспитанниц. Некоторые из них стали сестрами монастыря. Например, в клировой ведомости монастыря 1889 г. значатся 6 послушниц, ранее обучавшихся в монастырском приюте: Махалина Наранович, Александра Богданович, Анна Голубович, Мария Голубович, Мария Смолич, Мария Залесная, Евдокия Григорьева [34, л. 63].

1 августа 1844 г. было открыто училище при Спасо-Евфросиниевском женском монастыре, инициатива создания которого принадлежит Николаю I. Давая свое согласие на восстановление женского монастыря в Полоцке, он поставил непременным условием создание при нем женского училища для девиц духовного звания. Открыто оно было в годы настоятельства игуменьи Клавдии Щепановской. Для руководства использовался проект устава училища при Вяземском Аркадиевском монастыре. В первый год в нем обучалось 4 девочки, а уже в 1847 г. – 18. В основном это были дети умерших священнослужителей в возрасте от 8 до 18 лет. Они изучали Закон Божий, русский язык, историю, географию, арифметику, рукоделие. Девочки были уроженки Речецкого, Себежского, Полоцкого, Дрисенского, Лепельского, Невельского, Городецкого, Велижского уездов [35, л. 4]. Сироты помещались в монастырских кельях вместе с монашествовавшими; воспитывались в правилах монастырского устава; от монахинь учились полезному для предстоящей самостоятельной жизни. В 1850-е гг. благодаря усилиям руководителей Полоцкой епархии училище превратилось из благотворительного заведения в благотворительно-просветительское, а учебно-воспитательный процесс совершенствовался за счет привлечения преподавателей Полоцкой духовной семинарии.

После того как Полоцкую епископскую кафедру возглавил епископ Викторин (Любимов), с середины 70-х годов XIX в. происходит улучшение материального положения и состояния учебно-воспитательного процесса в Спасо-Евфросиниевском училище. С этого времени данное училище стало принимать учениц недуховного сословия. В 1887 г. из 99 воспитанниц 11 девочек принадлежали недуховным сословиям; в 1896/97 учебном году – из 111 воспитанниц 32 были инородными, в 1898 г. – из 140 – 53. В 1897 г. для преподавания ряда дисциплин были приглашены лица, имеющие академическое образование. Вследствие этого была расширена программа русского языка и дидактики, ввели преподавание иконописи, первоначальной медицинской помощи и гигиены, словесности, церковного пения (занятия вели педагоги Полоцкого детского корпуса). В 1899 г. женское училище приняло программу епархиального, что дало возможность изучать историю русской литературы и физику, а с 1890 г. обу-

чать девочек игре на скрипке [36, с. 14]. К началу XX в. в училище значительно улучшилась организация учебно-воспитательного процесса. В результате женское Спасо-Евфросиниевское училище перешло к подготовке учительниц начальных школ.

При всех православных монастырях на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX вв. были организованы сиротские приюты. В Минской епархии приюты были открыты в Слуцком, Минском женском, Вольнянском и Пинском мужском и женском монастырях. В них содержались в основном дети из семей православного духовенства от 7 и до 22 лет, которые изучали грамоту, пение, вероучение, рукоделие. Всем необходимым (одеждой, питанием, учебными пособиями и вознаграждениями для наставников) их обеспечивал монастырь за счет собственных средств. В Минском Свято-Духовом мужском монастыре 19 января 1875 г. была открыта ремесленная школа; по предложению наместника монастыря игумена Николая (Далматова) в ней должны приучаться к труду физическому мальчики, неспособные к умственному труду. На средства монастыря и благотворителей обучались от 5 до 10 мальчиков духовного звания, уволенные из духовного училища за неуспеваемость. В ремесленной школе было открыто два отделения: переплетное и столярное [23, с. 107].

В Могилевской и Литовской епархиях приюты для сирот духовного звания были открыты при Мозоловском Вознесенском женском, Гродненском Борисоглебском мужском, Красностокском женском монастырях. Сестрами Оршанского Успенского женского монастыря были организованы две богадельни: одна на 5 бедных вдов духовного звания, содержащихся на довольствии монастыря, вторая на 6 нищих, получающих половину довольствия от монастыря, половину от благотворителей [37, л. 2].

В Могилевской епархии был реализован опыт организации общемонастырского приюта. При архиерейском доме (в Печерске) открыли общемонастырский приют с церковью для тяжелобольных хроников. В 1912 г. в приюте призревало 7 человек. Уход за больными и хозяйство приюта вели медицинская сестра и три послушницы Буйничского монастыря [28, л. 40].

Значительно повышалась роль православных монастырей в решении социальных проблем в годы эпидемий, неурожая, войн и социальных потрясений. По указу от 24 ноября 1876 г. № 2065, ввиду мобилизации войск действующей армии женские монастыри по примеру Костромского Богоявленского монастыря обязаны подготовить отряды сердобольных сестер для отправки в случае надобности в лазареты. Также предписывалось всех сестер женских обителей призвать немедленно заняться изготовлением предметов, потребных в лазаретах для больных и раненых воинов [38, с. 885–888]. В Полоцкой епархии в 1877 г. настоятельница Спасо-Евфросиниевского монастыря игуменья Евфросиния и сестры монахиня Серафима, рясофорные Афанасия Телепнева, Максимилиана Довгялло, Евлампия Капралова и послушницы Мариамна Ушинкова, Матрона Богданова, Фекла Лобачева изъявили желание поступить в отряд сестер милосердия [39, с. 406]. Указом № 328 от 3–15 марта 1877 г. аналогичные отряды сердобольных братьев организовывались и при мужских монастырях [40, с. 253].

Постоянная врачебная помощь была организована в мужских и женских монастырях Могилевской епархии. В Оршанском Кутеинском Богоявленском мужском монастыре оказывалась врачебная помощь населению с бесплатным отпуском медикаментов. Помощь оказывал фельдшер, состоящий в числе монастырской братии [28, л. 39об.]. С 1 октября 1902 г. в Мстиславском Тупичевском Свято-Духовом женском монастыре функционировала амбулатория. Она размещалась в двух флигелях: в одном находились сестры испытываемые по уходу за больными, во – втором амбулатория для приходящих бедных больных. Прием вел городской врач Владимир Николаевич Пограничный. Он давал советы больным по лечению и лекарства. Прием для неимущих велся безвозмездно, имущие могли положить в кружку 10–20 коп. на лекарство. При приеме больных

врачу помогали сестры монастыря и фельдшер. Сестры проходили обучение практическому уходу за больными. Для ухода за тяжелыми больными амбулатория была оборудована двумя кроватями. При амбулатории работала собственная аптека. Больные принимались независимо от вероисповедания. С 1 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г. услугами амбулатории воспользовались 3 540 больных. Оплата работы врача (400 руб.), фельдшера (200 руб.) и покупка лекарств производилась из монастырских средств. В Чонском монастыре была открыта аптечка, в которой бесплатно раздались лекарства для богомольцев и местных жителей [28, л. 39об.].

В связи с Высочайшим манифестом об объявлении войны от 20 июля 1914 г. Св. Синод определил для православного духовенства проведение следующих мероприятий: «...4) призвать монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов и на помощь семьям лиц, призванных на войну; ...б) призвать монастыри, общины и все духовные учреждения к отводу и приготовлению помещений под госпитали, а также к подысканию лиц для ухода за ранеными и больными воинами; 7) призвать мужские и женские монастыри и общины к немедленному поиску и подготовке способных и благонадежных лиц для ухода за ранеными и больными воинами как в самих обителях, так и в других местах по распоряжению управления Красного Креста; 8) призвать монастыри и общины к заготовлению собственными силами и средствами принадлежностей для оборудования госпиталей [41, с. 30]. Определением Св. Синода от 27–28 мая 1915 г. № 4067 приказано где возможно открыть при мужских обителях приюты и устройстве в них работ для увечных воинов [42, с. 304]. К концу 1914 г. в Российской империи лазареты были открыты в 207 монастырях (из них 139 были собственно монастырскими, в которых насчитывалось 4 135 кроватей). В десяти монастырях в 1914 г. были открыты приюты для осиротевших детей [3, с. 327–328]. На территории Беларуси также были организованы лазареты и приюты, они находились в монастырях Могилевской епархии.

Приюты для детей беженцев были открыты в 1915 г. в Чонском, Баркалабовском женских, Бельничском мужском монастырях Могилевской епархии. В приюте Чонского монастыря на средства Всероссийского Земского Союза содержались 40 детей. Размещался приют в двух жилых монастырских домах, отдельно для мальчиков и девочек. Заведовал приютом комитет под председательством настоятельницы, хозяйством заведовала казначея монастыря монахиня Сергия. За детьми ухаживали шесть послушниц монастыря. Для приюта на черном дворе обители в небольшом доме размещалась больница. Для детей приюта в монастырской церковно-приходской школе была организована вторая смена для их обучения. Обучала детей беженцев послушница Ольга Петровна Фролова [8, л. 145–145об.]. В 1917 г. в приюте находилось 19 девочек и 16 мальчиков [21, л. 163об.]. В Бельничском монастыре функционировал ремесленный приют для детей беженцев и приют для девочек павших и увечных воинов 1914–1915 гг. Приют рассчитан был на 10 человек, девочки туда принимались с двухлетнего возраста [21, л. 31; 8, л. 166–167 об.].

В прифронтовом Минске в Спасо-Преображенском монастыре был открыт лазарет, в котором монахини ухаживали за больными в качестве сестер милосердия. После эвакуации монастыря в его пустующих помещениях Свято-Николаевским народным братством Минска был открыт приют для стариков и старух, оставшихся без крова и помощи со стороны родных. С середины зимы 1915 г. братство открыло в том же монастыре приют и для детей беженцев [43, с. 40–41].

Ряд настоятелей православных монастырей белорусских епархий занимали активную социальную позицию и играли в жизни общества значимую роль. Настоятель Бельничского Рождества-Богородицкого двухклассного мужского монастыря благочинный монастырей Могилевской епархии архимандрит Николай (Нестор Андреевич Судзи-

ловский) в Русско-Японскую войну 1904–1905 гг. участвовал в обществе Красного Креста и имел от него награду. С 1908 г. он являлся председателем и казначеем Совета общемонастырского приюта в Печерске, а с 1909 г. по 1915 г. являлся членом многих благотворительных объединений: Могилевского епархиального миссионерского совета, общества взаимопомощи учащихся в церковно-приходских школах Могилевской епархии, Могилевского церковно-православного Богоявленского братства, общества вспомоществования воспитанницам Могилевской женской гимназии, комитета отделения благотворительного общества ведомства Главного Управления Землеустройства, Могилевского местного управления Красного Креста, Комитета по заведованию лазарета епархиального ведомства г. Могилева, Мстиславского Благотворительно общества, епархиального комитета по устройству быта беженцев, – а также председателем Бельничского Красного креста и комитета по призрению детей беженцев [8, л. 20–27].

Настоятельница Буйницкого Свято-Духова женского монастыря игуменья Аполлинария (Анастасия Зацуро) с 1911 г. являлась почетным членом общемонастырского приюта для больных хроников [8, л. 137]. Настоятельница того же монастыря игуменья Рафаила (Фекла Задиравская) (избрана 24.07.1917 г.) была сестрой милосердия с 11 декабря 1916 г. по 26 мая 1917 г. [21, л. 129–130].

Настоятельница Баркалабовского монастыря игуменья Валентина (Васса Шпакова) за деятельность в обществе Красного Креста в 1908 г. была награждена медалью, а в 1916 г. за труды по госпиталю награждена знаком Красного Креста; она же являлась членом созданного в 1908 г. архиепископом Стефаном общемонастырского приюта Святого Преподобного Стефана [8, л. 199].

Настоятельница Мозоловского и Тупического монастырей игуменья Анатолия (Анна Михеевна Чернявская) в 1877–1878 гг. обучалась в больнице Могилевских богоугодных заведений анатомии, физиологии, началам гигиены, правилам ухода за больными и ранеными. Она получила звание сестры Красного Креста, а за труды в обществе Красного Креста в 1879 г. была удостоена знака Красного Креста и денежной награды в размере 50 руб. от Государыни Марии Александровны в 1878 г. [19, л. 4–5].

Ряд иеромонахов мужских православных монастырей белорусских епархий годами исполняли пастырские обязанности в армии и на флоте. Так, иеромонах Могилевского Богоявленского монастыря Вениамин с 1898 г. по 1899 г. служил на крейсере «Апраксии», с 1899 г. по 1902 г. в 4-м Донском казачьем полку, а с 1902 г. по 1905 г. в Порт-Артуре. С 1914 г. по 1916 г. он был командирован на пастырское служение в Сеньковскую земскую богадельню. Иеромонах того же монастыря Авраамий с 1914 г. являлся священником 303 пехотного Сытинского полка, а с декабря 1914 г. по 1915 г. служил в 311 полевом запасном госпитале [8, л. 10, 12].

Игумен Ириний из братии Слуцкого монастыря с 16 марта по 1 сентября 1878 г. был командирован во временный военный госпиталь № 37 [34, л. 9–10]. Иеромонахи Пустынского Успенского монастыря Анатолий и Алексей с августа 1914 г. служили госпитальными священниками в действующей армии [8, л. 39–40]. Казначей Оршанского Покровского мужского общежительного монастыря иеромонах Василий с 23 апреля 1903 г. по 16 января 1904 г. служил на крейсере «Аврора» [8, л. 55].

В XX в. на страницах светской и религиозной печати развернулась агитационная борьба за трезвость. Монастыри белорусских епархии принимали в этой кампании посильное участие. В Могилевской епархии в 1913 г. в двух лавках Могилевского Братского Богоявленского одноклассного мужского монастыря был организован приют трезвости, а настоятель монастыря епископ Гомельский, vikарий Могилевской епархии Варлаам (Виктор Степанович Ряшенцев) являлся председателем Могилевского общества трезвости и Могилевского православного Богоявленского братства [8, л. 2, 7]. При Бельничском монастыре функционировало общество трезвости, состоявшее из 216 чле-

нов [28, л. 39об.]. В Мозоловском Вознесенском женском монастыре была открыта чайная для привития трезвости в народе [8, л. 181].

Заклучение

Такие характеристики православных монашеских обителей, как надежность и стабильность, позволяли им совмещение нескольких функций. Во-первых, они играли роль благотворительных обществ, пользующихся абсолютным доверием со стороны государства и общества, занимающихся сбором средств на создание и функционирование социальных учреждений. Во-вторых, на своей базе монастыри создавали комплексные социальные учреждения, открывали школы, богадельни, больницы, приюты. Открытые традиционные формы социальной поддержки во второй четверти XIX – начале XX вв. уступают по значимости закрытым формам. Монастыри взяли на себя роль социального стабилизатора, принимали на себя призрение и обучение незащищенных слоев общества. В условиях недостатка школ и социальных учреждений монастырские просветительские и благотворительные учреждения имели важное значение, особенно в северо-западных епархиях.

Можно выделить два этапа в процессе развития социально-карикативной деятельности обителей белорусских епархий:

1-й этап (40–70-е гг. XIX в.) – возникновение просветительских и благотворительных заведений при монашеских обителях.

2-й этап (80-е гг. XIX в. – начало XX в.) – количественный рост и качественные изменения в работе социальных и учебных заведений; активизация деятельности монастырей как епархиальных центров просвещения и благотворительности.

Со второй половины XIX в. социально-карикативная деятельность стала играть главную роль в жизни православных женских обителей и по сравнению с мужскими монастырями была гораздо обширнее. В конце XIX – начале XX вв. для женских обителей стало характерно создание просветительно-благотворительных комплексов, состоявших, как правило, из школы, приюта, богадельни, больницы. Значительно повышалась роль православных монастырей и в решении социальных проблем в годы эпидемий, неурожаев, войн и социальных потрясений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульянова, Г.И. Благотворительность в Российской империи (конец XVIII – начало XX века) : автореф. дис. ... док. истор. наук: 07.00.02 / Г.И. Ульянова; Институт российской истории РАН. – М., 2006.

2. Лебедев, А.Г. Благотворительная деятельность в XIX – начале XX века как средство сохранения социальной стабильности / А.Г. Лебедев // Благотворительность в России как социальный институт: история, возрождение, развитие. – Москва, 2007 – С. 27.

3. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. / П.Н. Зырянов // Монашество и монастыри в России XI – XX в. – М. : Наука, 2005. – 344 с.

4. Входящие документы за 1868 год, послужные списки монашествующих и послушников // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). – Фонд 2308. – Оп. 1. – Д. 333.

5. Ведомость о суммах, поступивших в Витебский Епархиальный Миссионерский Комитет в течение 1898 г // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1899. – № 19 (отдел официальный). – С. 936–937.

6. Ведомость о деньгах, поступивших в Минский Епархиальный Комитет по сбору пожертвований // Минские епархиальные ведомости. – 1892. – № 1 (часть официальная). – С. 22–25.

7. Отчет о приходе и расходе сумм на призрение бедных духовного ведомства по Полоцкой епархии за 1876 год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 7 (отдел официальный). – С. 192.
8. Клировая ведомость монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Мстиславского, Сеннинского и Чериковского за 1916 г. // НИАРБ. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 716.
9. Шавельский, Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / прот. Г. Шавельский. – СПб : Тип. «Сельского вестника», 1910. – 495 с.
10. Небольшая экскурсия в область прошлого по поводу настоящего // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 2 (отдел неофициальный). – С. 26.
11. Клировая ведомость за 1857 г. // НИАРБ. – Фонд 2310. – Оп. 1. – Д. 46.
12. Ведомость о земельных владениях и хозяйстве монастыря и послушной список монахов и послушников за 1840 г. // НИАРБ. – Фонд 3023. – Оп. 1. – Д. 71.
13. Ведомости и рапорты настоятеля Грозовского монастыря Слуцкого уезда о подготовке и поведении лиц, изучающих обязанности причетника. 1849–1855 г. // НИАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 22092.
14. Дело о монашествующих по Минской епархии за 1850 г. // НИАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 23174.
15. Летопись Ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 7 (отдел неофициальный). – С. 264.
16. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи : в 3 ч. 1 / Сост. и изд. В.В. Зверинский. – Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 год. – СПб, 1890. – 293 с.
17. Денисов, Л.И. Православные монастыри Российской империи. Полный список / Л.И. Денисов. – М., 1908. – 984 с.
18. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1886 г. // НИАРБ. – Фонд 2314. – Оп. 1. – Д. 51.
19. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1890 г. // НИАРБ. – Фонд 2314. – Оп. 1. – Д. 55.
20. Открытие школы иконописания // Могилевские епархиальные ведомости. – 1984. – № 7 (часть официальная). – С. 41.
21. Клировая ведомость монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Мстиславского, Сеннинского и Чериковского за 1917 г. // НИАРБ. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 847.
22. Памятная книжка Минской епархии / Сост. А. Товаров. – 1901. – С. 19.
23. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793–1893) / Сост. С.Г. Рункевич. – Минск : Типо-литография Б.И. Соломонова, 1893. – 127 с.
24. Борун, Е.Н. Православные монастыри г. Полоцка (середина XIX – начало XX веков) : дис. ... магистра истор. наук: 1-21 80 16 / Е.Н. Борун; Полоцк. гос. ун-т. – Новополоцк, 2009. – 61 с.
25. Отчет о состоянии церковно-приходских школ в Полоцкой епархии 1884–188 гг. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1886. – № 1 (отдел официальный). – С. 6–7.
26. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 / Е.Н. Филатова. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 190 с.
27. Серебрянников, Н. Краткий историко-статистический очерк развития церковных школ Полоцкой епархии за 1884–1909 гг. / Н. Серебрянников. – Витебск: Губ. типография, 1909. – 26 с.

28. Отчет о состоянии Могилевской епархии за 1912 г. // НИАРБ. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 523.
29. О разрешении Слуцкому Свято-Троицкому монастырю вносить ежегодно 100 рублей на содержание одного из беднейших учеников Слуцкого духовного училища 1883–1884 гг. // НИАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35859.
30. Ивановский, Я.И. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству / Я.И. Ивановский. – Изд. 3-е. – СПб. : Синод. тип., 1900. – 325 с.
31. Ведомости прихода и расхода денег из сумм Могилевского Епархиального Попечительства на содержание дома призрения за 1844 г. // НИАРБ. – Фонд 2313. – Оп. 1. – Д. 16.
32. Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1847 год. – СПб, 1848.
33. Освящение Минского Преображенско-Варваринского первоклассного женского монастыря и Слово, произнесенное Его Преосвященством, Преосвященнейшим Александром, Епископом Минским и Бобруйским, по освящении монастырского храма. – Минск : Губ. тип., 1874. – 9 с.
34. Дело о монашествующих и послушниках монастырей Минской епархии за 1889 г. // НИАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36208.
35. Отчет Архиепископа Полоцкого и Витебского Василия о состоянии епархии за 1861 г. // НИАРБ. – Фонд 2531. – Оп. 1. – Д. 40.
36. Довгялло, Д.И. Памяти настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря игуменьи Евгении (Говорович) / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1900. – 25 с.
37. Клировая ведомость за 1906 год // НИАРБ. – Фонд 2315. – Оп. 1. – Д. 35.
38. По Указу Его Императорского Величества // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1876. – № 24 (отдел официальный). – С. 885–888.
39. Изъявили желание поступить... // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 13 (отдел официальный). – С. 406.
40. Об организации в православных мужских монастырях... // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 9 (отдел официальный). – С. 253.
41. Родионова, О.А. Православное духовенство белорусских епархий в начальный период первой мировой войны (июль–декабрь 1914 г.) / О.А. Родионова // Вестник Грод. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2009. – № 2. – С. 28–36.
42. Определение Св. Синода... // Церковные ведомости. – 1915. – № 23. – С. 304.
43. Кривонос, Ф. Белорусская православная церковь в XX столетии / священник Феодор Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255с.

Borun E.N. Socio-charitative Activity of the Orthodox Monastic Communities on the Territory of Belarus in the Second Quarter of the 19th and early 20th Century

The article highlights one of the activities of the Orthodox monastic communities functioning on the territory of Belarus in the second quarter of the 19th and early 20th century. A number of spectra in the structure of social and charitable work of monasteries: religious-educational, educational and missionary, educational and correctional service, charity and trustees is analyzed. To the beginning of the 20th century established Orthodox monasteries on the territory of Belarus provided all sections of the population social support. In the period under review, there were two ways of implementing the monastic social service: support government fees and creating their own structures for the implementation of social programs. It is revealed, that open traditional forms of social support in the second quarter of the 19th – beginning of 20th century inferior to the importance of closed forms, which have been implemented monasteries in the activities of the organization of schools, orphanages, hospitals, libraries, almshouses. In general, we can say that the Orthodox monasteries played the role of social stabilizer, took on the charity and training disadvantaged sections of society.

УДК 94 (476)

Л.В. Лаўрэнка

СТАН ЛЯСНОЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1939 ГГ.

У артыкуле на аснове розных гістарычных крыніц даецца характарыстыка лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., раскрываецца яе роля ў эканамічным жыцці заходнебеларускіх зямель і Польшчы ў цэлым. На аснове багатага фактычнага матэрыялу паказана развіццё лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Вызначаны асаблівасці дзейнасці асноўных галін лясной прамысловасці заходнебеларускіх зямель: лесанарыхтоўчай, лесапільнай, фанернай і запалкавай. Робіцца выснова, што найбольшае развіццё на тэрыторыі Заходняй Беларусі атрымалі дрэваапрацоўчая і фанерная галіны прамысловасці. Адзначана, што большасць прадпрыемстваў лясной прамысловасці з’яўляліся дробнымі, працавалі на мясцовай сыравіне і былі арыентаваны на экспарт. У артыкуле прасочаны ўплыў замежнага капіталу на дрэваапрацоўчых прадпрыемствах польскіх акцыянерных кампаній.

Уводзіны

Тэма дадзенага даследавання з’яўляецца актуальнай у айчынной гістарычнай навуцы, бо асобных навуковых прац, прысвечаных стану лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., пакуль няма. Сярод айчынных даследаванняў, якія адлюстроўваюць толькі некаторыя аспекты тэмы, неабходна адзначыць працы В. Фрышмана і Я. Шнейдэра [1; 2], у якіх на аснове польскіх статыстычных крыніц, справаздач прамыслова-гандлёвай палаты і матэрыялаў перыядычнага друку дадзена агульная характарыстыка прамысловай вытворчасці Заходняй Беларусі. Аднак названыя працы (былі апублікаваныя ў БССР яшчэ ў 1930-я гг.) уяўляюць сабой пераважна статыстычна-эканамічныя апісанні заходнебеларускай прамысловасці. Сярод даследаванняў пасляваенных дзесяцігоддзяў увагі заслугоўвае праца І. Палуяна [3], у якой разглядаецца эканамічнае становішча Заходняй Беларусі ў кароткі храналагічны перыяд – у час сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг. Немалаважнае значэнне маюць таксама працы С. Наркевіча і М. Сямёнчыка [4; 5], у якіх прысутнічае агульны агляд прамысловай вытворчасці на заходнебеларускіх зямлях.

Польскія аўтары звярнуліся да праблем прамысловага развіцця Польшчы і яе «ўсходніх ускраін» (заходнебеларускіх і заходнеўкраінскіх зямель) таксама ў 1930-я гг. (працы У. Баранскага, Т. Нагурскага, Я. Карпінскага) [6–8]. У адной з першых прац у гістарычнай навуцы ПНР па заходнебеларускай праблематыцы – манаграфіі Е. Тамашэўскага [9] – зроблены аналіз гаспадарчага жыцця толькі аднаго ваяводства – Палескага. Рэгіянальнаму развіццю Беластоцкага ваяводства прысвечана праца Я. Мілеўскага [10]. У сучасных польскіх гістарычных даследаваннях прысутнічаюць звесткі пераважна па агульнаэканамічным становішчы міжваеннай Польшчы. Гэта працы такіх даследчыкаў, як І. Кастравіцкая, З. Ландау [11].

Улічваючы слабую распрацаванасць тэмы стану лясной прамысловасці заходнебеларускіх зямель, пастаўлена наступная мэта: даследаваць стан і асаблівасці развіцця лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Для дасягнення пастаўленай мэты былі вылучаны наступныя задачы: 1) даць агульную характарыстыку становішча і праблем развіцця лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў вывучаемы перыяд; 2) прасачыць уплыў польскага і замежнага капіталу ў рабоце прадпрыемстваў лясной прамысловасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі; 3) правесці аналіз развіцця асноўных галін лясной гаспадаркі заходнебеларускіх зямель.

Навуковы кіраўнік – А.М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лясная прамысловасць Заходняй Беларусі

Прамысловае развіццё Заходняй Беларусі ў перыяд яе ўваходжання ў склад Польшчы (1921–1939 гг.) адзначалася нераўнамернасцю і цыклічнасцю. Кіраўніцтва Польшчы разглядала Заходнюю Беларусь як пастаўшчыка таннай сыравіны і рынак збыту прамысловай прадукцыі, вырабленай у цэнтральных раёнах дзяржавы. Прамысловасць Заходняй Беларусі была арыентавана на перапрацоўку мясцовай сыравіны і выпуск паўфабрыкатаў. Будаўніцтва фабрык і заводаў, чыгункі на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель практычна не праводзілася. На тэрыторыі Заходняй Беларусі не было цяжкай прамысловасці, амаль поўнасцю адсутнічалі буйныя прадпрыемствы. Вядучымі галінамі заходнебеларускай прамысловасці з’яўляліся лясная, харчовая, мінеральная і тэкстыльная. У разглядаемы перыяд з усіх галін прамысловасці Заходняй Беларусі пераважнае развіццё атрымала лясная прамысловасць – галіна са значным удзелам польскага дзяржаўнага і замежнага капіталу.

Лясы заходнебеларускіх зямель складалі 37% лясоў Польшчы [12, с. 17]. Велізарныя лясныя масівы належалі дзяржаве і сістэматычна павялічваліся за кошт куплі памешчыцкіх маёнткаў. З 1921 г. па кастрычнік 1937 г. плошча дзяржаўных лясоў павялічылася ў Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах з 784,1 тыс. га да 930 тыс. га [13, с. 60]. На 1 кастрычніка 1937 г. дзяржаўныя лясы ў Беластоцкім ваяводстве складалі 67,2% (532,4 тыс. га), у Віленскім – 41,8% (257,5 тыс. га), у Навагрудскім – 42% (221,6 тыс. га), у Палескім – 40,7% (450,9 тыс. га) плошчы ўсіх лясоў [14, с. 83].

Лясная прамысловасць, да якой адносіліся лесанарыхтоўчая, лесапільная, фанерная і запалкавая галіны, адыгрывала вялікую ролю ў гаспадарчым жыцці міжваеннай Польшчы. Лес быў адной з асноўных крыніц польскага экспарту. За мяжу вывозілася звыш 70% драўніны, у той час як на ўнутраныя патрэбы ішло менш за 30%. Каля 80% экспартуемай драўніны складалі лесаматэрыялы з Заходняй Беларусі [3, с. 12]. Значэнне заходнебеларускіх лясоў асабліва вялікае, бо яны пастаўлялі значную частку парод, якія валодалі каштоўнымі тэхнічнымі асаблівасцямі: асіну, алешыну і хвою [6, с. 11].

Пасля Першай сусветнай вайны ў лясной прамысловасці назіраўся перыяд высокай кан’юнктуры. Ва ўмовах інфляцыі капіталісты значна павялічылі норму дабаўленага кошту. Акрамя таго, інфляцыя садзейнічала павышэнню канкурэнтаздольнасці Польшчы на знешніх рынках, а нізкія чыгуначныя тарыфы спрыялі вывазу драўніны і іншай сыравіны.

Вельмі актыўна ў лясную прамысловасць укладвалі капітал замежныя і польскія манаполіі. Так, у 1922 г. урад Польшчы прадаў пад высечку англійскім лесапрамыслоўцам большую частку лясоў Белавежскай пушчы, а замежнаму прамыслова-гандлёваму акцыянернаму таварыству «Swierk» – Налібоцкай. У 1927 г. акцыянернае англа-еўрапейскае таварыства купіла лясы Слонімскага і Стаўбцоўскага паветаў [13, с. 62]. А ў 1928 г. англійская акцыянерная кампанія «Continent» купіла на высечку 6 тыс. га лесу ў Вілейскім павеце. Падчас сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг. англійская фірма «Gips Timber Forest company» набыла ў Лунінецкім павеце ўсю маёмасць таварыства «Бобрык», у тым ліку лесапільны завод у Малькавічах. Наогул жа іншаземны капітал у дрэваапрацоўчай прамысловасці Заходняй Беларусі ў даследуемы перыяд складаў 46,3% [13, с. 62].

У лясной прамысловасці найбольшае развіццё атрымала дрэваапрацоўчая галіна, якая аб’ядноўвала лесанарыхтоўчую (падрыхтоўка лесу на продаж) і лесапільную прамысловасці. Асноўнымі прадуктамі лесанарыхтоўчай галіны з’яўлялася бяровенне, тэлеграфныя і тэлефонныя слупы, рудніковыя стойкі і балансы для вытворчасці драўлянай масы і цэлюлозы. На лесанарыхтоўчых прадпрыемствах працавалі пераважна сельскагаспадарчыя сезонныя рабочыя.

Найбуйнейшым лесанарыхтоўшчыкам у Заходняй Беларусі былі «Дзяржаўныя лясы» – прадпрыемства, якому толькі ў Беластоцкім ваяводстве належала каля 0,5 млн га. Яго панаванне ў лясной гаспадарцы прывяло да ліквідацыі значнай колькасці дробных прадпрыемстваў, асабліва ў гады сусветнага эканамічнага крызісу. Так, у 1930 г. было ліквідавана 40% такіх устаноў. Такім чынам, колькасць лесанарыхтоўчых прадпрыемстваў у заходнебеларускіх ваяводствах у 1931 г. была наступнай: у Віленскім ваяводстве – 62 (у 1929 г. налічвалася 266), у Беластоцкім – 25 (у 1929 г. – 74), у Навагрудскім – 108 (у 1929 г. – 153), у Палескім – 119 (у 1929 г. – 272) [1, с. 13].

Лесапільная прамысловасць Заходняй Беларусі вырабляла піламатэрыялы, дошкі, паўфабрыкаты. На першым месцы па колькаснях і якаснях паказчыках было Беластоцкае ваяводства. Па дадзеных на 1931 г., з 348 лесапільных заводаў 109 знаходзілася ў Беластоцкім ваяводстве. Сярод іх буйны лесапільны завод у вёсцы Чорная Вёсь (на ім працавала 600 рабочых), які размяшчаўся на чыгунцы Беласток – Вільня і належаў «Дзяржаўным лясам»; лесапільны завод Данчыка, Готліба і Семяціцкага ў Супраслі; лесапільны завод Расткера і К^о у Зедне, дзяржаўны лесапільны завод у Грудцы [2, с. 32, 37]. Значная колькасць лесапільных заводаў (буйнейшы з іх – завод Рабіновіча) знаходзілася ў Нурцы (Бельскі павет). У 1931 г. у мястэчку Рось Ваўкавыскага павета быў пабудаваны лесапільны завод А. Шашкевіча, які меў 2 лесапільныя рамы, 4 круглыя пілы і 1 габлявальную машыну, а таксама свой лакамабіль магутнасцю 80 к.с. У 1932 г. заводам было прададзена лесамаціна на суму 29 557 злотых [2, с. 83–84]. Попыт на піламатэрыялы як на ўнутраным, так і на знешніх рынках быў звязаны з аднаўленнем гаспадаркі пасля Першай сусветнай вайны.

У 1934 г. прадпрыемствам «Дзяржаўныя лясы» было адкрыта 35 лесапільных заводаў, 124 лесапільныя рамы якіх пераапрацоўвалі 1 150 тыс. м³ сыравіны (абсалютную большасць складалі іглічныя пароды: хвоя, елка, піхта, – астатняе – лісцевыя (бук і дуб). Галоўным спажывцом прадукцыі дзяржаўных лесапільных заводаў была Англія, куды пастаўлялася 75% усяго экспарту лесу [1, с. 17].

З 1927 па 1928 гг. лесапільная вытворчасць развівалася хуткімі тэмпамі. Гэтаму ў некаторай ступені спрыяла заключанае 30 лістапада 1927 г. часовае пагадненне паміж Польшчай і Германіяй (дзейнічала да 1930 г.) па экспарце ў Германію лесу. Згодна з ім у 1927 г. з Польшчы было вывезена 484 тыс. тон піламатэрыялаў, ў 1928 г. – 688 тыс. тон. У 1929 і 1930 гг. штогод у Германію вывозілася каля 470 тыс. тон, але ўжо ў 1931 г. вываз лесу рэзка скараціўся да 36 тыс. тон, а ў 1932 і 1933 гг. ён склаў адпаведна 5 і 11 тыс. тон [1, с. 4–5]. Адною з прычын спаду экспарту лесу лічыцца заканчэнне тэрміну пагаднення з немцамі [15, арк. 1]. На нашу думку, на зніжэнне экспарту ў той ці іншай ступені паўплывала і пагаршэнне польска-германскіх адносін, асабліва пасля заключэння ў 1932 г. савецка-польскай дамовы аб ненападзенні.

Найбольш буйныя цэнтры лесапільнай прамысловасці знаходзіліся каля чыгуначных вузлоў. Так, каля станцыі Гайнаўка яшчэ ў перыяд нямецкай акупацыі часоў Першай сусветнай вайны былі пабудаваны лесапільныя прадпрыемствы і завод па сухой перагонцы дрэва. Гэты завод польскай дзяржавай быў пераабсталяваны, тэхнічна ўдасканалены і стаў самым буйным заводам па сухой перагонцы дрэва ва ўсёй Польшчы: ён меў 2 пары рухавікоў магутнасцю 60 к.с. і 4 аддзяленні, якія ахоплівалі 128 перагонных кубоў, кожны аб'ёмам 3 м³. Асноўнымі прадуктамі вытворчасці былі драўляны спірт, паташ і смала. З 1923 г. завод знаходзіўся ў арэндзе ў акцыянернага таварыства «Grodzisk» (асноўны капітал 3,25 млн злотых). Завод у Гайнаўцы вырабляў толькі паўфабрыкаты для хімічных прадпрыемстваў Польшчы. Заводу неабходна было забяспечыць патрэбы прамысловасці карэннай Польшчы, а таксама ажыццяўляць экспарт у Англію, Швейцарыю і Францыю [2, с. 40–41].

«Grodzisk» займаўся пераапрацоўкай выключна лісцевых парод дрэва, якое не магло быць выкарыстана ў якасці будаўнічага матэрыялу. Вытворчая магутнасць завода складала 100 тыс. м³; яму належалі электрычная станцыя і 2 паравыя машыны магутнасцю 500 к.с. Акрамя гэтага прадпрыемства, у Белавежскай пушчы было яшчэ некалькі заводаў па сухой перагонцы дрэва, якія належалі фірме «Terebenthen». Найбольш буйныя прадпрыемствы «Terebenthen» знаходзіліся ў Гайнаўцы і Стошцы і спецыялізаваліся на вытворчасці з хвой тэрпенціну (жывіцы), смалы, каніфолі, толю (асфальтавай паперы для пакрыцця дахаў) і г.д. Капітал фірмы складаў 700 тыс. злотых, а на яе прадпрыемствах налічвалася 250 працоўных. Прадпрыемствы былі адкрыты ў шэрагу населеных пунктаў Белавежскай пушчы, дзе меліся невялікія фабрыкі тэрпенціну (Гайнаўка, Бялы-Лясак, Чарлянка, Дэмбова, Гарбач, Алёнка, Ляцке, Нарэўка, Альхоўка, Перавалока, Скуравол, Савэ і Гапіла) [2, с. 41].

Беластоцкае ваяводства ў прамысловым развіцці знаходзілася вышэй за іншыя паўночна-ўсходнія ваяводства Польшчы. На яго прыходзілася каля 40% прадукцыі дрэваапрацоўчай прамысловасці акругі, у той час як на астатнія тры ваяводства – Віленскае, Навагрудскае і Палескае – разам каля 60%. Апрача таго, дрэваапрацоўчая прамысловасць Беластоцкага ваяводства развівалася ў больш спрыяльных умовах: яно знаходзілася бліжэй не толькі да ўнутраных, але і да знешніх рынкаў збыту, таму несла значна меншыя транспартныя выдаткі. Гэта мела важнае засцерагальнае значэнне ў час крызісу 1929–1933 гг.

Буйнымі дрэваапрацоўчымі цэнтрамі ў Навагрудскім ваяводстве з’яўляліся Ліда, Слонім, Валожын, Воранава, Дзятлава, Шчучын, Быцень [16, арк. 6–8]. У Лідскім павеце налічвалася 10 лесапільных (6 з іх знаходзілася ў самой Лідзе). Значным цэнтрам лесапільнай прамысловасці з’яўляўся Слонім. Тут размяшчаўся паравы лесапільны завод «Aspago», лесапільны завод Файна і Канцапольскага, лесапільны завод «Arabios», лесапільны завод братаў Гольдбергаў, лесапільны завод І. Канцапольскага і лесапільны завод у Слоніме [2, с. 78]. 4 лесапільныя знаходзіліся ў Стоўбцах: эксплуатацыя лясоў англійскага таварыства (лесапільныя заводы), лесапільны завод наднёманскай лясной прамысловасці, лесапільны завод Кітаевіча, лесапільны завод З. Нахамчыка. Адзін з пералічаных лесапільных заводаў належаў англійскай фірме, якая займалася эксплуатацыяй лесу ў Заходняй Беларусі [2, с. 80].

У 1931 г. у вёсцы Усялюб Навагрудскага павета графам Арурке быў пабудаваны лесапільны завод, абсталяваны 2 лесапільнымі рамамі, габлявальнай машынай і падвеснай круглай пілой. Гадавая вытворчая магутнасць завода складала 6 тыс. м³. У 1932 г. лесапілка была выкарыстана толькі напалову сваёй вытворчай магутнасці – 3 тыс. м³. Тавараў было рэалізавана на суму ў 169 095 злотых, з іх 115 647 злотых складаў прыбытак ад экспарту [2, с. 90].

На тэрыторыі Віленскага ваяводства ў 1931 г. знаходзіліся 88 лесапільных заводаў. Найбольш вядомыя лесапільныя заводы Вільні – завод Моргенстэрна, лесапільны завод Я. Гінзбурга (асноўны капітал заводу – 100 тыс. злотых), лесапільны завод Салуцкага і Гершатэра, лесапільны завод Ц. Левіна і Шалюбскага, лесапільны завод братаў Хволесаў і лесапільны завод Парнэса [2, с. 60].

У мястэчку Лынтупы Свянцянскага павета каля чыгуначнай станцыі таксама дзейнічаў лесапільны завод. Абсталяванне заводу складалася з механічнага рухавіка ў 120 к.с. і 2 лесапільных рам. Гадавая вытворчая магутнасць – 20 тыс. м³ драўніны, аднак завод выкарыстоўваў толькі чвэрць сваёй магчымасці і вырабляў 5 тыс. Яшчэ адзін завод размяшчаўся ў маёнтку К. Вагнера ў в. Вялікія Салечнікі [2, с. 87].

Сярод лесапільных заводаў Віленскага ваяводства вылучаўся буйнейшы завод С. Дубіна ў Вілейцы, пабудаваны ў 1927 г. Пры заводзе меўся паравы млын (на тэрыторыі Заходняй Беларусі вельмі часта пры лесапільных меліся і млыны). Таксама заводу

належалі лакаматыў магутнасцю 75 к.с., 1 лесапільная рама, 1 круглая піла і габлявальная машына. У 1932 г. на заводзе было перапрацавана 2 тыс. м³ лесаматэрыялаў [2, с. 62].

Такім чынам, на Віленскае ваяводства ў 1928 г. прыходзілася 99 тыс. м³ вырабленых піламатэрыялаў, у 1929 г. – 80 тыс. м³, у 1930 г. – 75 тыс. м³ [1, с. 20]. Гэта самыя нізкія паказчыкі ў параўнанні з астатнімі ваяводствамі Заходняй Беларусі.

У Палескім ваяводстве (найбуйнейшым па тэрыторыі Заходняй Беларусі) у 1931 г. налічваўся 91 лесапільны завод [1, с. 16]. У 1929 г. іх было 55, а ў 1925 г. з 84 лесапільных заводаў дзейнічала толькі 46 [17, арк. 7]. Вядомымі лесапільнымі заводамі Палескага ваяводства былі: у Пінску – лесапільны завод «Ріпа», завод Я. Любашэўскага, лесапільны завод «Lasgo», лесапільны завод «Оак» у Жоўкіна (Пінскі павет); у Лунінецкім павеце – лесапільны завод «Альшанка» (Лунінец), лесапільны завод Б. Крыгера ў Бастыні (меў 4 лесапільныя рамы), лесапільны завод «Josszyf» у Людвігаве [2, с. 67–68], лесапільны завод фірмы «Olza» ў Мікашэвічах (працавала 70 рабочых у 3 змены); у Брэсцкім павеце – аб'яднаныя брэсцкія лесапільныя заводы ў Брэсце, лесапільны завод Барэнгольца і лесапільны завод Х. Алергата ў Маларыце; у Косаўскім павеце – лесапільныя заводы ў Ивацэвічах і Броннай Гары, якія належалі акцыянернаму таварыству братоў Боркен-Гагенаў і Мароза [2, с. 72, 88]. У 1934 г. у дрэвапрацоўчай прамысловасці Палескага ваяводства налічвалася 57 прадпрыемстваў (без уліку дробных, арыентаваных толькі на мясцовы рынак) [18, арк. 4]. Вытворчасць піламатэрыялаў у Палескім ваяводстве ў 1928 г. складала 241 тыс. м³, у 1929 г. – 210 тыс. м³, у 1930 г. – 233 тыс. м³ [1, с. 20].

Сусветны эканамічны крызіс 1929–1933 гг. негатыўна паўплываў на лесапільную вытворчасць. Асабліва гэта адчувалася ў 1932 г., калі ўзровень вытворчасці быў значна ніжэйшы за паказчыкі 1928 г.

Адпаведнае развіццё на тэрыторыі Заходняй Беларусі атрымала вытворчасць фанеры. Клееная фанера была важным паўфабрыкатам не толькі для мэблевай прамысловасці і вырабу скрынь, але таксама і для вытворчасці аэрапланаў і аўтамабіляў, таму карысталася попыткам на знешніх рынках. У 1929 г. у Польшчы налічвалася 20 фанерных фабрык, з іх 10 у Заходняй Беларусі [1, с. 25]. Найбольш вядомыя фабрыкі па вытворчасці фанеры знаходзіліся ў Беластоку, Гродне, Мастах, Семятычах (Беластоцкае ваяводства), Шчучыне (Навагрудскае ваяводства), Пінску, Мікашэвічах, Маларыце (Палескае ваяводства) [19, с. 59]. У Беластоку гэта фанерная фабрыка «Тэміль», а таксама фабрыка клеенай фанеры Ф. Госбаха ў Дойлідах; у Гродне – аб'яднаныя фабрыкі клеенай фанеры акцыянернага таварыства братоў Браўнаў «Гродна-Ласосна» [1, с. 25]; у Семятычах – фабрыка фанеры Маліняка (у 1934 г. працавала 195 рабочых) [2, с. 85]. У Мастах знаходзіўся фанерны завод братоў Канапацкіх, пабудаваны ў 1925 г. На ім працавала 260 рабочых. Фабрыка мела сваю электрастанцыю. Браты Канапацкія былі ўласнікамі і фанернага завода ў Шчучыне. У Пінску размяшчаліся 4 буйныя фанерныя фабрыкі: фабрыка фанеры братоў Л. і А. Лур'е, фабрыка фанеры А. Мэрцэра, фабрыка «Leszcze» і фанерная фабрыка «Kunda» [2, с. 67]. Яшчэ адзін фанерны завод – «Union» Навума Цукера – знаходзіўся за Пінскам у мястэчку Гарадзішча. У Маларыце дзейнічаў фанерны завод «M. Hammer i Syn».

Найбольш буйнымі фанернымі фабрыкамі на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі фабрыка «Baci L. i Al. Lourie» у Пінску і фабрыка фанеры «Olza» ў Мікашэвічах Лунінецкага павета. Прадпрыемства братоў Лур'е было пабудавана яшчэ ў 1880 г. як завод па вытворчасці драўляных цвікоў, а ў 1898 г. там выраблялася фанера для скрынь; значыць, гэты завод стаў першай фанернай фабрыкай у свеце. Падчас Першай сусветнай вайны завод быў разбураны [2, с. 66] і аднавіў работу толькі ў 1921 г. Пасля смерці А. Лур'е ўпраўляючым стаў Якаў Эліясберг. За час яго кіравання была праведзена мадэрнізацыя тэхнічнага абсталявання, павышаны мінімум зарплаты да 10%, праведзена

добраўпарадкаванне фабрыкі і прылягаючай тэрыторыі. Фабрыка была прыстасавана да патрабаванняў розных краін і пачала вырабляць новыя гатункі фанеры, тым самым пашырыўшы асартымент і палепшыўшы якасць. Быў наладжаны экспарт фанеры ў еўрапейскія краіны [20, с. 200–202]. У 1926 г. вытворчасць завода складала 8 700 м³. Рост вытворчасці не прыпыняўся нават у гады сусветнага эканамічнага крызісу і ў 1933 г. складала 20 тыс. м³ [2, с. 66–67].

У 1932 г. у Польшчы налічвалася ўжо 32 фанерныя фабрыкі [21, с. 52], у тым ліку 13 на тэрыторыі Заходняй Беларусі [1, с. 25]. У 1934 г. колькасць фанерных фабрык у Польшчы складала 33 [22, с. 77]. Прадпрыемствы па вытворчасці фанеры на заходнебеларускіх землях выраблялі ў 1929 г. 50 тыс. м³ [19, с. 59], а ў цэлым у Польшчы яе вытворчасць у 1929 г. складала 96 тыс. м³ [23, с. 77]. Такім чынам, каля паловы вырабленай у Польшчы фанеры прыходзілася на Заходнюю Беларусь. Гадавы экспарт заходнебеларускай фанеры складала 22 тыс. тон на суму 17 млн злотых. Каля 85% вырабленай у Заходняй Беларусі фанеры экспартавалася за мяжу, галоўным чынам у Англію і Галандыю [19, с. 59]. Спажывацямі заходнебеларускай фанеры былі таксама Бельгія, Швейцарыя, Аргенціна, Аўстрыя, Данія, Грэцыя, Францыя, Егіпет, Германія [7, с. 45]. Асноўная частка экспарту фанеры знаходзілася ў руках нямецкіх прадпрыемстваў.

Асноўнай сыравінай для фанерных фабрык ў Заходняй Беларусі была алешына, таму фанерныя прамыслоўцы былі зацікаўлены ў яе нізкіх коштах. І як вынік – патрабаванне забароны вывазу алешыны ці ўсталявання высокіх вывазных пошлін на яе [1, с. 27].

Фанерныя фабрыкі былі абсталяваны лухчыльнымі станкамі і прэсамі; у 1928 г. усяго налічвалася 36 станкоў для лухчэння і 46 прэсаў. Вытворчасць фанерных фабрык у 1931 г. складала 43 тыс. м³ [1, с. 26].

У адрозненне ад дрэваапрацоўчай і фанернай галін запалкавая прамысловасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі развівалася даволі слаба. Асноўная сыравіна запалкавай прамысловасці – алешына. Экспарт алешыны з тэрыторыі Заходняй Беларусі складала 90% ад агульнапольскага экспарту. 70% алешыны, якая ішла на патрэбы ўнутранага рынку дзяржавы, таксама была з заходнебеларускіх зямель.

У 1925 г. шведска-амерыканскі канцэрн Крэйгера выдзеліў польскаму ўраду пазыку на суму ў 6 млн долараў. У тым жа годзе ў Польшчы ў заканадаўчым парадку была ўсталявана і здана ў арэнду адзначанаму канцэрну запалкавая манаполія. Спецыяльна створаная ў Польшчы акцыянерная кампанія па эксплуатацыі польскай запалкавай манаполіі, што ўвайшла ў канцэрн Крэйгера, скупіла ўсе польскія запалкавыя фабрыкі, атрымаўшы адначасова права на набыццё завода па вытворчасці хларыду калію і будаўніцтва новых заводаў па вытворчасці фасфату і хларыду калію. Кошт запалак быў падлічаны так, што акцыянерная кампанія без уліку арэнднай платы магла атрымаць каля 12% чыстага прыбытку на акцыянерны і рэзервовы капітал [24, с. 121].

Большая частка набытых гэтай кампаніяй фабрык была зачынена, што адпаведна выклікала скарачэнне вытворчасці, звальненне рабочых і павышэнне цэн на запалкі. Напрыклад, у 1927 г. у Польшчы налічвалася 10 прадпрыемстваў па вытворчасці запалак, у 1931 г. – 6, а ў 1933 г. толькі 4 [21, с. 60]. У Заходняй Беларусі пасля ўвядзення манаполіі 5 запалкавых фабрык было закрыта. Сярод іх 2 фабрыкі ў Вільні, па адной у Лідзе, Беластоку і Слоніме. Працягвалі функцыянаваць толькі 2 фабрыкі: фабрыка «Марыёс» у Гродне і «Progres-Wulkan» у Пінску [1, с. 29]. Канцэрн Крэйгера не панёс страт, таму што ў адпаведнасці з дамовай пасля заканчэння тэрміну арэнды Крэйгеру было прадстаўлена права вывезці назад увесь свой капітал. Трэст павінен быў вырабляць у Польшчы запалкі ў такой колькасці, якая спатрэбіцца ўнутранаму рынку. Удамове было таксама адзначана, што шведскі трэст павінен быў экспартаваць трэцюю частку польскай прадукцыі [1, с. 30].

У 1931 г. канцэрн Крэйгера даў польскаму ўраду новую пазыку ў памеры 32,4 млн долараў шляхам набывання выпушчаных польскім урадам аблігацый з 35-гадовым тэрмінам пагашэння. Новая дамова прадугледжвала пашырэнне манаполіі на вытворчасць паўфабрыкатаў: запалкавай саломкі і драўлянай стужкі, якая выкарыстоўвалася пры вырабе запалкавых пачкаў. Як вынік – значнае ўзмацненне залежнасці вытворцаў драўніны алешыны ад запалкавай манаполіі. Польшча была адной з нямногіх краін, якая займалася вырабам драўніны алешыны. Краіна была зацікаўлена ў яе вывазе ў выглядзе запалкавай саломкі. Імпарцёры драўніны алешыны (найперш Германія) імкнуліся набываць яе ў неапрацаваным выглядзе з мэтай вытворчасці запалкавай саломкі ўнутры краіны. У адпаведнасці з новым пагадненнем, вываз драўніны ў выглядзе запалкавай саломкі залежаў ад згоды шведска-амерыканскага канцэрна [24, с. 122]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1930 г. налічвалася дзве фабрыкі па вытворчасці запалкавай саломкі: адна з іх знаходзілася ў Белай Вацы каля Вільні, другая – у Міёрах Браслаўскага павета. Аднак ужо ў 1931 г. фабрыка ў Міёрах была ліквідавана [1, с. 31]. Такім чынам, засталася толькі адна фабрыка запалкавай саломкі, якая працавала выключна на экспарт у Францыю. Да пачатку сусветнага эканамічнага крызісу на заходнебеларускіх землях выраблялася каля 80% агульнадзяржаўнай вытворчасці запалкавай саломкі [3, с. 18].

На тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1928 г. было выраблена 21 138 скрынь (у 1 скрыні – 5 тыс. пачкаў), у 1929 г. – 28 330, 1930 г. – 48 882, 1931 г. – 31 821, 1932 г. – 22 468 [1, с. 30]. З прыведзеных дадзеных вынікае, што вытворчасць запалак на тэрыторыі Заходняй Беларусі да 1931 г. не толькі не змяншалася, а, наадварот, павялічвалася, у той час як у цэлым у Польшчы скарачэнне назіралася на працягу ўсіх крызісных гадоў. Экспарт запалак у 1931 г. ў параўнанні з 1930 г. значна скараціўся: з 30 486 да 7 966 скрынь [1, с. 30]. Скарачэнне адбылося згодна дамовы 1931 г., паводле якой трэст быў вызвалены ад абавязку экспартаваць запалкі. У канцы 1931 г. дзенічала толькі адна фабрыка «Progres-Wulkan» у Пінску, на якой у 1938 г. працавала 233 чалавекі (у 1922 і 1923 гг. на фабрыцы працавала 900 чалавек); $\frac{3}{4}$ прадукцыі фабрыкі «Progres-Wulkan» ішло на экспарт [25, арк. 5]. Такім чынам, неабходна адзначыць, што на тэрыторыі Заходняй Беларусі запалкавая вытворчасць не атрымала значнага развіцця, а пасля ўвядзення запалкавай манаполіі прыйшла ў заняпад.

Заклучэнне

1. Характэрнымі рысамі лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. былі яе залежнасць ад знешніх рынкаў і арыентацыя выключна на экспарт. Перавагу мела дрэваапрацоўчая галіна лясной прамысловасці, якая развівалася на мясцовай сыравіне. Выгадныя водныя зносіны, сувязь з Балтыйскім морам спрыялі развіццю гэтай галіны прамысловасці. Колькасць прадпрыемстваў і колькасць рабочых у ёй у параўнанні з 1913 г. павялічылася больш чым у 2 разы. На першым месцы ў лесапільнай прамысловасці па колькасці і якасці паказчыках знаходзілася Беластоцкае ваяводства (з 348 лесапільных заводаў Заходняй Беларусі на гэтае ваяводства прыходзілася 109, сярод іх 2 найбольш буйныя з лікам рабочых ад 200 да 500).

2. Пры дапамозе польскага ўраду ў лясную прамысловасць Заходняй Беларусі шырока пранікаў замежны капітал. Манаполіі карысталіся ільготнымі тарыфамі на дзяржаўных чыгунках і на ільготных умовах атрымлівалі электраэнергію ад дзяржаўных электрастанцый. Большая частка дзяржаўных лесапільных заводаў была здадзена ў арэнду буйным замежным фірмам. Апроч таго па заніжаных цэнах ім выдзяляліся і ўчасткі дзяржаўнага лесу для сыравіны. Таму пад кантролем замежных манаполій знаходзіліся і дрэваапрацоўчыя прадпрыемствы польскіх акцыянерных кампаній.

3. Сярод галін лясной прамысловасці Заходняй Беларусі асноўнае месца займала дрэваапрацоўчая прамысловасць, якая аб'ядноўвала лесанарыхтоўчую і лесапільную галіны. Таннасць сыравіны і працоўнай сілы, блізкасць чыгункі і воднай артэрыі – усё гэта спрыяла яе развіццю. Заходняя Беларусь з'яўлялася галоўным пастаўшчыком таннай неапрацаванай драўніны за мяжу (каля 80% агульнапольскага экспарту складалі лесамацэрыялы з Заходняй Беларусі). Значную яе частку складала драўніна з парод, якія валодалі каштоўнымі тэхнічнымі асаблівасцямі (асіна, алешына, хвоя).

4. Пэўнае развіццё атрымала фанерная галіна – з найбольшай ступенню канцэнтрацыі вытворчасці і тэхнічна самая складаная. Яна адзіная не толькі не скараціла сваёй вытворчасці, а, наадварот, значна павялічыла ў параўнанні з перыядам да Першай сусветнай вайны. Фанера з Заходняй Беларусі складала большую палову ад вырабленай фанеры на тэрыторыі Польшчы, а каля 85% яе ішло на экспарт.

5. Запалкавая прамысловасць – адзіная галіна, якая на тэрыторыі Заходняй Беларусі не атрымала развіцця, нягледзячы на тое, што для яе пашырэння мелася ўсё неабходнае: вялікі запас сыравіны і попыт на гэты тавар за мяжой. Прычына такога становішча – манапольнае гаспадаранне канцэрна Крэйгера ў польскай запалкавай прамысловасці, што прывяло да заняпаду гэтай галіны гаспадаркі і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, і ва ўсёй Польшчы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии / В. Фришман. – Минск : Изд-во Бел. акад. наук, 1934. – 133 с.
2. Шнейдер, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдер. – Минск : Изд-во Академии Наук БССР, 1936. – 104 с.
3. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / И.В. Полуян. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 207 с.
4. Наркевич, С.И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : дис. ... канд. экон. наук / С.И. Наркевич. – Минск, 1965. – 209 с.
5. Сямёнчык, М.Б. Рабочы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук / М.Б. Сямёнчык. – Гродна, 2000. – 139 с.
6. Barański, W. Akcja gospodarcza na ziemiach północno-wschodnich / W. Barański. – Wilno, 1934. – 30 s.
7. Nagurski, T. Przemysł i handel w [województwie] Wileńskim i Nowogródzkim. 1. Województwo Wileńskie / T. Nagurski. – Wilno, 1934. – 64 s.
8. Karpiński, J. Krótki przewodnik po puszczy Białowieskiej / J. Karpiński, M. Orłowicz. – Białystok : Wyd-wo Związku Popierania Turystyki Woj. Białostockiego, 1937. – 56 s.
9. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1963. – 208 s.
10. Milewski, J. Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym / J. Milewski. – Białystok, 1999. – 137 s.
11. Kostrowicka, J. Historia gospodarcza Polski XIX–XX wieku / J. Kostrowicka, J. Tomaszewski, Z. Landau. – Wyd. 2 zmienione. – Warszawa, 1975. – 589 s.
12. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / пад рэд. М. Н. Нікольскага, І. Ф. Лочмея. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – 96 с.
13. Наркевич, С.И. Дзяржаўна-манапалістычны капіталізм у прамысловасці Заходняй Беларусі 1920–1939 гг. / С.И. Наркевич // Вест. акад. навук БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1964. – № 4. – С. 59–66.

14. Mały rocznik statystyczny 1938. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego Rzeczypospolitej Polskiej, 1938. – 406 s.
15. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 695. О состоянии промышленности за 1931 г.
16. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд. 551. – Воп. 1. – Спр. 2240. Список промышленных предприятий Новогрудского воеводства за 1927 г.
17. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 687. Отчет Полесского воеводского управления о состоянии деревообрабатывающей промышленности за 1925 г.
18. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 407. Сведения о промышленности Полесского воеводства за 1934 г.
19. Polski przemysł i handel: księga adresowa i informacyjna przedsiębiorstw przemysłowych, handlowych i finansowych w Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : Izba przemysłowo-handlowa, 1930. – 1156 s.
20. Эліасберг, Я. Успаміны і сустрэчы / Я. Эліасберг // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 183–209.
21. Mały rocznik statystyczny 1934. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego Rzeczypospolitej Polskiej, 1934. – 232 s.
22. Mały rocznik statystyczny 1936. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego Rzeczypospolitej Polskiej, 1936. – 310 s.
23. Mały rocznik statystyczny 1935. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego Rzeczypospolitej Polskiej, 1935. – 278 s.
24. Гросфельд, Л. Государство досентябрьской Польши на службе монополий (1918–1939 гг.) / Л. Гросфельд. – М. : Изд-во иностр. лит., 1953. – 127 с.
25. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 691. Отчёт Полесского воеводского управления о состоянии промышленности за 1925 г.

Lavrenko L.V. Forest Industry in Western Belarus in 1921–1939

The article is devoted to the development of forest industry in Western Belarus in 1921–1939. Having analyzed several historical sources of information the author characterizes forest industry in Western Belarus in 1921–1939 and explains its role in the economic life of Poland and Western Belarus. The article gives a rather full description of the development of forest industry in Western Belarus in 1921–1939. Peculiarities of leading branches of forest industry in Western Belarus (logging industry, sawing industry, plywood industry and match industry) are defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.10.2011

УДК 930+159.923

А.А. Приборович

ПРИМЕНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ (1991–2010 гг.)

В статье представлен анализ защищенных диссертационных работ белорусских историков с точки зрения использования инновационных методов исторического познания. Читателю предложены новые направления методологического развития отечественной историографии, такие как математико-статистическое, синергетическое, лингвистическое, социально-психологическое, семиотическое, психоисторическое. Автором обнаружена «прогрессирующая» практика применения историками новых (инновационных) методов исследования в защищенных работах по специальностям 07.00.07 и 07.00.09. Кроме этого в статье читатель может ознакомиться с белорусскими научными изданиями по подготовке молодых историков к проведению научных исследований по выше обозначенным направлениям методологического развития отечественной монографии. Во время написания статьи автором совместно с доктором исторических наук профессором В.Н. Сидорцовым издана коллективная монография «Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ». Труд будет полезен в решении вопросов применения историками формализованных методов, заимствованных из других наук (социологии, психологии, лингвистики).

За 1991–2010 гг. на белорусском научном пространстве по историческим наукам были защищены 71 докторская и 441 кандидатская диссертаций [1; 2]. Каждая работа внесла определенный вклад в развитие отечественной исторической науки. Однако изменилась ли методология исторического исследования? Какие новые методы разработали и использовали ученые в целях раскрытия тайн прошлого? Для ответа на эти вопросы был проведен анализ диссертационных работ, в которых шла речь о новых методах и их применении в научном историческом исследовании.

В своей практике историки прибегают к общелогическим, общенаучным и специально-историческим методам, подразделяемым на: а) традиционные (по И.Д. Ковальченко – основные), определившиеся в XIX в., когда историю относили к области естествознания и она пользовалась его методами, адаптируя их к нуждам исторического познания (с появлением социальной истории генетический метод в начале XX в. стал историко-генетическим, типологический – историко-типологическим, системный – историко-системным и т.д.); б) нетрадиционные (инновационные), появившиеся в середине XX в. в связи с зарождением отдельных (функционально узких) исторических дисциплин: от исторической информатики до психоистории [3].

Из нетрадиционных методов, применяемых в изучении истории, можно выделить следующие группы: количественные (математико-статистические), психоисторические, методы герменевтики и лингвистики, семиотики, синергетики, искусствоведческий анализ [4], реализация которых предполагает использования определенного инструментария, в том числе информационных средств.

Применение количественных (математико-статистических) методов в исторической науке актуально в связи с интенсивным процессом математизации и компьютеризации современной науки. Это обусловлено как успехами в развитии прикладной математики и вычислительной техники, «компьютерной революцией», приведшей к радикальному расширению возможностей интеллектуальной деятельности человека, так и состоянием самой науки, перед которой актуализировались проблемы систематизации,

Научный руководитель – В.Н. Сидорцов, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

хранения и использования всё увеличивающегося объёма накапливаемой количественной и качественной информации и совершенствования методов её организации и хранения, обработки и анализа.

Математизация знания способствует осуществлению интегрального, целостного, системного подхода к изучению явлений действительности. Суть такого подхода в том, что анализируемый объект, явление или процесс рассматривается как некая системная структура, исследование которой состоит в раскрытии элементов строения и их взаимосвязей, характеризующих эту структуру, и в выявлении её качественного своеобразия [5].

Привлечение количественных методов в историческое исследование призвано расширить механизм обработки исторической информации. Это позволяет максимально приблизиться к исторической истине, способствуя тем самым получению более точного и полноценного результата исследования.

Среди белорусских историков применение количественных методов в большинстве случаев сводится к простейшим арифметическим вычислениям. Из имеющихся исследований, где использовались методы со сложными математическими вычислениями, следует выделить работы таких историков, как С.П. Витязь, применявший корреляционный анализ; М.М. Атрушкевич, А.А. Кондратович, В.Г. Корнелюк, обратившихся к методам дискриптивной (описательной) статистики, и других [6].

Особый интерес в этом отношении представляет диссертация белорусского историка В.Л. Носевича «Популяционно-демографические процессы в эпоху нижнего и среднего палеолита» (защита в МГУ им. М.В. Ломоносова) [7]. В ситуации компьютеризации науки она открывает новый вид исследования в отечественной истории. В работе переплетается историческое научное исследование, отвечающее требованиям мировой историографии, с новым исследовательским подходом – компьютерным (имитационным) моделированием. Практическая ценность работы отражена в созданной компьютерной модели и результатах её применения, воспроизводящих некоторые стороны жизни древнего общества.

Нельзя не отметить возрастание интереса к применению количественных методов в историческом исследовании среди готовящихся к защите диссертационных работ. В вышедшей в 2010 г. монографии «Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории», написанной аспирантами Белорусского государственного университета И.А. Кандыбой и М.М. Равченко под руководством и при участии профессора В.Н. Сидорцова, мы констатируем качественно новый виток в развитии методологической мысли белорусской исторической науки [8]. В работе отражено теоретико-методологическое обоснование применения методов исторической синергетики посредством использования логистического аппарата математики. Разделы монографии являются продолжением диссертационных тем И.А. Кандыбы «Повседневная жизнь Беларуси в межвоенный период (1919–1939 гг.)» и М.М. Равченко «Послевоенная Беларусь. Нарастание всеобщего кризиса (1945–1991 гг.)». Применяв синергетический подход, аспиранты смогли уточнить хронологические рамки периодов и наполнить их соответствующим содержанием, исходя из решающей роли личности, социума в жизни страны. Научный интерес представляет осуществленная ими выборка источников исследования, а также новая, незакрепощенная процедура формирования и представления исторических фактов.

Особую роль в развитии методологического аппарата историка играет сотрудничество истории с лингвистикой. В этом отношении представляет интерес основная работа историка, связанная с обработкой нарративных источников, где многое остаётся невидимым из-за поверхностных методик изучения содержимого документов. Применение методов лингвистики позволяет раскрыть смысловое устройство текста как особой формы человеческой деятельности по отражению повседневной жизни. Лингвистический

поворот в мировой историографии нацелил историков на семантический анализ речи (письменной и устной), в которой, собственно, и представлена человеческая история.

Примером междисциплинарного сотрудничества историков и лингвистов является работа Т.Н. Микулич «Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси)» [9]. Диссертация выполнена на стыке трех научных дисциплин (лингвистики, психологии и истории) и означает в известной мере укрепление теоретико-методологических основ изучения языка как формы этнического самосознания. Применяемый метод этнографической коммуникации позволил Т.Н. Микулич обозначить язык в качестве символа чувственно-образного представления национального самосознания людей. Исследователь определила причину позднего формирования национального самосознания белорусов, усматривая ее в неблагоприятных факторах эволюции этноязыковых процессов, возникших в исторической судьбе белорусского края (полонизация, русификация и т.п.).

Историки не остались в стороне от внедрения в практику исследования методологического инструментария, поставляемого таким уже немолодым направлением, как историческая информатика. Основным её путём развития в Беларуси пока является адаптация стандартного программного обеспечения к нуждам исторического познания. Это обработка источников посредством электронных таблиц и систем управления баз данных (СУБД), интеллектуальный поиск информации в сети интернет, создание электронно-образовательных ресурсов и др.

Примером использования инструментария исторической информатики может служить работа И.В. Николаевой «Женщины Беларуси в период германской оккупации (1941–1944 гг.)». Автору удалось провести количественный анализ, посредством которого была дана качественная характеристика женского состава партизан в годы Великой Отечественной войны. Созданная И.В. Николаевой на основе именных списков женского состава база данных обрабатывалась с использованием пакетов электронных таблиц Excel и СУБД Access. Осуществив компьютерную обработку источников, исследователь смогла подтвердить достоверность выдвигаемых ею положений.

Другим не менее интересным исследованием, где автор представляет информационный анализ, является работа Е.Я. Павловой [10]. Автор показала функциональную состоятельность созданной ею базы личного состава партизанских формирований на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

К инновациям в отечественных исследованиях следует также отнести работы, в которых использовались методы, входящие в группу знаковых систем (социально-психологические, лингвистические, семиотические). В отличие от количественных методов и информационных технологий, в определенной мере уже применяемых в белорусской исторической науке, указанные методы только начинают привлекать внимание исследователей и получать практическое применение.

Примером использования методов семиотики в историческом исследовании служит работа С.В. Костюкевич «Семантика и функции традиционных игрушек белорусов в XIX–XX вв.» [11]. Воспользовавшись приёмами семантического анализа, историк определила связь белорусских игрушек (их образа) с имеющимися формами мифологического представления людей. Она показала синкретизм народного мировоззрения белорусов при создании игрушек и их использовании в зависимости от внешнего образа (антропоморфного или зооморфного), а также в правилах игры с ними. Практическая значимость работы С.В. Костюкевич состоит в использовании достаточно эффективного метода анализа предметов духовно-материальной культуры, где лейтмотивом изучения служит внутренний мир человека. Началом внедрения методов психоистории в практику исторического исследования белорусских историков по праву является диссертационные работы О.М. Шутовой [12] и Д.С. Самохвалова [13]. В кандидатской

диссертации «Американская психоистория» (1960–1990-е гг.) О.М. Шутова раскрыла концептуальные основы популярного, но мало известного белорусским историкам такого научного направления, как психоистория. На примере психоисторических исследований, проведенных американскими психоисториками, она осветила теоретические основы психоисторического анализа и осуществила интерпретацию его возможных результатов, охарактеризовала поля исследований американских психоисториков, обозначила достижения и проблемы в использовании психоанализа в историческом познании.

Работа Д.С. Самохвалова «Исследование групповых процессов в психоистории» представляет собой первую предпринятую в Беларуси попытку рассмотреть психоисторические концепции и исследовательские приёмы анализа групповых фантазий как специального метода в историческом познании. Автор подчеркивает необходимость применения психоисторического контент-анализа в изучении структурных и функциональных особенностей групповых процессов. Важное значение исследователь придает изучению социальных посланий, представляющих собой широкий комплекс артефактов человеческой культуры и тесно связанных с процессом творчества, являясь частью особого психоисторического подхода к критике источников, где основное внимание уделяется внутреннему миру человека.

Опыт психоисторических интерпретаций, изучение циклов групповых фантазий и попытки прогнозирования будущего представляет большой интерес для историографии в целом. Применение психоисторических приёмов исследования вкупе с количественным анализом может содействовать разрешению многих актуальных проблем белорусской истории, в частности, таких, как борьба с субъективизмом, фрагментарностью, «замыливанием» основных результатов исследования.

Из более поздних работ особый интерес представляет исследование В.Н. Сергеева «Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа» [14]. В диссертации реализовано требование инновационного подхода в научной, а в нашем случае научно-исторической сфере деятельности, в которой первостепенное значение приобретает исследование теоретико-методологического основания социального анализа. Теория Н. Лумана концентрирует внимание на таком поле взаимодействия, как субъект–объект, где действуют свои правила, свободные от влияния обеих сторон. Предпринятый В.Н. Сергеевым анализ теории Н. Лумана может служить важным контраргументом таких явлений в сообществе историков, как явное непризнание исторической синергетики, слепое преклонение перед источником, сплошное отождествление события и факта и др.

Не ограничиваясь теоретизированием, автор диссертации разработал модель, задающую способ изучения прошлого (по ключевым понятием исторического исследования) и определяющую границы и степень участия исследователя в реконструкции прошедших явлений. При этом им была предпринята попытка применения созданной модели для раскрытия характера внутривластной борьбы в парторганизации Беларуси в 20-е гг. XX в. Прав В.Н. Сидорцов, говоря, что это первое в своем роде теоретико-историческое исследование в отечественной историографии, хотя В.Н. Сергеев фактически не смог представить модель в операционном виде, а только дал только описание её применения. Тем не менее, замечает критик, сама идея вывести из теории познавательную модель продуктивна, актуальна и весьма перспективна. В.Н. Сидорцов как оппонент диссертанта отмечал и некоторую опасность, таившуюся в этом труде, для исторической эпистемологии: в соответствии с конструктивизмом взаимодействие человека и мира представляется в виде единой цельной системы, и попытка резко сузить границы этой системы является деструкцией в познании. Так, выделяемые В.Н. Сергеевым мифологемы «заиграли» бы в случае включения коллективного подсознательного в качестве социальной подсистемы в предложенную автором модель. Накладывая эту мо-

дель на ситуацию внутрипартийных дискуссий 20-х гг. XX в. в БССР, следовало бы иметь в виду не абстрактного, а живого человека.

Широкую известность приобрела монография Н.И. Миницкого «Методы конструирования научного и образовательного исторического знания» [15]. В ней впервые в отечественной методологии науки разработана концепция построения исторического научного знания. Автор представил наиболее отвечающую исследовательской практике системную связь предметной и процессуальной сторон исторического знания. Этот аспект исследования является в большой степени оригинальным и масштабным. А в качестве частных открытий автору удалось выделить категориальное начало современных методологических построений в истории и других гуманитарных науках – концепт «структура и процессы» – и разработать общие методологические основы исторического знания. Одновременно Н.И. Миницким предложены новые методы психолингвистической обработки исторических текстов, раскрыто взаимодействие вербально-логической и знаково-символической форм представления знаний.

Из числа работ, защищенных по историческим специальностям (07.00.02 «Отечественная история», 07.00.03 «Всеобщая история», 07.00.06 «Археология», 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология», 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»), применение новых методов, как правило, отмечено в работах по специальностям 07.00.07 и 07.00.09. Число историков, применявших в своих исследованиях новые (инновационные) методы исследования, невелико, хотя возможностей повышения методологического уровня диссертационных исследований вполне достаточно. К услугам будущих специалистов в области истории имеются доступные учебно-методические пособия. Так, для овладения приемами проведения количественного анализа историку полезным окажется учебно-методическое пособие В.Н. Сидорцова «Методология истории: количественные методы и информационные технологии» [16]. Пособие написано на понятном и общедоступном языке, порою так необходимым для гуманитариев. Помимо теоретического материала автором предложена уместная практика демонстрации примеров проведения математико-статистических методов в историческом исследовании.

Другой не менее полезной работой В.Н. Сидорцова, способствующего усилению методологической составляющей исторического исследования и обучения, служит учебное пособие «Методология истории» [17]. Пособие белорусского методолога является, по нашему мнению, одним из лучших учебных изданий по проблеме методологии исторического познания как в белорусской, так и в зарубежной историографии. В пособии кроме изложения традиционных (основных) методов исторического познания представлена достаточно широкая палитра инновационных подходов в решении исторических задач, являющихся областями полидисциплинарного сотрудничества историков и представителей социально-гуманитарных наук, математиков и информатиков.

Автором статьи совместно с В.Н. Сидорцовым издана коллективная монография «Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ». Надеемся, что и этот труд будет полезен в решении вопроса применения историками формализованных методов, заимствованных из других наук (социологии, психологии, лингвистики). В этой работе рассматриваются около 50 методов. Для молодых специалистов, несомненно, полезным будет анализ диссертаций, подготовленных за последние 10 лет на историческом факультете БГУ и в Институте истории НАНБ.

Игнорируя разнообразие методов познания истории, мы можем оказаться в круговороте постоянного повторения и засорения истории. В белорусской исторической науке очевиден методологический кризис, выход из которого возможен только в междисциплинарном и полидисциплинарном подходах. Если в XVI в. Жану Бодену было

достаточно раскрыть премудрости постижения человеческого прошлого в одной книге «Метод легкого познания истории», то сейчас историку нужно стремиться овладевать не только традиционными методами (с их более широким полем применения), но и постоянно находить, апробировать и внедрять новые методы научного познания применительно к собственным объектам изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сайт Высшей Аттестационной Комиссии Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2004–2007. – Режим доступа: <http://vak.org.by>. – Дата доступа: 12.07.2011.
2. Аннотированный указатель диссертаций по историческим наукам, защищенных в Республике Беларусь (1991–2005 гг.) / сост. Г.В. Корзенко, Ю.В. Зенькович. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 391 с.
3. Сидорцов, В.Н. Методология истории : курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов истор. специальностей / В.Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2010. – С. 105.
4. Сидорцов, В.Н. Методология истории : курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов истор. специальностей / В.Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2010. – С. 105.
5. Шендерюк, М.Г. Количественные методы в источниковедении : учеб. пособие / М.Г. Шендерюк. – Калининград, 1996. – С. 6–7.
6. Атрушкевич, М.М. Законодательные акты о городах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. и особенности их реализации в Беларуси : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / М.М. Атрушкевич. – Минск, 2000; Кандратовіч, А.А. Развіццё гандлю ў Беларусі ў другой палове XVIII ст. : дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.02 / А.А. Кандратовіч. – Мінск, 2004. – 138 с.; Карнялюк, В.Г. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг. : дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.02 / В.Г. Карнялюк. – Гродна, 2001. – 129 с.
7. Носевич, В.Л. Популяционно-демографические процессы в эпоху нижнего и среднего палеолита (опыт компьютерного моделирования) : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06 / В.Л. Носевич. – М., 1991. – 21 с.
8. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории : монография / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко; под ред. В.Н. Сидорцова. – М. : МАКС Пресс, 2010. – 272 с.
9. Микулич, Т.Н. Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. / Т.Н. Микулич. – Минск, 1991. – 214 с.
10. Павлова, Е.Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны: источники и методы анализа : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. / Е.Я. Павлова. – Минск, 2003.
11. Касцюкевіч, С.У. Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у XIX–XX ст.) : дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.07 / С.У. Касцюкевіч. – Мінск, 2004. – 199 с.
12. Шутова О.М. Американская психоистория (1960–1990-е гг.) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09 / О.М. Шутова. – Минск, 1997.
13. Самохвалов, Д.С. Исследование групповых процессов в психоистории : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09 / Д.С. Самохвалов. – Минск, 2000.
14. Сергеев, В.Н. Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09 / В. Н. Сергеев. – Минск, 2008. – 22 с.
15. Миницкий, Н.И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания / Н.И. Миницкий. – Минск : БГПУ, 2006.
16. Сидорцов, В.Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии : учеб.-метод. пособие / В.Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2003. – 143 с.

17. Сидорцов, В.Н. Методология истории : курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов истор. специальностей. – Минск: БГУ, 2010. – С. 27–31.

Priborovich A.A. The Use of Unconventional Methods of Historical Research in the Dissertation Researches of Local Historians (1991–2010)

The paper presents an analysis of dissertations defended by Belarusian historians, from the perspective of the use of innovative methods of historical knowledge. New areas of methodological development of national historiography, such as mathematics and static, synergetic, linguistic, social, psychological, semiotic, psycho-historical are offered to the reader. The author found «progressive» practice of historians of new (innovative) research methods in the defended papers in the field of 07.00.07 and 07.00.09. In addition, in this article the reader comes across with the Belarusian scientific publications on the preparation of young historians to research on the above designated areas of methodological development of the national monographs. While writing this article, the author together with Dr. Hist. Sciences, Professor V.N. Sidortsov published a joint monograph «The study of personality in history: focus on content analysis, psychoanalysis, discourse analysis». The paper will be useful in solving the problem of utilizing by historians the formalized methods borrowed from other disciplines (sociology, psychology, linguistics).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.01.2012

УДК 008(476)(092)

Т.С. Пустаход

СТАРОНКІ ТВОРЧАЙ БІЯГРАФІІ МІХАІЛА БАБРОЎСКАГА. ПАЧАТАК БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА АДРАДЖЭННЯ

Артыкул прысвечаны творчай спадчыне і жыццёваму шляху вядомага святара, багаслова, славіста, арыенталіста, гісторыка, палеографа, бібліяфіла, заснавальніка скарызназнаўства і беларусазнаўства канца XVIII – першай паловы XIX ст. Міхаіла Баброўскага (1785–1848), біяграфія якога не прыцягвала пакуль сур’ёзнай увагі даследчыкаў. Паказана значэнне яго дзейнасці па выяўленні, вывучэнні і збіранні помнікаў стараславянскай пісьменнасці. Пералічаны асноўныя фактары, якія аказалі ўплыў на фарміраванне гістарычнага светапогляду вучонага. Выяўлены ўклад Міхаіла Баброўскага ў станаўленне беларускага нацыянальнага адраджэння, у прабуджэнне цікавасці да гісторыі і культуры беларускага народа.

Уводзіны

Гісторыя Беларусі багатая на слаўныя імёны людзей, якія прысвяцілі сваё жыццё служэнню Бацькаўшчыне. Адно з такіх імёнаў – Міхаіл Баброўскі – святар, багаслоў, славіст, арыенталіст, гісторык, палеограф, бібліяфіл, заснавальнік скарызназнаўства і беларусазнаўства. Галоўнае тое, што Міхаіл Баброўскі стаяў ля вытокаў беларускага нацыянальнага адраджэння ў пачатку XIX ст., прысвяціў сябе захаванню і зберажэнню старажытнай культуры беларусаў і ўсяго славянства.

Актуальнасць дадзенай тэмы абумоўлена адсутнасцю ў гістарычнай навуцы аб’ектнага даследавання, прысвечанага жыццю і дзейнасці Міхаіла Баброўскага. Мэта даследавання – сістэмна разгледзець творчую спадчыну і жыццёвы шлях Міхаіла Баброўскага; выявіць яго ўклад у развіццё і станаўленне беларускага нацыянальнага адраджэння. Для рэалізацыі дадзенай мэты былі пастаўлены наступныя задачы: узнавіць асноўныя этапы жыцця і творчага шляху вучонага, выявіць асноўныя фактары, якія аказалі ўплыў на станаўленне яго гістарычнага светапогляду.

Асноўныя вехі біяграфіі

Нарадзіўся Міхаіл Кірылавіч Баброўскі 19 лістапада 1785 г. у вёсцы Вулька Бельскага павета Гродзенскай губерні (цяпер тэрыторыя Польшчы) у сям’і ўніяцкага святара. Баброўскія паходзілі са старажытнага шляхецкага роду, прадстаўнікі якога валодалі маёнткамі паміж Драгічынам, Мельнікам і Бельскам. Аднак сям’я святара Кірыла жыла ў беднасці, што было характэрным для ўкладу жыцця ўніяцкага святарства. К пачатку XIX стагоддзя ўніяцкая царква прадстаўляла сабой дзве плыні: магутны, моцна акаталічаны базыльянскі ордэн, члены якога займалі вышэйшыя пасады, і белае (жанатае) духавенства, якое было ў асноўным малазабяспечаным і неадукаваным [1, с. 50]. Тым не менш Кірыл Баброўскі даў магчымасць свайму сыну атрымаць добрую адукацыю. Міхаіл Баброўскі атрымаў першапачатковыя веды ў царкоўнаславянскай мове пад кіраўніцтвам свайго бацькі і ў Клешчальскай школе царкоўнаслужачых [2, с. 31]. Для далейшай адукацыі тады трэба было паступаць у школы, якія належалі манаскім ордэнам піяраў, езуітаў ці базыльян. Міхаіл у 1797–1803 гг. вучыўся ў Драгічынскім вучылішчы піяраў, дзе атрымаў веды па фізіка-матэматычных, гістарычных і маральных дысцыплінах, вывучаў французскую, нямецкую, грэчаскую і лацінскую мовы [3, с. 376]. Рашэнне на карысць піяраў было прынята таму, што ў іх школах ужываліся навішчыя педагагічныя метады, выкладаліся ўсе неабходныя для пачатковай адукацыі прадметы, панавала рэлігійная цяжкасць. Затым у 1804–1806 гг. Міхаіл Баброўскі вучыўся ў Беластоцкай гімназіі, дзе за поспехі быў узнагароджаны срэбраным медалём. Трэба адзначыць, што яму прапанавалі застацца ў гімназіі настаўнікам.

Міхаіл Баброўскі ў 1806–1808 гг. працаваў у Беластоцкай гімназіі, адначасова ў Супрасльскім манастыры займаўся вывучэннем царкоўнаславянскіх старажытных рукапісаў і першадрукаў. Юнацкае захапленне і цікавасць да старажытных рукапісаў заклалі аснову яго далейшай навуковай дзейнасці. У 1808–1812 гг. Міхаіл Баброўскі працягваў сваю адукацыю ў Галоўнай семінарыі пры Віленскім універсітэце. Галоўная семінарыя, адкрытая ў 1803 г., з’яўлялася вышэйшай навучальнай установай, у якой разам з католікамі вучыліся і ўніяты. Выпускнікі семінарыі маглі займаць вышэйшыя адміністрацыйныя пасады ў кіраванні каталіцкай і ўніяцкай цэркваў, а таксама маглі быць выкладчыкамі ў епархіяльных семінарыях [4, с. 3]. Міхаіл Баброўскі вырашыў прысвяціць сябе навуцы. За чатыры гады навучання ў Галоўнай семінарыі ён быў удастоены ступені магістра філасофіі ад маральна-палітычнага факультэта (5 мая 1811 г.), ступені магістра славеснасці ад славеснага факультэта (24 чэрвеня 1811 г.); пасля заканчэння курса ў Галоўнай семінарыі ён быў удастоены ступені магістра багаслоўя (14 чэрвеня 1812 г.) [3, с. 376]. У 1812–1814 гг. Міхаіл Баброўскі наведваў курсы правазнаўства пры Віленскім універсітэце і ў 1814 г. стаў магістрам грамадзянскага і крымінальнага права [2, с. 32]. У 1814 г. Савет універсітэта запрасіў яго заняць кафедру Свяшчэннага Пісання ў якасці прафесара. У 1815 г. Міхаіл Баброўскі прыняў сан уніяцкага святара, у 1816 г. быў прызначаны членам Віленскай уніяцкай кансісторыі, а ў 1817 г. стаў брэсцкім канонікам [5, с. 19].

Здольнасці маладога вучонага звярнулі на сябе ўвагу Савета Віленскага ўніверсітэта. Менавіта Міхаіл Баброўскі быў адпраўлены ў навуковую камандзіроўку за мяжу. На працягу пяці год (1817–1822 гг.) ён жыў у Аўстра-Венгрыі, Чэхіі, Італіі, Францыі, Славеніі, Далмацыі, дзе вывучаў біблейскую археалогію і багаслоўе, герменеўтыку, славянскія і ўсходнія мовы, даследаваў у архівах і бібліятэках унікальныя калекцыі славянскіх рукапісаў і старадрукаў. У гэты перыяд Міхаіл Баброўскі сабраў багаты навуковы матэрыял і набыў шмат кніг. Тады ж ім быў складзены каталог славянскіх рукапісаў і старадрукаў Ватыканскай бібліятэкі, апублікаваны ў 1831 г., уведзены ў навуковы ўжытак шэраг літаратурных помнікаў [1, с. 51].

Падчас замежнай камандзіроўкі Міхаіл Баброўскі зрабіў навуковае апісанне старажытных кірылічных і глагалічных літаратурных помнікаў Ватыканскай бібліятэкі, якое было надрукавана яе галоўным хавальнікам А. Маі ў 1831 г. [6, с. 33]. М. Баброўскі ўвёў у навуковы ўжытак шэраг найважнейшых помнікаў гісторыі і культуры, у тым ліку першую глагалічную друкаваную кнігу «Місал па законе Рымскага двара» (Служэбнік, 1483 г.), што захоўвалася ў Ватыканскай бібліятэцы [7, с. 87]. Міхаіл Баброўскі пазнаёміў аматараў славянскай літаратуры з важным старажытным помнікам – выяўленай ім у Ватыканскай бібліятэцы «Хронікай Далмацкай» XI або XII ст. [8]. Вопыт знаёмства са славянскімі рукапісамі і друкаванымі кнігамі дазволіў вучонаму беспамылкова вызначаць час і месца стварэння літаратурных помнікаў.

Пасля вяртання з навуковай камандзіроўкі Міхаіл Баброўскі працягваў выкладчыцкую дзейнасць. У 1822–1833 гг. (з перапынкам у 1824–1826 гг.) ён займаў пасаду прафесара экзегетыкі і герменеўтыкі багаслоўскага факультэта Віленскага ўніверсітэта, выкладаў арабскую мову. У 1823 г. Міхаілу Баброўскаму прысвоена ступень доктара багаслоўя. Трэба адзначыць, што ў сваіх пропаведзях Міхаіл Баброўскі выступаў супраць базыльянскіх манахаў, вінаваціў іх у скажэнні абрадаў грэка-славянскай царквы. Па гэтай прычыне вучоны меў шмат ворагаў сярод лацінскіх і базыльянскіх манахаў. Яшчэ да вяртання Міхаіла Баброўскага ў Вільню Віленскі ўніверсітэт быў запоздраны ў заступніцтва развіцця тайных таварыстваў сярод студэнтаў. Вучоны не мог быць абвінавачаны ва ўдзеле ў гэтых таварыствах. Тым не менш дзейнасць Міхаіла Баброўскага была прадстаўлена ў такім святле, што яго абвінавацілі ў дачыненні да студэнцкіх палітычных выступленняў і дзейнасці ва ўніверсітэце тайных студэнцкіх таварыстваў філа-

рэтаў, філаматаў і прамяністых, у якія ўваходзілі Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Тамаш Зан, Ігнат Дамейка і інш. Вучоны ў 1824 г. быў адхілены ад выкладчыцкай дзейнасці і звольнены. Міхаілу Баброўскаму было забаронена жыць у Вільні, яго прымусова выселілі пад нагляд духоўнага начальства [9, с. 217]. Два гады (1824–1826 гг.) вучоны знаходзіўся ў Жыровіцкім базыльянскім манастыры. Дапамогу ў вяртанні ва ўніверсітэт Міхаілу Баброўскаму аказаў знакаміты дзяржаўны дзеяч, канцлер, граф Мікалай Румянцаў, які сустракаўся з вучоным у розных гарадах Еўропы, сябраваў з ім, знаходзіўся ў пастаяннай перапісцы.

У 1826 г. Міхаіл Баброўскі вярнуўся ў Вільню. Ён выкладаў біблейскую археалогію ў Віленскім універсітэце і царкоўнаславянскую мову ў Галоўнай семінарыі, займаў шэраг адміністрацыйных пасадаў. Аднак пасля паўстання 1830–1831 гг. у Польшчы, Беларусі і Літве, закрыцця ў 1832 г. Віленскага ўніверсітэта і пераўтварэння ў 1833 г. Галоўнай семінарыі ў Рымска-каталіцкую духоўную акадэмію М. Баброўскі выйшаў у адстаўку, пераехаў у мястэчка Шарашова Пружанскага павета, дзе выконваў абавязкі прыходскага святара. У 1839 г. перайшоў у праваслаўе, а ў 1841 г. быў узведзены ў сан Пружанскага благачыннага [10, с. 411]. Памёр М. Баброўскі 3 кастрычніка 1848 г. на 64-м годзе жыцця ад халеры. Пахаваны на могілках каля мясцовай Свята-Петрапаўлаўскай царквы.

Творчая спадчына Міхаіла Баброўскага

Пры жыцці Міхаіл Баброўскі сабраў вялікую бібліятэку, якая стала першым спецыяльным зборам помнікаў беларускай старадрукаванай літаратуры. Асобныя кнігі з яго калекцыі зберагаюцца ў сховішчах Вільнюса, Масквы і Санкт-Пецярбурга. Пры жыцці М. Баброўскаму ўдалося надрукаваць толькі некалькі сваіх прац. Частка рукапіснай спадчыны знікла адразу пасля яго смерці, другая трапіла да бібліяфіла Ф. Транбіцкага, а потым разышлася па розных сховішчах. Большая частка гэтых рукапісаў загінула падчас Другой сусветнай вайны. Уцалелыя асобныя лісты, нататкі, матэрыялы, прызначаныя іншым асобам, зберагаюцца ў зборах Вільні, Кракава, Варшавы, Масквы, Санкт-Пецярбурга. Мабыць, па гэтай прычыне значэнне дзейнасці прафесара да сённяшняга часу не раскрыта ў поўнай меры, нягледзячы на тое, што ён быў вучоным еўрапейскага ўзроўню (М. Баброўскі з’яўляўся членам прэстыжнай Археалагічнай акадэміі ў Рыме, Парыжскага і Лонданскага азіяцкіх таварыстваў, Камітэта па выпрацоўцы харвацкага правапісу ў Далмацыі, Маскоўскага таварыства гісторыі і старарускай пісьменнасці) [11, с. 51].

Трэба адзначыць, што Міхаіл Баброўскі спрыяў узнікненню асобнага кірунку ў гуманітарных навукх – беларусазнаўства, абуджэнню сярод еўрапейскіх навукоўцаў цікавасці да гістарычнага лёсу яго роднага краю. Выкладаючы стараславянскую мову ў Віленскім універсітэце, Міхаіл Баброўскі збіраў старажытнабеларускія крыніцы, вывучаў беларускія гаворкі і народную творчасць. Аднак працы вучонага, якія датычацца беларусазнаўства, загінулі. Так, напрыклад, Міхаілам Баброўскім была падрыхтавана праца «Гісторыя славянскіх друкарняў у Літве», якая засталася неапублікаванай і лічыцца беззваротна страчанай. Вядома і тое, што вучоны напісаў працу «O charakterystycznych językowych zwrotach ludu białoruskiego», але лёс яе невядомы [6, с. 41].

Вядомасць у навуковым свеце М.К. Баброўскаму таксама прынесла адкрыццё Супрасльскага рукапісу. Супрасльскі рукапіс – гэта назва розных рукапісных зборнікаў, якія да XIX ст. зберагаліся ў бібліятэцы Супрасльскага Благавешчанскага манастыра. Найбольш вядомыя і каштоўныя зборнікі:

1. Зборнік жыццй і пропаведзяў XI ст. Напісаны царкоўнаславянскай мовай на пергаменце (285 лістоў), уяўляе сабой чэццю-мінею на сакавік, змяшчае 24 жыцці і 24 словы-павучанні, у тым ліку 20 слоў Іаана Златавуста. Разам з Тураўскім Евангеллем і іншымі рукапісамі XI ст. гэты зборнік – адзін з самых старажытных помнікаў усходнеславянскай пісьменнасці. У XIX ст. падзелены на 3 часткі, якія зберагаюцца ў Варшаве

(151 л.), Любляне (118 л.) і Санкт-Пецярбургу (16 л.) [12, с. 1]. У замежнай навуковай літаратуры гэты зборнік называюць Супрасльскім кодэксам (Codex Suprasliensis).

2. Летапісны зборнік першай пал. XVI ст. Складаецца з рускага скарочанага летапісу, кароткай летапіснай выбаркі па гісторыі Русі і ВКЛ пачынаючы з 862 г. і гістарычных запісаў пра падзеі канца XV – пач. XVI ст. на Беларусі, у Кіеве і на Валыні [13, с. 466].

3. Зборнік 1519 г. Змяшчае пераклад на беларускую мову Вісліцкага статута польскага караля Казіміра III Вялікага, «Кіева-Пячэрскі пацярык», самы поўны спіс другой рэдакцыі Беларуска-літоўскага летапісу 1446 г., які складаецца з дзвюх частак: 1) «Избрание летописания», куды ўваходзяць скарочаны старажытнарускі летапіс (ахоплівае гісторыю Русі за 854–1427 гг.), Смаленская хроніка, «Пахвала Вітаўту» і смаленскія пагадовыя запісы за 1432–1446 гг. і 2) «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх» з «Аповесцю пра Падолле» [14, с. 466].

Трэба адзначыць, што Супрасльскі кодэкс XI ст. у 2007 г. быў уключаны ў спіс «Помнікі свету» міжнароднага праекта ЮНЕСКА (Memory of the World International Register). Гэта падзея яшчэ раз даказвае вялікае значэнне дзейнасці М.К. Баброўскага як адкрывальніка аднаго з самых старажытных у свеце кірылічных помнікаў царкоўна-славянскага пісьменства.

У Супрасльскім кнігазборы Міхаіл Баброўскі пазнаёміўся з кнігамі Францыска Скарыны, звесткі пра якога ён збіраў на працягу ўсяго свайго жыцця і ўключыў у «Гісторыю славянскіх друкарняў у Літве», што так і не была надрукавана. Вучоны адкрыў для беларускай і еўрапейскай навукі імя знакамітага першадрукара, тым самым стаў першым беларускім скарыназнаўцам. Даследуючы гісторыю славянскага кнігадрукавання, Міхаіл Баброўскі сабраў навуковы матэрыял аб дзейнасці друкароў Івана Фёдарова і Пятра Мсціслаўца, якія збеглі ў 1564 г. з Масквы. Вучоны прасачыў увесь іх далейшы лёс і апісаў усе іх выданні, як сумесныя падчас дадзенага ім Хадкевічам прытулку ў мястэчку Заблудава, так і асобныя ў Вільні, Львове і Астрозе [5, с. 54].

Міхаіл Баброўскі – пачынальнік беларускага нацыянальнага адраджэння

Навуковая спадчына Міхаіла Баброўскага садзейнічала развіццю беларускай свядомасці, тоеснасці і беларускага нацыянальнага адраджэнскага руху. Якія ж фактары паўплывалі на фарміраванне гістарычнага светапогляду Міхаіла Баброўскага, як ён змог апырэдзіць час у вырашэнні нацыянальнага беларускага пытання?

Яшчэ на пачатку XIX ст. знайшліся людзі, якія здолелі вызначыць Беларусь не як частку Расійскай імперыі, а як самастойную краіну. Сярод іх быў і Міхаіл Баброўскі. Ён разам з іншымі прафесарамі Віленскага ўніверсітэта марыў пра аднаўленне незалежнага ад Польшчы Вялікага Княства Літоўскага, вяртанне дзяржаўнага статусу беларускай мове. Магчыма, на погляды М. Баброўскага паўплывала тое, што ён нарадзіўся і вырас у сям’і ўніяцкага святара на Беласточчыне – тэрыторыі беларуска-польскага памежжа. Вядома, што ў насельніцтва памежных рэгіёнаў самасвядомасць выяўлена больш выразна, чым у цэнтры этнічнага масіву [15, с. 174].

Пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай Беластоцкая акруга адышла да Прусіі (1795–1807 гг.). Па меркаваннях беларускага гісторыка Паўла Баброўскага, пляменніка Міхаіла Баброўскага, Беласточчына на гэты час стала цэнтрам беларускага нацыянальнага руху. Прусы ператварылі Беласток у буйны адміністрацыйны цэнтр, які набыў выразна нямецкае аблічча. У акрузе пражывалі дзясяткі тысяч уніятаў, якія мелі 70 цэркваў і 3 манастыры – у Супраслі, Драгічыне і Кузніцы. Працавалі дзве важныя ўніяцкія школы – у Малой Бераставіцы і ў Клешчэлях. Прускія ўлады з дазволу Папы Рымскага стварылі ў 1796 г. самастойную супрасльскую ўніяцкую епархію са сваім капітулам і духоўнай семінарыяй [16, с. 10]. Нешматлікае духавенства супрасльскай епархіі вызначалася выключнай згуртаванасцю, рашучасцю ў змаганні за свае правы і самастой-

нымі поглядамі на унію. Трэба адзначыць, што дванаццацігадовае прускае панаванне развіло ў падляшскіх духоўнікаў палітычную актыўнасць і нацыянальную свядомасць. Пры большых прыходах узнікалі царкоўныя брацтвы, якія змагаліся за адраджэнне «рускай» (г.зн. беларускай) культуры.

Яшчэ адзін фактар уплыву на светапогляд М. Баброўскага – магчымасць вырашэння палітычнага пытання. Вядома, што напярэдадні вайны 1812 г. распрацоўваліся праекты аднаўлення Вялікага Княства Літоўскага, што таксама садзейнічала абуджэнню нацыянальных пачуццяў вучонага.

Немалаважнае значэнне мела і навуковае еўрапейскае падарожжа М. Баброўскага, падчас якога ён вывучаў мовазнаўства, бібліястыку, царкоўную арганізацыю. Знаёмства з маладымі заходне- і паўднёваславянскімі нацыянальнымі рухамі таксама трэба залічыць да спрыяльных фактараў у выпяванні беларускага нацыянальнага адраджэння.

На карысць характарыстыкі М. Баброўскага як пачынальніка беларускага нацыянальнага адраджэння сведчыць факт, адзначаны Паўлам Баброўскім ў манаграфіі «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I»: «Пасля Венскага кангрэса ў Заходніх губернях утварылася яшчэ адна, малавядомая партыя, якая мела на чале некаторых прафесараў Віленскага ўніверсітэта, якія ахвотней жадалі б аднаўлення былога Вялікага Княства, чым яднання Літвы і Валыні з мінулай Каронай; гэта нязначная па колькасці сяброў руска-літоўская партыя марыла аб адраджэнні беларускай мовы, на якой быў першапачаткова выдадзены Літоўскі статут, што яшчэ захоўваў сваю моц» [17, с. 204–205]. Слова «партыя» ў П. Баброўскага не мае сучаснага палітычнага сэнсу і азначае толькі групу аднадумцаў. Пад «некаторымі прафесарамі» разумеюцца Міхаіл Баброўскі і Ігнат Даніловіч.

Аб гэтых жа прафесарах, але ўжо адкрытым тэкстам піша аўтар трохтомнай працы аб гісторыі Віленскага ўніверсітэта Й. Бяліньскі: «На чале гэтай моладзі сталі Міхаіл Баброўскі, Ігнат Даніловіч, Антон Марціноўскі» [15, с. 173]. Гэта пацвярджае і Яўхім Карскі ў трэцім томе сваёй фундаментальнай працы «Беларусы», дзе адзначае той факт, што ўніверсітэцкая моладзь, на чале якой стаяў Міхаіл Баброўскі, збірала беларускія матэрыялы паводле складзенай ім праграмы [11, с. 52].

Заклучэнне

М. Баброўскі – асоба шматпланавая: вучоны і царкоўны дзеяч, славіст і гісторык, ён маштабамі сваёй дзейнасці выйшаў далёка за межы Беларусі. Ён быў прыхільнікам адраджэння самабытнай беларускай культуры, выкарыстання беларускай мовы ў афіцыйным ужытку. Міхаіл Баброўскі добра валодаў ведамі па гісторыі і мове беларускага народа, яго культуры, што не магло не паўплываць станоўча на будучую грамадскую, палітычную і навуковую дзейнасць яго паслядоўнікаў. М. Баброўскі ўсё сваё жыццё прысвяціў выяўленню, вывучэнню і збіранню помнікаў стараславянскай пісьменнасці. Менавіта з яго іменем звязаны знаходка Супрасльскага рукапісу, вяртанне беларускай і еўрапейскай навуцы імя Францыска Скарыны, апісанне глагалічных і кірылічных кніг. Нягледзячы на страчаную спадчыну, Міхаіл Баброўскі ўнёс вялікі ўклад у прабуджэнне цікавасці да гісторыі і культуры беларускага народа, яго навуковая дзейнасць спрыяла развіццю беларускай свядомасці. Фактарамі, якія паўплывалі на станаўленне гістарычнага светапогляду М. Баброўскага, былі наступныя: жыццё на Беластоцчыне – тэрыторыі беларуска-польскага памежжа; распрацоўка праектаў аднаўлення ВКЛ напярэдадні вайны 1812 г.; навуковае падарожжа па краінах Еўропы. Працы і дзейнасць вучонага стаялі ля вытокаў славяназнаўства і беларусазнаўства, прабуджэння цікавасці да гісторыі і культуры беларускага народа. М. Баброўскі стаў пачынальнікам беларускага нацыянальнага адраджэння і стварыў фундаментальную беларускую навуковую базу, на якой у далейшым грунтаваўся беларускі нацыянальны рух.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Носко, М. У истоков воссоединения с православием. Протоирей Михаил Бобровский / М. Носко // Брест. епархиальные ведомости. – 2010. – № 4. – С. 50–53.
2. Бобровский, П.О. Бобровский Михаил / П.О. Бобровский // Оттиск из «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных С.А. Венгерова». – 1895. – 23 с.
3. Жукович, П. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – Ч. 1. – С. 367–409.
4. Романчук, А.А. Главная семинария при Виленском университете: воспитание и образование католического духовенства униатского обряда / А.А. Романчук // Вестн. ГрГУ. – 2006. – № 4. – С. 3–9.
5. Янковский, П. Протоирей Михаил Бобровский / П. Янковский // Литовские епархиальные ведомости. – 1864. – № 1. – С. 11–20; № 2. – С. 51–66.
6. Stankiewicz, A. Mahnuseuski. Pauluk Bachrym. Babrouski. Da wytokau bialoruska-ha adradzenia / A. Stankiewicz. – Wilnia : Bielpres, 1937. – 45 s.
7. Лабынцев, Ю.А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и её исследователь Михаил Бобровский / Ю.А. Лабынцев // Совет. славяноведение. – 1983. – № 4. – С. 86–93.
8. Бобровский, М.К. О старинной Славянской рукописи хроники Далматской / М.К. Бобровский // Вестн. Европы. – 1824. – № 24. – Т. 139. – С. 258–274.
9. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В.В. Швед. – Гродна : ГрГУ, 2001. – 415 с.
10. Нечухрин, А.Н. Историки Западной Беларуси XIX – начала XX вв. / А.Н. Нечухрин // Наш радавод : матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатку XX стст.» (Гродна, 28 верас. – 1 кастр.). – Гродно, 1993. – Кн. 5, ч. II. – С. 394–442.
11. Białokozowicz, B. Między Wschodem a Zachodem. Z dziejów formowania białoruskiej świadomości narodowej / B. Białokozowicz. – Białystok, 1998. – 180 s.
12. Северьянов, С. Супрасльская рукопись : в 2 т. / С. Северьянов. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. – Т. 1. – VIII, 570 с.
13. Чамярыцкі, В. Супрасльскі рукапіс / В. Чамярыцкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 466.
14. Чамярыцкі, В. Супрасльскі летапіс / В. Чамярыцкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 466.
15. Церашковіч, П.У. Да пытання аб этнічнай ідэнтычнасці М. Баброўскага і І. Даніловіча // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск, 2007. – Вып. 2. – С. 172–178.
16. Латышонак, А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі / А. Латышонак // Спадчына. – 1992. – № 1. – С. 9–14.
17. Бобровский, П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам / П.О. Бобровский. – СПб : Тип. В.С. Балашева, 1890. – XVI. – 394 с.

Pustakhod T. The Pages of Michael Bobrovsky's Creative Biography. The Beginning of the Belarusian National Revival

The article is dedicated to the creative heritage and way of life of a well-known Belarusian scientist, priest, theologian, slavist, orientalist, historian, paleographer, bibliophile, and founder of Skorina studies and Belarus studies of the end of the 18th – the first part of 19th century Michael Bobrovsky, whose biography has not yet seriously attracted the attention of the researchers. The role of his contribution to revelation, studying and collection of Old Church Slavonic ancient manuscripts is described. The main factors, which have influenced the formation of scientist's historic outlook, are mentioned. Michael Bobrovsky's contribution to the formation of the Belarusian national revival and awakening of interest in history and culture of the Belarusian nation has been revealed in this research.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 08.06.2012

УДК 334.73 (476-15) (091) «1932/1936»

А.Л. Радзюк

ДА ГІСТОРЫІ «МАЛАЧАРСКАГА ТАВАРЫСТВА» Ў БАРАНАВІЧАХ (1932–1936 гг.)

У прадстаўленым артыкуле ўпершыню даследуюцца асноўныя этапы развіцця і дзейнасці «Малачарскага таварыства» ў Баранавічах. На аснове аналізу архіўных дакументаў, успамінаў удзельнікаў арганізацыі, а таксама матэрыялаў перыядычных выданняў 1930-х гг. даецца апісанне асноўных накірункаў гаспадарчага жыцця таварыства і ўмоў яго існавання. Акрамя таго, праводзіцца кароткі аналіз агульнага стану развіцця малочнай кааперацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі, робіцца характарыстыка заканадаўчай базы дзейнасці «Малачарскага таварыства» ў Баранавічах. Аўтар прыходзіць да высновы, што, нягледзячы на ціск з боку польскай адміністрацыі і складаных эканамічных умоў існавання, таварыства не толькі дасягнула некаторых гаспадарчых поспехаў, але і адыгрывала прыкметную ролю ў жыцці насельніцтва свайго рэгіёна.

Уводзіны

Пытанні, звязаныя з дзейнасцю беларускіх кааператыўных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, зрэдку траплялі ў цэнтр увагі гісторыкаў. Большасць навукоўцаў закраналі адзначаную тэматыку выключна ў рамках рэалізацыі іншых даследчыцкіх задач. Толькі ў асобных працах рабіліся спробы даць агульную характарыстыку кааператыўнаму руху, высветліць чаму ў гэтай галіне гаспадарчага жыцця беларусы не дасягнулі значных поспехаў [1–3]. Аднак на сённяшні дзень у гістарыяграфіі не існуе даследаванняў дзейнасці асобных кааператываў ці нават формаў кааперацыі (вытворчай, спажывецкай, крэдытнай і інш.) у Заходняй Беларусі, што значна ўскладняе комплексны аналіз усяго беларускага кааператыўнага руху.

Адным з аспектаў гаспадарчай гісторыі краю, які патрабуе больш уважлівага разгляду, з'яўляецца малочная кааперацыя. У манаграфіях польскіх даследчыкаў В. Арміцкага [4] і У. Русіньскага [5] можна знайсці некаторыя статыстычныя дадзеныя, датычныя яе развіцця на тэрыторыі чатырох паўночна-ўсходніх ваяводстваў. Але гэтыя звесткі неносяць сістэмнага характару і не даюць магчымасці прасачыць спецыфіку ўмоў існавання малачарняў. Акрамя таго, яны не дазваляюць ахарактарызаваць канкрэтныя кааператывы з пункту гледжання ролі беларускага насельніцтва ў іх кіраванні і дзейнасці. Між тым для айчынай гістарычнай навукі вельмі важным з'яўляецца паказ эканамічнай самадзейнасці і гаспадарчай ініцыятыўнасці беларусаў. У гэтым плане адным з самых яскравых прыкладаў з'яўляецца дзейнасць ў Баранавічах «Малачарскага таварыства», якое дасягнула значных поспехаў, нягледзячы на разнастайныя перашкоды. Дадзеная работа мае на мэце асветліць гісторыю ўзнікнення і дзейнасці таварыства, а таксама ўмовы яго функцыянавання.

Утварэнне і дзейнасць «Малачарскага таварыства» ў Баранавічах

Малочная кааперацыя ў Заходняй Беларусі пачала развівацца толькі з 1925 г. Менавіта тады польскі ўрад пачаў праводзіць палітыку падтрымкі дадзенай формы кааперацыі праз выдзяленне танных крэдытаў, што, ў сваю чаргу, стымулявала арганізацыйную актыўнасць польскіх рэвізійных саюзаў на тэрыторыі краю [6, с. 81; 7, л. 43]. Дзякуючы гэтаму ужо праз год пачалі сваю працу 11 малачарняў, а ў 1929 г. толькі на тэрыторыі Віленскага і Навагрудскага ваяводства існавала 140 малочных кааператываў [4, с. 163; 6, с. 81]. Разам з тым многія з новаствораных малачарняў не мелі пад сабой трывалага грунту: трымаліся выключна на дзяржаўнай падтрымцы, не карысталіся даверам мясцовага насельніцтва. Таму эканамічны крызіс, які неўзабаве ўспыхнуў і моцна адбіўся на коштах малочных вырабаў, прывёў ў 1933 г. да скарачэння коль-

касці малачарняў на 35% [6, с. 81]. Акрамя таго многія кааператывы знаходзіліся на мяжы ліквідацыі і працягвалі існаваць толькі па прычыне прапісанай у статуте матэрыяльнай адказнасці сяброў [7, л. 43]. Важнай праблемай з'яўлялася і тое, што мясцовы беларускі селянін не прымаў ніякага ўдзелу ў кіраванні гэтымі кааператывамі, не лічыў іх сваімі, а, хутчэй, разглядаў умоўную малачарню толькі як месца збыту лішкаў малака. Таму відавочнай была патрэба пэўнай беларусізацыі малочнай кааперацыі Заходняй Беларусі. У канцы 1920-х гг. падобныя заклікі пачалі гучаць са старонак беларускай прэсы. Так, рэдактар часопіса «Саха» У. Павалковіч казаў, што без увядзення ў кааперацыю беларускага элемента не можа быць і гаворкі аб падняцці ўзроўню гаспадарчага жыцця краю [8, с. 2]. Але польскія ўлады не жадалі падтрымліваць і тым больш ствараць беларускія кааператывы (у тым ліку малачарні). Так, у дакуменце МУС Польшчы пачатку 1930-х гг. аб задачах у сферы гаспадарчага жыцця «крэсаў» разам з патрабаваннем апекі над малочнай кааперацыяй, падкрэсліваецца неабходнасць недапушчэння заснавання беларускіх кааператываў [9, л. 23].

Значнай праблемай на шляху развіцця беларускай малочнай кааперацыі была і адсутнасць у нацыянальным руху сілаў, здольных падтрымаць гэтае пачынанне: забяспечыць яго неабходнымі кадрамі і аказаць матэрыяльную падтрымку. Фактычна адзінай арганізацыяй, якая ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. мела рэсурсы для пашырэння малачарства на этнічных беларускіх землях, была Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ). Але ў 1929 г. яна ўзяла курс на пашырэнне выключна спажывецкіх кааператываў [10, л. 28]. Такім чынам, атрымоўвалася, што беларуская малачарня магла пачаць працу выключна дзякуючы актыўнасці мясцовых энтузіястаў-кааператараў і высокаму ўзроўню салідарнасці беларускіх сялян канкрэтнай вёскі. Акурат так і зараджалася «Малачарскае таварыства» ў Баранавічах. Яно з'явілася як бы насуперак тагачасным эканамічным і палітычным умовам.

Ядром будучага таварыства стала малачарня ў вёсцы Вялікая Ліпа Нясвіжскага павета. Яна была заснавана ў 1929 г. у выніку аддзялення сяброў-ліпаўцаў ад польскай малачарні, якая знаходзілася ў суседняй вёсцы Круты Бераг. Сялян з в. Вялікая Ліпа не задавальняла праца гэтага кааператыва. На пачатку 1929 г. адбыўся арганізацыйны сход новай малачарні ў ліку 25 сяброў, а ў хуткім часе яна была ўнесена ў рэестр Акружным судом у Навагрудку. Нягледзячы на некаторыя перашкоды з боку польскіх ураднікаў, кааператыву пачаў даволі паспяхова развівацца. 3 мая 1929 г. па студзень 1930 г. яе абарот склаў каля 20 тыс. злотых, было перапрацавана 83 569,5 літраў малака і выраблена 3 673 кг масла [11, с. 32–33].

Да 1932 г. у рэгіёне ўзнікла яшчэ некалькі меншых малачарняў (у вёсках Аношкі, Грузкава, а ў Лісіцах Нясвіжскага павету яшчэ ў 1928 г.), ініцыятыва ў адкрыцці якіх належала беларускім дзеячам. Усе яны не былі членамі польскіх рэвізійных саюзаў, што не толькі значна абцяжарвала іх дзейнасць ў атрыманні крэдытаў і пры падаткаабкладанні, але і стварала цяжкасці з рэалізацыяй прадукцыі [12, л. 20–23]. Каб неяк зняць праблему збыту, беларускія малачарні вырашылі аб'яднацца ў таварыства.

31 мая 1932 г. быў праведзены арганізацыйны сход будучага таварыства, на якім прысутнічалі па два прадстаўнікі ад кожнага з беларускіх малочных кааператываў (М. Саўка і У. Яр ашчук ад в. Вялікая Ліпа, К. Мікула і М. Хоміч – ад в. Аношкі, М. Мікітка і Т. Рэчка – ад в. Грузкова, В. Кобусь і У. Абрамовіч – ад в. Лісіцы). Была выбрана наглядная рада ў колькасці 6 чалавек, якая ў сваю чаргу вызначыла склад дырэкцыі (ўрада) кааператыва: М. Гузоўскі, М. Саўка і К. Мікула [13, л. 1–4]. На гэтым жа сходзе быў прыняты статут установы. Паводле § 3, таварыства абвешчалася «аб'яднаннем кааператываў сельскай прадукцыі на кааператывуных прынцыпах, якое займаецца падтрымкай задач і дзейнасці сялянскай кааперацыі, звязанай са збытам надояў і іншых сельскагаспадарчых прадуктаў» [13, л. 2].

Першай пастановай дырэкцыі новага таварыства стала рашэнне адкрыць краму для продажу масла ў г. Баранавічы. (Першапачаткова назва арганізацыі была «Малачарскае таварыства ў В. Ліпе», але пасля адкрыцця крамы ў Баранавічах менавіта туды было перанесена кіраўніцтва кааператывам. Відавочна, з эканамічнага пункту гледжання гэта было больш мэтазгодна. На агульным сходзе 1934 г. такія змены былі замацаваны юрыдычна ў выглядзе новай назвы – «Малачарскае таварыства ў Баранавічах» [13, л. 7]).

У першы (1932 г.) няпоўны год працы агульны абарот быў нязначны – 32 тыс. злотых, што стала прамым наступствам эканамічнага крызісу; таварыства працавала з невялікімі стратамі [13, л. 3, 9].

Ужо ў наступным годзе ў дырэкцыі «Малачарскага таварыства» адбыліся прынцыповыя змены: на пасаду дырэктара заступіў П. Орса – выпускнік Пражскай політэхнікі (спецыяльнасць «аграном малачарства»), свядомы беларус і выбітны кааператар [14]. У яго асобе таварыства атрымала добра падрыхтаванага і энергічнага кіраўніка, які значна рацыяналізаваў дзейнасць арганізацыі і не дапусціў яе занябання ў цяжкія часы.

На пачатку 1933 г. у таварыства была прынятая яшчэ адна новая малачарня – з в. Вялікае Падлессе [12, л. 21]. Ужо ў гэтым годзе аб'яднанне пачало працаваць з неаблігі даходам – 882 злотых, а гадавы абарот дасягнуў амаль 64 тыс. злотых [13, л. 9]. Галоўным чынам «Малачарскага таварыства» займалася тым, што купляла масла ў падначаленых малачарняў з наступным яго продажам войску, спажывецкім кааператывам, а трохі пазней нават пастаўляла яго ў г. Лодзь. Продаж масла складаў 90% ад усяго абароту. Акрамя гэтага таварыства займалася купляй-продажам галандскіх сыроў, яек, мёду, яблыкаў і печыва [13, л. 8–9; 14].

Два работнікі кааператыву атрымоўвалі «пенсіі»: дырэктар – 100 злотых + 1% ад абароту і крамнік – 50 злотых [13, л. 8]. Праца была вельмі цяжкая. Жонка П. Орсы, якая кіравала крамай, узгадвала: «Вы знаеце, як мы працавалі? Па 18 гадзін у дзень. Трэба было краму глядзець, каб чыста было. Улетку муж паедзе па вёсках, а я застаюся адна. А тут – чатыры гадзіны раніцы, і воз за возам вязуць масла ў глыбах па чатыры кілі. І што рабіць? У нас ляднік быў. Я брала малаток, сякеру і запакоўвала тавар» [14].

Рэгулярная карэспандэнцыя ад прадстаўнікоў Баранавіцкай малачарні ў часопіс «Самапомач» (рэдактар А. Клімовіч) указвае на тое, што лідэры таварыства былі ідэалагічна блізкія да Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД). (Пазней у сваіх успамінах А. Клімовіч вельмі пазітыўна ацэньваў дзейнасць таварыства і асабліва вылучаў двух працаўнікоў: М. Саўку і П. Орсу [16, л. 5–6]). Восенню 1933 г. таварыства прыняло ўдзел у кааператыўнай нарадзе ў Вільні, зладжанай БХД. На ёй прысутнічаў адзін з лідэраў Украінскага нацыянальна-дэмакратычнага аб'яднання (УНДО) А. Луцкі [15]. Згаданая партыя займала вядучыя пазіцыі ў моцным украінскім кааператыўным руху. Такая сустрэча дазволіла прадстаўнікам таварыства наладзіць кантакты з украінскім «Масласаюзам» – адным з вядучых аб'яднанняў у сферы малочнай кааперацыі ва ўсёй тагачаснай Польшчы (дастаткова сказаць, што ў 1929 г. экспарт яго масла складаў 7% ад ўсяго экспарту масла Польшчы [17, s. 77]). Супрацоўніцтва з «Масласаюзам» і ўступленне ў яго склад магло б даць Баранавіцкаму таварыству значныя выгоды: танныя крэдыты і новыя рынкі збыту, большая незалежнасць ад польскіх рэвізійных саюзаў і ўвогуле польскіх уплываў. Але новае кааператыўнае заканадаўства Польшчы, прынятае ў 1934 г., рабіла гэтыя перспектывы нерэальнымі. Адзіным плюсам ад супрацоўніцтва з украінскімі малачарнямі стала магчымасць купляць зімой масла ў Галічыне, калі свайго было зусім мала.

Паводле новага кааператыўнага закона, «Малачарскае таварыства» было абавязана на працягу 2 гадоў далучыцца да пэўнага Рэвізійнага саюзу (правам рэвізіі на беларускіх землях валодалі толькі польскія саюзы) [18]. Падобная дэкларацыя была складзена на агульным сходзе 13 сакавіка 1934 г., а ў 1934–1935 гг. у рэвізійны саюз усту-

пілі асобныя малачарні [13, л. 7; 12, л. 20–24]. Трохі пазней ва ўправе таварыства адбылася першая рэвізія, якая не выявіла значных хібаў у яго дзейнасці. Адзіная прапанова, якую выказаў рэвізор Кааператыўнай рады С. Краўзе, – павысіць паі [13, л. 8–12]. Ужо на наступным сходзе яна была ўлічана: пай быў узняты адразу ў 5 разоў без уліку інфляцыі. Шмат у чым дзякуючы гэтаму гадавы абарот узрос да 80 тыс. злотых [13, л. 15].

Мясцовыя ўлады ставіліся да беларускага таварыства непрыхільна: ускладнялі атрыманне крэдыту, адгаворвалі кліентаў. Але да пэўнага часу прамых атак на арганізацыю не было, бо яна была не палітызаваная і мела выключна гаспадарчы характар. Пры гэтым сябры таварыства, яго кіраўніцтва выразна выяўлялі сваю нацыянальную ідэнтычнасць: камунікацыя ўнутры арганізацыі і сходы праходзілі толькі па-беларуску [19].

За першыя 10 месяцаў 1936 г. ў параўнанні з мінулым годам тавараварот «Малачарскага таварыства» вырас у два разы. Але гэта не дапамагло ўратаваць таварыства ад канфлікту з польскім рэвізійным саюзам, які, карыстаючыся новым заканадаўствам, аказваў на арганізацыю яго значны ціск. Так, пад пагрозай ліквідацыі існуючых таварыству не дазвалялася адчыняць новыя малачарні. На прадукцыю беларускай малачарні накладаліся дадатковыя падаткі, таму беларусы нават вымушаны былі скласці скаргу да «Izby Rolniczej» [13, л. 34]. Справа ў тым, што 22 красавіка 1936 г. пачаў дзейнічаць новы малачарскі закон. Паводле яго новыя пляцоўкі маглі стварацца толькі са згоды «Izby Rolniczej», а старыя мусілі атрымаць яе дазвол. Такім чынам, «Izba Rolnicza» становілася галоўнай кантралюючай інстанцыяй для малочных кааператываў [17, с. 79]. Трохі пазней саюз адчыніў у Баранавічах новую больш палітычна «нейтральную» краму для продажу масла [20].

Аднак далейшае існаванне беларускага таварыства паступова рабілася немагчымым: па-першае, з-за павышэння канкурэнцыі, а-другое, з-за спецыфікі новага заканадаўства ў сферы малочнай кааперацыі, згодна з якім уся тэрыторыя Польшчы была падзелена на раёны, і на тэрыторыі кожнага такога раёна маглі дзейнічаць толькі адно малачарскае аб'яднанне. Паколькі канкурэнтам «Малачарскага таварыства» ў рэгіёне быў буйны агульнапольскі малочна-яйкавы саюз, то разлічваць на працяг дазволу на дзейнасць ад «Izby Rolniczej» фактычна было нерэальна. Таму 8 лістапада 1936 г. на агульным сходзе было прынята рашэнне ліквідаваць «Малачарскае таварыства» ў Баранавічах. Па просьбе прадстаўнікоў найбуйнейшых кааператываў з вёсак Аношкі, Вялікае Падлессе і Вялікая Ліпа запасны капітал у памеры 3 тыс. злотых быў падзелены. Малачарня ў Вялікім Падлессі атрымала 1 000 зл. на закупку машын, а прадстаўнікі малачарняў у Аношках і Вялікай Ліпе аналагічную суму накіравалі на будоўлю і рамонт сваіх гаспадарчых памяшканняў. Пасля правядзення ў 1937 г. апошняй рэвізіі і выканання ўсіх ліквідацыйных абавязкаў у лістападзе 1938 г. таварыства перастала існаваць [13, л. 42–44, 48].

Заклучэнне

Такім чынам, гісторыя дзейнасці Баранавіцкага малачарскага таварыства шмат у чым паказальная як ілюстрацыя тагачасных рэалій існавання беларускіх гаспадарчых устаноў. Не маючы значнай падтрымкі зверху, сябры малачарскага аб'яднання вымушаны былі разлічваць выключна на ўласныя сілы. Пры гэтым яны прадэманстравалі вялікае імкненне да творчай і энергічнай працы на ніве кааператыўнага будаўніцтва, не зважаючы нават на цяжкія ўмовы існавання: эканамічны крызіс і фарміраванне недэмакратычнага кааператыўнага права ў Польшчы. Але ў другой палове 1930-х гг. пачаўся наступ польскага ўраду на ўсе беларускія кааператывы, што прывяло да ліквідацыі таварыства. Між тым яно заняло сваё месца ў гісторыі краю як прыклад добра наладжанай і даволі паспяховай гаспадарчай арганізацыі, у якой беларусы паказалі і рэалізавалі свой патэнцыял да эканамічнай работы ў сферы кааперацыі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Gomółka, K. Białoruskie instytucje życia gospodarczego w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1997. – № 8. – S. 90–98.
2. Мірановіч, Я. // Нацыянальныя пытанні : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.) / Я. Мірановіч / рэдкал.: Э. Дубянецкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск : «Беларус. кнігазбор», 2001. – С. 137–141.
3. Wysocki, R. Spółdzielczość białoruska na terenie województwa Białostockiego w latach 1919–1939 / R. Wysocki // Białostoczczyzna. – 1996. – № 1. – S. 39–47.
4. Ormicki, W. Życie gospodarcze kresów wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej / W. Ormicki. – Kraków : «Orbis», 1929. – 308 s.
5. Rusiński, W. Zarys historii polskiego ruchu spółdzielczego / W. Rusiński. – Warszawa : CRS, 1967. – Część II: 1918–1939. – 338 s.
6. Маўлачарства на землях Zach. Biełarusi // Самапомач. – 1935. – № 11. – С. 80–82.
7. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 46.
8. Неабходнасць уласных гаспадарчых устаноў // Саха. – 1928. – Сак.-крас. – С. 1–3.
9. Архіў новых актаў у Варшаве (АНА). – Фонд 9, дадатак. – Адзел заходні 1073.
10. АНА. – Фонд 9, дадатак. – Адзел заходні 961.
11. Як арганізавалася коопэратыўная малачарня ў Вялікай Ліпе Нясвіскага павету // Самапомач. – 1933. – № 4. – С. 32–33.
12. АНА. – Фонд 213. Кааператыўная рада. – Адзел заходні 49.
13. АНА. – Фонд 213. Кааператыўная рада. – Адзел заходні 595.
14. Баранавіцкая малачарня: да гісторыі кааператыўнага руху ў Заходняй Беларусі і беларуска-польскіх дачыненняў. Інтэрв’ю зь Пятром Орсам // Беларус. – 1993. – № 399. – С. 6.
15. Баравізна, Я. Наш вывад / Я. Баравізна // Беларуская Газэта – 1933. – 30 верас. – С. 2.
16. Клімовіч, А. Да гісторыі беларускай коопэрацыі / А. Клімовіч // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАНБ). – Фонд 5 «Клімовіч Адольф Юстынавіч». – Воп. 1. – Спр. 7.
17. Filar, T. Ukraiński ruch spółdzielczy w II Rzeczypospolitej i polityka wobec niego władz polskich / T. Filar // Zeszyty Naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie. – 2000. – № 548. – S. 75–81.
18. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – № 38. – Poz. 342. – Ustawa z dnia 13 marca 1934 r. w sprawie zmiany ustawy o spółdzielniach. – S. 635–641.
19. Баранавіцкая малачарня: да гісторыі кааператыўнага руху ў Заходняй Беларусі і беларуска-польскіх дачыненняў. Інтэрв’ю зь Пятром Орсам // Беларус. – 1993. – № 400. – С. 7.
20. Малачарскае Таварыства ў Баранавічах зьліквідавана // Самапомач. – 1936. – № 12. – С. 86.

Radziuk A. History of «Milk Partnership» in Baranovichi (1932–1936)

In this article for the first time we investigate basic stages of development and activity of «Milk partnership» in Baranovichi. On the basis of archival documents, analysis of organization members’ memories and information from periodicals of the 1930s we give the description of fundamental directions of economic life of partnership and conditions of its existence. Also we give brief analysis of the development state of milk cooperation on the territory of West Belarus and the characteristics of legislative activity of «Milk partnership» in Baranovichi.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.04.2012

УДК 656.073

А.В. Черновалов, В.В. Черновалов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК В ИЕРАРХИЧЕСКИХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СЕТЯХ

В статье рассматривается порядок проектирования иерархических логистических сетей. Предпринимается попытка решения проблемы определения оптимального числа логистических центров на различных уровнях иерархии сети и построения рациональной цепи поставок. Приведены структурные характеристики основных разновидностей цепей поставок. Даны рекомендации по составлению бизнес-плана цепи поставок.

Введение

В современных хозяйственных условиях производственные предприятия все чаще обращают внимание на деятельность логистических сетей и предоставляют им на условиях аутсорсинга возможность осуществлять материальное обеспечение производственного процесса, что, в свою очередь, высвобождает излишнюю занятость на предприятии, снижает издержки производства и повышает конкурентоспособность производителя. Самым эффективным способом совершенствования системы обслуживания предприятия в рамках снабжения и сбыта является исследование, анализ и проектирование существующих и новых цепей поставок. В общем виде проектирование цепи поставок представляет собой поиск лучшего способа перемещения и поставки товаров от поставщиков к потребителям при помощи выбора такой структуры логистической сети, которая минимизирует логистические затраты, включающие в себя в наибольшей степени транспортные и складские расходы. Зависимости между процессами перемещения и хранения на складе графически можно представить как сеть, узлы которой соединены линиями взаимозависимости. В узлах сети происходят процессы хранения товаров либо переориентирования их на другие направления перемещения в существующей сети. Различные линейные связи описывают различные же возможности перемещения товаров в логистической сети. В статье «Логистика в институциональной экономике» [8] уже шла речь о теоретических основах моделирования и создания логистической сети. В данном материале будет представлено развитие сетевого анализа логистики, который, в конечном счете, должен привести к созданию методики по составлению бизнес-плана цепи поставок.

Структурирование логистической сети

Выбор соответствующей логистической сети в первую очередь зависит от географического расположения мест, спроса и предложения, центров консолидации и деконсолидации грузов. Иерархические факторы, влияющие на структуру логистической сети, выкристаллизовывают ее идентичность в рамках множества разновидностей [2].

Традиционная структура сети – одноступенчатая (простая) – была сформирована со стороны центров предложения товаров. В данном случае обеспечение производственных потребностей, различающихся во времени и пространстве, основывалось на непосредственном перемещении грузов от поставщиков к потребителям, а в сформированной сети не происходит никаких дополнительных операций складирования, хранения и тем более переработки [5]. С одной стороны, создается впечатление простоты, надежности и дешевизны данного способа организации сети. Но при этом мы забываем,

что громадные запасы готовой продукции и незавершенного производства тяжким бременем давят на ценовую конкурентоспособность производителя (рисунок 1).

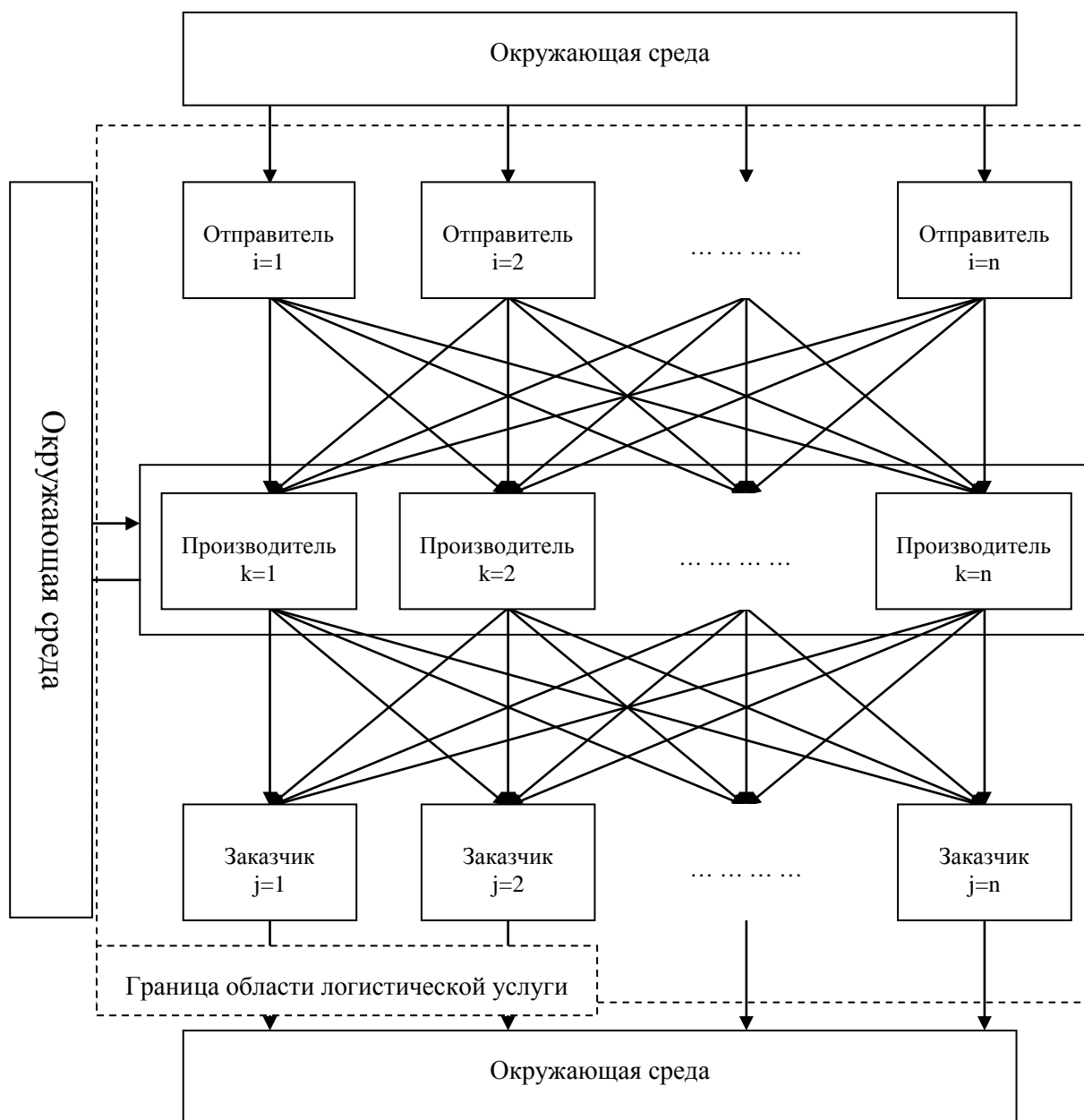

Рисунок 1 – Схема одноступенчатой логистической сети

Источник: собственная разработка

Рыночная организация хозяйственных отношений, макроэкономические факторы (инфляция, экономические кризисы, изменение курсов валют, неравномерность экономического развития в различных регионах мира) привели к появлению в логистических сетях необходимых посредников, которыми первоначально становятся отраслевые центры снабжения (рисунок 2), а в последствии и логистические центры (рисунок 3). Такие случаи описываются уже многоступенчатыми сетевыми структурами [7].

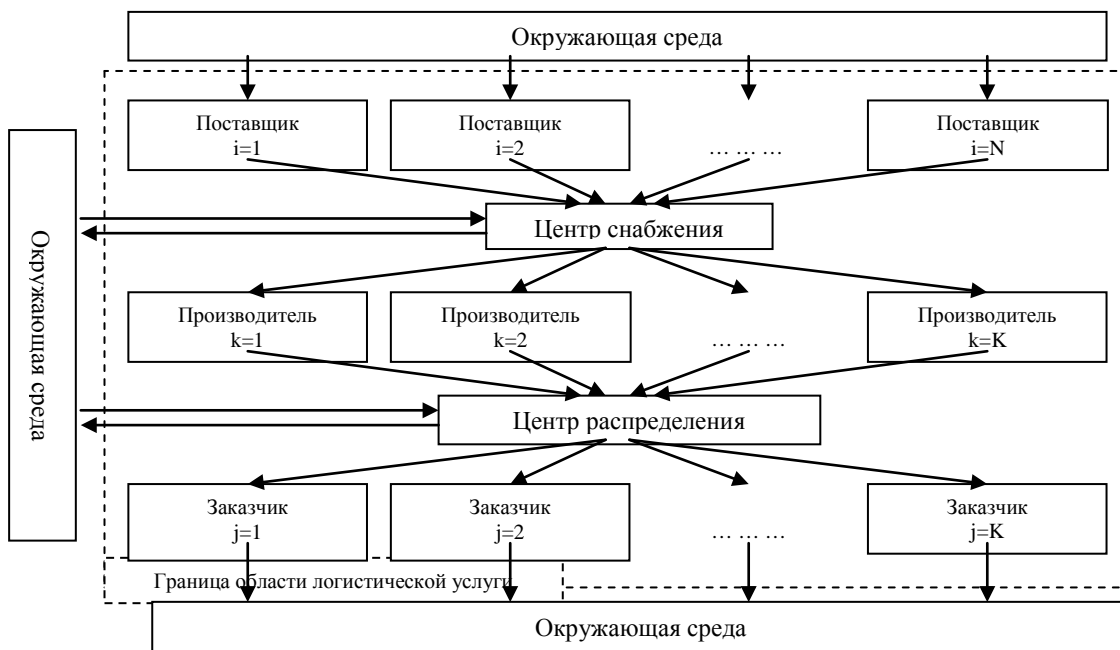

Рисунок 2 – Схема двухступенчатой логистической сети

Источник: собственная разработка

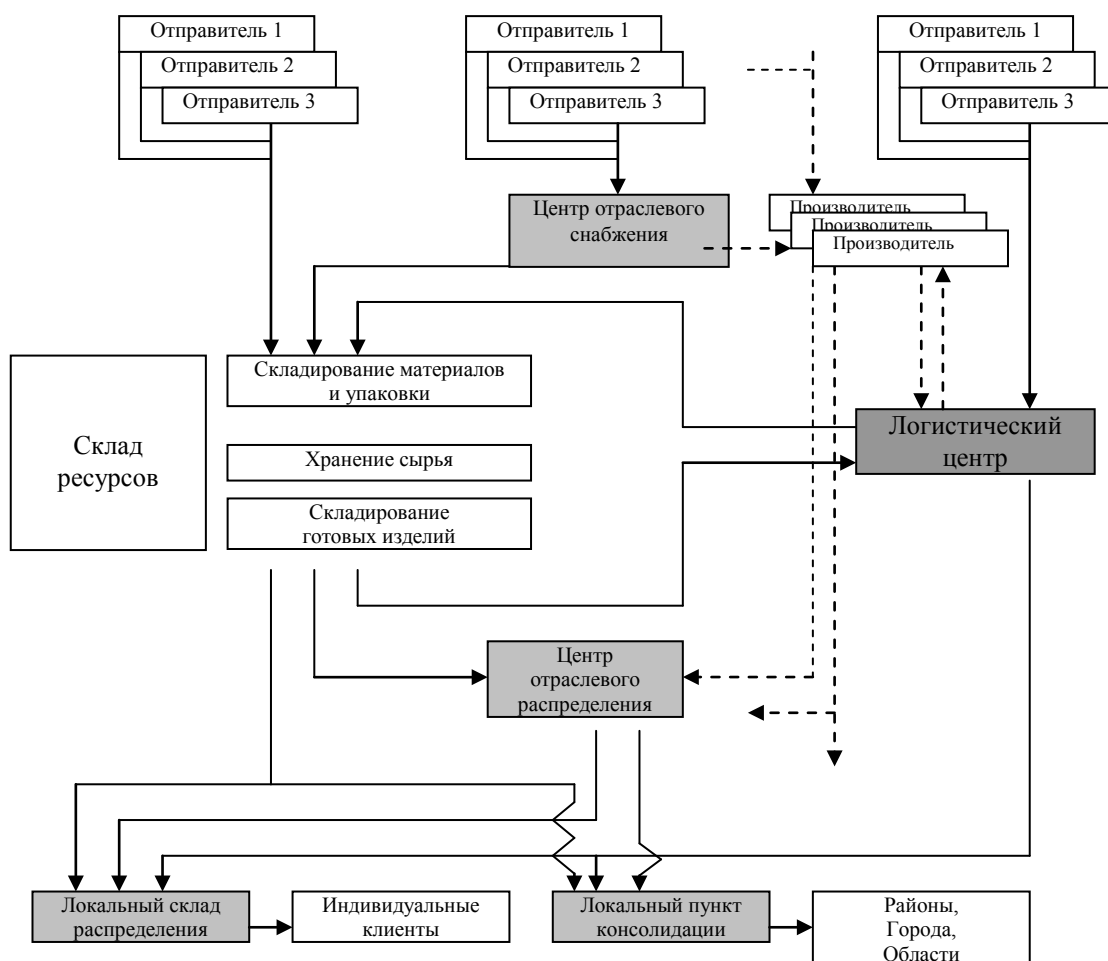

Рисунок 3 – Схема сети с логистическими центрами

Источник: собственная разработка

Многоступенчатая структура логистической сети основывается на пространственной и временной организации и синхронизации деятельности поставщиков и получателей. В этом случае повышается роль и значение процессного подхода к организации сети, синхронизации происходящих процессов с точки зрения временных циклов и необходимых для их осуществления запасов [4]. В результате появляется потребность в соответствующих расчетах, что приводит к появлению информационных технологий типа MRP I, II, III (ERP). Следует отметить, что товар в таких сетях прежде чем дойдет до конечного потребителя, перемещается через несколько логистических центров (логистические центры, региональные терминалы, отраслевые терминалы).

Основы проектирования цепей поставок в логистических сетях

Для потребностей проектирования логистической сети необходимо определить совокупность источников спроса на логистические услуги, ориентированные на логистических операторов [1], т.е.:

$$A = \{a_i : i = 1, 2, \dots, N\}, \quad (1)$$

где N – число совокупности A .

Кроме того совокупность предложения логистической услуги, ориентированной на производителей товаров, может быть представлена так:

$$B = \{b_j : j = 1, 2, \dots, M\}, \quad (2)$$

где M – число совокупности B .

Дополнительно принимаем, что установлено определенное число логистических центров, являющихся посредниками в предоставлении логистической услуги, что описывается условием:

$$CL = \{cl : l = 1, 2, \dots, CL\}, \quad (3)$$

где CL – число совокупности CL .

В исследованиях материальных потоков между логистическими центрами совокупности CL можно дать и иную интерпретацию, а именно: элементы этой совокупности можно рассматривать как самостоятельные пункты притяжения спроса и предложения [3]. Для характеристики процессов транспортировки грузов «из» либо «до» сферы притяжения спроса и предложения в логистических центрах следует использовать понятие локальных перевозок. Это позволяет выделять потоки исполненных заявок на перевозки между самими логистическими центрами, минуя совокупности A и B . Тогда перевозочные взаимосвязи будут определяться как пары элементов совокупности CL .

Наличие растущего числа посредников, таким образом, увеличивает возможности потенциальных продаж продуктов за счет расширения сферы распространения данного продукта. Так, увеличивается число потенциальных потребителей продукта, а число посредников определяет число уровней иерархии в сети и функционирующей в ней цепи поставок. Здесь можно установить определенную закономерность, которая формулируется следующим образом: чем больше уровней иерархии в сети, тем большее число посредников появляется в цепи поставок [2].

В этой связи совокупность CL следует перекомпоновать на две самостоятельные совокупности. Для целей формализации задачи определим число иерархических уровней в сети как R , а индексом s обозначим конкретный порядковый номер уровня иерархии логистической сети:

$$R = \{s : s = 1, 2, \dots, S\}, \quad (4)$$

где S – число совокупности R .

Тогда пусть CL^s будет совокупностью логистических центров локализованных на s -том уровне иерархии сети:

$$CL^s = \{cl : l = 1, 2, \dots, L(s)\}, \quad (5)$$

где $L(s)$ – число совокупности CL^s .

Число логистических центров, исполняющих различные задания с определенными функциями, определяет количество посредников в канале дистрибуции, а подобный подход к пониманию роли логистических центров в сети позволяет сформировать простейшую двухуровневую графическую модель иерархической сети (рисунок 4).

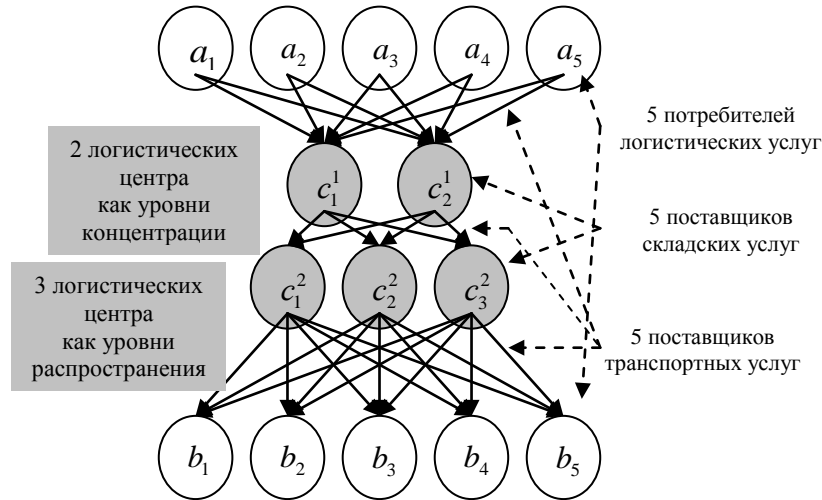

Рисунок 4 – Двухуровневая (концентрация и дистрибуция) логистическая сеть

Источник: собственная разработка

Если величиной $L(s)$ обозначить число логистических центров на s -том уровне иерархии, то все значения $L(s)$ составят вектор [1]:

$$L = [L(1), L(2), \dots, L(s), \dots, L(S)] \tag{6}$$

Записанную таким образом сеть с определенной многоуровневой структурой можно представить в виде схемы (рисунок 5).

Рисунок 5 – Уровни иерархии в логистической сети

Источник: собственная разработка

Итак, логистические структуры моделируются с помощью сетевых понятий, поэтому можно говорить и о своеобразной «сетевой структуре цепей поставок», в которой каждая компания (организация или отдельное структурное подразделение) поставляет друг другу продукцию или услуги, добавляет определенную стоимость к товару [7]. В формализованном виде цепь поставок описывается ориентированным вектором, функционирующим, как это было подчеркнуто выше, только в рамках многоуровневых логистических сетевых структур. С организационно-практической точки зрения ориентированный вектор может быть представлен в виде модели, которую еще называют «логистической трубой» (рисунок 6).

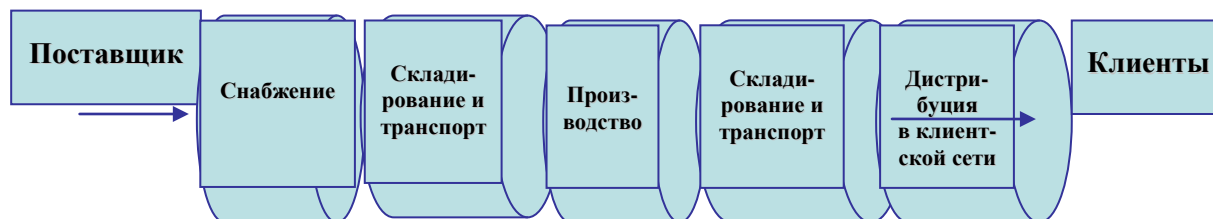

Рисунок 6 – Цепь поставок как «логистическая труба»

Источник: собственная разработка

Кроме того в цепи поставок также можно выделить принципиальные структурные параметры, такие как горизонтальная структура, вертикальная структура, горизонтальная позиция ведущей фирмы [7]. Горизонтальная структура определяет число звеньев на протяжении всей цепи поставок. Вертикальная структура устанавливает число поставщиков и получателей на каждом иерархическом уровне логистической сети с различными видами деятельности (транспортировка грузов, информационные и финансовые потоки). Третье структурное измерение цепи относится к основной фирме, которая может находиться как достаточно близко, т.е. при самом источнике приобретения ресурсов, так и на конце цепи поставок, являясь конечным получателем. Поэтому особое значение имеет конкретная позиция фирмы как определенного звена во всей последовательности цепи (fokal position) и зачастую в структуре цепи поставок выделяют т.н. «фокальную компанию» (fokal company), которая возлагает на себя ответственность за всю логистическую деятельность. Различные конфигурации цепей поставок в логистических сетях представлены на рисунке 7.

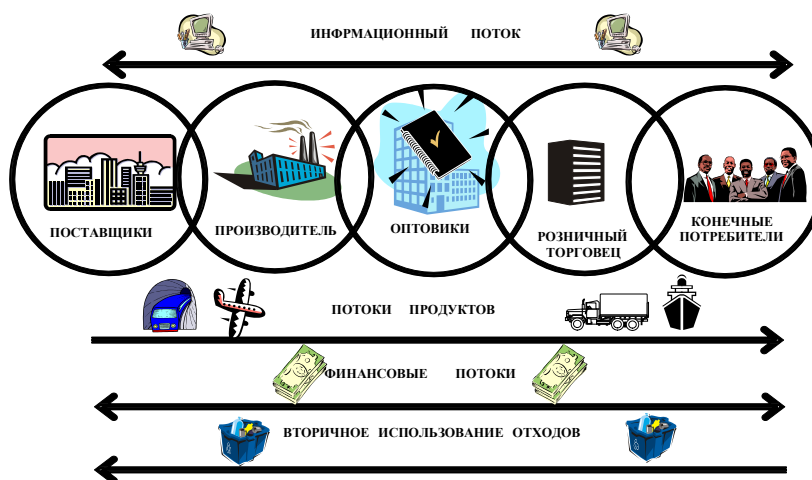

Рисунок 7 – Цепь поставок как последовательность поставщиков и потребителей (горизонтальная и вертикальная структура)

Источник: собственная разработка

Специалисты в области логистики различают также три уровня сложности цепей поставок: «прямая цепь поставок», «расширенная цепь поставок» и «максимальная цепь поставок» [4; 7]. Прямая цепь поставок состоит из фокусной (центральной) компании (обычно промышленной или торговой фирмы), поставщика и покупателя/потребителя, участвующего во внешнем и/или внутреннем потоке продукции, услуг, финансов и/или информации. При этом, как правило, фокусная компания определяет структуру цепи поставок и управление взаимоотношениями с контрагентами по бизнесу. Расширенная цепь поставок включает дополнительно поставщиков и потребителей второго уровня. Максимальная цепь поставок состоит из фокусной компании и всех ее контрагентов слева (вплоть до поставщиков исходного сырья и природных ресурсов), определяющих ресурсы фокусной компании «на входе», и сети распределения справа, вплоть до конечных (индивидуальных) потребителей (рисунок 8) [7].

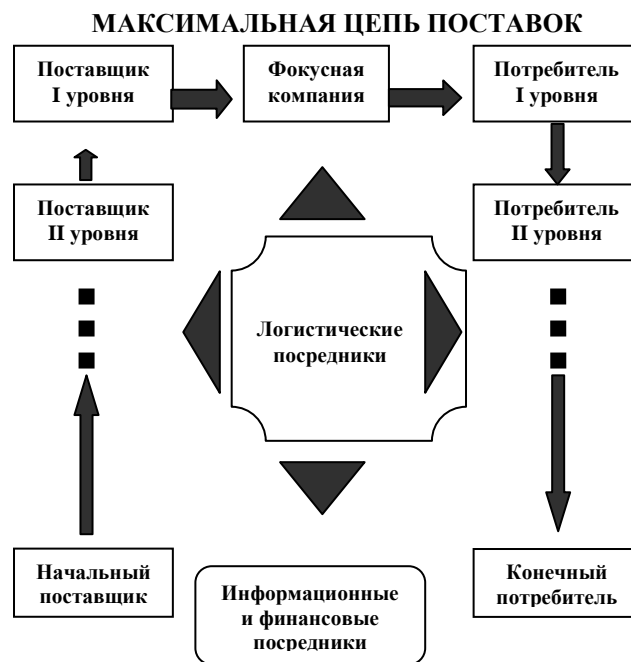

Рисунок 8 – Обобщенный вид максимальной цепи поставок

Источник: собственная разработка

Понятие «цепь поставок» в определенной степени условно, так как любое предприятие промышленности, торговли или сферы услуг для обеспечения своей деятельности образует сложную сетевую структуру, включающую, кроме поставщиков и потребителей разного уровня, еще и большое число контрагентов – посредников, которых можно укрупненно разделить на логистических, институциональных и прочих. К логистическим посредникам относятся фирмы, оказывающие логистические услуги на принципах аутсорсинга для центральной/фокусной компании цепи поставок: экспедиторы, перевозчики, склады, терминалы, таможенные брокеры, страховые компании, агенты, стивидорные компании и т.п. Институциональные контрагенты – это таможенные органы, органы контроля, надзора и лицензирования (санитарная и хлебная инспекции, ветеринарная и карантинная службы, транспортная инспекция, налоговые инспекции и т.д.). Прочие посредники – это банки, компании информационного сервиса, рекламные компании [7].

Заключение

Суммируя изложенное, можно утверждать, что определение регулярно действующей иерархической структуры логистической цепи позволяет установить необходи-

мое число логистических центров на следующих друг за другом уровнях иерархии сети, между которыми устанавливаются необходимые транспортные связи и определяется нужный для данного товара объем запасов с точки зрения их экономической целесообразности. Точно определенная дорога, по которой будет осуществляться перемещение грузов, вместе с другой перечисленной информацией дает основания для составления проекта процессов транспорта и складирования. Этот этап является основой для выбора соответствующего вида цепи поставок и ее последующей детализации с помощью специальных расчетов. Осуществление подобного проектирования будет значительно легче, если применить информационные технологии (мы надеемся, что преподавание логистики на математическом факультете БрГУ создаст такие возможности).

Кроме того, наряду с уже сформировавшимися традиционными курсами: «Основы логистики», «Управление логистикой», «Отраслевые логистики», «Складское хозяйство», «Управление транспортом» – необходим курс «Экономика и организация цепи поставок», имеющий своей конечной целью освоение обучающимися правил составления бизнес-плана цепи поставок.

Основное содержание данной работы позволяет сформулировать первоначальные разделы общей структуры бизнес-плана цепи поставок.

1. Процессный анализ цепи поставок в рамках метода «lean» (составление цепи поставок при помощи метода графов, построение секвенциальной структуры цепи поставок и расчет длительности основных циклов для реализации метода точно вовремя, синхронизация цепи поставок на основе создания необходимых размеров запасов, расчет транспортных маршрутов с одновременным определением необходимого количества транспортных средств).

2. Организационный проект цепи поставок (определение отраслевых предприятий цепи поставок, SWOT-анализ качества услуг, предоставляемых участниками цепи поставок, использование принципа аутсорсинга и определение основных фирм, составляющих цепь поставок).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bertsekas, D.P. Dynamic Programming: Deterministic and Stochastic Models, Prentice-Hall, Englewood Clis. – NJ, 1987.
2. Blanchini, F. A network design problem for a distribution system with uncertain demands / F. Blanchini, F. Rinaldi, W. Ukovich // J. Optim. Theory Appl., 78 (1993). – P. 523–539.
3. Bostel, N. The Design, Planning, and Optimization of Reverse Logistics Networks. Logistics Systems / N. Bostel, P. Dejax, Z. Lu // Design and Optimization, Springer US, 2005. – P. 171.
4. Chan F.T.S., Chung S.H.: Multicriterion genetic optimization for due date assigned distribution network problems. Elsevier, Decision Support Systems 39 (2005) p. 661–675, 2004.
5. Jacyna, M. Modelowanie obsługi logistycznej w hierarchicznym systemie dystrybucji / M. Jacyna // Teoria i praktyka modelowania systemów logistycznych. – Koszalin, 2004.
6. Черновалов А.В., Ключня В.Л. Логистика в институциональной экономике // Вестник Брест. ун-та. Сер. 2. История. Экономика. Право. – 2012. – № 1. – С. 75–85.
7. Ключня, В.Л. Логистика / В.Л. Ключня, А.В. Черновалов. – Минск, БГУ. – 2012. – 330 с.

Chernovalov A.V., Chernovalov V.V. The Supply Chain Designing in the Hierarchical Logistic Networks

This article describes the process of the hierarchical logistic networks design. The attempt to solve the problem of determining the optimal number of logistic centers at different levels of the network hierarchy and construction of a rational supply chain is undertaken. The structural characteristics of the main types of supply chains are given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.02.2013

УДК 656.073.7

Т. Бонк, З. Цекановский

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКСПЕДИТОРСКИХ УСЛУГ КРУПНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАТОРОВ НА РЫНКЕ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИТОРСКИХ УСЛУГ ПОЛЬШИ

В статье описывается сетевая модель функционирования крупного экспедиционного предприятия в реальных хозяйственных условиях. Показаны практические приемы формирования сетевых структур различного уровня в дистрибуции, транспорте, контрактной деятельности, использование которых, позволит ускорить становление логистических операторов в Беларуси. В рамках данной работы осуществлена попытка моделирования деятельности крупных экспедиторских фирм в Польше.

Введение

В рамках развитой и совершенной логистики поставщик логистических услуг является необходимым и значимым элементом цепи поставок. Логистические услуги, представляемые на польском рынке можно поделить на группы перевозочных услуг, экспедиторских услуг и группу логистических услуг [4]. В классическом представлении функции экспедитора заключаются, прежде всего, в обслуживании объектов перевозки в разнообразных транспортных процессах [5]. Рост конкуренции на рынках транспортных услуг, новые эффективные организационные решения в рамках функционирования цепи поставок, а также рост требовательности клиентуры в отношении экспедиторских фирм потребовали поиска новых возможностей, обеспечивающих большую долю продаж на рынке транспортно-экспедиторских и логистических услуг в Польше. Логистические операторы эволюционируют, расширяя гамму предоставляемых услуг от обычной транспортировки и складирования (3 PL), до развитых логистических проектов «с одной руки» (LLP), и даже до особенных форм обслуживания с установленным сроком действия (4 PL) [7]. На польском рынке транспортно-экспедиторских и логистических услуг функционирует значительное число фирм, предоставляющих экспедиторские услуги. Классифицировать эти предприятия можно на основе принципа численности занятых работников: экспедиторы, работающие на дому, малые экспедиторские предприятия, средние и большие экспедиторские фирмы [3]. Сущность функционирования экспедиторских предприятий, по нашему мнению, представляет рисунок 1 [3]. Как следует из данного рисунка, экспедиторская фирма действует, опираясь на свою партнерскую сеть и сеть исполнителей, с которыми имеет подписанные контракты о хозяйственной деятельности.

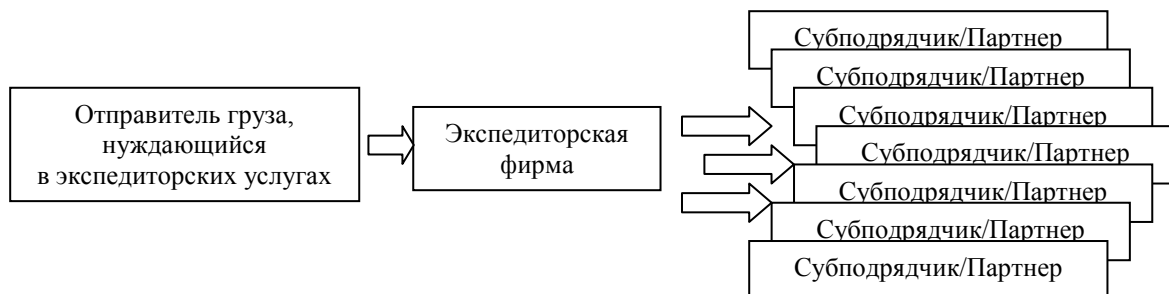

Рисунок 1 – Окружение экспедиторской фирмы

На рынке транспортно-экспедиторских и логистических услуг с некоторого времени начали активно использовать понятие «логистического оператора», к которому относят транспортные фирмы, например, железнодорожную – PKP Cargo S.A. Однако, с нашей точки зрения, логистический оператор должен иметь возможности реализовывать в ос-

новном мультимодальные перевозки, обладать собственной сетью транспортных связей, которая может состоять из представительств фирмы – логистического оператора – как в собственной стране, так и за рубежом, а также обзавестись надежными системами связи между ними [8].

В настоящей статье авторы, используя практические примеры функционирования логистических операторов в Польше, попытаются описать модель функционирования экспедиторско-логистических фирм на рынке таких услуг и обосновать организационные решения по реализации логистических услуг клиентам.

Общая характеристика сетевых структур крупнейших логистических операторов польского рынка транспортно-экспедиторских и логистических услуг

1. Группа Raben. Деятельность этой группы, начавшаяся в 1990-х гг., основывается на реализации услуг с помощью специализированных предприятий. В широкой гамме этих услуг находятся контрактная логистика, складирование, международный автомобильный транспорт, дистрибуция товаров в рамках таможенной территории, морская и воздушная экспедиция и некоторое другое. Используя постоянно действующее маятниковое сообщение в международных перевозках, группа *Raben* постоянно увеличивает объем перевозимых грузов в мелкой и средней таре. В рамках логистической услуги осуществляется также таможенное оформление процедуры налогообложения, деконсолидация груза, а также дистрибуция товаров к местам их окончательного потребления (например, в розничный магазин, минуя его собственный склад). Физическая дистрибуция осуществляется также путем консолидации грузов, получаемых от различных поставщиков с последующей отправкой совокупного логистического объекта (например, контейнера) в страну назначения. Фирма имеет собственные таможенные агентства, что сокращает последовательно-параллельный характер логистического процесса и длительность общего цикла в днях [11].

Еще одним видом деятельности фирмы является складирование. Логистический оператор располагает современными видами складских площадей и оказывает широкий спектр услуг: например, имеются площади высокого складирования с возможностями хранения товаров с различными потребительскими характеристиками, требующими определенной температуры. Дополнительно в процессе комплектации фирма может осуществить упаковку, укрепление упаковки пленочным материалом, размещение этикеток, в том числе логистических, переупаковку *co-packing*, *co-manufacturing*, управление возвратами, что позволяет осуществлять слежение за выпускаемым логистическим объектом в режиме реального времени. Действующая модель внутригосударственной дистрибуции основывается на сети собственных терминалов, находящихся на расстоянии, преодолеваемом в течение 24–48 ч. Группа *Raben* располагает также филиалами, размещенными еще в 10 странах и является собственником совместных предприятий, предназначенных для реализации специальных функций и логистических заданий, например, логистическое обслуживание свежих продуктов, перевозка опасных товаров, морская и воздушная экспедиция. В логистическую сеть группы *Raben* включены также различные бюро, агенты и пр., что позволяет фирме успешно реализовывать свои услуги на рынках центральной и восточной Европы.

2. Группа PEKAES S.A. Эта фирма образовалась в Польше в 1950-х гг. С 2004 г. ее акции котируются на Варшавской бирже ценных бумаг, а в 2006 г. начался процесс соединения обособленных предприятий данной группы в единую фирму PEKAES. В состав всей группы фирм как логистического оператора входили предприятия: PEKAES – услуги автомобильного, грузового и воздушного транспорта; Expolco – услуги морского транспорта; Spedcont – услуги железнодорожного фрахта; On Road Truck Services – продажа и сервис грузовых автомобилей; ATB Truck – продажа и сервис ав-

томобильных покрышек для грузового транспорта; De Point – девелоперская фирма (юридическое лицо или частный предприниматель (девелопер), одновременно осуществляющее строительство и реализующее (продающее) на рынке возведенные объекты недвижимости). Предлагаемые услуги формируются в рамках перемещения мелких и средних логистических объектов, а также курьерских доставок посылок различных размеров.

Главную область деятельности составляет автомобильные грузоперевозки и экспедиция, для чего фирма создала свой автомобильный парк различного назначения. Грузоперевозки осуществляются также с привлечением постоянных автоперевозчиков из других фирм, включенных в сетевую структуру группы *PEKAES S.A.* Обслуживание морского фрахта осуществляется с использованием экспедиторских бюро, расположенных в городах Гданьск, Гдыня и Щецин. В рамках морской экспедиции фирма выполняет поставки «door to door» с использованием автотранспорта, организует перегрузочные работы в морских портах, таможенное обслуживание, страхование груза на время его транспортировки. Услуги, реализуемые группой *PEKAES* в данном сегменте рынка перевозочных услуг, включают в себя все необходимые элементы процесса перевозки и обеспечивают сокращение цикла поставки. Главными географическими направлениями деятельности в морской экспедиции являются страны Северной Америки, Дальний и Ближний Восток, а также вся Европа. В рамках экспедиции воздушным транспортом обслуживание клиентов также осуществляется по системе «door to door» с неизменным страхованием посылок и таможенным оформлением с использованием собственных таможенных агентств. *PEKAES* не имеет собственных филиалов за границей, поэтому такую работу выполняют агентства других фирм, действующие в рамках договоров о партнерской деятельности. В сумме *PEKAES* располагает 17 логистическими центрами, обеспечивающими необходимыми услугами всю сетевую структуру группы.

3. *Грунна Rohlig Suus Logistics S.A.* Эта фирма является правопреемником появившейся еще в 50-х гг. XIX века в Германии транспортно-экспедиторского предприятия. Развившись на европейском рынке, фирма *Rohlig Suus Logistics S.A.* переместилась на рынок Северной Америки. В 1950–60-х гг. XX века фирма стала лидером продаж на немецком рынке транспортных услуг, а в 1990-х гг. немецкая фирма *Rohlig Suus Logistics S.A.* открыла свое бюро в Польше и первой из немногих фирм, представленных тогда на рынке, получила лицензию на осуществление экспедиторской деятельности. Польское отделение вскоре стало членом международной группы *Rohlig Suus Logistics S.A.*, состоящей из примерно 200 отделений во всем мире. Общий набор экспедиторских услуг включает в себя обслуживание различных видов фрахтов: автомобильного, морского, воздушного, железнодорожного, – а также таможенные и складские услуги. В этих целях фирмой создана сеть регулярных транспортных связей во всей Европе, в том числе и в Польше. Система воздушного сообщения, функционирующая на межгосударственном уровне, действует по методу «24 плюс», включая в себя около 60 партнеров, благодаря чему сфера обслуживания фирмы распространилась не только на Европу, но и на Ближний Восток. В Польше фирма *Rohlig Suus Logistics S.A.* создала интегрированную систему внутренней физической дистрибуции, основанной на регулярных ночных сообщениях между терминалами, размещенными в различных районах страны, с использованием перевозок по методу «дверь в дверь», реализуемых с помощью привлеченных на основе контрактов перевозчиков.

Услуги воздушного сообщения для перевозки курьерских грузов осуществляются также на основе метода «door to door», который подкрепляется услугами складского, таможенного, упаковочного и страхового характера. Основными географическими направлениями деятельности в этом сегменте являются Китай, США, Бразилия, Канада. Фирма *Rohlig Suus Logistics S.A.* использует законтрактованные воздушные сообщения у специализирующихся в грузоперевозочных услугах авиапредприятий.

Обслуживание морского фрахта осуществляется силами терминала *Rohlig Suus Logistics S.A.* – ВСТ, расположенного в Гданьске. Главными географическими направлениями являются Китай, Тайвань, Гонконг, Северная, Центральная и Южная Америка, а также ЮАР. Для связи с уже упоминавшейся внутрипольской дистрибутивной сетью используется также морской терминал в Гамбурге. Грузы, обслуживаемые *Rohlig Suus Logistics S.A.* с помощью железнодорожного транспорта, имеют в основном европейское происхождение и перемещаются в Восточную Европу и Среднюю Азию. В рамках логистических услуг осуществляются интермодальные перевозки, которые обеспечиваются собственными складскими площадями, таможенными агентствами. Это способствует осуществлять хранение товаров как на короткий, так и длительный срок. Складские площади *Rohlig Suus Logistics S.A.* построены по принципу высокого складирования и исполняют функции центров дистрибуции, где распространен также *cross docking*.

Моделирование деятельности крупных экспедиторских фирм в Польше

В рамках организации перевозок мелкофасованных и мелкопаковочных товаров и их дистрибуции по розничным предприятиям внутри государства консолидация грузов, как правило, в виде паллеты, обозначенной логистической этикеткой, осуществляется в терминалах, где происходит и сама перегрузка. Поставка товара в розничный магазин или другую точку осуществляется чаще всего привлеченными перевозчиками, действующими на основе контрактного соглашения. Таким образом, осуществляется координация внутри сети (рисунок 3), исходящая от действующего логистического оператора, а обращение к логистической этикетке позволяет пользоваться глобальной координацией, исходящей от системы GS1 (*Rohlig Suus Logistics S.A.*, PEKAES).

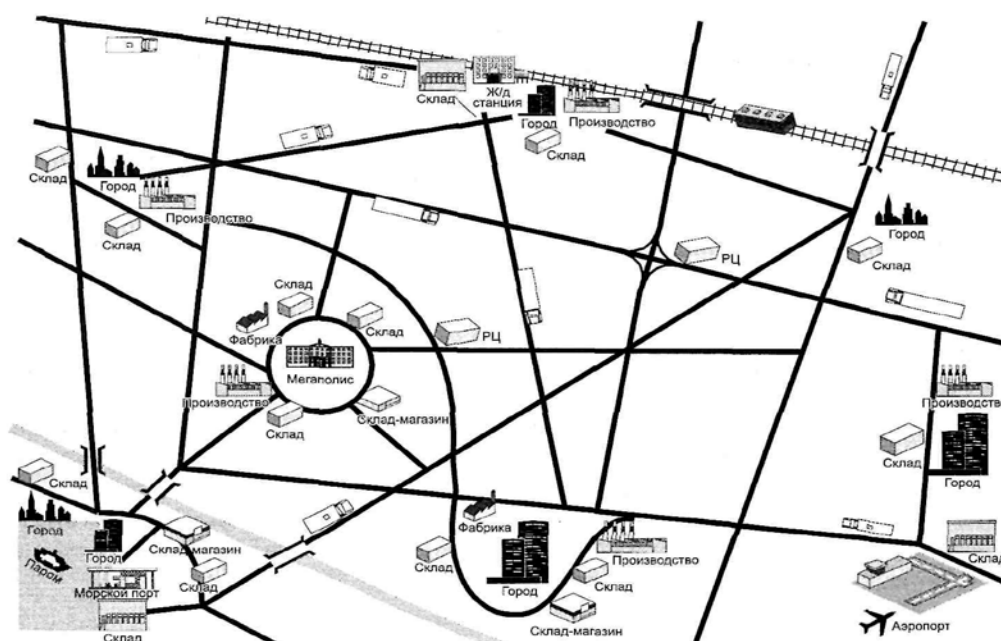

Рисунок 2 – Основные места размещения складов

Как показывает практика работы рассмотренных фирм, перегрузочные терминалы размещаются в логистических центрах, которые располагаются вблизи главных дорожных артерий (при окружных дорогах, автострадах), возле значительных рынков сбыта продуктов (мегаполисов) и недалеко от европейских транспортных коридоров (рисунок 2). Так формируются сети, основанные на технических связях и географичес-

ком месторасположении (рисунок 3). Именно на этой основе осуществляется процесс дистрибуции у анализируемых логистических операторов, когда в виде элементов сети включаются терминалы и межтерминальные транспортные связи, реализуемые привлеченными перевозчиками с соответствующими техническими характеристиками их автотранспорта. Такие организационные решения дают оптимальные результаты с экономической точки зрения, а также реализуют ожидаемые требования клиентов, имеющих отношение к времени поставки продукции (*Grupa Raben*).

Рисунок 3 – Разновидности конфигураций логистических сетей

Особое место в деятельности анализируемых фирм занимает дистрибуция свежих продуктов. Тут применяются технологии, несколько отличные от технологий физической дистрибуции мелкопакованных товаров. Этот процесс отличается и используемым складским оборудованием, и другими процедурами и технологиями приемки и хранения товаров. Потребность в развитии услуг по складированию, хранению и дистрибуции свежих продуктов, требующих контроля за температурой хранения, является результатом экспансии логистических операторов на рынок сетей супер- и гипермаркетов, а также динамичного развития в Польше системы дисконтов. В данном случае, с точки зрения классификации видов деятельности в сети, мы имеем координацию, реализуемую торговым предприятием (рисунок 1). Расширение границ операторской деятельности потребовало также внимательного отношения к общим логистическим затратам фирмы оператора, что непосредственно реализовалось в распространении метода бизнес-планирования новых цепей поставок.

Далее следует отметить сложность процессов, происходящих в складских помещениях логистических центров. Кроме непосредственно хранения к логистическим услугам активно добавляются производственные (трансформационные) процессы, происходящие в зоне комплектации: это *co-packing* (упаковка и переупаковка) и *co-manufacturing* (дополнительная переработка и доработка продукта).

Co-manufacturing основывается на трансформации логистической услуги в часть производственно-технологического процесса производителя, но осуществляющейся в рамках сетевой координации на территории логистического центра (рисунок 1) [1].

В состав услуги co-packing включаются следующие работы: соединение подарочных и продуктовых наборов товаров субститутов (новогодние и рождественские подарки), упаковка составных комплементарных товаров (зубная паста и щетка), включение в состав упаковки рекламных буклетов и прочих маркетинговых атрибутов для продвижения товара. Co-packing – это также нанесение товарных и логистических штрих-кодов, рекламных наклеек (в рамках маркетинговых программ), которые содержат информацию о фирме производителе или импортере/экспортере, а также инструкцию по пользованию товарами бытовой техники. Все анализируемые логистические операторы используют в своей деятельности услугу co-packing (*Grupa Raben, PEKAES S.A., Rohlig Suus Logistics*).

Обобщая изложенное, можно заключить, что все рассматриваемые польские логистические операторы используют в организации своей деятельности управленческий метод VAS (value-added service (англ.) – дополнительная услуга) и включают услуги co-packing и co-manufacturing в структуру логистического складского прайс-листа.

Реализуя мультимодальные и интермодальные контейнерные перевозки с использованием морского транспорта, анализируемые фирмы-операторы применяют одинаковую модель сетевого функционирования и похожие организационные решения. Получение и отправление контейнеров осуществляется на основе включения в свою сеть представительств в морских портах Польши (Гдыня, Гданьск, Щецин), а также крупнейших европейских портах (Гамбург, Роттердам, Бремерхафен). Таможенные процедуры осуществляются при помощи собственных таможенных агентств или с привлечением партнерских организаций, включенных в сеть. Для последующего перемещения контейнеров автомобильным транспортом вглубь европейского континента и на восток используется либо собственный автопарк, либо привлеченные перевозчики. Еще хочется отметить, что логистические операторы в рамках логистической складской услуги все больше используют метод build-to-suite, означающий отказ от строительства собственных складских помещений в пользу аренды уже существующих.

Заключение

1. Анализируемые фирмы – логистические операторы – можно отнести к организационной модели, обозначаемой нами как *4 PL*. С организационной точки зрения, это крупные фирмы, объединенные совместным капиталом либо действующие в рамках определенной сетевой организации.

2. Как видно из результатов моделирования деятельности крупнейших логистических операторов Польши (что подтверждено исследованиями, проведенными *Deutsch Post DHL*), важнейшим аспектом деятельности логистических фирм становится технологическая и организационная эластичность и немедленное получение услуги, необходимой клиенту, а также прозрачность финансовых потоков и постоянный доступ к информации в режиме on-line.

3. Логистические фирмы-операторы в Польше, заботясь о своем положении на рынке транспортно-экспедиторских и логистических услуг, вместе со своими основными клиентами обречены на выработку нестандартных инновационных решений в целях обеспечения индивидуализации своих услуг и предложения гарантированно оперативной работы.

Наконец, следует отметить, что основу и перспективы своего развития логистические операторы Польши связывают с эластичной сетевой организацией, управленческая модельность которой будет основываться на постоянно действующих инновациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sieci logistyczne / Ciesielski, M. [red.]. – Poznań, 2002.
2. Marciniak-Neider, D. Podręcznik Spedytora / D. Marciniak-Neider, J. Neider [red.]. – Gdynia, 2003.
3. Technologie transportowe XXI w. / M. Mindur [red.]. – Warszawa – Radom : Wyd-wo IteE-PIB, 2008.
4. Rydzkowski, W. Usługi logistyczne. Biblioteka Logistyka / W. Rydzkowski – Poznań, 2007.
5. Rydzkowski, W. Transport / W. Rydzkowski, K. Wojewódzka-Król – Warszawa. : Wyd-wo Naukowe PWN, 2005.
6. Rydzkowski, W. Transport / W. Rydzkowski, K. Wojewódzka-Król – Warszawa. : Wyd-wo Naukowe PWN, 2009.
7. Rutkowski, K. Rola operatorów logistycznych w restrukturyzacji globalnych łańcuchów dostaw / K. Rutkowski // Gospodarka Materiałowa i Logistyka. – 2005. – № 12.
8. Transport i spedycja w hadlu zagranicznym / T. Szczepaniak [red.]. – Warszawa : Polskie Wyd-wo Ekonomiczne, 2002.
9. Черновалов, А.В. Логистика в институциональной экономике / А.В. Черновалов, В.Л. Ключня / Веснік Брэсц. ўн-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 1. – С. 75–85.
10. Ключня, В.Л. Логистика / В.Л. Ключня, А.В. Черновалов. – Минск, БГУ, 2012. – 330 с.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etransport.pl/wiadomosc9282.html/>.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rzeczpospolita.pl/>.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raben-group.com/pl/>.
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmlogistic.com/>.
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pekaes.com.pl/>.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.suus.com/>.

Bonk T., Tsekanovski Z. The Organizing Solutions Used in Forwarding Services on the Example of Several Leaders in TSL Branch in Poland

The article is an attempt of showing the model of large forwarding company in practice. In the framework of this article selected large companies with this profile from Polish TSL market has been analysed. The analysis of organisation of forwarding services, offers as well as solution models has been conducted.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.02.2013

УДК 65.011

В.Н. Йохна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются подходы к определению сущности инновационного развития промышленного предприятия, его отличия от других типов развития, раскрывается роль функциональных стратегий в достижении целей инновационного развития, указывается на связь целей инновационного развития с приращением рыночной стоимости предприятия, на основе чего формируется гипотеза о целесообразности использования функционально-ценностного подхода в управлении его инновационным развитием.

Введение

В условиях глобализации экономической среды социально-экономическое развитие каждой страны тесно связано со способностью ее субъектов развиваться на инновационной основе, используя как созданные, так и привлеченные технологии и инновации для формирования конкурентных преимуществ, сочетая существующие и новые элементы своих бизнес-систем таким образом, чтобы максимально реализовать рыночные возможности в тех сферах экономической деятельности, где они могут быть наиболее эффективными. Эта задача становится еще более актуальной в кризисных условиях, так как только использование новых, более эффективных технологий производства и управления обеспечит возможность отечественным промышленным предприятиям восстановить свою конкурентоспособность как на внешних, так и на внутренних рынках.

Инновационное развитие отечественных машиностроительных предприятий является необходимым условием повышения конкурентоспособности экономики Украины, поскольку именно продукция машиностроения является технико-технологической основой производственных систем многих видов экономической деятельности. Успешная реализация инновационных стратегий в машиностроении обеспечивает значительный вклад в формирование кумулятивного эффекта инновационной деятельности, создавая более совершенную технологическую среду для возникновения новых потребительских ценностей в производственном секторе национальной экономики и обеспечивая условия для количественного роста промышленных предприятий.

Количественный рост предприятия в открытом и динамичном рыночном пространстве невозможен без постоянного обновления его продуктового ряда для удовлетворения изменяющихся под воздействием научно-технического прогресса требований целевых групп потребителей. Сегодня потребительская ценность продукции обеспечивается прежде всего ее уникальными характеристиками, которые создаются в результате целенаправленной инновационной деятельности. Ее результатом являются не только новые виды продукции, но и новые технологии, новые явления, новые процессы, которые призваны качественно изменять внутреннюю среду предприятия применительно к новым условиям функционирования. Такие изменения составляют сущность развития предприятия и должны осуществляться целенаправленно и с учетом сформированных стратегических целей.

Управление развитием предприятия требует прежде всего стратегического подхода к определению направлений инновационных изменений, которые должны обеспечивать наращивание предприятием его конкурентных преимуществ. Реализация инноваций нарушает привычный режим работы предприятия и в случае недостаточной обоснованности может помешать восстановлению его нормального функционирования. Для недопущения этого и разрабатывается стратегия управления инновационными из-

менениями, что невозможно без понимания сущности развития как процесса, присущего всем системам. Выявление общих закономерностей развития экономических систем позволит оптимизировать управленческие усилия по управлению развитием машиностроительного предприятия для того, чтобы обеспечивать его эффективное функционирование в долгосрочном периоде.

Исследованием особенностей и закономерностей управления развитием предприятий в переходной экономике занимаются многие современные ученые: например, М. Афанасьев [1], В. Костюк [12], В. Ляшенко [13], О. Мельник [14], Ю. Погорелов [19]. В их работах рассматриваются виды развития экономических систем, исследуются направления, источники, условия и побудительные мотивы развития, предлагаются модели и механизмы управления развитием и пр.

Значительное количество публикаций посвящено и исследованию тенденций и проблем инновационного развития социально-экономических систем. В частности, в Украине этими вопросами активно занимаются А. Гринев [6], А. Ефремов [8], Н. Заглумина [9] С. Ильяшенко [10], И. Пидкаминный и В. Ципуринда [18], Л. Сай [22], В. Стадник [23], Л. Федулова [25] и др. В опубликованных ими работах оценивается состояние и активность инновационной деятельности отечественных предприятий, исследуются причины ее низкой результативности, анализируются возможности и механизмы стимулирования инновационного развития национальной экономики. Но вопросы управления инновационным развитием промышленных предприятий требуют дальнейших исследований. В частности, это касается выделения *стратегических функциональных составляющих инновационного развития*, особенно тех, которые способствуют формированию новых рыночных возможностей и обеспечивают их реализацию, а также оценке их вклада в достижение стратегических целей. Для решения этой задачи необходимо прежде всего определить сущность и особенности инновационного развития.

Сущность инновационного развития социально-экономических систем

В научной литературе под развитием подразумевают процесс качественных изменений системы, способствующих улучшению ее состояния. С.И. Ожегов трактует его как *процесс закономерного изменения, переход от старого качественного ее состояния к новому, более совершенному, от низшего к высшему* [15, с. 643]. Этот процесс можно изобразить схематически в виде некоего цикла, охватывающего переход от одного равновесного состояния системы к другому (рисунок 1).

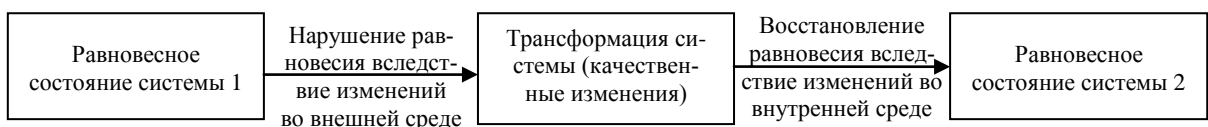

Рисунок 1 – Цикл развития системы

Анализируя существующие взгляды на особенности развития экономических систем, можно заметить, что во многих из них как одна из главных характеристик подчеркивается «необратимость прогрессивных изменений» (С. Мочерный при этом акцентирует на изменениях технологических [7, с. 623]). Это означает, что прогрессивные изменения способствуют значительному улучшению адаптивных свойств системы, и ее новое равновесное состояние может охватывать больший период и более широкие границы количественного роста.

Обобщение взглядов ученых на процессы развития, представленное в философском энциклопедическом словаре, содержит существенное дополнение к существую-

щим признакам развития экономических систем: в нем подчеркивается, что качественные изменения должны быть «целенаправленными и закономерными» [26, с. 561]. Под целенаправленностью изменений системы понимается ее способность изменяться в одних направлениях больше, чем в других; под закономерностью – соответствие изменений причинно-следственным зависимостям (т.е. при одинаковых условиях направление и результаты изменений экономической системы можно с большой вероятностью прогнозировать) [16, с. 21–22].

Целесообразно здесь подчеркнуть, что указанные характеристики являются важнейшими для понимания сущности и задач управления развитием социально-экономических систем, в частности предприятий. И направленность, и закономерность изменений является результатом управляемости процессом развития, что требует соответствующих механизмов и инструментов. На управляемости особо акцентирует Ю. Погорелов, указывая, что одним из признаков развития предприятия является «возможность целенаправленного влияния на развитие или степень его зависимости от целенаправленных действий субъекта развития» [19, с. 150].

Исследуя способность социально-экономической системы к развитию, важно выделить движущие силы и источники ее развития, определить те ее составляющие, которые обеспечат достижение наилучшего результата. Для этого вначале отметим отличительные особенности социально-экономической системы, являющейся воплощением представлений предпринимателя о ее назначении и особенностях функционирования, в соответствии с которыми проектируется ее организационная форма и определяется функциональное содержание структурных элементов.

В широком смысле системой называют «совокупность элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой с образованием единого целого, которому присущи свойства, отсутствующие у отдельно взятых элементов» [13, с. 22]. В отличие от природных систем, адаптивные свойства которых обеспечиваются гомеостазисом, в экономических системах (бизнес-системах) адаптивность обеспечивается социальной составляющей. Это проявляется в управленческих решениях, определяющих основные задачи развития, способы и методы управления их реализацией. Отсюда экономическая система (бизнес-система) трактуется как «открытая, целенаправленная, иерархическая, интеграционная целостность, возникающая в результате структурно-функционального проектирования и способная к устойчивому и эффективному функционированию в динамическом внешнем окружении» [23, с.47].

Сегодня в связи с внедрением и распространением новых средств реализации процессов производства и услуг (в том числе информационных и коммуникационных технологий) экономические системы находятся в фазе перехода к новым бизнес-моделям существования и развития [29]. Они качественно изменяют содержание человеческого труда и повышают роль социальной составляющей экономической деятельности, переводя ее в разряд стратегических.

Качественные изменения экономической системы могут проявляться в изменении стиля и методов управления, организационном перепроектировании и т.д. Потребность в них возникает тогда, когда количественный рост предприятия ухудшает качество управления и реализация поставленных целей усложняется или становится невозможной (чаще всего при экстенсивном развитии). При этом в бизнес-системе постоянно накапливаются избыточные потенциальные связи, поскольку для увеличения объемов производства и реализации продукции возникает потребность в дополнительных взаимодействиях структурных элементов, остающихся недостаточно использованными, требуя при этом определенных ресурсов для своей поддержки. Т.е. сложность системы возрастает в большей степени, чем ее управляемость и организованность. В результате ее эффективность не повышается.

Если функционирование предприятия сопровождается не только количественными, но и качественными изменениями в ассортименте продукции, осуществляемых процессах, квалификации персонала, то развитие можно назвать интенсивным. В отличие от экстенсивного интенсивное развитие характеризуется опережающим возрастанием организованности и управляемости по сравнению с увеличением количества новых потенциальных связей между структурными элементами, и эти связи могут быть пригодны для более длительного использования. Поэтому эффективность бизнес-системы возрастает.

Таким образом, осуществление качественных изменений в процессе развития экономической системы должно улучшить выполнение функций ее жизнеобеспечения, что является необходимым условием ее дальнейшего количественного роста. Но в случае интенсивного развития системы совершенствование ее внутренней среды для улучшения взаимодействия структурных элементов на новом витке существования (хотя и носят качественный характер) в большинстве случаев способствуют только улучшению ее адаптивных свойств.

Впервые принципы и возможности адаптации предприятий к изменяющимся условиям хозяйственной деятельности были проанализированы А. Чандлером в работе «Стратегия и структура» [28]. Однако он сосредоточивал внимание в основном на организационных аспектах адаптивности – осуществлению организационных изменений, которые повышают гибкость системы, ее восприимчивость к внешним вызовам.

Организационные изменения, безусловно, является признаком развития социально-экономической системы, но не обязательно инновационного. Одних только адаптивных качеств для динамического количественного роста современных предприятий, работающих в среде высокой конкуренции, недостаточно.

Важным условием выживания и развития в такой среде является *способность к действиям на опережение в стратегически важных для предприятия сферах деятельности*. При этом, как верно подчеркивает Д. Воронков, «стратегический характер изменений означает, что они должны быть связаны с ключевыми, принципиально важными для предприятия преобразованиями долговременного характера, которые имеют кардинальное значение для функционирования бизнеса и тянут за собой долговременные и необратимые последствия» [5]. Можно добавить, что эти последствия должны быть положительными, а их продолжительность обеспечиваться верными прогнозами рыночных трендов и тенденций НТП.

Таким образом, можно высказать предположение, что *действия на опережение* и должны составлять основу инновационного развития предприятия. Однако в современной научной литературе на этом отличительном признаке внимание не акцентируется (таблица 1). Обобщение взглядов многих исследователей на сущность инновационного развития предприятия показывает, что оно рассматривается как управляемый процесс качественных изменений внутреннего состояния с использованием результатов инновационной деятельности.

Во всех определениях подчеркивается, что источниками инновационного развития является инновационная деятельность и инновации. Однако для четкого определения сущности инновационного развития этого, на наш взгляд, недостаточно. Инновационная деятельность присуща развитию любого типа, даже в случае упадка предприятия, когда его производственная система становится неспособной производить продукцию, пользующуюся спросом на рынке, и менеджмент начинает сокращение основных процессов, готовя предприятие к будущим изменениям.

Таблица 1 – Определение сущности инновационного развития в научной литературе

Автор	Определение сущности инновационного развития	Основное в определении
М. Портер [20]	Это процесс удержания конкурентных преимуществ на основе постоянного совершенствования, открытия новых, более сложных технологий или форм ведения бизнеса	Постоянное усовершенствование для удержания конкурентных преимуществ
С.М. Ильяшенко [10]	Это процесс поиска и использования новых способов и сфер реализации потенциала предприятия в условиях изменений внешней среды в рамках его миссии и выбранной мотивации деятельности. ...Предусматривает постоянное обновление ассортимента продукции и технологий ее производства, совершенствования системы управления производством и сбытом	Реализация инноваций продуктового и процессного характера
Н. Заглумина [9]	Это целенаправленное неуклонное повышение конкурентоспособности и экономической эффективности предприятия, имеет качественный характер и основано на интенсивных факторах развития: знаниях, информации, передовых технологиях	Реализация потенциала знаний, информации, передовых технологий
Е. Касс [11]	Это цепь реализованных нововведений, связанных с трансформацией научных знаний, идей, открытий и существующих технологий в новые или усовершенствованные продукты; при этом формируется модель развития, превращения и использования общественных, природных и экономических ресурсов	Цепь реализованных нововведений, в т.ч. новых технологий
О.С. Ефремов [8]	Это управляемый процесс качественного изменения состояния предприятия с использованием результатов его инновационной деятельности	Управляемый процесс качественных изменений на основе инноваций
Т. Федосеева [24]	Это экономический рост предприятия на основе разработки и реализации новых или улучшающих технологий. Уровень инновационного развития определяется как ресурсной составляющей инновационного процесса (инновационным потенциалом), так и эффективностью трансфера инновационных технологий	Экономический рост на основе технологических изменений
Л. Сай [22]	Инновационное развитие предприятий ...находит свое отражение в обновлении состава основных фондов и в улучшении их использования как на стадии формирования, так и на стадии научно-технической подготовки производства в развитии рабочей силы; в совершенствовании отношений с внешней средой и т.д.	Осуществление технологических изменений
Т. Пислявоз [17]	Это процесс целенаправленного, последовательного движения предприятия к сбалансированному инновационному состоянию под влиянием внешних и внутренних факторов, ...который характеризуется результатом качества, достигнутым в зависимости от интенсивности и скорости инновационных процессов	Целенаправленное движение предприятия к сбалансированному инновационному состоянию

По нашему мнению, для обеспечения инновационного развития результаты инновационной деятельности должны направляться не только на совершенствование внутренней среды предприятия и процессов, в нем происходящих, а обеспечивать инновационный прорыв технико-технологического характера, благодаря которому предприятие становится способным создавать продукцию с новой и высокой потребительской ценностью, в том числе для новых целевых рынков. Тогда, реагируя на колебания рыночного спроса, развитие предприятия переходит на качественно новую стадию (от простого воспроизводства своих основных параметров – к активному влиянию на рыночные процессы путем объединения усилий с другими участниками рынка) (таблица 2).

Таблица 2 – Характеристика изменений в производственной системе при разных типах развития предприятия

Вид развития	Сущность осуществляемых процессов
Творческое разрушение и подготовка к будущим изменениям	Количественное сокращение существующих бизнес-процессов для перегруппировки основных факторов производства
Простое воспроизводство	Замена физически изношенного оборудования новым, которое выполняет те же операции
Расширенное воспроизводство	Модернизация производственной системы для адаптации предприятия к изменениям, которые произошли на рынке, и пассивное ожидание последующих изменений
Количественный рост	Интенсивный количественный рост благодаря новым рыночным возможностям (адаптация к изменениям, которые произошли в бизнес-среде) и пассивное ожидание новых рыночных возможностей
Устойчивое развитие	Прогнозирование и активное ожидание новых рыночных возможностей, подготовка и реализация программ и проектов организационных изменений согласно составленным прогнозам
Инновационное развитие	Прогнозирование трендов НТП и планирования расширения рыночных возможностей предприятия, в т.ч. через радикальное технологическое обновление производственной системы

Целесообразно согласиться с теми учеными (таблица 1), которые подчеркивают, что именно внедрение новых технологий является ключевым фактором рыночной конкуренции, поскольку становится основным средством повышения эффективности производства и улучшения качества продукции. Благодаря технологическому обновлению производственные системы будут гибкими, обеспечивая лучшие возможности для создания и промышленного освоения принципиально новых видов продукции и их позиционирования на рынке. Чем шире будут возможности новых технологий в реализации этих задач, тем выше потенциал экономического роста предприятия после их внедрения.

Исходя из этого под *инновационным развитием промышленного предприятия* предлагается понимать обоснованные с учетом тенденций НТП и потребительских нужд качественные изменения его технико-технологической составляющей и взаимно согласованные с ними изменения в других составляющих бизнес-системы, способствующие улучшению условий для создания новой и высокой потребительской ценности и формирующие основу для укрепления его рыночных позиций, возрастания рыночной стоимости и количественного роста предприятия.

Инновационное развитие предприятия должно осуществляться на основе всестороннего и глубокого изучения среды хозяйствования, состояние и динамика которой определяют направления и скорость инновационных преобразований. Это позволит выбрать правильную инновационную стратегию, которая будет зависеть от доминирующего типа инноваций и должна быть сбалансированной по всем составляющим: от развития технологических возможностей до развития человеческого капитала, без чего прогрессивные и эффективные инновационные изменения невозможны.

Функциональные стратегические составляющие управления инновационным развитием предприятия

Несмотря на то, что любые инновационные изменения нарушают равновесное состояние предприятия, в процессе управления его инновационным развитием важно обеспечивать динамическое равновесие его как открытой системы. Экономическая система не может быть статически устойчивой, поскольку она теряет равновесие из-за по-

явления более эффективных организаций или изменений в среде хозяйствования. Об этом говорил еще А. Богданов в своей «Тектологии» [2]. И если в процессе стабильного функционирования (простое воспроизводство параметров системы – таблица 2) можно говорить об относительной статической устойчивости предприятия, то в процессе развития должна сохраняться динамическая устойчивость, когда процессы разрушения и создания нового должны идти параллельно и взаимно уравновешиваться.

Согласно системному подходу, функциональные элементы, структурирующие управленческую деятельность по содержанию, не просто функционально вытекают друг из друга, а связаны, влияя друг на друга непосредственно или опосредованно. Поэтому управление инновационным развитием предприятия является своеобразным искусством согласования интересов участников инновационной и текущей производственной деятельности, потоков финансовых, материальных, информационных ресурсов, координации и регулирования операционной деятельности, нахождения компромисса между доходностью и ликвидностью, доходностью и риском потери финансовой устойчивости и т. д.

Реализация предприятием любой базовой стратегии предполагает разработку функциональных стратегий: производственной, финансовой, маркетинговой, кадровой, инвестиционной и пр. Предприятие должно разрабатывать столько функциональных стратегий, сколько функций менеджмента являются ведущими в реализации стратегических целей и задач. При осуществлении радикальных изменений (инновационное развитие через технологическое обновление) для такого уравновешивания чрезвычайно важна взаимосогласованная совокупность таких функциональных стратегий, как производственная, финансовая, маркетинговая, инвестиционная, стратегия управления персоналом. Каждая из этих функциональных стратегий решает свои задачи, но они взаимосвязаны и взаимообусловлены, благодаря чему можно качественно наращивать производственный и рыночный потенциалы предприятия.

В совокупности стратегических ресурсов машиностроительного предприятия, которые определяют его способность к инновационному развитию, следует прежде всего выделить интеллектуальный капитал. Определяющая роль интеллектуальных ресурсов в обеспечении эффективности деятельности предприятия и его развития сегодня не подлежит сомнению. Поэтому так важна обоснованная и подчиненная целям развития стратегия управления персоналом.

Исходя из особенностей организационных отношений, можно утверждать, что человеческая компонента играет ключевую роль не только как интеллектуальная составляющая инновационного развития, обеспечивающая генерирование инновационных идей. Ведущие специалисты предприятия в случае пренебрежения их экономическими и социальными интересами могут тормозить реализацию инновационных изменений, используя для этого свой статусный и интеллектуальный потенциал. Поэтому одной из ключевых задач кадровой стратегии в контексте инновационного развития предприятия является формирование мотивационной составляющей управления персоналом.

В то же время не меньшее влияние на динамику инновационного развития имеет и компетентностная составляющая управленческого персонала: в большинстве своем запоздалые и неэффективные организационные изменения обусловлены именно недостаточностью этих компетенций. Интеллектуальный потенциал изобретателей-инноваторов в значительной мере определяется организационным потенциалом менеджмента, благодаря чему становится возможным создание информационно насыщенной и эффективной коммуникативной среды инновационного процесса при рациональной организации информационных потоков в пространстве и времени, что ускоряет инновационный процесс и повышает его общую эффективность.

Производственная стратегия в условиях инновационного развития предприятия разрабатывается для организации производственного процесса в новом направлении деятельности и обеспечения его успешного функционирования. При формировании производственной стратегии в этих условиях необходимо не только учитывать имеющиеся ресурсы предприятия (материально-технические, трудовые, финансовые) и планируемые объемы производства продукции, но и требования потребителей к качеству продукции предприятия, требования к уровню квалификации персонала, а также возможности реформирования потоков ресурсов в соответствии с изменениями технико-технологической составляющей производственного процесса.

Маркетинговая стратегия необходима для позиционирования новой или модифицированной продукции предприятия на рынке. Она определяет наиболее эффективный состав комплекса маркетинга (исследование рынка, определение товарной и ценовой политики, выбор или формирование каналов распределения, разработку методов стимулирования сбыта, методов информационной поддержки нового или модифицированного продукта). Хорошо продуманная маркетинговая стратегия уменьшает рыночный риск и риск внедрения инновационных продуктов до приемлемых уровней, создает возможность возникновения внутренней (ресурсной) либо внешней (рыночной) синергии при решении инновационных задач.

Финансовая стратегия охватывает комплекс действий в области управления финансами, реализация которых обеспечивает достижение стратегических инновационных целей предприятия наиболее эффективным способом при сохранении его финансовой устойчивости на всех этапах инновационных изменений. Важнейшей составляющей финансовой стратегии является принятие решений об оптимальной для инновационного развития предприятия структуре капитала. Прежде всего это касается соотношения между составляющими капитала: между основным и оборотным капиталом, собственным и привлеченным. Превышение объема задолженности выше определенного уровня может повысить риск реализации инновационных задач и, в свою очередь, повысит стоимость привлеченного капитала. Финансовая стратегия и является тем эффективным инструментом управления финансовой деятельностью предприятия, который подчинял бы эти процессы целям инновационного развития.

Инвестиционная стратегия в контексте инновационного развития предприятия находится в тесной связи с финансовой стратегией, поскольку обе они решают задачи формирования системы финансовых мер для достижения долгосрочных стратегических целей бизнеса через комбинирование неизменных параметров инвестиционного проекта по показателям повышенной приоритетности. Учет этих приоритетов важен для экономической безопасности предприятия, его финансовой устойчивости при осуществлении инновационных изменений.

Таким образом, управление инновационным развитием осуществляется с участием многих подсистем предприятия. В то же время представляется целесообразным утверждать, что решения о распределении ресурсов в разрезе функционального управления процессами инновационных изменений должны приниматься с учетом способности соответствующих функций увеличивать потребительскую ценность создаваемого с их помощью инновационного продукта (или бизнес-системы в целом). Это предполагает реализацию функционально-ценностного подхода к стратегическому управлению развитием предприятия.

Использование методологии функционально-ценностного подхода к стратегическому управлению инновационным развитием предприятия

Методические основы функционально-ценностного подхода в управлении развитием предприятия могут быть сформированы, исходя из концепции создания ценнос-

ти М. Портера. Согласно этой концепции, цепочка приращения ценности охватывает все виды деятельности, необходимые для создания продукта или услуги, начиная от выявления потребностей рынка и создания товара и заканчивая процессами послепродажного обслуживания технически сложной продукции (рисунок 2) [20, с.87].

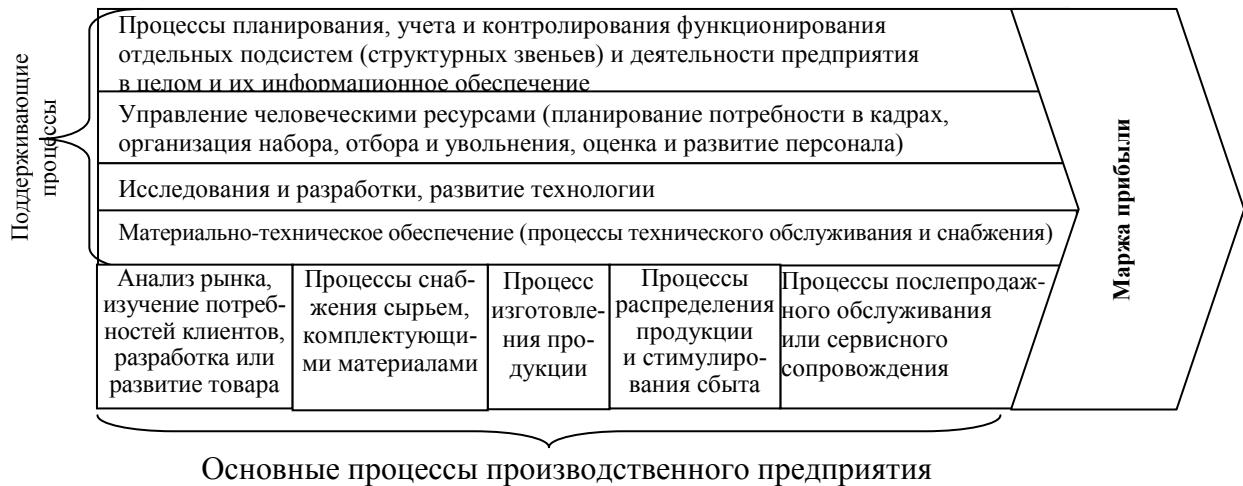

Рисунок 2 – Цепочка создания потребительской ценности

Цепочка приращения ценности является системой взаимосвязанных и взаимозависимых процессов; связь между ними имеется в том случае, когда способ выполнения одного вида деятельности влияет на расходы или эффективность других видов деятельности. И это создает альтернативы выполнения определенных процессов, которые нуждаются в оптимизации, что обуславливает необходимость принятия компромиссных решений. Например, более дорогая модификация продукта может снизить стоимость послепродажного обслуживания. Предприятие должно быть готово идти на такие компромиссы для обеспечения конкурентных преимуществ, определенных стратегией.

Если предположить, что инновационное развитие предприятия в стратегическом периоде должно привести к возрастанию его рыночной ценности, то такая цепочка может быть применима и к управлению этим процессом. Только в этом случае объектом управления будет рыночная стоимость предприятия [21; 27], которая должна определяться в конце стратегического периода, а приращение этой стоимости следует рассматривать в разрезе вклада каждой из функциональных служб предприятия, задействованных в реализации стратегии инновационного развития. Такой подход дает возможность использовать для оценки указанного вклада методику *функционально-стоимостного анализа (ФСА)*.

ФСА как метод повышения полезного эффекта объекта на единицу совокупных затрат за его жизненный цикл в настоящее время широко применяется в промышленно развитых странах. Однако основными областями применения *ФСА* являются оптимизация конструкции машин и оборудования, технологий, организационных структур фирм и их подразделений, методов организации производства [3]. Универсальность *ФСА* состоит в том, что для любого объекта, в процессе создания стоимости которого участвуют некоторые составляющие (функции), можно эту стоимость структурировать за функциями.

Развитием *ФСА*-метода стал метод *функционально-стоимостного управления (ФСУ)* [4]. Он разработан для управления издержками на основе применения более точного отнесения издержек на процессы (бизнес-процессы) и продукцию.

Бизнес-процесс – это ряд логически взаимосвязанных задач (цепочка работ, операций, функций), результатом выполнения которых является продукт или услуга, пред-

назначенные для коммерческой реализации. К этим процессам могут быть отнесены действия, осуществляемые в рамках функционального управления предприятия: процессы планирования, снабжения, сбыта, научно-исследовательские и конструкторские работы (R&D) и пр. В методологии ФСУ объектом исследования является система управления предприятия, результаты которой по созданию прибавочной стоимости сопоставляются с трудозатратами, связанными с выполнением бизнес-процессов.

В данном случае вместо традиционного структурирования объекта исследования с позиций тех функций, для выполнения которых он создается (что в процессе оптимизации дает возможность минимизировать затраты на выполнение малозначимых функций), используется инверсионный подход структурирования за функциями процесса создания прибавочной стоимости. Однако основным недостатком ФСУ является сложность определения стоимостных и временных затрат структурных подразделений по причине их непрозрачности. Это усложняет структурирование по функциям процесса создания прибавочной стоимости и достижения конечного результата деятельности предприятия – получения прибыли.

Вместе с тем сама идея ФСУ (структурирование за функциями процесса создания прибавочной стоимости) является довольно плодотворной и (в контексте управления инновационным развитием предприятия) позволяет выделить наиболее стратегически важные для роста его рыночной стоимости функциональные подсистемы менеджмента. И далее – конкретизировать участие этих подсистем в реализации стратегии развития предприятия через функциональные стратегии. Важным элементом такого структурирования является *метод экспертных оценок*, который позволяет определить значимость вклада отдельных функциональных служб предприятия в реализацию целей инновационного развития, определяемых его стратегией.

Решение этой задачи охватывает следующее:

- 1) формулирование всех функций менеджмента в контексте стратегических целей управления;
- 2) построение функциональной модели управления инновационным развитием предприятия;
- 3) ранжирование функциональных подсистем менеджмента относительно их значимости в достижении стратегических целей;
- 4) оценку связанных с осуществлением функций затрат;
- 5) построение функционально-стоимостной диаграммы, модели объекта с применением принципа иерархичности системного подхода;
- 6) определение противоречий между значимостью функций и их стоимостной оценкой;
- 7) формулирование задач совершенствования управления инновационным развитием предприятия в разрезе функциональных стратегий.

Заключение

Одним из перспективных путей экономического роста предприятий в рыночной экономике является их инновационное развитие. Инновационный тип развития (в отличие от экстенсивного или интенсивного) предполагает радикальные изменения прежде всего технико-технологического характера, благодаря чему предприятие становится способным создавать продукцию с новой и высокой потребительской ценностью, в том числе для новых целевых рынков. При этом осуществляются и взаимно согласованные изменения в других составляющих бизнес-системы, способствующие улучшению условий для создания и производства новых продуктов с высокой потребительской ценностью.

Стратегическое управление инновационным развитием осуществляется с участием многих подсистем предприятия. Это требует не только их взаимодействия,

но и взаимообусловленных изменений в структуре ресурсов и процессов. Решения о распределении ресурсов в разрезе функционального управления процессами инновационных изменений должны приниматься с учетом способности соответствующих функций увеличивать потребительскую ценность создаваемого с их помощью инновационного продукта (или бизнес-системы в целом). Это предполагает реализацию функционально-ценностного подхода к управлению развитием предприятия, в основе которого – цепочка приращения рыночной стоимости предприятия.

Приращение рыночной стоимости предприятия следует рассматривать в разрезе вклада каждой из функциональных служб предприятия, задействованных в реализации стратегии инновационного развития. Такой подход дает возможность использовать для оценки указанного вклада методику функционально-стоимостного анализа. Перспективами дальнейших исследований в этом направлении является совершенствование методического обеспечения оценки вклада функциональных стратегий предприятия в реализацию целей его инновационного развития и создания механизма управления процессом приращения его рыночной стоимости с учетом особенностей бизнес-процессов машиностроительных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, Н.В. Управление развитием предприятия : монография / Н.В. Афанасьев, В.Д. Рогожин, В.И. Рудыка. – Харьков : ИД «ИНЖЭК», 2003. – 184 с.
2. Богданов, А.А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. / А.А. Богданов. – М. : Экономика, 1989.
3. Бухман, И.В. Функционально-стоимостный анализ – теория и практика проведения. Обзор / И.В. Бухман. – Рига : ЛатНИИТИ, 1982. – 76 с.
4. Волчек, Р. Функционально-стоимостной анализ в управлении / Р. Волчек. – М. : Экономика, 1986. – 176 с.
5. Воронков, Д.К. Управління стратегічними змінами щодо інноваційного розвитку підприємства / Д.К. Воронков // Вісник Хмельн. нац. ун-ту. Економічні науки. – 2009. – № 6, т. 3. – С. 7–11.
6. Гриньов, А.В. Інноваційний розвиток промислових підприємств: концепція, методологія, стратегічне управління / А.В. Гриньов. – Харків : ІНЖЕК, 2003. – 308 с.
7. Економічна енциклопедія : у 3-х т. / Редкол.: С.В. Мочерний (відп. ред.) [та ін.]. – Київ : Академія, 2002. – Т. 2. – 848 с.
8. Єфремов, О.С. Особливості стратегічного планування інноваційного розвитку підприємств / О.С. Єфремов // Вісник Хмельн. нац. ун-ту. Економічні науки. – 2009. – № 4, т. 2. – С. 69–74.
9. Заглумина, Н.А. Формирование инструментария оценки уровня инновационного развития предприятия : автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Н.А. Заглумина. – Н. Новгород, 2011. – 26 с.
10. Ілляшенко, С.М. Управління інноваційним розвитком : навч. посібник / С.М. Ілляшенко. – Суми : ВТД «Універ. книга»; Київ : ВД «Княгиня Ольга», 2005. – 324 с.
11. Касс, М.Е. Формирование стратегии инновационного развития предприятия на основе управления нематериальными активами : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / М.Е. Касс. – М., 2008. – 24 с.
12. Костюк, В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы / В.Н. Костюк. – М. : УРСС, 2009. – 125 с.
13. Ляшенко, В.І. Регулювання розвитку економічних систем: теорія, режими, інститути. – Донецьк : ДонНТУ, 2006. – 668 с.

14. Мельник, О.Г. Формування методологічних підходів у дослідженнях інновацій та інноваційного розвитку / О.Г. Мельник // Актуальні проблеми економіки. – 2011. – № 10. – С. 18–24.
15. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.
16. Основи стійкого розвитку / За заг. ред. док. екон. наук, проф. Л.Г. Мельника. – Суми : ВТД «Універ. книга», 2005. – 654 с.
17. Післявоз, Т.М. Інноваційний розвиток підприємства як важливий аспект розвитку економіки / Т.М. Післявоз // Інноваційна економіка . – 2012. – № 4. – С. 185–190.
18. Підкамінний, І.М. Системні фактори впливу на інноваційний розвиток підприємства [Електронний ресурс] / І.М. Підкамінний, В.С. Ціпуринда. – Режим доступу: <http://www.economy.nauka.com.ua/index.php?operation>.
19. Погорелов, Ю.С. Оцінювання та моделювання розвитку підприємства : монографія / Ю.С. Погорелов. – Луганськ : Глобус, 2010. – 512 с.
20. Портер, М. Конкуренція / М. Портер. – М. : Вільямс, 2000. – 495с.
21. Рош, Дж. Стоимость компании: от желаемого к действительному / Дж. Рош. – Минск : Гревцов Паблшер, 2008. – 352 с.
22. Сай, Л.П. Інноваційний розвиток підприємства на стадії науково-технічної підготовки виробництва : автореф. дис. канд. екон. наук: 08.06.01 / Л.П. Сай. – Львів, 2006. – 22 с.
23. Стадник, В.В. Системне забезпечення мотивації інноваційного розвитку підприємницьких структур : монографія / В.В. Стадник. – Хмельницький : ХНУ, 2009. – 271 с.
24. Федосеева, Т.А. Мониторинг инновационного развития экономических систем : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.А. Федосеева. – Н. Новгород : ГОУ ВПО «НГТУ», 2007. – 24 с.
25. Федулова, Л.І. Теоретичні положення щодо обґрунтування моделі інноваційного розвитку підприємства / Л.І. Федулова // Вісник Хмельн. нац. ун-ту. Економічні науки. – 2010. – № 4, т. 2. – С. 25–29.
26. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 1068 с.
27. Эшоурт, Г. Менеджмент, основанный на ценности: как обеспечить ценность для акционеров / Г. Эшоурт. – М. : Инфра-М, 2006. – 530 с.
28. Chandler, Alfred D. Strategy and Structure / Alfred D. Chandler. – Cambridge, Mass : MIT Press, 1962. – 280 p.
29. Lazonick, W. Evolution of the New Economy Business Model / W. Lazonick // Business and Economic History On-Line. – 2005. – № 3. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.h-net.org/~business/bhcweb/publications/BEHonline> /2005/lazonick.pdf.

Yokhna V.N. Functional Value Approach to the Management of Innovative Development of Industrial Enterprises

The approaches to definition of the essence of innovative development of an industrial enterprise, its difference from other types of development are highlighted in the article. The role of functional strategies in the achievement of innovative development goals is pointed out. The connection of innovative development with increasing of market value of an enterprise is described. On the basis of all above the hypothesis about expediency of usage of functional-valuable approach in management of enterprises' innovative development is formed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.02.2013

УДК 339.9

В.В. Мацукевич, А.В. Данилецкая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ-ЭКСПОРТЕРОВ И РАЙОНОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе представлены основные проблемы и направления развития внешнеэкономической деятельности предприятий-экспортеров и районов Брестской области. Информационными источниками послужили официальные статистические материалы, данные райисполкомов проблемных районов Брестской области, комитета экономики Брестского облисполкома и администрации СЭЗ «Брест» за 2007–2011 гг. Представленные в работе направления развития внешнеэкономической деятельности позволят обеспечить рост экспортной составляющей Брестского региона и повысить эффективность развития экономики.

Введение

Республика Беларусь стремится закрепиться на международном рынке и активно реализует внешнеэкономическую деятельность (ВЭД). Основными стратегическими ориентирами, прописанными в Программе социально-экономического развития на 2011–2015 гг. являются: радикальная модернизация всех секторов экономики, создание новых наукоемких и высокотехнологических производств, рост экспорта товаров и услуг, сбалансированность и эффективность внешней торговли, развитие импортозамещающих производств, устойчивое развитие регионов [1].

Брестская область – «западные ворота» страны – расположена в центре Европы на юго-западе Беларуси. Площадь ее составляет 32,8 тыс. км². Брестская область состоит из 16 районов, 3 городов областного подчинения (Брест, Барановичи, Пинск), более двух тысяч сельских населенных пунктов; численность населения области – 1,5 млн человек [2].

Для исследования нами выбраны районы южного региона Брестской области: Брестский, Малоритский, Кобринский, Дрогичинский, Ивановский, Пинский, Лунинецкий, Столинский. Выбор этих районов обусловлен тем, что, согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г., эти районы отнесены к проблемным регионам, так как являются приграничными (Брестский район граничит с Польшей; Брестский, Кобринский, Дрогичинский, Ивановский, Пинский, Столинский – с Украиной) и часть из них расположены на территории, пострадавшей от аварии на ЧАЭС (Лунинецкий, Пинский, Столинский, частично Дрогичинский).

На основании статистических данных о результатах ВЭД районов Брестской области с помощью методов экономического анализа и синтеза, динамического и сравнительного анализа статистических данных, корреляционного анализа изучено состояние и проблемы внешнеэкономической деятельности районов южного региона области, а по результатам исследования внесены предложения по их совершенствованию.

Выполненный в процессе исследования анализ потенциала районов области для развития внешнеэкономической деятельности позволил установить наличие существенных региональных различий в сфере внешней торговли и определить рейтинги районов (таблица 1).

Таблица 1 – Эффективность ВЭД районов Брестской области (2011 г.)

№ п/п	Районы	Оборот, тыс. долл. США	Экспорт, тыс. долл. США	Импорт, тыс. долл. США	Сальдо	Место (рейтинг региона)
					тыс. долл. США	
1	Брестский	108 920,6	37 542,6	71 378,0	-33 835,4	16
2	Малоритский	10 947,1	3 775,5	7 171,6	-3 396,1	13
3	Кобринский	111 838,5	68 009,9	43 828,6	24 181,3	4
4	Дрогичинский	5 285,3	1 608,3	3 677,0	-2 068,7	11
5	Ивановский	60 023,0	40 616,6	19 406,4	21 210,2	6
6	Пинский	21 728,4	13 335,7	8 392,7	4 943,0	9
7	Лунинецкий	126 260,6	65 837,7	60 422,9	5 414,8	8
8	Столинский	6 495,7	2 037,9	4 457,8	-2 419,9	12
Итого по региону		451 499,2	232 764,2	218 735,0	14 029,2	
Удельный вес региона в области, %		35,8	33,0	39,5	9,2	
Другие районы Брестской области						
9	Барановичский	65 643,0	35 268,8	30 374,2	4 894,6	10
10	Березовский	269 309,8	162 019,7	107 290,1	54 729,6	1
11	Ганцевичский	10 205,6	7 888,5	2 317,1	5 571,4	7
12	Жабинковский	170 240,9	71 551,3	98 689,6	-27 138,3	15
13	Ивацевичский	71 612,4	26 138,8	45 473,6	-19 334,8	14
14	Каменецкий	46 940,1	38 616,1	8 324,0	30 292,1	3
15	Ляховичский	36 644,7	29 613,8	7 030,9	22 582,9	5
16	Пружанский	101 810,6	72 781,8	29 028,8	43 753,0	2
Итого по другим районам		809 051,8	473 492,6	335 559,2	137 933,4	
Удельный вес других районов в области, %		64,2	67,0	60,5	90,8	
Всего по области*		1 260 551,0	706 256,8	554 294,2	151 962,6	

Примечание: * без учета городов Брестской области.

По итогам анализа таблицы 1 можно сделать вывод, что удельный вес исследуемого региона в области по экспорту составляет всего 33%, по импорту – 39,5%, а по сальдо – только 9,2%. Таким образом, этот факт еще раз подтверждает проблемность исследуемого региона и необходимость изучения потенциала его внешнеэкономической деятельности. Если рассматривать непосредственно регион, то только два района вошли в первую половину областного рейтинга: Кобринский (4 место) и Ивановский (6 место). Другие районы исследуемого региона по результатам внешнеэкономической деятельности относятся к аутсайдерам.

Можно сделать вывод, что в проблемных районах южного региона Брестской области нужно активизировать развитие импортозамещающих производств, которое пред-

полагает защиту национального производства за счет ограничений импорта иностранного сырья и использования отечественной импортозамещающей продукции.

Для анализа эффективности внешнеэкономической деятельности и определения ее проблемных направлений рассмотрим внешнеторговый оборот исследуемых районов Брестской области (таблица 2).

Таблица 2 – Внешнеторговый оборот товаров по проблемным районам южного региона Брестской области (2011 г.)

№ п/п	Район	Показатели, тыс. долл. США				Рейтинг районов
		Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо	
1	Брестский	108 920,6	37 542,6	71 378,0	-33 835,4	3
2	Малоритский	10 947,1	3 775,5	7 171,6	-3 396,1	6
3	Кобринский	111 838,5	68 009,9	43 828,6	24 181,3	2
4	Дрогичинский	5 285,3	1 608,3	3 677,0	-2 068,7	8
5	Ивановский	60 023,0	40 616,6	19 406,4	21 210,2	4
6	Пинский	21 728,4	13 335,7	8 392,7	4 943,0	5
7	Лунинецкий	126 260,6	65 837,7	60 422,9	5 414,8	1
8	Столинский	6 495,7	2 037,9	4 457,8	-2 419,9	7
Всего по региону		451 499,2	232 764,2	218 735,0	14 029,2	
Всего по районам Брестской области*		1 260 551,0	706 256,8	554 294,2		
Удельный вес региона, %		35,8	33,0	39,5		

Примечание: *без учета городов Брестской области.

Из анализа данных таблицы 2 сделан вывод, что если ранжировать районы по внешнеторговому обороту, то на первые места выходят Лунинецкий и Кобринский. В то же время по показателю «сальдо внешнеторгового оборота» Лунинецкий район занимает третью позицию среди проблемных районов. Поэтому нам представляется, что более адекватно оценивать ориентацию региона на экспорт позволяет рейтинг районов по сальдо внешнеторгового оборота: Он дает возможность учитывать импортную составляющую в деятельности районов, отрицательно влияющую на сальдо.

Проследим тенденцию развития экспорта товаров по проблемным районам южного региона Брестской области за 2009–2011 гг. (таблица 3).

Таблица 3 – Экспорт товаров по проблемным районам южного региона Брестской области (2009–2011 гг.)

№ п/п	Районы	Экспорт товаров, тыс. долл. США			Всего за 3 года
		2009 г.	2010 г.	2011 г.	
1	Брестский	15 702,9	25 586,4	37 542,6	78 831,9
2	Малоритский	981,3	2 241,1	3 775,5	6 997,9
3	Кобринский	89 112,2	112 513,7	68 009,9	269 635,8

Продолжение таблицы 3

4	Дрогичинский	2 767,6	1 052,2	1 608,3	5 428,1
5	Ивановский	5 543,8	27 382,4	40 616,6	73 542,8
6	Пинский	6 962,4	8 370,2	13 335,7	28 668,3
7	Лунинецкий	26 193,3	44 397,8	65 837,7	136 428,8
8	Столинский	1 529,6	4 208,3	2 037,9	7 775,8
Итого по региону		148 793,0	225 752,1	232 764,2	607 309,4
Всего по районам Брестской области*		434 710,6	637 799,2	706 256,8	
Удельный вес региона, %		33,2	35,4	33,0	

Примечание: * без учета городов Брестской области.

За три предыдущих года можно наблюдать тенденцию снижения экспорта по Дрогичинскому и Столинскому районам. Наибольшей же величины суммарного экспорта достигли Кобринский и Лунинецкий районы. Однако в Лунинецком районе велика доля импортной составляющей, поэтому в Лунинецком районе необходимо создавать новые импортозамещающие производства или использовать отечественное сырье для снижения импорта и увеличения экспортных поставок [3, с. 105–109].

Представляется интересным рассмотреть тенденцию развития импортных поставок по проблемным районам Брестской области (таблица 4). По импорту наибольший удельный вес имеют Брестский, Лунинецкий и Кобринский районы, однако следует отметить, что в Кобринском районе стремятся минимизировать импорт.

Таблица 4 – Импорт товаров по проблемным районам южного региона Брестской области (2009–2011 гг.)

№ п/п	Районы	Импорт товаров, тыс. долл. США			Всего за 3 года
		2009 г.	2010 г.	2011 г.	
1	Брестский	31 178,9	49 400,2	71 378,0	151 957,1
2	Малоритский	2 259,7	2 658,8	7 171,6	12 090,1
3	Кобринский	52 935,5	61 378,6	43 828,6	158 142,7
4	Дрогичинский	2 238,6	1 959,3	3 677,0	7 874,9
5	Ивановский	21 067,7	17 581,6	19 406,4	58 055,7
6	Пинский	8 098,7	8 680,3	8 392,7	25 171,7
7	Лунинецкий	23 151,8	39 368,5	60 422,9	122 943,2
8	Столинский	2 920,4	4 455,3	4 457,8	11 833,5
Итого по региону		143 851,3	185 482,6	218 735,0	548 068,9
Всего по районам Брестской области*		298 302,6	468 618,9	554 294,2	
Удельный вес региона, %		48,2	39,6	39,5	

Примечание: * без учета городов Брестской области.

На основе анализа развития внешнеэкономической деятельности на предприятиях проблемных районов южного региона Брестской области нами выделены основные характерные для этого региона проблемы.

1. Тенденция к снижению экспорта.

За 2011 г. экспорт товаров по Столинскому району составил 2 037,9 тыс. долл. США, или 90% (при задании 125%). По предприятиям местного подчинения в этом районе экспорт товаров составил 1 067,6 тыс. долл., или 84,4% (при задании 125%). Снижение экспорта в целом по району обусловлено отсутствием в 2011 г. поставок продукции СПК «Полесская нива» (в 2010 г. было экспортировано продукции на 264,5 тыс. долл. США), снижением экспорта ОАО «Горынский агрокомбинат» (20,6%). Недостаточны темпы роста промышленного производства по филиалу «Столинзаготпромторг»; требуют решения вопросы обеспечения необходимым количеством сырья, наращивания объемов промышленного производства, выхода на внешние рынки с учетом получения сертификата качества ИСО-9000. В целях обеспечения показателя по сальдо внешне-торговой деятельности проводится работа с предприятиями-импортерами по ограничению импорта и потреблению отечественной импортозамещающей продукции.

2. Низкие темпы снижения импорта.

Основную долю в импорте Столинского района (более 50%) занимает импорт, не распределенный по предприятиям; в основном импортируются семена овощных культур, которые затем реализуются населению. Это обусловлено спецификой занятости населения района, формирование доходов которого в значительной степени связано с выращиванием сельскохозяйственной продукции в промышленных масштабах, которая в свою очередь, предназначена для реализации на экспорт.

В Пинском районе весь объем внешней торговли товарами, кроме предприятий республиканского подчинения, осуществляется предприятиями без ведомственной подчиненности и индивидуальными предпринимателями, которым в соответствии с законодательством прогнозные задания не доводятся. Для производства продукции индивидуальные предприниматели заказывают сырье за рубежом. Поэтому должны быть найдены меры и стимулы, которые бы обеспечили переориентацию внешнеэкономической деятельности этих производителей на приобретение соответствующей по качеству и цене импортозамещающей продукции, производимой в Республике Беларусь.

В Ивановском районе основным негативным фактором формирования отрицательного сальдо внешней торговли товарами по организациям (без учета республиканских) являются экспортно-импортные операции с промежуточными товарами, импорт которых достиг 9,3 млн долл. США. Например, на долю ООО «ЛМЛ Ультра» в импорте промежуточных товаров приходится 59% (плита древесная). Анализ причин приобретения их за рубежом показал, что необходимый для производства продукции этого предприятия (мебель) материал в Беларуси (например, на ОАО «Ивацевич-древ») не производится.

Дрогичинский район имеет большую долю импортной составляющей; основные импортеры: ОАО «Экзон» (сырье), ЧУПТП «Мирон» (мясо), ГЛХУ «Дрогичинский лесхоз» (техника), ГУ «Племзавод Закозельский» (племенные телки), индивидуальные предприниматели (саженцы, запчасти к автомобилям).

Невыполнение задания по темпу снижения импорта товаров в Кобринском районе в 2011 г. объясняется тем, что СООО «ПП Полесье» приобрело по импорту сырье (полиэтилен низкого давления, полипропилен, пластик, красители и оборудование) на сумму 25,3 млн долл. США (темп роста в 2011 г. к 2010 г. 118,7%; удельный вес в общем объеме импорта – 37,6%). ОАО «Кобринагромаш» в связи с увеличением производства проводов увеличены закупки по импорту медной катанки, пластика (темп роста в 2011 г. к 2010 г. – 206,9%). ОАО «Кобринский мясокомбинат» закупил в Польше сырье на 827,8 тыс. долл. США (темп роста к 2010 г. – 148,5%). ОАО «Кобринский Химик» получил оборудование из Российской Федерации на 1 940,5 тыс. долл. США (темп роста – 538%) для реализации инвестиционных проектов «Организация произ-

водства строительных профилей для внутренней и наружной отделки гражданского и промышленного назначения» и «Организация производства упаковочной тары и несъемной опалубки из вспененного полистирола».

3. Создание новых импортозамещающих производств.

Проблемным вопросом для Столинского района является создание новых, в том числе импортозамещающих, производств. В районе практически отсутствуют заинтересованность малого бизнеса в создании новых промышленных производств. Субъекты малого бизнеса в своем большинстве не обладают достаточными техническими возможностями и потенциалом для реализации импортозамещающих проектов.

В Лунинецком районе отсутствуют импортозамещающие производства, а также инновационные проекты [4].

4. Острая нехватка инновационных проектов и притока инвестиций.

Привлечение иностранных инвестиций является проблемным в части выполнения прогнозных показателей в Столинском районе. Ведется поиск потенциальных инвесторов, направлены инвестиционные предложения района в адрес ряда посольских учреждений Республики Беларусь, крупным бизнесменам – уроженцам Столинского района, проживающим за пределами республики. В настоящее время предложений по реализации инвестиционных проектов не поступало.

В 2011 г. задание по привлечению прямых иностранных инвестиций в экономику Лунинецкого района не выполнено. Во-первых, это связано со сложившейся в начале и середине года ситуацией на внутреннем валютном рынке. Во-вторых, ситуация на мировых финансовых рынках заставляла инвесторов обращаться к наименее рискованным вложениям в активы развитых стран. К примеру, ЗАО «ЗомородКалашомаль» (Иран) не рискнуло инвестировать в организацию производства нерудных строительных материалов на Ситницком месторождении, хотя с инвестором проводились встречи и он был готов финансировать данный проект.

Инновационная продукция в Пинском районе в 2011 г. вообще не производилась.

Из этого можно сделать вывод, что на развитие внешнеэкономических отношений как Брестской области, так и Республики Беларусь влияет ситуация на валютно-финансовом рынке.

5. Влияние ценового фактора.

На ОАО «Лунинецкий молочный завод» существенно сократились ранее высокорентабельные поставки за рубеж. Свой прогнозный показатель (120%) в 2011 г. ОАО «Лунинецкий молочный завод» не выполнил (фактически 76,2%). Предприятие в январе 2012 г. не отгружало на экспорт животного масла, т.к. такие поставки были невыгодны из-за резкого снижения цен на продукцию на товарных биржах (с 4,5 до 3,1 долл. США за 1 кг). Предприятию необходимо искать новые рычаги в продвижении продукции на внешний рынок. Кроме того, хозяйства-поставщики сырья для завода в 2012 г. снизили производство молока, и спад производства молока продолжается.

В 2010 г. ОАО «Мекосан» в Ивановском районе налажено производство самоходных опрыскивателей; выпущено 27 единиц. Однако в 2011 г. в связи с резким ростом стоимости комплектующих для производства указанной марки опрыскивателей его цена увеличилась с 785 млн руб. за единицу до 1 500 млн руб. Из-за неконкурентоспособности данной продукции по цене ее выпуск прекращен. В 2011 г. произведено 91 прицепный опрыскиватель и 5 протравителей семян. Выполнены договорные обязательства с ГПО «Белагромаш» по изготовлению 50 опрыскивателей для поставок в Венесуэлу. На экспорт поставлено 5 опрыскивателей, в том числе 3 в Венесуэлу, 2 – в Российскую Федерацию. В рамках выигранного в начале 2011 г. тендера 10 опрыскивателей поставлено в Витебскую область. Остальные заказы носили разовый характер.

6. Проблема учета экспортной продукции.

Для Столинского района специфической и важной является проблема учета фактического экспорта продукции, произведенной населением на приусадебных участках. В текущем году по оценке райисполкома на оптово-закупочном рынке фермерского хозяйства «Ольшаны» населением района продано порядка 40 тыс. тонн огурцов для экспорта в Российскую Федерацию на сумму свыше 20 млн долл. США по рыночному курсу. Однако официальный статистический учет реализации таких больших объемов продукции на экспорт населением, согласно существующей методике статистики, не предусмотрен. Столинским райисполкомом данный вопрос инициировался перед Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь и Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, однако положительно вопрос пока не решен [5].

Таким образом, можно выделить проблемные направления развития ВЭД предприятий-экспортеров и районов южного региона Брестской области:

- 1) снижение экспорта;
- 2) низкие темпы снижения импорта;
- 3) создание новых импортозамещающих производств;
- 4) нехватка инновационных проектов и притока инвестиций;
- 5) ценовой фактор;
- 6) проблема учета экспортной продукции.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что перспективными направлениями развития торгово-экономического сотрудничества Брестской области при выходе на внешние рынки является:

- 1) разработка и внедрение комплекса системных законодательных и организационных мер, разработка целевых региональных проектов;
- 2) активизация инновационной составляющей внешнеэкономической деятельности региона;
- 3) расширение международного экономического сотрудничества в отношении обмена новыми технологиями.

Перспективными направлениями развития проблемных районов южного региона Брестской области, в частности, являются:

- 1) создание новых (в том числе импортозамещающих) производств с целью сокращения импорта и увеличения экспорта товаров и услуг (Столинский, Брестский, Лунинецкий, Малоритский, Кобринский районы);
- 2) разработка модернизированной методики учета экспортной продукции (Столинский район);
- 3) повышение инвестиционной привлекательности района и создание инновационной продукции (Столинский, Пинский, Лунинецкий районы);
- 4) определение оптимальных цен реализации экспортной продукции путем проведения маркетинговых исследований, поиска новых поставщиков сырья и рынка потребителей (Лунинецкий, Ивановский районы).

Вклад исследуемого региона в результаты внешнеэкономической деятельности Брестской области должен возрасти также в результате реализации комплекса мероприятий по повышению эффективности внешнеэкономической деятельности и решению проблемных вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Danileckaya, A.V. Problems and prospects of realization of the import substitution policy in Brest region / A.V. Danileckaya // *Zrównoważony rozwój lokalny na obszarach wiejskich. Europa inwestująca w obszary wiejskie* : материалы Междунар. науч. конф. – Szczecin, 2012. – С. 105–109.
2. Об утверждении Программы социально-экономического развития на 2011–2015 гг. : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136 [Электронный ресурс] // Нац. центр прав. инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 18.09.2012.
3. Официальный сайт Брестского областного исполнительного комитета [Электронный ресурс] // Брестский областной исполнительный комитет. – Брест, 2011. – Режим доступа: <http://www.brest-region.by>. – Дата доступа: 17.10.2011.
4. Официальный сайт Лунинецкого районного исполнительного комитета [Электронный ресурс] // Лунинецкий районный исполнительный комитет. – Брест, 2012. – Режим доступа: <http://www.luninets.brest-region.by>. – Дата доступа: 17.10.2012.
5. Официальный сайт Столинского районного исполнительного комитета [Электронный ресурс] // Столинский районный исполнительный комитет. – Брест, 2012. – Режим доступа: <http://www.stolin.brest-region.by>. – Дата доступа: 17.10.2012.

Matsukevich V.V., Daniletskaya A.V. Major Problems and Development Directions of Foreign Economic Policy of Exporting Enterprises and Districts in Brest Region

In this article we represent major problems and directions of the foreign economic policy of exporting enterprises and districts in Brest region. As information sources we used official statistic data, problematic Brest district executive committees records, economy group of Brest region executive committee and free economic area «BREST» administration statistics of 2007–2011. The mentioned in this article directions of the foreign economic policy enable to provide Brest region economic growth and raise the effectiveness of the economy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.12.2012

УДК 658.788.5

Н.И. Зайцева, И.И. Шоня

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ GPS-МОНИТОРИНГА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАБОТЫ АВТОТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье обоснована эффективность использования GPS-мониторинга в работе предприятия малого бизнеса, в частности, в работе транспортного предприятия. Эффективность транспортных фирм, оказывающих услуги по международным грузоперевозкам, напрямую зависит от эффективности использования грузовых автомобилей. Внедрение и использование GPS-мониторинга позволит не только решить проблему оперативного управления грузоперевозками на расстоянии, но и проблему высокой себестоимости транспортных услуг.

Введение

На рынке международных автомобильных перевозок грузов в новых условиях хозяйствования конкуренция приобретает качественно новые черты. С одной стороны, на фоне повышения затрат на перевозку и ужесточения требований к автотранспортным средствам повысились требования к качеству перевозочного процесса а, с другой – прослеживается тенденция снижения размера фрахта за перевозку. Это обусловлено сложившейся ситуацией на рынке международных автомобильных перевозок, а также экономическими и политическими причинами. В таких условиях снижение затратного механизма перевозок (а значит, и повышение их эффективности) является жизненно важной задачей. Грузоперевозки являются одной из важнейших и неотъемлемых составляющих современного мира; транспортные потоки можно назвать кровеносной системой любой экономики [1, с. 34].

Характерной особенностью развития транспортного комплекса Республики Беларусь является повышение удельного веса автомобильного транспорта как в грузообороте, так и в объемах перевозок. В настоящее время в автотранспортном бизнесе занято более 20 тыс. малых и средних предприятий, что говорит о высокой конкуренции на рынке. Основными преимуществами для развития рынка грузоперевозок в Республике Беларусь является наличие транзитного коридора, проходящего по всей территории страны.

Необходимо отметить, что в 2012 г. грузооборот организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих перевозки грузов автомобильным транспортом, составил 130,7 млрд тонно-километров, что на 2,6% меньше, чем в 2011 г.; объем перевозок грузов – 483,7 млн тонн, или на 1,9% меньше, чем в 2011 г. В свою очередь, грузооборот автомобильного транспорта в 2012 г. составил 19,5 млрд тонно-километров (на 7,5% больше, чем в 2011 г.). Перевозки грузов автомобильным транспортом специализированных организаций, занимающихся коммерческими перевозками, в 2012 г. составили 111,1 млн тонн (96,3% к уровню 2011 г.) [5]. Необходимо отметить, что большая часть организаций, занимающихся коммерческими перевозками в Республике Беларусь, – представители малого бизнеса.

Эффективность транспортных фирм, оказывающих услуги по международным грузоперевозкам, напрямую зависит от эффективности использования грузовых автомобилей, поэтому данному вопросу необходимо уделять значительное внимание. Руководители малых и средних транспортных предприятий должны ежедневно проводить различного рода мероприятия с целью повышения эффективности использования основных средств. Самым важным мероприятием, повышающим эффективность работы грузовых автомобилей, является постоянное отслеживание работы и местонахождения транспорта. Многие транспортные фирмы уже давно оценили преимущества систем мониторинга и успешно используют различные системы при перевозке грузов. Однако

всё больше и больше ощущается потребность не просто следить за перемещением транспорта, но и контролировать иные аспекты перевозки грузов [6].

Управление грузоперевозками – это комплекс мероприятий по планированию, расчету, подготовке, осуществлению и мониторингу грузоперевозок. В условиях высококонкурентного рынка предприятия, предлагающие услуги грузоперевозок (или управляющие собственными транспортными отделами), постоянно сталкиваются с целым рядом проблем:

- 1) острая конкуренция на рынке грузоперевозок: большое количество игроков от небольших экспедиторских до крупных национальных логистических компаний;
- 2) изношенность транспортных средств и трудности, связанные с их ремонтом и обновлением;
- 3) большая трудоемкость процесса планирования маршрутов;
- 4) необходимость организации системы постоянного мониторинга местонахождения и состояния транспортных средств;
- 5) сложности в планировании загрузки и, как результат, недогруз и вынужденные простои транспортных средств.

Цена ошибки при решении данных вопросов очень высока: это и излишний пробег (как следствие, дополнительный износ и амортизация транспортных средств, перерасход ГСМ, переплаты персоналу), и снижение рентабельности рейсов (недогруз – «перевоз воздуха», простои в ожидании попутного груза). В то же время практика показывает, что эффективное управление себестоимостью оказываемых услуг позволяет снизить издержки на 20–40%. Очевидно, что решение подобных задач ручными методами невозможно. И здесь на помощь приходят такие информационные технологии, как системы управления грузоперевозками, которым относят системы GPS-мониторинга [4].

GPS (англ. Global Positioning System – система глобального позиционирования) – спутниковая система навигации, обеспечивающая измерение расстояния, времени и определяющая местоположение. Она позволяет в любом месте Земли (за исключением приполярных областей) почти при любой погоде, а также в космическом пространстве вблизи планеты определить местоположение и скорость объектов [2].

Преимущества использования системы GPS-мониторинга

Экономический эффект от внедрения системы GPS-мониторинга достигается за счет следующих оптимизационных процессов:

1. Снижение пробега автотранспорта достигается за счет более эффективного оперативного управления перевозками, транспортной логистики. Диспетчер, владеющий полной информацией, где находятся автомобили, в каком состоянии исполнение выданных водителю заказов, имеет возможность отправить на задание ближайший автомобиль.
2. Снижение расхода топлива: во-первых, за счет уменьшения пробега; во-вторых, при подключении датчика уровня топлива в системе отражается вся информация: какое количество топлива было заправлено/слито с указанием места и времени заправки/слива. Это практически исключает возможность незамеченного слива топлива (и «накрутки» спидометра). В некоторых транспортных предприятиях именно этот фактор принес наиболее ощутимый экономический эффект.
3. Эффективное управление персоналом. На основании данных, накапливаемых в системе, многие предприятия имеют возможность более эффективно влиять на работу персонала. По итогам предприятий после установки системы GPS слежения и ее работы в течение месяца руководство автомобильного предприятия проводит серьезную профилактическую работу среди водительского состава, несколько человек могут быть уволены, остальным разъясняются дальнейшие условия работы. Этим достига-

ется оздоровление коллектива, а также обеспечивается длительная и эффективная работа системы GPS-мониторинга транспорта.

4. Более крупный экономический эффект после внедрения системы GPS-мониторинга транспорта можно получить от повышении качества обслуживания клиентов, снижения себестоимости услуг (и цен на них). Как результат – повышение конкурентоспособности на своем рынке и за счет этого выход на лидирующие позиции и рост оборотов и, соответственно, рост прибыли [7].

Другими словами, внедрение системы GPS-мониторинга автотранспорта позволяет повысить качество бизнеса. При внедрение данных систем возможно вести автоматический независимый контроль за автомобилями (как в режиме реального времени, так и за определенный период), расходом топлива, изменением различных параметров автомобиля (открывание дверей, подъем кузова и т.д.), выявлять несанкционированные перемещения транспорта. Благодаря этому можно получить снижение затрат на эксплуатацию автотранспорта, повышение дисциплины сотрудников и отсеив недобросовестных сотрудников, повышение эффективности использования транспорта, оптимизировать маршруты на основе собираемых данных [8].

Расчет эффективности внедрения системы GPS-мониторинга (на примере ЧТУП «БОГУТА»)

Эффективность внедрения системы GPS-мониторинга можно рассмотреть на примере ЧТУП «БОГУТА» (г. Брест). Оно является малым предприятием, осуществляющим межрегиональные и международные автомобильные грузоперевозки.

Основу экономической оценки транспортных услуг составляет расчет издержек на их производство. Методы определения затрат на производство транспортных услуг должны учитывать специфику международных перевозок. Специфика вида перевозок находит отражение в уровне и структуре затрат на производство соответствующих транспортных услуг. Знание уровня и структуры затрат на перевозки позволит оценить приемлемость предлагаемой фрахтовой ставки.

Все затраты будем приводить к среднегодовому пробегу грузового автомобиля. Будем считать, что среднегодовой пробег грузового автомобиля (L_{cp}) составляет 120 000 км. Рассмотрим более подробно виды расходов и их составляющие. Основными статьями расходов при выполнении международных автомобильных перевозок являются:

- 1) затраты на техническое обслуживание и ремонт;
- 2) затраты на восстановление изношенных шин;
- 3) затраты на топливо;
- 4) затраты на смазочные материалы;
- 5) «суточные» водителей;
- 6) дорожные сборы;
- 7) оплата платных магистралей, паромных переправ;
- 8) стоимость разрешения на проезд по иностранной территории;
- 9) затраты на приобретение таможенных документов;
- 10) затраты на приобретение накладной международного образца;
- 11) затраты на страхование;
- 12) затраты на амортизацию по восстановлению подвижного состава;
- 13) заработная плата водителей и др.;

Выделим затраты, не связанные с рейсом:

1. Общие затраты:
 - 1.1. Страхование гражданской ответственности в РБ.
 - 1.2. Страхование гражданской ответственности за пределами территории РБ.
 - 1.3. Медицинское страхование водителей и оформление виз.

1.4. Другие платежи (содержание гаража, складов, офиса, заработная плата сотрудников и т.д.) (таблица 1).

Таблица 1 – Сумма общих затрат, не связанных с осуществлением грузоперевозки

Вид статьи расхода на 1 год	Сумма, долл. США
Страхование гражданской ответственности на территории РБ	100
Страхование гражданской ответственности вне РБ (автопоезда)	230
Медицинское страхование, 2 чел.	100
Визы, 2 чел.	160
Другие платежи (в пересчете на один автопоезд)	3 000
Всего	3 590

Таким образом, общие затраты не связанные с рейсом ($C_{об}$) составляют:

$$C_{об} = 3\,590/120\,000 = 0,03 \text{ долл. США/км}, \quad (1)$$

Следовательно, общие затраты на 100 км, не связанные с рейсом, составят 3 долл. США. Однако корректнее данный вид затрат приводить не к пробегу, а к временному показателю – сутки. В этом случае $C_{об} = 3\,590/365 = 9,8$ долл. США/сут. Данный показатель определяет убытки в случае неиспользования грузового автомобиля.

2. Затраты на техническое обслуживание и ремонты.

Опыт эксплуатации автопоездов в составе седельных тягачей DAF XF 95 2004 г. выпуска с полуприцепом Shmitz, оборудованном холодильно-отопительными установками (ХОУ) типа Carrier Maxima Plus и Termo-King, показал, что затраты на техническое обслуживание и ремонт в среднем составляют 5 150 долл. США в год (таблица 2).

Таблица 2 – Затраты на техническое обслуживание и ремонт автопоезда

Статья	Расходы на ТО и ремонт в год, долл. США
DAF XF	3 150
Shmitz + ХОУ	2 000
Всего	5 150

Таким образом, затраты на ТО и ремонты ($C_{рем}$) составляют:

$$C_{рем} = 5\,150/120\,000 = 0,043 \text{ долл. США/км (на 100 км – 4,3 долл. США)} \quad (2)$$

3. Затраты на восстановление изношенных шин.

Средняя цена одной шины, устанавливаемой на автопоезд, равна 300 долл. США. Средняя эксплуатационная норма пробега составляет 200 000 км. На грузовой автомобиль установлено 12 шин. Если допустить, что износ всех шин равномерный, нормы затрат на восстановление шин ($C_{шин}$) в пересчете на 1 км составляют:

$$C_{шин} = (300/200\,000) \times 12 = 0,018 \text{ долл. США/км (на 100 км – 1,8 долл. США)} \quad (3)$$

Вывод: сумма расходов, не связанных с осуществлением грузоперевозки ($C_{п}$), составляет: $C_{п} = 3 + 4,3 + 1,8 = 9$ долл. США на каждые 100 км пробега.

Затраты, связанные с рейсом:

1. Расходы, связанные с покупкой топлива.

Данные эксплуатационных норм расхода автопоезда DAF XF 95 2004 г. выпуска с полуприцепом Shmitz, оборудованном ХОУ типа Carrier Maxima Plus и Termo-King, эксплуатируемого на ЧТУП «БОГУТА»: приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Эксплуатационные нормы расхода топлива на ЧТУП «БОГУТА», л

Марка а/м	Летний период	Зимний период	Коэффициент увеличения расхода на каждую тонну груза (круглый год)
DAF XF 95	28	29	0,5

Формула для расчета затрат на покупку топлива ($C_{\text{топл}}$) имеет вид:

$$C_{\text{топл}} = (A_0 + K \times G_{\text{гр}}) \times L \times C_t, \quad (4)$$

где A_0 – линейная норма расхода топлива на пробег автопоезда без груза, л/100 км; K – коэффициент увеличения расхода топлива на каждую тонну груза, л/1 т; $G_{\text{гр}}$ – масса перевозимого груза, т; L – пробег автопоезда, 100 км; C_t – стоимость 1 литра топлива.

2. Затраты на налоги.

Налоги определяются законодательством РБ и суммой фрахта. В настоящее время величина налогов составляет 5% от суммы фрахта ($C_{\text{ф}}$).

3. Командировочные расходы водителей.

Они определяются на каждом конкретном предприятии и составляют приблизительно 12% от стоимости фрахта.

4. Другие затраты, связанные с рейсом:

4.1. Покупка TIR Carnet

4.2. Покупка разрешений на транзит.

4.3. Стоянки в пути следования.

4.4. Услуги терминалов.

4.5. Проезд по платным дорогам.

4.6. Марки таможенного контроля.

4.7. Транзит и др. (в зависимости от условия совершения грузоперевозки).

Показатели эффективности рейса.

Наиболее общими показателями эффективности рейса являются:

1. Общая прибыль (Π):

$$\Pi = C_{\text{ф}} - (C_{\text{п}} + C_{\text{р}}), \quad (5)$$

где $C_{\text{ф}}$ – стоимость грузоперевозки; $C_{\text{п}}$ – расходы, не связанные с рейсом; $C_{\text{р}}$ – расходы, связанные с рейсом.

2. Суточная норма прибыли ($\Pi_{\text{с}}$):

$$\Pi_{\text{с}} = \Pi / N_{\text{сут}}, \quad (6)$$

где $N_{\text{сут}}$ – время совершения рейса, в сутках.

3. Норма прибыли на 1 км пробега ($\Pi_{\text{пр}}$):

$$\Pi_{\text{пр}} = \Pi / L, \quad (7)$$

где L – протяженность маршрута, тыс. км.

Одним из параметров, необходимых для расчета показателей эффективности, является время совершения рейса ($N_{\text{сут}}$). Найдем данный параметр. Исходными данными для расчета являются требования Европейского соглашения, касающиеся работы экипажей, производящих международные автомобильные перевозки (ЕСТР). К данному соглашению в 1993 г. присоединилась Республика Беларусь. В соответствии с этим соглашением для одного водителя принято, что ежедневная продолжительность управления транспортным средством не должна превышать 9 часов (два водителя – до 10 часов); продолжительность непрерывного управления автомобилем не должна превышать 4,5 часа. По истечении этого времени водитель должен сделать перерыв не менее чем на 45 минут, или он должен отдыхать каждый час движения не менее 10 минут. Таким

образом, максимальное время движения в течение суток составляет 10 час [5]. Исходя из практики работы водителей представляется возможным принять следующие нормы времени простоев при погрузке, выгрузке и пересечении границ.

Исходные данные для расчета эффективности международной автомобильной грузоперевозки по маршруту Брест – Варшава – Брест – Уфа – Брест.

1. Автопоезд: автомобиль DAF XF, полуприцеп Shmitz SKO24, ХОУ – «Termo King».

2. Нормы расхода топлива на 100 км пути: пустой – 29 л; коэффициент увеличения на тонну груза – 0,5 л/т.

3. Маршрут движения: г. Брест (РБ, место отправления) – г. Варшава (РП, место загрузки № 1) – г. Брест – г. Уфа (место разгрузки, место загрузки № 2) – г. Брест (РБ, место разгрузки, место прибытия).

4. Сумма фрахта составляет $C_{ф1} = 4\,900$ долл. США; вес перевозимого груза $P_{гр1} = 20$ т; температурный режим – $+4^{\circ}\text{C}$; перевозимый груз – яблоки.

5. Сумма фрахта заказа № 2 составляет $C_{ф2} = 1\,000$ долл. США; вес перевозимого груза $P_{гр2} = 20$ т; температурный режим – нет.

В таблице 4 представлен маршрут движения и расчет расхода топлива.

Таблица 4 – Маршрут движения и расчет расхода топлива

Дата	Маршрут	Страна	Вес груза, т	Расстояние, км	Норма расхода топлива на 100 км, л	Расход топлива по норме, л	Суммарный расход топлива, л
15.01.2013	Брест – Варшава	Польша	0	200	29	58	58
17.01.2013	Варшава – Брест	Беларусь	20	200	40	80	80
17.01.2013	Брест – Уфа	Россия	20	2 768	40	1 108	1 108
25.01.2013 – 02.02.1013	Уфа – Брест	Беларусь	20	2 768	39	1 080	1 080
Всего				5 936			2 326

Вывод: суммарный расход топлива составил 2 326 литров, пройденный путь составил 5 936 км. Стоимость топлива в странах движения (РБ – 0,93 долл. США, РП – 1,3 долл. США, Россия – 1 долл. США), следовательно, средневзвешенная цена топлива за рейс составила – 1,08 долл. США. Расходы на топливо за рейс составили: $2\,326 \times 1,08$ долл. США = 2 512 долл. США.

Расчет затрат, связанных с рейсом.

Расходы, непосредственно связанные с осуществлением грузоперевозки по данному маршруту, исходя из опыта ЧТУП «БОГУТА», составляют примерно 450 долл. США. Сюда входят стоимость телефонных разговоров, оплата дороги, стоянок, другие затраты.

Затраты на налоги (C_n):

$$C_n = 0,05 \times (4\,900 + 1\,000) = 295 \text{ долл. США.} \quad (8)$$

Командировочные расходы водителя (K_p):

$$K_p = 0,12 \times 5\,900 = 708 \text{ долл. США.} \quad (9)$$

Затраты на приобретение TIR Carnet для осуществления одной грузоперевозки составляют 60 долл. США.

Общие затраты, которые зависят от осуществляемой грузоперевозки, составляют 4 025 долл. США.

Расчет затрат не связанных с рейсом.

Учитывая, что сумма расходов, не связанных с рейсом, составляет 9 долл. США на каждые 100 км пробега, то при пробеге в 5 940 км сумма затрат составит:

$$C_{\text{п}} = 9 \times 59,4 = 535 \text{ долл. США.} \quad (10)$$

Расчет показателей эффективности.

Время совершения рейса составило 18 суток ($N_{\text{сут}} = 18$). Общая прибыль рассчитывается по формуле (5): $\Pi = (4\,900 + 1\,000) - (535 + 4\,025) = 1\,340$ долл. США. Суточная норма прибыли исчисляется по формуле (6): $\Pi_{\text{с}} = 1\,340 / 18 = 74,4$ долл. США, а норма прибыли на 1 км пробега – по формуле (7): $\Pi_{\text{пр}} = 1\,340 / 5\,936 = 0,22$ долл. США/км.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что рассмотренный рейс эффективен: рентабельность грузоперевозки составила 29%. Однако этот показатель можно повысить с помощью внедрения системы GPS-мониторинга. В таблице 5 представлены преимущества внедрения системы GPS-мониторинга.

Таблица 5 – Основные преимущества внедрения системы GPS-мониторинга

Затраты	Факторы, влияющие на затраты	Эффект от внедрения системы GPS-мониторинга
Топливо	1. Приписывание километража, «накрутка» показаний спидометра в отчетах о поездках. 2. Неэффективное планирование маршрута. 3. Воровство топлива (сливы из баков, махинации с чеками и др.). 4. Неконтролируемая дисциплина водителя в рейсе (нарушение скоростного режима, грубая и неэкономная манера вождения).	1. Возможность всегда знать точный пробег автомобиля (в сравнении со спидометром). 2. Пресечение попыток кражи ГСМ благодаря встроенным датчикам уровня топлива, а также путем сравнения фактического пробега с нормативным расходом ГСМ. 3. Возможность определять оптимальный маршрут, контролировать и корректировать рейс в режиме реального времени. 4. Знание фактического местоположения ТС, истории поездок, маршрутов, длительности стоянок, времени работы двигателя и ряда других параметров. 5. Экономия составляет 10–30%.
Сервисное обслуживание, ремонт и ТО	Снижение ресурса ТС и его ускоренный износ из-за повышенной нагрузки на двигатель, ходовую часть, другие системы вследствие быстрой и грубой езды, что влечет увеличение затрат на ТО и запчастей.	1. Контроль средней и максимальной скорости движения автопоезда во время всего рейса, а также оборотов двигателя, что позволяет пресекать нарушения, видеть халатность водителя при вождении, что позитивно сказывается на ресурсе ТС и затратах на ТО. 2. Контроль зоны передвижения ТС, маршрутов, что дает возможность избегать нежелательных дорожных участков (с разбитым покрытием), а также получать оперативную информацию о фактах отклонения от заданного маршрута или несвоевременного прибытия в заданную точку. 3. Контроль места и продолжительность проведения ремонтов ТС. 4. Контроль места заправок, выявление фактов слива топлива, замены на топ-

		ливо более низкого качества.
Продолжение таблицы 5		
Экспедирование и безопасность груза	1. Отклонение от запланированных норм погрузочно-разгрузочных работ. Несоблюдение графика отправки и прибытия ТС. 2. Нарушение температурного режима перевозки груза.	1. Возможность контроля времени прибытия ТС на погрузку/разгрузку, её продолжительности, а также корректировки временных затрат на этот вид работ. 2. Возможность контроля условий перевозки (в том числе температуры) путем установления дополнительных датчиков (открытия/закрытия дверей/люков, датчик температуры) на прицепное устройство или контейнер/рефрижератор.

При расчете эффективности внедрения системы GPS-мониторинга необходимо учитывать затраты на приобретение и использование данной системы, которые представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Затраты на внедрение системы GPS-мониторинга, долл. США

Статья расхода	Стоимость
Приобретение системы	150
Ежемесячное абонентское обслуживание	15

Срок эксплуатации системы 3 года, в год затраты составят 230 долл. США, а в месяц затраты на эксплуатацию данной системы составляют 19 долл. США. Так как грузовой автомобиль в месяц совершает две грузоперевозки по маршруту Брест – Варшава – Брест – Уфа – Брест, следовательно, затраты составят 9,5 долл. США.

Расчет эффективности использования системы GPS-мониторинга для автопоезда DAF XF 95 и полуприцепа Shmitz с учетом проведенных расчетов затрат по маршруту Брест – Варшава – Брест – Уфа – Брест представлен в таблице 7.

Таблица 7 – Эффективность внедрения системы GPS-мониторинга

Затраты	Экономия, %	Затраты до внедрения системы, долл. США	Затраты после внедрения системы, долл. США	Экономия, долл. США
1. Топливо	5	2 512	2 386,4	125,6
2. Техническое обслуживание и ремонт	5	260	247	13
3. Общие затраты	10	450	405	45
Итого	20	3 222	3 038,4	183,6

Из таблицы 7 следует, что предприятие сможет сэкономить 183,6 долл. США. Однако с учетом затрат на установку и эксплуатацию системы GPS-мониторинга (9,5 долл. США) экономия составит 174,1 долл. США. Следовательно, в месяц (2 грузоперевозки) – 348 долл. США, а в год – 4 178 долл. США, что является значительной суммой в деятельности малого предприятия. Рентабельность увеличится на 5% и составит 34%.

Заключение

Как правило, в мониторинге автотранспорта заинтересована не только транспортно-экспедиционная компания, осуществляющая перевозку, но и сам заказчик. Для заказчиков вскоре появится вполне реальная возможность со своего рабочего места

видеть передвижение груза практически в режиме реального времени [3].

Сейчас с уверенностью можно говорить, что внедрение системы GPS-мониторинга и контроля движения автопоездов позволило уточнить норматив расхода топлива в сторону снижения. Речь идет о нескольких процентах, но для транспортного предприятия при пробеге только одной машины в среднем около 12 000 км в месяц такая экономия напрямую влияет на результативность деятельности.

Анализ эффективности внедрения показал, что единовременные затраты на приобретение системы GPS-мониторинга в г. Бресте составляют 150 долл. США, что является значительной суммой в деятельности малого предприятия. Также ежемесячно необходимо оплачивать абонентское обслуживание, которое включает в себя интернет-слежение, планирование и анализ работы грузового автомобиля. Данное абонентское обслуживание составляет около 15 долл. США. Автопарк анализируемого предприятия состоит из 6 грузовых автомобилей, следовательно, за установку оборудования предприятию необходимо будет заплатить 900 долл. США, а абонентское обслуживание составит 1 080 долл. США в год. Однако расчет эффективности внедрения данной системы показал, что экономия топлива составит около 5% (2 750 долл. США) в год, расходы на техническое обслуживание и ремонт в среднем снижаются также на 5%, следовательно, экономия составит 300 долл. США. Общие затраты, связанные с расходами на оплату стоянок, телефонных разговоров, платных дорог снизятся на 1 080 долл. США в год. Предприятие, внедрив данную систему, сможет сэкономить 4 200 долл. США только при оборудовании одного грузового автомобиля, а при установке системы GPS-мониторинга на все 6 автопоездов – около 25 000 долл. США. Такая сумма является значительной в деятельности любого предприятия, тем более малого. Ежегодная экономия позволит расширить автопарк анализируемого предприятия за счет собственных средств.

Таким образом, обоснована эффективность использования GPS-мониторинга в работе предприятия малого бизнеса на примере транспортного предприятия. Использование GPS-мониторинга может быть рассмотрено для всех транспортных предприятий Республики Беларусь. Выявлены новые методы управления на предприятиях, связанных с использованием GPS-мониторинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громаков, Ю.А. Технологии определения местоположения в GSM и UMTS : учеб. пособие / Ю.А. Громаков. – М. : Эко-Трендз, 2005. – 143 с.
2. GPS / сайт Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/GPS>. – Дата доступа: 12.01.2013.
3. Международные грузоперевозки / сайт Международные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://auto-cargo.com/article/37-normativnyedokumenty/66-mezhdunarodnye-gruzoperevozki.html>. – Дата доступа: 12.01.2013.
4. Мониторинг транспорта: эффективность внедрения / Сайт ООО «ГлобалСат» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gpshome.ru/monitoring_transporta_effect. – Дата доступа: 15.01.2013.
5. Оперативные данные социально-экономического положения Республики Беларусь в январе–декабре 2012 г. : Транспорт и связь Сайт Нац. стат. комитета Респуб. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2012_12/08.pdf. – Дата доступа: 02.02.2013.
6. Путевые решения / сайт Поиск логистических компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transmap.ru/articles/65/>. – Дата доступа: 15.01.2013.

7. Серапинас, Б.Б. Глобальные системы позиционирования / Б.Б. Серапинас. – М. : ИКФ «Каталог», 2002. – 106 с.

8. Транспортная компания / сайт ООО «Микро Троник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://microtronic.com.ua/hints/44-transportnaya-kompaniya.html>. – Дата доступа: 13.01.2013.

Zaitsava N.I., Shonia I.I. Introduction of System of GPS-monitoring as a Necessary Operating Condition of the Transportation Enterprise

In the article the efficiency of use of GPS-monitoring in small business work, in particular in work of transport enterprise is proved. Efficiency of the transport firms rendering services in the international cargo transportation directly depends on the efficiency of use of trucks. The Heads of such enterprises need to be on «pulse» of events, as the competition in this sphere of a bike. Introduction and use of GPS-monitoring not only will allow to solve a problem of operational management of a cargo transportation at distance, but also a problem of high cost of transport services.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.02.2013

ПРАВА

УДК 343.237

О.В. Глухова

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

В статье проведен сравнительно-правовой анализ норм Уголовных кодексов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, регламентирующих дефиниции «соучастие в преступлении»: понятие соучастия в преступлении, характеристика отдельных видов соучастников и форм соучастия, особенность ответственности за преступление, совершенное в соучастии. Выявлены общие черты и существенные отличия в правовом регулировании этого института уголовного права, обозначены проблемные моменты, которые отмечают комментаторы уголовных законов. Сопоставление уголовных законодательств трех государств Восточной Европы относительно понятия «соучастие в преступлении» позволило выделить преимущества и недостатки каждого из них и сформулировать ряд предложений по совершенствованию Уголовного кодекса Республики Беларусь, опираясь на зарубежный опыт.

Введение

Совершение преступления в соучастии, несомненно, представляет большую общественную опасность по сравнению с преступлением, являющимся деянием одного лица. Сложение усилий соучастников, единая направленность воли нескольких субъектов, согласованность их поведения способствуют повышению вероятности достижения поставленной преступной цели, причем в более короткие сроки и с большей степенью вредоносности. Ощущение помощи блокирует сдерживающие факторы, повышается готовность к совершению более тяжких преступлений, способы совершения деяния приобретают более изощренные формы. Оказывается также большее психологическое давление на потерпевшего. В связи с этим традиционным для уголовного законодательства стран Восточной Европы является установление дифференцированных мер ответственности за деяния, совершенные в соучастии.

Законодатели трех соседних государств в Уголовных кодексах (далее – УК) значительное внимание уделяют соучастию в преступлении. Детальный анализ соответствующих статей уголовных законов позволяет констатировать наличие как общих подходов к его правовой регламентации, так и существенных отличий.

Общие черты правового закрепления соучастия в преступлении в УК Республики Беларусь, РФ и Украины проявляются в следующем:

- 1) практически идентичными (за некоторыми особенностями в УК Украины) являются законодательные определения понятия «соучастие в преступлении», следовательно, одинаков круг тех объективных и субъективных признаков, которые ему присущи;
- 2) к видам соучастников во всех изучаемых актах отнесены исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник;
- 3) формами соучастия в преступлении, указанными в уголовном законе, являются группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступная организация (в УК РФ – преступное сообщество);
- 4) отдельные нормы посвящены вопросам ответственности соучастников, в том числе при неудавшемся соучастии, эксцессе исполнителя, в случаях сложного соучастия, совершения преступления в составе организованной группы или преступной организации;
- 5) в Особенных частях УК содержатся самостоятельные составы преступлений, связанных с созданием, руководством и участием в деятельности наиболее опасных

преступных групп. К примеру, во всех трех кодексах преступлениями против общественной безопасности являются бандитизм (ст. 286 УК Республики Беларусь, ст. 209 УК РФ, ст. 257 УК Украины), создание преступной организации и участие в ней (стст. 285, 210 и 255 соответственно), создание незаконных вооруженных формирований (стст. 287, 208 и 260 кодексов). По ст. 256 УК Украины, кроме того, наказывается содействие участникам преступных организаций и сокрытие их преступной деятельности, а по ст. 258³ – создание террористической группы или террористической организации. По основному объекту посягательства преступные сообщества запрещены и в других главах уголовных законов. В УК РФ, например, преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства признаются действия по организации экстремистского сообщества (ст. 282.1) и организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2), а в соответствии с ч. 1 ст. 357 УК Республики Беларусь на этот же объект направлен заговор с целью захвата или удержания государственной власти неконституционным путем. На основании ст. 109 УК Украины, заговор о совершении действий в целях насильственного изменения либо свержения конституционного строя или захвата государственной власти – это преступление против основ национальной безопасности Украины. Преступлением против правосудия на основании ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 392 УК Украины является создание организованной группы с целью терроризирования в исправительных учреждениях осужденных или нападения на представителей администрации. Особый вид преступного сообщества закреплен в ст. 193 УК Республики Беларусь – объединение, посягающее на личность, права и обязанности граждан;

б) в целях повышения эффективности борьбы с организованной преступностью, стимулирования участников преступных сообществ к содействию правосудию в их изобличении и пресечении деятельности в ряде норм уголовных законов предусмотрены специальные основания освобождения членов организованных групп и преступных организаций от уголовной ответственности (ст. 20, примечание к ст. 357 УК Республики Беларусь, примечание к ст. 210 УК РФ, ч. 2 ст. 255 УК Украины).

Если говорить о различиях, то, исходя из внутреннего строения кодексов, следует отметить, что соучастию в преступлении российский и украинский законодатели придают большую значимость. В УК РФ имеется отдельная глава 7 «Соучастие в преступлении» (стст. 32–36). Одноименный раздел 6 выделен и в Общей части УК Украины (стст. 26–31). В Общей части УК Республики Беларусь соучастие раскрывается в стст. 16–20. Как видно, количество статей практически такое же, как и в уголовных законах России и Украины, но они структурно не обособлены, включены в главу 3 под названием «Преступное деяние» наряду с нормами о понятии преступления, его категориях, стадиях совершения умышленного преступления. На наш взгляд, это является упущением белорусских правотворцев, которые тем самым умаляют практическую важность соответствующих норм УК.

Обращает на себя внимание и структурирование норм о соучастии по статьям внутри названных глав УК. Соответствует теории учения о соучастии и облегчает работу с текстом закона такая группировка норм, когда отдельные статьи закрепляют понятие и признаки соучастия в преступлении (ст. 26 УК Украины и ст. 32 УК РФ), виды соучастников (ст. 27 УК Украины и ст. 33 УК РФ), формы соучастия (ст. 28 УК Украины и ст. 35 УК РФ), особенности ответственности соучастников (стст. 29–31 УК Украины, стст. 34 и 36 УК РФ). К сожалению, в УК Республики Беларусь единого критерия формирования статей о соучастии в преступлении не наблюдается. Так, в ст. 16 УК Республики Беларусь даются определение соучастия (ч. 1), классификация соучастников (чч. 2–6), некоторые правила квалификации деяний и ответственности соучастников (чч. 7–9). В то же время формам соучастия отведены три отдельные статьи 17–19, которые также касаются и вопросов ответственности соучастников. Отдельная ст. 20

УК Республики Беларусь содержит основания освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды.

Согласно ч. 1 ст. 16 УК Республики Беларусь и ст. 32 УК РФ, соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Такая формулировка заимствована из ст. 34 Модельного Уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – Модельный УК). В ст. 26 УК Украины данное понятие, сохраняя практически идентичное содержание, сформулировано более точно: соучастием в преступлении является умышленное совместное участие нескольких субъектов преступления в совершении умышленного преступления [1]. Удачным, по нашему мнению, является использование в приведенной дефиниции термина «субъект преступления», поскольку он более адекватно отражает и закрепляет на уровне УК такой обязательный признак соучастия в преступлении, как совершение деяния не любыми лицами, а являющимися, по определению В.М. Хомича, «надлежащими субъектами», то есть: а) достигшими соответствующего возраста; б) находящимися в состоянии вменяемости (уменьшенной вменяемости) во время совершения преступного деяния; в) способными в соответствии с законом нести уголовную ответственность за содеянное преступление [2, с. 38–39].

Во всех трех рассматриваемых нормативных правовых актах разграничивается непосредственное и опосредованное (посредственное) исполнительство. При этом лишь в УК Республики Беларусь к последнему относятся случаи использования для совершения преступления лиц, которые действуют по неосторожности. Данное положение оспаривается рядом правоведов, считающих невозможным признавать опосредованным исполнителем субъекта, действовавшего через лицо, обладающее свободной волей. А.П. Козлов приводит в обоснование следующие аргументы: 1) при неосторожном причинении вреда под влиянием другого лица имеется непосредственный исполнитель – неосторожно действующее лицо, второго исполнителя при одном действии и одном последствии, связанных причинно, быть не может, даже если другое лицо действовало умышленно; 2) именно этот исполнитель и отвечает за содеянное как автор преступления; 3) здесь не исключено неосторожное соучастие, где соответствующим образом распределяются роли [3, с. 97].

Поскольку в уголовном законодательстве всех рассматриваемых стран, как и в Модельном УК, однозначно закреплена возможность совершения в соучастии только умышленных преступлений, считаем необходимым распространять опосредованное исполнительство на случаи использования неосторожного поведения другого лица для совершения преступления. При этом лицо, фактически исполнившее объективную сторону состава преступления, отвечает самостоятельно за неосторожное преступление. Несмотря на множественность действующих лиц, соучастия не образуется в силу отсутствия двусторонней виновной связи и умышленной формы вины. По действующим редакциям соответствующих статей УК РФ и Украины, использование неосторожности другого лица невозможно отнести ни к соучастию в преступлении (организации или подстрекательству к совершению преступления по неосторожности), ни к опосредованному исполнению преступления. Получается, что лицо, имевшее и реализовавшее преступный умысел, не может быть наказано, что противоречит принципам законности, справедливости, неотвратимости уголовной ответственности.

Несмотря на отсутствие в законе прямого указания на данный вид опосредованного исполнения преступления, в учебной литературе и научных комментариях к УК РФ он приводится в качестве примера и называется среди «иных вариантов посредственного причинения» [4, с. 99; 5, с. 334]. Думается, что предлагаемая квалификация является единственно возможной и правильной в соответствии с устоявшейся доктриной соучастия как умышленной совместной деятельности нескольких лиц и требует официального закрепления в соответствующих статьях УК РФ и Украины.

В отличие от УК РФ и Украины, в ч. 4 ст. 16 УК Республики Беларусь обозначен как вид соучастника наряду с организатором еще и руководитель преступления. Считаем это преимуществом белорусского закона, поскольку при всей схожести и зачастую совпадении функций организатора и руководителя, выполнении их одним лицом имеется в ролях этих субъектов и своя специфика. Основным, что отличает руководителя преступления от организатора, является то, что организатор всегда выступает в качестве инициатора преступления. Организатору принадлежит «идея» совершения конкретного преступления, и все его последующие действия направлены на то, чтобы обеспечить претворение замысла в жизнь. Руководство исполнением преступления может осуществляться не только организатором, но и другим лицом во время совершения преступления (на стадии приготовления, покушения, оконченого преступления), и это лицо само нередко выполняет объективную сторону состава преступления, являясь и его соисполнителем. Функции руководства исполнением преступления включают такие действия, как расстановка соучастников на месте совершения преступления согласно распределенным ролям, детальная конкретизация действий каждого, корректировка действий соучастников в зависимости от изменившейся обстановки и т.п. Руководство организованной группой или преступной организацией характеризуется значительно более широким полем деятельности, а поэтому также обладает повышенной опасностью. Вследствие этого ответственность за оба варианта такой организаторской деятельности вполне оправданно получила специальную регламентацию в УК Республики Беларусь.

Роль подстрекателя практически одинаково определена в изучаемых актах: склонение к совершению преступления «другого лица» (ч. 5 ст. 16 УК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 33 УК РФ) либо «другого соучастника» (ч. 4 ст. 27 УК Украины). В комментарии к названной норме УК Украины читаем: «Поскольку в ч. 4 ст. 27 речь идет про склонение «другого соучастника», то подстрекательством может быть признано только склонение к совершению преступления лица, которое может быть субъектом преступления. Склонение же к совершению преступления, например, невменяемого лица не является подстрекательством в уголовно-правовом смысле. В случае совершения последним преступления ответственность как исполнитель понесет лицо, которое склонило к нему» [6]. Таким образом, вновь констатируем более грамотное и адекватное применение уголовно-правовых категорий в украинском законе, позволяющее правильнее толковать содержание правовых предписаний и избежать ошибок в квалификации.

В УК РФ и Украины предлагаются способы подстрекательства: уговор, подкуп, угроза, принуждение (только в ч. 4 ст. 27 УК Украины) или другие. Такой подход российского и украинского законодателя воспринимается неоднозначно. Традиционная позиция заключается в том, что способы подстрекательства слишком разнообразны, чтобы быть формализованными. Как говорит Ф.Г. Бурчак, в законе немислимо предусмотреть все средства, которыми подстрекатель может воспользоваться для создания мотивов, обуславливающих поведение подстреканного [7, с. 144]. Это тем более не рационально, поскольку сами предлагаемые перечни способов подстрекательства оставлены открытыми, предполагают наличие иных вариантов действий данного вида соучастников.

Что касается регламентации пособничества, то наблюдаем обратную ситуацию. Российский и украинский кодексы предлагают закрытые списки относящихся к нему деяний, а УК Республики Беларусь предусматривает возможность совершения пособничества также путем «оказания иной помощи». На наш взгляд, предпочтительнее формулировка ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь, так как практике известны случаи оказания содействия в совершении преступления, не подпадающие ни под один из способов пособничества, перечисленных в ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 5 ст. 27 УК Украины. Разные авторы к ним относят: укрывательство будущего преступника, средств или орудий будущего преступления; предоставление какого-либо помещения для непосредственно-

го совершения преступления; доставка жертвы или ее завлечение к месту совершения преступления; доставка соучастников к месту совершения преступления, их увоз с места происшествия; освещение места совершения преступления и др.

Упущением украинского законодателя является отсутствие среди способов интеллектуального пособничества такого, как предоставление информации, который, по мнению комментаторов УК, охватывается дачей советов и указаний [6]. Согласимся с белорусскими авторами в том, что «содействие преступлению советами или указаниями есть не что иное, как очевидно заинтересованное разъяснение исполнителю (или его наставление), каким образом лучше, удачнее, эффективнее, безопаснее совершить желаемое преступление. Предоставление информации как форма пособнических действий схожа с дачей советов и указаний, но все-таки представляет (выражает) передачу нужной и важной для преступника (исполнителя) информации без очевидной заинтересованности к факту совершаемого преступления» [2, с. 44]. Наличие личной заинтересованности по-разному характеризует степень общественной опасности деяния пособника, должно учитываться при индивидуализации меры ответственности, а потому целесообразно различать данные виды интеллектуального пособничества на уровне закона.

В УК Украины более широко трактуется интеллектуальное пособничество в виде заранее данного обещания скрыть совершенное преступление. Как и в УК РФ и Республики Беларусь, оно предполагает обещание скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем. Однако, кроме этого, пособничеством считается заранее данное обещание «иным образом содействовать сокрытию преступления» [1]. Думается, что такая оговорка излишня, поскольку варианты заранее обещанного укрывательства и так обозначены достаточно абстрактно, не конкретизированы по способам сокрытия, могут выражаться в любых действиях. Более того, в ч. 6 ст. 27 УК Украины, закрепляя отличие от соучастия заранее не обещанного укрывательства преступлений, законодатель не упоминает «иные» его способы.

Серьезные расхождения наблюдаются в части правового регулирования рассматриваемыми кодексами форм соучастия в преступлении. Если по поводу их классификации, как отмечалось, имеется единство подхода, то содержание признаков каждой из форм соучастия понимается по-разному. Согласно чч. 1 и 2 ст. 17 УК Республики Беларусь, группа лиц – это всегда соисполнительство (простое соучастие), независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора соучастников. На основании анализа положений чч. 1 и 2 ст. 28 УК Украины и чч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ можно заключить, что простым соучастием в них является лишь группа лиц без предварительного сговора (прямо указывается на участие в преступлении двух или более исполнителей), а в группе лиц по предварительному сговору возможно и соучастие с распределением ролей (сложное соучастие). Устанавливая субъектный состав соучастников в группе лиц по предварительному сговору, законодатель оперирует понятием «лицо», а не «исполнитель». Таким образом, закон не ограничивает круга участников группы в зависимости от выполняемых ими ролей в заранее согласованной совместной преступной деятельности [4, с. 109]. Конечно, критерии классификации форм соучастия, их наименование и содержание не должны быть тождественны в законодательстве разных стран, тем более что по этому вопросу существует множество теорий в науке. Однако если предположить, что исследуемые нормы правильно отражают замысел правотворческих органов, то следовало бы для более четкой дифференциации двух форм соучастия именовать их по-разному. Использование одного понятия «группа лиц» к абсолютно несопоставимым по содержанию явлениям некорректно. Если разница между этими формами соучастия состоит преимущественно в характере выполняемых соучастниками ролей, а не в факте предварительной договоренности о совместном совершении преступления, то и в их названии должны быть расставлены соответствующие акценты.

Одним из оснований выделения форм соучастия, закрепленным в ст. 28 УК Украины, выступает разное минимальное количество соучастников, совершающих преступление в составе группы лиц (два и более), организованной группы (три и более) и преступной организации (пять и более). В УК Республики Беларусь и РФ применительно к организованной группе и преступной организации действует общее требование института соучастия, согласно которому для их создания достаточно двух или более соучастников.

В соответствии с п. а) ст. 2 Конвенции против транснациональной организованной преступности, организованная преступная группа означает «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [8]. Таким образом, определение организованной группы, данное в УК Украины, в рассматриваемом аспекте в большей мере соответствует международному стандарту. Добавим также, что практически недостижимо для группы из двух лиц стать организованной согласно ст. 18 УК Республики Беларусь, которая предусматривает для этого такие обязательные признаки, как устойчивость, управляемость, предварительную объединенность, специальную цель. Так, если одно лицо организует и руководит преступным поведением другого, речь скорее идет о сложном соучастии, а не об управляемости как признаке организованной группы. С учетом масштабов деятельности и целей преступной организации, заявленных в ч. 1 ст. 19 УК Республики Беларусь, таких как разработка и реализация мер по осуществлению преступной деятельности или созданию условий для ее поддержания и развития, представляется обоснованным увеличение минимального количественного состава ее членов. Тем более что в соответствии с ч. 3 ст. 1 УК Республики Беларусь данный кодекс основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Отметим также субъективность позиций законодателей трех государств в установлении обязательных признаков отдельных форм соучастия в преступлении. Для организованной группы едиными являются требования об устойчивости и предварительном объединении соучастников, создании организованной группы для совершения преступлений. УК Украины, называя характеристикой организованной группы составление плана и распределение функций соучастников, как и УК Республики Беларусь, фактически имеет в виду признак ее управляемости. Согласно УК РФ, преступная организация должна отвечать ряду условий: единство руководства объединением организованных групп, цели совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В качестве варианта преступной организации признается «структурированная организованная группа» [9]. Для украинской преступной организации требуется: устойчивость, иерархичность объединения пяти и более лиц; предварительный сговор о совместной деятельности; цель непосредственного совершения тяжких или особо тяжких преступлений участниками этой организации, или руководства или координации преступной деятельности других лиц, или обеспечения функционирования как самой преступной организации, так и других преступных групп [1].

В разном объеме урегулированы в УК стран Восточной Европы т.н. специальные вопросы учения о соучастии в преступлении. Несомненным достоинством УК РФ является наличие в ч. 4 ст. 34 общей нормы о соучастии в преступлениях со специальным субъектом: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника» [9].

В белорусском уголовном законодательстве аналогичное правило зафиксировано только в отношении воинских преступлений в ч. 2 примечаний к главе 37 УК и в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о судебной практике по отдельным видам преступлений. Важность данного положения для правильной квалификации требует его закрепления на уровне уголовного закона, а не подзаконных актов, чтобы исключить разночтения и имеющие место исключения (например, сделанные для присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества»).

Во всех рассматриваемых УК содержится норма о квалификации деяний соучастников при эксцессе исполнителя (ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь, ст. 36 УК РФ, ч. 5 ст. 29 УК Украины), но лишь в российском законе используется сам термин «эксцесс», что также следует признать его преимуществом и воспринять в УК Республики Беларусь и Украины. Лучше, на наш взгляд, урегулированы в ст. 31 УК Украины вопросы добровольного отказа соучастников и связанные с ними проблемы ответственности соучастников. Предлагается квалификация деяний организатора, подстрекателя и пособника при добровольном отказе исполнителя (ч. 1) и определяется ответственность исполнителя при добровольном отказе кого-либо из соучастников (ч. 3).

В ч. 4 ст. 29 УК Украины дается правовая оценка деяний соучастников в случае совершения исполнителем неоконченного преступления как соучастия в неоконченном преступлении. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, ту же ситуацию следует квалифицировать как приготовление к преступлению или покушение на преступление. Согласимся с мнением В. Питецкого, что «такая законодательная рекомендация является не совсем корректной, особенно при варианте покушения на преступление». Признание у других соучастников в таких случаях покушения на соответствующее преступление неадекватно отражает специфику содеянного ими, так как они не выполняют деяний, непосредственно направленных на совершение преступления. В итоге автором предлагается такая же квалификация, как в УК Украины [10, с. 51]. Соучастие в неоконченном преступлении пока не нашло отражения в законодательстве Республики Беларусь. С учетом сказанного восполнение этого пробела должно быть сделано на основе украинского образца.

Неудавшееся соучастие, когда действия соучастников не приводят к совершению преступления исполнителем, в ч. 5 ст. 34 УК РФ сведено, по сути, только к неудавшемуся подстрекательству. В литературе в связи с возможностью безрезультативности организаторских и пособнических действий обосновывается необходимость корректировки этой нормы [10, с. 51], фактически приведения ее содержания к тому, что закреплено в ч. 8 ст. 16 УК Республики Беларусь и ч. 5 ст. 36 Модельного УК.

Только в ч. 3 ст. 29 УК Украины установлено: «Признаки, характеризующие личность отдельного соучастника преступления, ставятся в вину лишь этому соучастнику. Другие обстоятельства, отягчающие ответственность и предусмотренные в статьях Особенной части УК в качестве признаков преступления, влияющих на квалификацию действий исполнителя, ставятся в вину лишь соучастнику, осознававшему эти обстоятельства» [1]. Данное положение имеет важнейшее практическое значение, устраняет дискуссии по этому поводу в науке и ошибки в правоприменительной деятельности. За введение такого рода нормы в ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь выступает, в частности, В. Марчук, предлагая исчерпывающий перечень «обстоятельств, характеризующих личность соучастника и с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность» [11, с. 54].

Заключение

Анализ норм законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины позволяет констатировать нерешенность либо противоречивость в регламента-

ции отдельных вопросов ответственности за соучастие в преступлении и прикосновенность. На основе сопоставления соответствующих статей уголовных законов можно адресовать законодательным органам ряд рекомендаций по их изменению и дополнению. В УК Республики Беларусь, к примеру, на базе имеющихся статей 16–20 целесообразно выделить отдельную главу «Соучастие в преступлении». Дополнить ее можно положениями об отграничении соучастия от прикосновенности к преступлению, о соучастии в неоконченном преступлении и преступлении со специальным субъектом, о влиянии на ответственность соучастников обстоятельств, характеризующих личность одного из них. В Общую часть УК Республики Беларусь следует включить норму о прикосновенности к преступлению и ее формах, рассмотреть вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступлений членов семьи и близких родственников лица, его совершившего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 г. № 2341 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>. – Дата доступа: 16.09.2012.
2. Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – 352 с.
3. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 921 с.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М. : Новый юрист : КноРус, 1997. – 592 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimealawyers.com/komentar-do-statti-27-vidi-spivuchasnikiv>. – Дата доступа: 16.09.2012.
7. Бурчак, Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Київ : Вища школа, 1986. – 207 с.
8. Конвенция против транснациональной организованной преступности : прин. резолюцией Ген. Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. – Дата доступа: 17.09.2012.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>. – Дата доступа : 16.09.2012.
10. Питецкий, В. Неудавшееся соучастие в преступлении / В. Питецкий // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 51.
11. Марчук, В. Пределы квалификации деяний соучастников при наличии обстоятельств, относящихся исключительно к личности отдельного соучастника / В. Марчук // Судовы веснік. – 2006. – № 1. – С. 51–54.

Glukhova O.V. Implication in Crime in Criminal Legislations of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine

The article provides a comparative analysis of norms of Criminal codes of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine regulating implication in crime, namely: the concept of implication in crime, the characteristic of separate types of accomplices and forms of implication in crime, feature of responsibility for a crime committed in implication. Common features and essential differences in legal regulation of this institute of criminal law are revealed, problem points which are noted by commentators of criminal laws are designated. The comparison of criminal legislation of three states of Eastern Europe on a studied question allowed to allocate the advantages and disadvantages of each of them and to make some suggestions for the improvement of the Criminal code of the Republic of Belarus, based on foreign experience.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.12.2012

УДК 343.347.2

*А.А. Пухов***УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Вопросы регламентации уголовно-правовой охраны социума от распространения заразных болезней животных на протяжении долгого времени не получали достойного освещения в научной литературе. Вместе с тем уголовный закон не является чем-то перманентным и статичным. Его центральной задачей является адекватная охрана базисных ценностей для конкретного общества посредством детерминации соответствующих уголовно-правовых запретов. Следовательно, многообразие и важность вновь появляющихся общественных отношений в области ветеринарной медицины должны учитываться при формировании современной необходимой и достаточной системы уголовно-правовых норм, опосредующих борьбу с трансмиссией заразных болезней животных. Сложность и разноплановость этих общественных отношений предопределяет наличие широкого круга лиц, которые могут стать субъектами уголовной ответственности, а также разнообразие деяний (профилактических, дезинфекционных, лечебных, карантинных, противоэпидемических), которые могут иметь последствия в виде распространения заразных заболеваний животных. Таким образом, сложившееся реалии представляют собой сложную, комплексную проблему, рациональное решение которой возможно только с учётом изучения опыта современного уголовного законодательства государств ближнего зарубежья.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) был promulgирован Президентом 09.07.1999 г. и вступил в законную силу с 01.01.2001 г. В разработке проекта кодекса приняли участие представители кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, а также иные заинтересованные лица. Впервые в новом УК РБ были закреплены принципы демократического правового государства (законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма). Помимо этого, он концептуально отличался от утратившего силу УК РБ 1960 г. Во многом это было обусловлено сменой политического режима, демократизацией общества, переходом к многопартийности, отказом от примата идеологических догм, поворотом к рыночной системе хозяйственной деятельности. Нельзя не упомянуть, что белорусскими криминалистами был внесён огромный вклад также в разработку Модельного УК для государств-участников СНГ (далее – Модельный УК) [1].

Традиционно в науке уголовного права в процессе конструирования системы норм для охраны определённой совокупности общественных отношений принято применять сравнительно-правовой метод исследования. Его использование позволяет констатировать объективные выводы, касающиеся качества регламентации уголовной ответственности за деяния, посягающие на определённые общественные отношения, в национальном законодательстве. Полагаем, что примерными критериями для сопоставления могут выступать: 1) расположение состава преступления в системе норм Особенной части уголовного кодекса – для иллюстрации базовой охраняемой ценности, 2) законодательное описание элементов состава преступления.

В целом следует отметить, что доктринально уголовные кодексы большинства государств – участников СНГ обладают тождественной структурой, в том числе и в рассматриваемой сфере. Это обусловлено преемственностью достижений науки советского уголовного права и гармонизирующей ролью Модельного УК.

Научный руководитель – И.О. Грунтов, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Белорусского государственного университета

Уголовная ответственность за распространение заразных болезней животных, согласно УК государств – участников СНГ, неразрывно связана с составом нарушения ветеринарных правил. В Модельном УК в рамках одной нормы ст. 221 имманентно установлена уголовная ответственность за 2 самостоятельных преступления: нарушение ветеринарных правил и нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений. Аналогичный подход обнаруживается в УК Армении (ч. 1 ст. 286) [2, с. 335–336], Азербайджана (ч. 1 ст. 249) [3, с. 264–265], Казахстана (ч. 1 ст. 280) [4, с. 309–310], Таджикистана (ч. 1 ст. 225) [5; с. 234–235], Российской Федерации (ч. 1 ст. 249) [6, с. 126] (далее – РФ) и Грузии (ч. 1 ст. 290) [7, с. 309]. Самостоятельные составы преступления нарушения ветеринарных правил присутствуют в УК РБ (ст. 284) [8], Киргизии (ст. 269) [9, с. 265–266], Узбекистана (ст. 200) [10, с. 224], Украины (ст. 251) [11, с. 106] и Латвии (ст. 222) [12; с. 221]. Анализируемый состав преступления в трактовке, использованной в Модельном УК, отсутствует вовсе в УК Молдовы, Туркменистана, Литвы и Эстонии. Таким образом, уголовному законодательству 11 (включая РБ) из 15 государств бывшего СССР известен состав «нарушения ветеринарных правил».

В эталонном варианте Модельного УК состав «нарушения ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений» располагается в одноименной главе 26 раздела 9 «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Следовательно, можно заключить, что групповой и родовой объекты этого преступления совпадают. Аналогичным образом этот вопрос решён в УК РБ, Армении, Таджикистана, Узбекистана и Грузии. Экологическая безопасность как базисная охраняемая ценность предусмотрена и в УК Казахстана и Украины, которые, однако, не различают родового и группового [13, с. 92–94] объектов преступления.

По УК РФ, Азербайджана, Киргизии, групповым объектом нарушения ветеринарных правил выступают отношения, опосредующие общественную безопасность, а родовым – общественные отношения в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности. Наиболее преемственный же советскому законодательству подход наличествует в УК Латвии: родовым объектом преступления выступают общественные отношения, опосредующие «ведение народного хозяйства». Согласно диспозиции ч. 1 ст. 221 Модельного УК, криминализируется нарушение ветеринарных правил, повлекшее по неосторожности распространение эпидемии, эпизоотии или иные тяжкие последствия. Причём данное преступление следует относить к категории деяний «средней тяжести» [1]. Состав преступления – материальный, с неосторожной формой вины по отношению к общественно опасным последствиям.

В уголовном законодательстве большинства государств ближнего зарубежья для описания деяния как признака объективной стороны рассматриваемого состава преступления также использован оборот «нарушение ветеринарных правил». Наиболее широко признак «деяние» изложен в УК РБ и Узбекистана, где упомянутый оборот дополнен ещё формулировкой «зоотехнические правила».

Общественно опасные последствия в УК Армении, Киргизии и Таджикистана представлены родственным Модельному УК способом как распространение эпидемий, эпизоотий или иные тяжкие последствия. Несколько уже негативные последствия описаны в УК Азербайджана, Казахстана, Украины, Грузии, РФ и Латвии, где отсутствует формулировка «распространение эпидемий». По УК РБ, криминализовано распространение заразных болезней животных либо причинение ущерба в крупном размере. Наиболее же противоречивую, на наш взгляд, формулировку содержит УК Узбекистана. Согласно диспозиции ст. 200 УК Узбекистана, наказывается нарушение ветеринарных правил, повлекшее распространение эпидемических заболеваний животных или птиц (эпизоотии), их массовую гибель или иные тяжкие последствия. С точки зрения эпизоотологии, вряд ли можно считать логичным описание содержания термина «эпизоотия» через

категорию «эпидемия». Здесь вполне уместно говорить о подмене одного понятия другим (*Ignoratio elenchi*). Следует отметить, что квалифицирующий признак нарушения ветеринарных правил предусмотрен только в ч. 3 ст. 286 УК Армении. Так, повышенной уголовной ответственности подлежит лицо, умышленно нарушившее ветеринарные правила, что повлекло распространение эпидемий, эпизоотий или иные тяжкие последствия.

В контексте конструкции субъективной стороны состава нарушения ветеринарных правил непосредственно на неосторожную форму вины указывается в УК РБ, Армении (основной состав), Азербайджана, Таджикистана и РФ. Полагаем, что наличие двух форм вины – умышленной и неосторожной – предусмотрено законодательной трактовкой, содержащейся в УК Казахстана, Украины, Армении (умысел как квалифицирующий признак), Грузии, Латвии, Киргизии и Узбекистана. Следует отметить, что по УК некоторых постсоветских государств, например Азербайджана, Грузии, Украины, Казахстана, Молдовы и Армении, распространение заразных болезней или эпизоотий при наличии специальной цели (ослабление государства) рассматривается как способ совершения диверсии.

Солидарно во всех УК государств ближнего зарубежья субъектом анализируемого преступления может выступать как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, так и должностное лицо.

Существенный научный интерес представляют государства, в уголовном законодательстве которых отсутствует аутентичный состав нарушения ветеринарных правил. Так, весьма концептуальную норму содержит ст. 215 УК Молдовы «Распространение эпидемических заболеваний» [14, с. 278]. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 215, криминализируется несоблюдение мер по предупреждению эпидемических заболеваний или борьбе с ними, повлекшее а) распространение такого заболевания; б) иные тяжкие последствия, а по ч. 2 – те же действия, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерть человека.

В УК Молдовы, Туркменистана общественно опасные последствия, свойственные нарушению специальных (в том числе ветеринарных) правил, децентрализованы по иным составам преступлений. Например, последствия в виде массовой гибели животных предусмотрены в составе преступления «Нарушения требований экологической безопасности» ст. 223 УК Молдовы [14, с. 284], ст. 311 («Нарушение правил экологической безопасности при производстве работ»), 313 («Загрязнение вод»), 315 («Загрязнение морской среды») УК Туркменистана [15, с. 408–412]. По УК Литвы (ст. 277) [16, с. 347], карается нарушение требований юридических актов о здравоохранении либо правил контроля профилактики инфекционных заболеваний, если это повлекло распространение заболевания либо появление эпидемии. Причём повышенной уголовной ответственности подлежит тот, кто, будучи осведомлен медицинским учреждением о своем заболевании и предупрежден о мерах предосторожности, которых он обязан придерживаться при общении с людьми, создал другому человеку опасность заражения опасным инфекционным заболеванием. Отметим, что описанная норма содержится в главе 38 «Преступления и уголовные проступки против окружающей среды и здоровья человека» 38 УК Литвы.

Наиболее прогрессивную систему норм, на наш взгляд, содержит раздел 2 «Виновные деяния, связанные с инфекционными заболеваниями» главы 12 «Виновные деяния против здоровья населения» УК Эстонии [17]. Несмотря на то, что раздел содержит только 2 состава преступления (стст. 192, 193), эстонскому законодателю в лаконичной форме удалось весьма чётко отразить социально-правовую обусловленность необходимости криминализации деяний такого рода. Несколько казуистично учтены возможные формы вины и дифференцированы болезни на основании критерия их опасности и социальной значимости. Таким образом, система норм от наиболее опасного посягательства к наименее опасному выглядит следующим образом. В соответствии с ч. 1 ст. 193 УК Эстонии, наказывается *умышленное* нарушение требований борьбы с инфекционными за-

болеваниями или эпизоотиями, повлекшее распространение *опасного инфекционного заболевания* или *особо опасной* эпизоотии. Далее в иерархии следует ч. 1 ст. 192 – *умышленное* нарушение требований борьбы с инфекционными заболеваниями или эпизоотиями, повлекшее угрозу распространения *особо опасного инфекционного* заболевания или *особо опасной* эпизоотии. Следом идёт ч. 2 ст. 193 – нарушение требований борьбы с инфекционными заболеваниями или эпизоотиями, повлекшее по неосторожности распространение *опасного инфекционного* заболевания или *особо опасной* эпизоотии. и замыкает ч. 2 ст. 192 – нарушение требований борьбы с инфекционными заболеваниями или эпизоотиями, повлекшее по неосторожности угрозу распространения *особо опасного инфекционного* заболевания или *особо опасной* эпизоотии. По ч. 3 ст. 192, 193 УК Эстонии, к уголовной ответственности возможно привлечь юридическое лицо.

Обзор законодательства государств ближнего зарубежья позволил сформулировать следующие выводы касательно регламентации уголовной ответственности за трансмиссию заразных болезней животных:

1. Постсоветский законодатель в подавляющем большинстве случаев, криминализирует распространение заразных болезней животных как общественно опасное последствие нарушения ветеринарных правил. Условиями привлечения лица к уголовной ответственности выступают: 1) нарушение соответствующих специальных норм, содержащихся в бланкетном законодательстве; 2) наличие предусмотренной УК, формы вины. Таким образом, даже при фактическом наступлении общественно опасных последствий в виде распространения заразных болезней животных (либо иных, предусмотренных в УК), но при отсутствии соответствующей нормы в массиве ветеринарного законодательства уголовная ответственность виновного лица исключается вовсе.

2. Анализ расположения в системе норм Особенной части составов преступлений, опосредующих борьбу с заразными болезнями животных, выявил разнообразие родовых и групповых объектов преступления (базисных охраняемых ценностей): экологическая безопасность, экономические отношения, включая отношения собственности, здоровье населения, общественная безопасность. Это свидетельствует о том, что расположение составов преступлений, регламентирующих противодействие трансмиссии заразных болезней животных, в системе норм Особенной части УК зависит от приоритетных (в контексте охраны) общественных отношений для конкретного государства.

3. Обращает на себя внимание игнорирование использования (за исключением УК Армении) различных квалифицирующих/смягчающих признаков, которые влияют на вид и размер наказания, при конструировании составов преступлений в УК государств ближнего зарубежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств : постановление № 7–5 от 17 февр. 1996 г. // Приложение к «Информационному бюллетеню» Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.

2. Уголовный кодекс Республики Армения : принят Законом Респ. Армения от 18 апр. 2003 г. : введен в действие 1 авг. 2003 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 450 с.

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Респ. от 30 дек. 1999 г. : вступил в силу с 1 сент. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан : Закон Респ. Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167 : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 466 с.

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан : Закон Респ. Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 410 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : ГроссМедиа, 2008. – 176 с.
7. Уголовный кодекс Грузии : принят 22 июля 1999 г. : введен в действие с 1 июля 2000 г. : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 409 с.
8. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : в ред. Законов Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 409-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Респ. 18 сент. 1997 г. : в ред. Законов Кыргызской Респ. от 21 сент. 1998 г. № 124, 9 дек. 1999 г. № 141, 23 июля 2001 г. № 77, 19 нояб. 2001 г. № 92, 12 марта 2002 г. № 36. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 352 с.
10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 338 с.
11. Кримінальний кодекс України : текст відповідає офіц. станом на 1 жовтня 2005 р. – Київ : Школа, 2005. – 192 с.
12. Уголовный кодекс Латвийской Республики : принят 8 июля 1998 г. : введен в действие с 1 апр. 1999 г. : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.
13. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под. ред. В.М. Хомича. – Минск :Тесей, 2002. – 496 с.
14. Уголовный кодекс Республики Молдова : принят Парламентом Респ. Молдова 18 апр. 2002 г. : введен в действие 21 июня 2002 г. : с изм. и доп. на 19 декаб. 2002 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 408 с.
15. Türkmenistanyň jenaýat kodeksi. – А. : Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2010. – 456 s.
16. Уголовный кодекс Литовской республики : утв. законом № VIII – 1968; 26 сентября 2000 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 470 с.
17. Правительство Эстонской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.riigikantselei.ee/arhiiv/rto/pae/2005/pae_nr17_06-12-2005.pdf. – Дата доступа: 14.08.2012.

Puchov A.A. Criminal Liability for the Spread of Infectious Diseases Common for People and Animals: the Experience of Modern Legislation of Neighbor Countries

The questions of the regulation of criminal-legal protection of the society from the spread of the infectious diseases of animals for a long period of time didn't receive decent coverage in the scientific literature. However, the criminal law is not something permanent and static. Its central task is the protection of the adequate basic values for specific society by means of determination of the relevant criminal-legal prohibitions. Consequently, the diversity and importance of the newly emerging public relations in the field of veterinary medicine should be taken into account at formation of a modern necessary and sufficient system of criminal-legal norms, mediating the struggle with transmission of the infectious diseases of animals. The complexity and diversity of these public relations predetermines a wide range of individuals, which may become subjects of criminal liability, as well as variety of acts prevention, disinfection, medical, quarantine, anti-epidemic, which may entail consequences in the form of spread of the infectious diseases of animals. Thus, the existing realities represent a difficult and complex problem, the rational solution of which is possible only with exploring of the experience of modern criminal legislation of the states of the near abroad.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.12.2012

УДК 342.9

О.В. Гурина

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Статья посвящена исследованию правовой природы государственного надзора органов управления. Автор анализирует правовые доктрины ученых, придерживающихся различных точек зрения относительно понятия и сущности государственного надзора. Сделан вывод о самостоятельности данной юридической категории, выделены ее специфические черты. Вносится предложение по формулированию понятия «государственный надзор».

Введение

В последние годы издано много работ ученых-юристов, в которых исследуется сущность государственного надзора. Однако среди них нет единообразия ни по поводу используемой терминологии, ни по поводу характеристики данной юридической категории. Так, одно и то же правовое явление одни авторы (Л.М. Рябцев, Г.А. Василевич, А.Г. Тиковенко, Г.Б. Шишко, Т.В. Телятицкая, А.Н. Шкляревский) именуют административным надзором [1, с. 291], другие (Н.М. Конин) – функциональным видом отраслевого государственного надзора [2, с. 243]. Тем не менее в нормативных правовых актах в отношении надзорной деятельности органов государственного управления используется именно термин «государственный надзор». Например, государственный надзор в области промышленной безопасности (Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 363-З «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [3]), государственный санитарный надзор (Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4]) и т.д. В целях достоверного изложения суждений авторов, анализ доводов которых осуществляется, и с учетом норм позитивного права, термины «государственный надзор» и «административный надзор» в данной статье будут использоваться как тождественные.

В свою очередь разнообразие взглядов исследователей на сущность государственного надзора можно представить в нескольких основных блоках. Среди них мы выделим группу ученых, которые считают, что надзор является разновидностью контроля (М.Л. Студеникина, Д.Н. Бахрах, С.М. Зырянов), и группу ученых, рассматривающих контроль и надзор в качестве самостоятельных категорий (Ф.С. Разаренов, А.В. Мартынов, Н.М. Конин). Данные взгляды являются традиционными, однако имеются и полностью противоположные суждения. Например, польский ученый Е. Старосьцяк утверждает, что контроль – это разновидность надзора [5, с. 202]. Отдельные авторы считают, что надзор осуществляется только органами прокуратуры, а административный надзор органов управления является контролем (В.П. Беляев).

Таким образом, несмотря на то, что административный надзор является объектом изучения многих исследователей, в правовой доктрине до сих пор не сложилось единой концепции к пониманию данной юридической категории, что свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки этого правового явления. Более того, отметим, что анализ понятия «административный надзор» делается, как правило, исходя из исторического этапа развития и существующего политико-правового режима, что, на наш взгляд, не способствует уяснению сущности данной юридической категории. Мы считаем, что само понятие «административный надзор» должно быть фундаментальной категорией, которая не зависит от каких-либо внешних факторов. Аналогично как лексическое значение слова «надзор» одинаково постоянно и не зависит от времени и других условий. В то время как содержание понятия «административный надзор» естественно изме-

няется и совершенствуется, отвечая тенденциям времени, политико-правовым обстоятельствам и обогащаясь новыми формами и методами его осуществления.

Не ставя перед собой задачи критического анализа всего многообразия мнений ученых, характеризующих понятие «административный надзор», мы сформулируем цель настоящей статьи как исследование наиболее укоренившихся суждений, систематизация и обобщение которых могут дать нам благодатный материал для раскрытия сущности государственного надзора как фундаментальной юридической категории и для формулирования его понятия.

Сравнительный анализ государственного надзора и контроля

Значительный вклад в изучение правовой природы административного надзора внес Ф.С. Разаренов. Он относится к той группе исследователей, которые считают административный надзор самостоятельным организационно-правовым способом обеспечения законности. Ф.С. Разаренов предлагает следующее определение: «Административный надзор – это систематическое наблюдение за точным и неуклонным соблюдением законов и актов, основанных на законе, осуществляемое органами управления по подведомственным им вопросам и направленное на предупреждение, выявление и пресечение нарушений, а также привлечение нарушителей к ответственности» [6, с. 74].

Разграничение надзора и контроля Ф.С. Разаренов проводит по нескольким критериям. Так, Ф.С. Разаренов отмечает, что «полномочия органов административного надзора ограничиваются лишь наблюдением за тем, как поднадзорные органы и лица выполняют возложенные на них обязанности в соответствующей отрасли управления. Органы надзора не вмешиваются в другие стороны деятельности указанных выше органов. Напротив, компетенция органов внешнего специального контроля может быть и большей частью бывает более широкой. Она включает проверку не только с точки зрения правильности, но и целесообразности контролируемой деятельности» [6, с. 74–75]. Соглашаясь с высказанной точкой зрения, необходимо внести некоторые уточнения. В частности, если административный надзор характеризуется наблюдением за выполнением обязанностей, т.е. за процессом деятельности, то контроль в первую очередь ориентирован на результат. Об этом свидетельствует и появление такой характеристики, как целесообразность, т.е. достижение цели, ее результативность.

Далее автор указывает на различия по субъектам, на которых распространяется рассматриваемая деятельность, подчеркивая, что в отличие от надзора «специальный внешний контроль, как правило, не распространяется на отдельных граждан» [6, с. 74–75]. Отметим, что это полностью согласуется с нашим уточнением. Поскольку административный надзор осуществляется за процессом деятельности, его распространение не ограничивается субъектным составом. Он осуществляется не по субъектам, а по объектам воздействия. Например, если энергетический надзор осуществляется в отношении электроустановок и теплоиспользующего оборудования, то указанные объекты находятся под надзором независимо от того, кому они принадлежат (гражданину, государственному органу или частному предприятию).

Кроме того, имеет значение и причина появления обязанностей, которые впоследствии становятся предметом административного надзора. Так, поднадзорные объекты входят в сферу надзорной деятельности на основании самостоятельного, инициативного действия. Другими словами, они, по своей инициативе вступая в правоотношения, тем самым берут на себя обязанности по соблюдению соответствующих норм законодательства, по следованию в рамках допустимой законодательством модели. Подконтрольные объекты, наоборот, не являются источником инициативы, а исполняют какую-либо обязанность, вытекающую из поставленной перед ними руководящим субъектом цели, задачи. Таким образом, мы считаем, что предметом административного надзо-

ра является обязанность соблюдать нормы законодательства в соответствующей отрасли управления, а предметом контроля – обязанность исполнить управленческое решение.

М.С. Студеникина, напротив, приходит к выводу, что административный надзор является разновидностью контроля. «Надзор – своего рода суженный контроль, но суженный только в отношении сферы своего приложения» [7, с. 18]. «Органы контроля интересуются не только тем, не нарушил ли субъект управления действующее законодательство, но и тем, насколько правильно, целесообразно и эффективно он использовал все предоставленные ему полномочия. Специфика административного надзора проявляется в ограничении пределов его компетенции проверкой только законности действий конкретного объекта» [7, с. 18]. Таким образом, М.С. Студеникина также указывает на различие между административным надзором и контролем в зависимости от характера компетенции. Реализация полномочий более характеризует процесс деятельности, нежели результат этой деятельности. И на первый взгляд может показаться, что суждения автора идут в разрез с ранее сделанными нами выводами об акцентировании внимания при осуществлении контроля на результат. Однако контроль получил такую характеристику в связи с раскрытием его сущности как функции управления. А в ходе процесса управления деятельность имеет значение не сама по себе, а лишь постольку поскольку является путем к достижению поставленной цели.

Остановимся более подробно на процессе управления при осуществлении контрольной и надзорной деятельности. В частности, при осуществлении процесса управления в ходе контрольной деятельности присутствует такой элемент, как новизна. Органы контроля не связаны жесткими рамками требований законодательства. Проверая ход и результат выполнения управленческого решения, они вправе скорректировать его, исходя из объективно изменившихся обстоятельств, определить способы преодоления имеющихся недостатков в функционировании подконтрольного объекта. Причем юридическое значение для органов контроля имеют не только нарушения, но и недостатки, недоработки, которые могут выражаться в неэффективном использовании предоставленных полномочий. Другими словами, контроль содержит элементы руководства, администрирования. В связи с этим можно сформулировать цель контроля как обеспечение исполнения управленческого решения в рамках повышения эффективности управления объектом, отраслью для получения максимальной выгоды, экономического эффекта. При осуществлении административного надзора элемент новизны как таковой отсутствует. Орган надзора лишь дает обязательные указания по приведению в соответствие с требованиями законодательства проверяемой деятельности. Следовательно, цель административного надзора можно сформулировать как обеспечение следования поднадзорного объекта заданным в законодательстве параметрам, т.е. обеспечение законности. Отсюда недостатки и недоработки не будут иметь юридического значения для органа надзора, поскольку он применяет меры принудительного воздействия лишь при выявлении нарушений. При осуществлении административного надзора, на наш взгляд, отсутствует и такой элемент, как управленческое решение. Поднадзорный объект должен строго руководствоваться нормами законодательства, которые регламентируют его деятельность. Особо следует оговорить такие акты правоприменения, которые выдают органы надзора, как заключения, разрешения и т.д. Дело в том, что, во-первых, поднадзорные объекты обращаются за их получением по своей собственной инициативе, и данная группа актов носит разрешительный характер; а во-вторых, они являются, как правило, лишь предпосылкой для реализации той цели, которую перед поднадзорным объектом поставил управленец.

В этом ракурсе интересны суждения Б.М. Лазарева. Он отмечает, что «в правовых нормах часто говорится, что орган осуществляет «руководство и контроль» по отношению к соответствующим объектам. В других случаях употребляется только тер-

мин «руководство», но при этом предполагается, что оно включает в себя и «контроль» (уже как составной элемент руководства)» [8, с. 70]. «Термин «регулирование» в административном праве обычно включает в себя не только установление определенных «параметров» деятельности управляемых объектов, но и надзор за их соблюдением и применением мер государственного принуждения за нарушение соответствующих правил» [8, с. 70]. Следовательно, можно сделать вывод, что контроль и надзор, являясь частью управленческой деятельности, тем не менее относятся к различным его элементам. Так, по нашему мнению, контроль является компонентом руководства, а надзор – элементом регулирования.

Административный надзор, по мнению А.Л. Прозорова, является специальным видом правоохранительной деятельности органов государственного управления. «Сами по себе надзорные функции не появляются, в то время как контрольные функции – непременный элемент компетенции любого органа государственного управления. Надзорные функции специальные, потому что сам административный надзор, и в этом его принципиальная особенность, состоит в осуществлении наблюдения за исполнением не всего комплекса правовых актов, а только ряда специальных правил, норм, требований, устанавливаемых законами, актами Правительства, ведомственными актами, а также самими надзорными органами» [9, с. 36]. Исследовав сущность комплекса вопросов, лежащих в основе специализации административного надзора, автор делает вывод о том, что «предмет административного надзора имеет межотраслевой характер» [9, с. 41].

Ограничиваясь исследованием вышеизложенных доводов авторов советского периода, считая их наиболее емкими для уяснения сущности государственного надзора, следует отметить, что некоторыми современными исследователями, например, С.Н. Назаровым, значимость выделенных в советский период признаков нивелируется в связи с несоответствием их современным тенденциям. На примере норм действующего законодательства автор демонстрирует, что некоторые критерии разграничения надзора и контроля утратили свое значение. Исходя из этого он делает вывод, «что между надзорной и контрольной деятельностью специализированных органов различий фактически не имеется» [10, с. 63]. Исследуя надзор в современных условиях, С.Н. Назаров формулирует сущностное функциональное свойство надзора, как «обеспечение регулятивного воздействия права на общественные отношения, поддержание устойчивости и непрерывности функционирования общества в заданных правовых параметрах» [10, с. 13]. Далее он отмечает, что «традиционный подход к определению цели надзора – как поддержание законности – не отражает в полной мере его содержания» [10, с. 13]. По его мнению, она «состоит в поддержании режима правообеспеченности, под которым понимается реальное состояние полного и постоянного воспроизводства и гарантированности верховенства прав человека, выражающееся в реализуемости субъективных прав, исполняемости правовых обязанностей, соблюдаемости правовых запретов, поддерживаемости правовых стимулов, равновесии между правонаделением и правоограничением, закрепленными в развитой системе правового законодательства, структуру которого составляют законность, правозаконность, правоконституционность и правопорядок» [10, с. 14].

Среди современных авторов, которые считают административный надзор самостоятельной юридической категорией, следует отметить А.В. Мартынова. Он выделяет ряд существенных признаков этого правового явления, «которые не были предметом изучения в современном административном праве» [11, с. 131]. Например, А.В. Мартынов считает, «что наблюдение за исполнением специальных норм и правил, являющееся сущностью административного надзора, носит позитивную сущность, т.е. предупредительный характер». «Предупреждение нарушений законности является базовой функцией надзорных органов» [11, с. 132]. По мнению этого автора, «одна из главных целей административного надзора – обеспечение безопасности, наряду с обеспечением консти-

туционных прав и обязанностей граждан и законных интересов организаций» [11, с. 133]. А «содержание административного надзора наполняют установленные в действующем законодательстве соответствующие надзорные процедуры» [11, с. 134].

Коллектив авторов российского учебника «Административное право» также полагает, что имеются все основания провести грань между контрольной и надзорной деятельностью [12, с. 460]. Например, подчеркивается «управленческий и организационный аспект контрольной деятельности» (проверка целесообразности принимаемых решений) и указывается на то, что административный надзор имеет «юридическую окраску» (проверка только законности действий) [12, с. 460]. Акцентируется внимание на то, что контрольные полномочия характеризуются не только вмешательством в оперативно-хозяйственную, конкретную производственную деятельность подконтрольного объекта, но и возможностью привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности вплоть до отстранения от занимаемой должности. «Органы административного надзора такими полномочиями не обладают». Однако они выявляют и пресекают правонарушения, привлекают виновных к административной ответственности [12, с. 460–461].

Подводя итог, авторы утверждают, что «административный надзор – это особый вид государственной управленческой деятельности, осуществляемой специальными органами исполнительной власти в отношении организационно не подчиненных им органов, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан по поводу исполнения ими общеобязательных норм, правил, стандартов, требований с использованием комплекса мер административного принуждения с целью предупреждения, выявления и пресечения правонарушений, восстановления установленного порядка и привлечения виновных к административной ответственности» [12, с. 463].

Представляет интерес позиция Н.М. Кониная. Наряду с государственным контролем и государственным надзором как способами обеспечения законности и государственной дисциплины субъектов организационно-управленческих отношений, он выделяет и государственную контрольно-надзорную деятельность [2, с. 234]. Безусловно, данная категория отвечает фактическим обстоятельствам организации системы контрольно-надзорных органов на современном этапе. Однако для повышения эффективности управления, установления разнообразия форм и методов воздействия, которое соответствовало бы неоднородности проверяемых правоотношений, и в тоже время в целях исключения дублирования полномочий и дисбаланса в деятельности органов управления, мы считаем, необходимо однозначно конкретизировать и четко разделять полномочия органов контроля и органов надзора.

С.В. Пузырев, изучив содержание контрольной и надзорной деятельности, пришел к выводу, что в контрольной деятельности однозначно выделяют такие элементы, как наблюдение, анализ, вмешательство в деятельность, корректирование (регулирование) и восстановление, включение юрисдикционного механизма [13, с. 22]. А надзорная деятельность главным образом связана с таким элементом, как наблюдение [13, с. 35].

Среди представителей современных авторов, считающих административный надзор разновидностью контроля, следует выделить Д.Н. Бахраха. Рассуждая о контроле и надзоре, автор считает, что «во многих случаях ради обеспечения свободы граждан, предприятий, организаций, ограждения их от чрезмерной государственной опеки контрольные полномочия субъектов власти ограничивают правовыми актами, предоставляя им возможность осуществлять только надзор. А когда между проверяющими и проверяемыми нет организационной (прямой) подчиненности, ограничение контроля надзором необходимо для предотвращения вмешательства в оперативную деятельность субъектов, не несущих ответственность за ее последствия» [14, с. 351].

С.М. Зырянов, обозначая административный надзор как разновидность административного контроля, тем не менее и понятие контроля формулирует в узком смысле –

с учетом вычленения из него административного надзора, т.е. не позиционируя контроль и надзор как общее и частное. Так, административный надзор он определяет «как самостоятельную функцию органов исполнительной власти, осуществляемую по отношению к неподчиненным гражданам и организациям (физическим и юридическим лицам) по поводу соблюдения ими требований законодательства и иных нормативных правовых актов. Контроль (в узком смысле, с учетом вычленения из него административного надзора) направлен на обеспечение не только соблюдения требований нормативных правовых актов, но исполнительской дисциплины, а также на оценку эффективности и целесообразности действий (деятельности) подконтрольных объектов» [15, с. 24–25]. В качестве обоснования такого подхода к определению места административного надзора, С.М. Зырянов указывает, что в праве нет абсолютно обособленных явлений. «Сохраняя генетическое единство с контролем, административный надзор в своих крайних, пограничных проявлениях как бы сливается с контролем» [15, с. 13].

А.Н. Крамник указывает, что «административный надзор – отдельный вид надведомственного контроля» [16, с. 657]. Свою позицию он обосновывает тем, что надзор – «более узкая сфера контрольной деятельности» [16, с. 656]. Так, контроль осуществляется «с целью получения достоверной информации о происходящих процессах в тех или иных сферах» [16, с. 641], а надзор – «с целью выявления фактического положения о соблюдении (несоблюдении) специальных норм, правил» [16, с. 657].

Анализ суждений авторов, придерживающихся позиции о том, что надзор является разновидностью контроля, позволяет сделать вывод, что их доводы сводятся в первую очередь к широте охватываемой деятельности. Однако, на наш взгляд, для того, чтобы говорить о надзоре как о разновидности контроля, необходимо, чтобы эти юридические категории соотносились как общее и частное. И одной широты охватываемой деятельности здесь недостаточно. Например, широта и глубина вопросов, проверяемых во время контроля, может быть перекрыта широтой объектов воздействия надзора. Здесь имеется в виду, что надзор в отличие от контроля осуществляется и в отношении граждан. Это свидетельствует о различной направленности данных явлений, о различных целях, и, следовательно, об их самостоятельности. В связи с этим мы придерживаемся позиции, что государственный надзор и государственный контроль – это самостоятельные юридические категории. Однако следует согласиться с С.М. Зыряновым что «в праве нет абсолютно обособленных понятий», и именно это мы наблюдаем в настоящее время в правовой действительности. Тем не менее наука должна способствовать дифференциации этих понятий, что будет отвечать многообразию проверяемых правоотношений, соответствовать их значимости и назначению.

Исходя из многогранности и неоднородности сфер и форм жизнедеятельности общества, должна быть сформирована адекватная система контрольно-надзорных органов, компетенция и полномочия которых должны отвечать особенностям проверяемой деятельности. По нашему мнению, формирование самостоятельных структур контрольных и надзорных органов и будет являться этой необходимой системой, а четкая правовая регламентация их деятельности, основанная на научной теоретической концепции, исключит дублирование и параллелизм.

Сравнительный анализ государственного надзора и других видов надзора

Для полноты исследования сущности государственного надзора следует уяснить, как он соотносится с прокурорским и судебным надзором. М.С. Студеникина указывает на отличие административного надзора от прокурорского, которое, по ее мнению, «состоит в наличии у первого определенного комплекса административно-властных средств, с помощью которых происходит влияние надзорного органа на деятельность подконтрольного объекта» [7, с. 19]. Органы прокурорского надзора, которые

не входят в систему органов управления, напротив, не обладают административными полномочиями. [7, с. 19].

В.П. Беляев выделяет как общие, так и отличительные черты прокурорского, судебного и административного надзора. В качестве разграничителей он указывает следующие критерии: прокурорский надзор может осуществляться и за органами административного надзора; он является общим, в отличие от административного надзора, который специализирован; органы административного надзора, в отличие от прокуратуры, вправе сами привлекать к административной ответственности и др. [17, с. 38–39]. Отличительные черты судебного надзора, по мнению автора, выражаются в том, что он «не есть основная функция судебных органов, для которых главное – осуществление правосудия». «Одним из элементов обеспечения правосудия как раз и выступает встроенный в его систему внутриведомственный судебный надзор, являющийся как бы факультативной (хотя и важной) функцией судебной деятельности, поскольку судебный надзор не обязательная стадия в правосудии» [17, с. 33–34]. В качестве общих черт всех трех видов надзора В.П. Беляев указывает на то, что надзор осуществляется за законностью в деятельности неподчиненных структур и заключается в постоянном и систематическом наблюдении, а его целью является «введение в режим законности». [17, с. 39–40].

Заключение

На основании изложенного мы можем сделать вывод, что сущность государственного надзора раскрывается в следующих специфических чертах.

1. Содержанием государственного надзора является наблюдение за соблюдением поднадзорными объектами принятых ими на себя обязанностей, вытекающих из специальных норм законодательства. При этом происходит абстрагирование от результата деятельности, экономического эффекта, выгоды. Содержанием контроля является проверка исполнения обязанностей подконтрольными объектами, возложенных на них руководящим субъектом путем издания управленческих решений. При этом происходит сопоставление содержания и итогов деятельности с поставленной целью, сформулированными задачами.

2. Степень воздействия органов надзора на поднадзорные объекты определяется проверкой законности в их деятельности. При выявлении случаев нарушения законности органы надзора указывают на правовые параметры, в которые должен вернуться поднадзорный объект, предоставляя ему при этом право самостоятельно выбрать способ восстановления законности в своей деятельности. Степень воздействия органов контроля определяется проверкой как законности, так и целесообразности результатов деятельности подконтрольного объекта, а также путей их достижения. Орган контроля вправе осуществить вмешательство в деятельность подконтрольного объекта путем принятия конкретного решения по устранению недоработок, обязательного к исполнению и содержащего элементы новизны и собственного усмотрения органа контроля.

3. Сфера влияния государственного надзора не ограничена субъектным составом: он распространяется на государственные органы, юридические лица (независимо от их подчиненности и ведомственной принадлежности), а также на физические лица. В свою очередь, контроль не распространяется на физические лица, а при проверке юридических лиц имеет уклон в государственный, а не частный сектор.

4. Назначение государственного надзора выражается в оказании регулирующего воздействия на общественные отношения, посредством которого обеспечивается безопасность общества и государства, защита прав и законных интересов субъектов административно-правовых отношений. Назначение контроля выражается в осуществлении руководства, посредством которого обеспечивается достижение результата, координация работы, а также обеспечение единства при решении вопросов.

5. При осуществлении государственного надзора юридическое значение имеют только нарушения норм законодательства. При осуществлении контроля юридическое значение имеют как правонарушения, так и недостатки в работе.

6. Цель государственного надзора – обеспечение следования поднадзорного объекта заданным в законодательстве параметрам, поддержание устойчивости в функционировании поднадзорного объекта. Целью контроля является обеспечение исполнения управленческого решения в рамках повышения эффективности управления объектом, отраслью для получения максимальной выгоды, экономического эффекта.

7. Надзор как часть управленческой деятельности относится к такому ее элементу, как регулирование. Отсюда средства и способы осуществления государственного надзора четко регламентированы законодательством. Контроль, который также является частью управленческой деятельности, относится к руководству. Следовательно, из-за творческого аспекта руководящих указаний органов контроля по устранению выявленных недостатков не представляется возможным определения в законодательстве исчерпывающего перечня средств и способов, содержащихся в них.

8. Статус органов государственного надзора особо определяется в нормативных правовых актах. Контроль в той или иной степени присущ всем органам государственного управления независимо от их задач и вида деятельности.

9. Государственный надзор является специальным видом правоохранительной деятельности, в ходе которой доминирует юридический аспект. Контроль представляет собой организующую деятельность, в ходе которой доминирует аспект администрирования, руководства.

10. Предмет государственного надзора составляют специальные нормы законодательства, имеющие межотраслевой характер и регламентирующие отдельную функцию, сторону деятельности. Предметом контроля являются не только нормы законодательства, но и исполнительская дисциплина (выполнение планов, показателей и т.д.).

На основании изложенного можно предложить следующее понятие государственного надзора. Государственный надзор – это систематическое наблюдение за деятельностью поднадзорных объектов по соблюдению ими специальных межотраслевых норм законодательства, осуществляемое специальными уполномоченными органами управления по подведомственным им вопросам и направленное на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений, а также привлечение виновных лиц к ответственности в целях обеспечения безопасности общества и государства, защиты прав и свобод субъектов административно-правовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право : учеб. пособие / Л.М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2009. – 432 с.
2. Конин, Н.М. Административное право России. Общая и Особенная части / Н.М. Конин. – М. : Юристъ, 2004. – 559 с.
3. О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 363-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.11.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Закон Респ. Беларусь, 07 янв. 2012 г., № 340-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

5. Старосьцяк, Е. Элементы науки управления / пер. с польского док. юрид. наук А.Х. Махненко; под ред. и с вступит. статьей док. юрид. наук Ц.А. Ямпольской. – М. : Прогресс, 1965. – 423 с.
6. Разаренов, Ф.С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении / Ф.С. Разаренов // Вопросы советского административного права на современном этапе / Под ред. Ю.М. Козлова. – М. : Госюриздат, 1963. – С.69–78.
7. Студеникина, М.С. Государственный контроль в сфере управления / М.С. Студеникина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 160 с.
8. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 280 с.
9. Прозоров, А.Л. Административный надзор в советском государственном управлении : дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Прозоров. – М., 1986. – 147 л.
10. Назаров, С.Н. Надзор в правовой политике России : дис. ... док. юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Назаров. – Ростов н/Д, 2009. – 365 л.
11. Мартынов, А.В. Административный надзор: современное понимание и содержание / А.В. Мартынов // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2008. – № 2 (5). – С. 127–138.
12. Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова. – М. : Юристъ, 2002. – 697 с.
13. Пузырев, С.В. Административный надзор и контроль как формы исполнительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.В. Пузырев. – Саратов, 2006. – 194 л.
14. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. – М. : Эксмо, 2010. – 608 с.
15. Зырянов, С.М. Административный надзор органов исполнительной власти : автореф. дис. ... док. юрид. наук : 12.00.14 / С.М. Зырянов. – М., 2010. – 55 л.
16. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь. Часть I. Управленческое право / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – 672 с.
17. Беляев, В.П. Надзор как правовая форма государственной деятельности : Общетеоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.П.Беляев. – Белгород, 2000 г. – 183 л.

Gurina O.V. The Main Point of the State Supervision as Legal Category

The article is devoted to the investigation of the main point of state supervision of management. The author analyzes legal doctrines of the scientists, who keep to different points of view on the concept and the main point of the state supervision. Based on their analysis the author makes the conclusion about independence in this legal category and allocates its specific features. The definition of the concept «state supervision» is proposed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.2013

УДК 614.253.89:341

*Д.С. Береговцова***ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ПАЦИЕНТА**

В статье рассматриваются основные международные документы, посвященные реализации и защите прав пациентов. Предлагается авторская классификация данных документов и разделение их на международные акты, посвященные регламентации всех без исключения прав и свобод человека и регулирующие в числе прочих отдельные права индивида при обращении за медицинской помощью; специализированные акты, посвященные реализации и защите прав пациента как особой группы прав человека; специализированные международные документы, посвященные регламентации отдельных прав пациента. Автором выделяются и анализируются основные принципы международно-правового регулирования прав пациента, изложенные в данных международных актах.

Введение

В настоящее время проблемы реализации и защиты прав пациента, обеспечения качественной медицинской помощи находятся в центре внимания как международного сообщества в целом, так и отдельных государств. Это обстоятельство связано в первую очередь с тем, что здоровье является одним из основных жизненно необходимых благ человека, без надлежащего обеспечения которого теряет смысл реализация любого права из перечня фундаментальных прав и свобод человека. Удовлетворительное качество жизни индивида также напрямую зависит от состояния его здоровья, ведь больной человек значительные усилия затрачивает на восстановление нарушенного здоровья, а следовательно, не в состоянии полноценно реализовать себя как личность.

Принципы международно-правового регулирования прав пациента

Международные документы, посвященные реализации и защите прав пациента, можно разделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести международные акты, посвященные регламентации всех без исключения прав и свобод человека и закрепляющие в числе прочих такие права, как право на жизнь, личную неприкосновенность, уважение достоинства и право на здоровье. Эти права принадлежат каждому и вне зависимости от того, прибегнет ли индивид к услугам системы здравоохранения той или иной страны или нет. Тем не менее закрепление данных фундаментальных прав и свобод явилось отправной точкой в регламентации прав пациента (как особой группы прав индивида) и принятии в дальнейшем специализированных актов в данной области. Так, согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – Декларация), каждый имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. В соответствии со ст. 25 Декларации, каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая ...медицинский уход и социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи [1].

В ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах отмечено, что участвующие в данном соглашении государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Меры, которые должны быть приняты государствами для полного осуществления этого права, включают мероприятия, необходимые для обеспечения сокращения смертности и детской смертности и здорового развития ребенка; улучшения всех аспектов внешней среды и гигиены труда в промышленности; предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними; создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни [2].

Среди актов, посвященных закреплению фундаментальных прав и свобод человека, оказавших влияние на реализацию и защиту прав индивида при оказании ему медицинской помощи, принятых в рамках Совета Европы, особое место занимают такие акты, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) [3], пересмотренная Европейская социальная хартия (Страсбург, 3 мая 1996 г.) [4]. Например, в соответствии со ст. 11 этой хартии в целях эффективного осуществления права на охрану здоровья стороны обязуются принять, непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями, соответствующие меры, направленные, в частности, на: 1) устранение, насколько это возможно, причин нездоровья; 2) предоставление услуг консультационного и просветительского характера, направленных на укрепление здоровья и здорового образа жизни и на развитие чувства личной ответственности за свое здоровье; 3) предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний, а также несчастных случаев.

Ко второй группе международных документов, регламентирующих правовой статус пациентов, следует отнести специализированные акты, посвященные реализации и защите прав пациента как специализированной группы прав человека, характерной особенностью которых является именно область и условия реализации (реализуются в области здравоохранения при получении медицинской помощи). В числе данных международных документов особое место занимают документы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), являющейся специализированным учреждением ООН. В настоящее время членами ВОЗ являются 194 государства; она выполняет самые разнообразные задачи, в том числе разрабатывает международные рекомендации в области реализации и защиты прав пациентов, устанавливает стандарты в области здравоохранения и т.д. Следует отметить, что Беларусь является членом ВОЗ с 1948 г., однако активно участвует в работе данной организации лишь с конца 1991 г., т.е. фактически с момента обретения Республикой Беларусь независимости.

К наиболее важным документам ВОЗ, регламентирующим общественные отношения в исследуемой области, относятся следующие: 1) Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе (Амстердам, Голландия, 1994 г.) [5]; 2) Хартия реформирования здравоохранения (Любляна, Словения, 1996 г.) [6]; 3) Декларация о приоритетах укрепления здоровья в XXI в. (Джакарта, Индонезия, 1997 г.).

Остановимся более подробно на характеристике первого из названных документов. Декларация о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе была принята Европейским совещанием ВОЗ по правам пациента, проходившем в Амстердаме с 28 по 30 марта 1994 г. Декларация представляет собой свод основных принципов, направленных на обеспечение реализации и защиту прав пациента на территории европейских государств – членов ВОЗ. В декларации получили закрепление вопросы выбора стратегии в области обеспечения прав пациентов и их обязанностей, а также социальные и индивидуальные права пациента. При этом социальные права, в соответствии с Декларацией, являются достоянием всего общества и определяются уровнем его развития в целом. Данная группа прав пациента напрямую зависит от социальных обязательств, взятых на себя правительством, общественными или частными организациями по разумному обеспечению всего населения медицинской помощью.

Под индивидуальными правами в Декларации понимаются конкретные права отдельно взятого пациента, такие, например, как право на целостность личности, на невмешательство в личную жизнь, на конфиденциальность и религиозные убеждения. В документе также поднимается вопрос о разумных ограничениях прав пациентов в интересах обеспечения общественного порядка в соответствии с требованиями охраны здоровья членов общества и необходимостью соблюдения прав каждого гражданина.

Кроме Всемирной организации здравоохранения на международном уровне активно занимается нормотворчеством в области реализации и защиты прав пациентов также и Всемирная медицинская ассоциация (ВМА), образованная в 1947 г. в Париже. ВМА представляет собой международную организацию, объединяющую представителей наиболее организованных и авторитетных врачебных сообществ развитых стран. Организационной формой деятельности ВМА являются ежегодные встречи представителей указанных сообществ в рамках Всемирной Медицинской Ассамблеи. В числе прочего ВМА является разработчиком и создателем международной концепции прав пациента. К числу наиболее важных документов, устанавливающих общие принципы международной защиты прав пациента, можно отнести следующие:

- 1) Международный кодекс медицинской этики (принят в октябре 1949 г., дополнен в августе 1968 г. и октябре 1983 г.) [7];
- 2) Лиссабонская декларация о правах пациента (принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, октябрь 1981 г.) [8];
- 3) пересмотренная Хельсинкская декларация [9];
- 4) Венецианская декларация о терминальном состоянии (принята 35-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г.) [10];
- 5) Заявление о персистирующем вегетативном состоянии (принято 41-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Гонконг, сентябрь 1989 г.) [11];
- 6) Двенадцать принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения (приняты 17-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Нью-Йорк, США, октябрь 1963 г., дополнены 35-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г.) [12].

Особую роль в закреплении основных принципов реализации и защиты прав пациентов среди данных актов играет Лиссабонская декларация о правах пациента, в которой отмечается, что врач должен действовать в интересах пациента сообразно своей совести, с учетом юридических, этических и практических норм той страны, где он практикует. Если в какой-либо стране положения законодательства или действия правительства препятствуют реализации закреплённых в Декларации прав, врачи должны всеми доступными способами восстановить их и обеспечить их соблюдение.

Хельсинкская декларация ВМА направлена на защиту прав испытуемых, участвующих в медицинских экспериментах, т.е. регламентирует права лишь одной категории пациентов. Вместе с тем следует обратить внимание, что медицинские исследования могут проводиться как с целью медицинской помощи испытуемому, так и с иными целями, например, исключительно научными. Поэтому понятие «испытуемые» по объему не совпадает с понятием «пациенты». Однако те испытуемые, которые участвуют в медицинских экспериментах, совмещенных с оказанием им медицинской помощи, одновременно являются и пациентами. Первоначальный текст этой декларации был принят в 1964 г., но затем неоднократно пересматривался. Впервые декларация была пересмотрена в 1975 г, затем последовали нововведения 1983, 1989, 1996, 2000 г.г. И, наконец, наиболее значительные изменения в Декларацию были внесены в 2008 г. В результате всех пересмотров и дополнений текст Хельсинкской декларации существенно изменился: с одной стороны, пересмотренная версия Декларации еще больше внимания уделяет защите жизни и здоровья, личной неприкосновенности и здоровья испытуемых, а с другой – отражает наметившуюся в последние годы тенденцию к большему учету интересов всего общества и отдельных популяций.

В преамбуле Двенадцати принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения отмечается, что на планете работают различные системы здравоохранения – от полностью автономных до исключительно государственных. ВМА считает своим долгом встать на защиту основных принципов

медицинской практики и свободы медицинской профессии, а потому, не вдаваясь в оценку ни одной из национальных систем здравоохранения, декларирует условия, соблюдение которых необходимо для эффективного сотрудничества медицинского сообщества с государственной системой здравоохранения. Следует отметить, что подавляющее большинство положений Двенадцати принципов посвящено регламентации прав и обязанностей медицинских работников, защите медицинской практики и свободы медицинской профессии. Вместе с тем отдельные принципы, например, 2, 6 и 11, регламентируют отдельные аспекты правового статуса пациента, в частности, провозглашают право выбора пациентом врача, конфиденциальность взаимоотношений врача и пациента, а также право на получение любых препаратов и лечения, адекватных с точки зрения современных стандартов.

Определенную роль в становлении международной концепции прав пациентов сыграло принятие Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 г. (Конвенции о правах человека и биомедицине) [13]. Эта конвенция охватывает все сферы применения медицины и биологии человека, включая их использование в профилактических, диагностических, терапевтических и научно-исследовательских целях. При этом следует отметить, что данное международное соглашение носит рамочный характер, т.е. содержит лишь самые общие нормы о защите прав человека в связи с использованием достижений биологии и медицины. Изначально (еще при разработке Конвенции) было решено, что эти общие нормы будут конкретизированы применительно к отдельным областям биомедицины.

К числу универсальных международных актов, регламентирующих права пациентов, следует также отнести Европейскую Хартию прав пациентов, представленную в Брюсселе 15 ноября 2002 г. [14]. В ее основу положены четырнадцать основных прав пациента, находящихся в данный момент под угрозой: права на профилактические меры; на доступность помощи, информирование, согласие, свободный выбор, приватность и конфиденциальность, уважение времени пациента, соблюдение стандартов качества, безопасность, инновации, предотвращение по мере возможности страданий и боли, индивидуальный подход к лечению, права на получение жалобы и получение компенсации.

К третьей группе международных актов следует отнести специализированные международные документы, посвященные регламентации отдельных прав пациента, таких, например, как право на получение качественной медицинской помощи; право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство; право на уважение человеческого достоинства при получении медицинской помощи; право на облегчение боли и др. Преимущественно данные документы принимаются в рамках ВОЗ и ВМА. К их числу следует отнести Заявление о доступности медицинской помощи (принято 40-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Вена, Австрия, сентябрь 1988 г.) [15], Декларацию относительно эвтаназии (принята 39-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, 1978 г.) [16], Корейскую декларацию ВОЗ (Сеул, Корея, 18 марта 2005 г.) [17], новое руководство ВОЗ по организации паллиативной помощи для людей с последними стадиями рака (Женева, 5 октября 2007 г.) [18].

Проанализировав основные международные акты, прямо регламентирующие либо лишь в определенной степени затрагивающие права пациента, следует выделить некоторые фундаментальные принципы международной регламентации прав пациента:

1. Принцип равного уважения прав пациента вне зависимости от его пола, расы, имущественного положения, религиозных и философских убеждений, нозологической принадлежности и степени тяжести заболевания (заболеваний), которым страдает пациент (п. 1.5 ст. 1 и п. 6.2. ст.6 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе; ст. 1 Конвенции о правах человека и биомедицине).

2. Принцип предоставления только качественной и доступной медицинской помощи. Данный принцип провозглашен в статьях 2, 9 и 12 Европейской Хартии прав пациентов; в ст. 5 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе; статьях 3 и 4 Конвенции о правах человека и биомедицине. В соответствии с этим принципом каждый пациент имеет право на доступность качественного медицинского обслуживания в соответствии с установленными стандартами качества. Право на качественное медицинское обслуживание требует от медицинских учреждений и специалистов оказания услуг на удовлетворительном уровне технической квалификации, комфорта и личного взаимодействия с пациентом. Принцип предоставления качественной и доступной медицинской помощи включает в свой состав право на индивидуальный подход к лечению, т.е. право на такую диагностику и лечение, которые максимально адаптированы к личным потребностям пациента.

3. Принцип безопасности пациента при получении медицинской помощи (ст. 9 Европейской Хартии прав пациента; п. 1.3 ст. 1 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе). Данный принцип является логическим продолжением предыдущего, развивает, конкретизирует и дополняет его. В соответствии с ним каждый имеет право на защиту от вреда, причиненного ненадлежащим функционированием систем здравоохранения, халатностью и ошибками медицинских работников.

4. Принцип предоставления полной и всесторонней информации о состоянии здоровья пациента, о медицинских услугах и способах их получения (ст. 3 Европейской Хартии прав пациентов; ст. 2 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе; ст. 10 Конвенции о правах человека и биомедицине). В соответствии с этим принципом медицинские службы обязаны всю информацию о медицинских услугах и способах их получения сделать легкодоступной путем устранения бюрократических барьеров, обучения медработников, подготовки и распространения информационных материалов.

5. Принцип конфиденциальности отношений врача и пациента (ст. 6 Европейской Хартии прав пациента; ст. 4 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе, п. Г Лиссабонской декларации относительно прав пациентов; принцип V Двенадцати принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения; ст. 10 Конвенции о правах человека и биомедицине). В соответствии с данным принципом каждый пациент имеет право на время проведения диагностических и терапевтических процедур.

6. Принцип добровольности оказания медицинской помощи (ст. 4 Европейской Хартии о правах пациента; ст. 3 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе; п. В Лиссабонской декларации относительно прав пациентов; статьи 5–9 Конвенции о правах человека и биомедицине). Любая медицинская помощь должна осуществляться при наличии согласия должным образом информированного пациента. При этом пациент на любом этапе лечения или медицинского вмешательства имеет право отказаться от него.

7. Принцип свободы выбора форм и методов лечения и диагностики, врача и организации здравоохранения (ст. 5 Европейской Хартии прав пациента; принцип II Двенадцати принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения).

8. Принцип обеспечения и защиты прав пациента всеми возможными легальными средствами и способами, включая возможность подачи жалоб и право на получение компенсации в случае причинения вреда жизни и здоровью пациента (ст. 14 Европейской Хартии права пациента; п. 6.4 ст. 6 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе; статьи 23 и 24 Конвенции о правах человека и биомедицине).

9. Принцип доступности для пациентов медицинских инноваций в соответствии с международными стандартами и независимо от экономических и финансовых соображений (ст. 10 Европейской Хартии прав пациента).

10. Принцип осуществления прав пациента не в ущерб здоровью других членов общества, их человеческих прав и свобод (ст. 1 Декларации о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе). При реализации этого принципа следует учитывать правило, изложенное в ст. 2 Конвенции о правах человека и биомедицине: интересы и благо отдельного человека превалят над интересами науки и общества.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на международном уровне разработан и действует ряд документов, регламентирующих права пациентов. Значительная часть этих документов, например, акты ВМА, ВОЗ, носят сугубо рекомендательный характер. Международные документы, принятые в рамках Совета Европы, не являются обязательными для Республики Беларусь, так как наша страна не является членом Совета Европы. Вместе с тем Республика Беларусь является участником большинства универсальных международных договоров по правам человека, принятых как в рамках ООН, так и в рамках СНГ, регламентирующих в числе прочих отдельные права граждан в области охраны здоровья. Полагаем, что нашей стране необходимо присоединиться также к важнейшим международным документам, регламентирующим права пациента, таким, например, как Конвенция о правах человека и биомедицине и дополнительные протоколы к ней, Европейская Хартия прав пациента и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая Декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Ген. Ассамблеи ООН, 10 дек. 1948 г. // Права человека : сб. междунар.-правов. док. / подгот. В.В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 1–5.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Ген. ассамблеи, 16 дек. 1966 г. // Права человека : сб. междунар.-правов. док. / подгот. В.В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 5–13.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 4 нояб. 1950 г. // Междунар. акты о правах человека : сб. док. / Комис. по правам человека при Президенте Рос. Федерации, Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; сост.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М., 1999. – С. 539–570.
4. Европейская социальная хартия (пересмотренная), Страсбург, 3 мая 1996 г. // Права человека : сб. междунар.-правов. док. / подгот. В.В. Щербовым, А. Селивановым; сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 780–794.
5. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе, 28 марта 1994 г. // Жилиева, Е.П. Аналитический обзор по защите прав пациентов в промышленно развитых странах / Е.П. Жилиева. – М., 1997. – С. 99–107.
6. Хартия реформирования здравоохранения, июнь 1996 г. // ВОЗ [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.euro.who.int/ru/who-we-are/policy-documents/the-lijbiliana-chapter-jn-reforming-health-care,-1996>. – Дата доступа: 18.01. 2013.
7. Международный кодекс медицинской этики : принят 3-й Ген. Ассамблеей ВМА, Женева, Швейцария, окт. 1949 г. : доп. 22-й Ген. Ассамблеей ВМА, Сидней, Австралия, авг. 1968 г. : доп. 35-й Ген. Ассамблеей ВМА, Венеция, Италия, окт. 1983 г. // Врач. – 1994. – № 4. – С. 47.
8. Лиссабонская декларация о правах пациента : принята 34-й Ген. Ассамблеей ВМА, Венеция, Италия, окт. 1981 г. // Медицина и право [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/LisbonDecl.htm>. – Дата доступа: 18.01. 2013.

9. Хельсінкская декларация ВМА : принята 18-й Ген. Ассамблеей ВМА, Хельсинки, 1964 г. : пересмотрена 29-й Ген. Ассамблеей ВМА : пересмотрена 35-й Ген. Ассамблеей ВМА : пересмотрена 41-й Ген. Ассамблеей ВМА // Медицина и право [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.med-pravo.runmed-pravo.runsearch.med-pravo.ru/international/Helsinki%201.htm>. – Дата доступа: 18.01.2013.

10. Венецианская декларация о терминальном состоянии : принята 35-й Ген. Ассамблеей ВМА, Венеция, Италия, окт. 1983 г. // Медицинская этика: сб. док. / под ред. И.В. Островской. – М., 2001. – С. 48.

11. Заявление о персистирующем вегетативном состоянии : принято 41-й Ген. Ассамблеей ВМА, Гонконг, сентябрь 1989 г. // Практикующему врачу [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.medicine.onego.ru/prakt/law/l42_a.html. – Дата доступа: 18.01.2013.

12. Двенадцать принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения : приняты 17-й Ген. Ассамблеей ВМА, Нью-Йорк, США, октябрь 1963 г. : дополнены 35-й Ген. Ассамблеей ВМА // Ассоциация гомеопатов Украины [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.med-homeopat-ua.org/a5.php>. – Дата доступа: 18.01.2013.

13. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины : Конвенция о правах человека и биомедицине, Овьедо, 4 апреля 1997 г. // Права человека : сб. междунар.-правов. док. / подгот. В.В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В.В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 835–844.

14. Европейская хартия прав пациентов, 15 ноября 2002 г., Брюссель // Право и здоровье [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.health-rights.am/rus/more/727/>. – Дата доступа: 28.01. 2013.

15. Положение о доступности медицинской помощи : принято 40-й Ген. Ассамблеей ВМА, Вена, Австрия, сент. 1988 г. // Врачи, пациенты, общество : права человека и проф. ответственность врача в док. междунар. орг. / Всемир. психиатр. ассоц., Болгар. психиатр. ассоц., Ассоц. психиатров Украины. – Киев, 1999. – С. 39–40.

16. Декларация относительно эвтаназии : принята 39-й Ген. Ассамблеей ВМА, Мадрид, Испания, окт. 1987 г. // Врачи, пациенты, общество : права человека и проф. ответственность врача в док. междунар. орг. / Всемир. психиатр. ассоц., Болгар. психиатр. ассоц., Ассоц. психиатров Украины. – Киев, 1999. – С. 33.

17. Корейская декларация ВОЗ, 18 мар. 2005 г., Сеул, Корея // Паллиативная/хосписная помощь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.pall-care.ru/ru/?p=1175103301>. – Дата доступа: 18.01. 2013.

18. Новое руководство ВОЗ по организации паллиативной помощи для людей с последними стадиями рака, 5 окт. 2007 г., Женева // Паллиативная/хосписная помощь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.pall-care.ru/ru/?p=1194090665>. – Дата доступа: 18.01. 2013.

Bergovtsova D.S. The Basic Principles of the International Legal Regulation of the Rights of the Patient

In this article considers the basic international documents on the implementation and protection of the rights of patients, as well as the classification is performed these documents to an international instrument devoted to the management of all without exception of human rights and freedoms, regulating, among other individual rights of the individual in seeking medical assistance, on the specialized instruments, devoted to the realization and protection of the rights of the patient as a particular group of human rights and international documents on the regulation of the individual rights of the patient. In addition, the author identifies and analyzes the main principles of international-legal regulation of the rights of the patient.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.02.2013

УДК 340.1(075.8)

А.Б. Лепешко

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ В ФЕНОМЕНОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются категории «интегративность» и «коммуникативность», выявлены их существенные черты, охарактеризована роль этих категорий в феноменолого-коммуникативной концепции. Рассматриваются некоторые аспекты феноменолого-коммуникативного подхода в юриспруденции, формулируются выводы о месте, которое занимает данная теория в системе методологии права, теоретическом знании в целом.

В настоящее время наблюдаются проблемы переосмысления методологии общей теории права как фундаментальной науки и, соответственно, отраслевых юридических наук. Актуальность этих вопросов подтверждается рядом авторов. Так, В.С. Нерсисянц отмечает, что методология юриспруденции «сводится к дежурным суждениям о предмете и методе теории права и государства. При этом остаются без рассмотрения проблемы предмета и метода всей юриспруденции как единой системы разных юридических дисциплин» [1, с. 1]. Кроме того, К.К. Жоль призывает обратить особое внимание на методологию права, поскольку «сегодня, по мнению большинства юристов, догматическая юриспруденция уже не может быть лишь юриспруденцией понятий, не может довольствоваться одним лишь формально-логическим толкованием положительного права, но должна быть в той или иной мере социальной юриспруденцией, то есть должна принимать во внимание те общественные отношения, которые порождают правовые нормы, и те общественные цели, достижению которых она служит» [2, с. XIX]. О важности обращения к проблемам теоретического, методологического характера говорят и белорусские учёные-юристы.

В юридическом знании фундаментальным проблемам часто не уделяется должное внимание, мышление преобладающего большинства правоведов носит прикладной, эмпирический характер. Однако в настоящее время наблюдается потребность в притоке новых идей методологического характера, в рамках применения которых можно не столько осуществить «прирастание» эмпирического знания, сколько добиться нового качества знания, сформировав комплексную систему методов. Так, существующие и ставшие достаточно традиционными методологические постулаты Г. Кельзена, неопозитивистские установки Г. Харта, онтологическая концепция Р. Марчича и некоторые иные идеи постепенно дополняются новыми направлениями познания явлений социально-правовой действительности. Причем большинство таких направлений заимствуются из других, неюридических дисциплин. Однако в этом наблюдается отсутствие единых системных подходов в сфере методологии права, и потому ожидаются новые мысли и идеи, связанные с методологическими поисками в сфере, прежде всего, антропологического подхода. Как отмечает французский юрист, основатель Французской ассоциации юридической антропологии Норбер Рулан, «выйдя из недр социальной антропологии, юридическая антропология имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах, но отдаёт предпочтение юридическому аспекту, заявляя при этом о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу» [3, с. 9].

Однако необходимо учитывать, что применение новых методов или переосмысление уже существующих позволит добиться пересмотра уже сложившихся методологических стандартов, по-новому оценить имеющиеся концептуальные идеи, осмыслить накопленный эмпирический материал. Ведь внесение в практику науки качественно новых подходов (методов) позволяет не просто изменить угол зрения на предмет познания; в этом случае может трансформироваться непосредственно сам этот предмет и станет возможным самое неожиданное «прочтение» ранее сложившихся представлений. Необходимость переосмысления проблемы методологии связаны с расширяющимися границами предмета общей теории права, выходящего за рамки государственно-правовой действительности: например, исследование проблем правообразования, а не только правотворчества; правового воздействия, а не правового регулирования; правового сознания, а не законосознания.

Так, А.В. Поляков сделал попытку научного переосмысления методологии общей теории права, дополнив ее коммуникативным подходом и расширив предмет познания данной науки. Первая категория, к которой следует обратиться в ходе анализа – это «многоединство».

Многоединство и интегральность

Категория «многоединство» по своему содержанию коррелирует с термином «всеединство», предложенным В. Соловьевым. Так, А. Поляков в контексте проблемы указывает, что «целостное представление о праве связано с задачей объяснить право как многоединство, но существующие на сегодняшний день в правоведении теории нацелены, прежде всего, на уяснения права всего лишь как единства, что приводит к известной одномерности» [4, с. 253]. Фразы «право есть норма», «право есть справедливость» и т.д. не охватывают всего многообразия правовой структуры, и, чтобы преодолеть это заблуждение, надо обратиться к самому праву, его сущности. Следует, однако, учитывать смысловую разницу между категориями «единство» и «многоединство», а также обратить внимание на категорию «целостность».

И второе важное замечание. Анализируя, в частности, категорию «право», учёный утверждает, что «право как тотальная интересубъективная социокультурная реальность рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологическом аспектах и, соответственно, онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и реализации. В центре таким образом понимаемой правовой реальности находится человек как творец правовых коммуникаций...» [4, с. 11]. Перед нами – сложная смысловая конструкция, в которой, в принципе, даны все основные характеристики коммуникативного подхода. Но мы пока остановимся лишь на одном аспекте, а именно том, где автор говорит о «многоединстве», «интегративности» и некоторых сопутствующих дефинициях.

«Многоединство», «интегративность» как базисные категории в концепции А. Полякова не случайны, поскольку стремление примирить взаимоисключающие положения, подходы присуще автору коммуникативного подхода в полной мере. В частности, говоря о социальном и правовом регулировании, А. Поляков замечает, что имеют место два взаимоисключающих ответа на вопрос, что регулируется нормами права. Первый состоит в том, что предметом правового регулирования являются правовые отношения. Другие же специалисты полагают, что им может быть только поведение правового субъекта. Констатируя, что подобное противоположение неоправданно, учёный полагает, что «не будет ошибкой утверждать, что предметом правового регулирования являются общественные отношения, только регулируются они через поведение субъектов

социального взаимодействия (коммуникации)» [4, с. 612]. Т.е. имеющееся противоречие между подходами «снимается» не за счёт приоритета одного из них, выстраивания соответствующей иерархии, а путём их «примирения», «интеграции». Говоря о перспективах именно интегративного типа правопонимания в современную эпоху, учёный подчёркивает, что такого рода подход призван «не эклектически объединить, а синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве – у этатистского подхода; субъектно-деятельный аспект права у социологической школы; восприятие права как ценности у юснатурализма; психическую составляющую права – у сторонников психологической школы и т.д.» [4, с. 173–174]. Перед нами те же методологические приоритеты, основанные на «примирении» разнородных начал. Причём в данном случае принципиально важно то, что новый интегративный подход исходит не просто из механического синтеза конкурирующих теорий, а из идеи многоединства самого права. Заметим лишь, что сам механизм интеграции столь высокого уровня «прописан» всё же недостаточно последовательно, и могут возникнуть вполне закономерные затруднения в процессе осуществления методологических подходов такого характера и уровня.

Таким образом, «многоединство», «интегративность» выступают базовыми категориями методологического подхода, предложенного А. Поляковым, и об этом свидетельствует достаточно последовательно осуществляемая «практическая» деятельность учёного, связанная с рассмотрением конкретных правовых проблем. Заметим лишь, что в ряде случаев мы имеем дело лишь с констатацией проблемы, но не с её развёрнутой аргументацией. Типичный пример – критика марксистского правопонимания. А.В. Поляков, изложив суть учения К. Маркса, ограничивается указанием на то, что перед нами «великая утопия».

Обратимся к анализу одного из подразделов фундаментального труда учёного, его «Общей теории права». Обращает на себя внимание название анализируемого текста: «Понятие источника права: многообразие смыслов», потому что «многообразие смыслов» – одна из фундаментальных категорий постмодернизма и выбор такого рода смысловых координат означает и выбор методологических приоритетов. Собственно, и проведённый автором труда анализ подтверждает этот тезис. Рассматривая различные методологические подходы к анализу категории «источник права», А. Поляков говорит о существовании методологических различий. Скажем, есть подход «этатистский», в рамках которого право не существует вне государства, или подход, обозначаемый как «традиции модерна». Здесь право имеет своим источником «объективные» причины как материального, так и идеологического характера. А вот коммуникативная теория подхода «снимает» противоречия, существующие в рамках различных теорий.

Здесь, однако, есть некое противоречие между заявленным автором методологическим плюрализмом (апробируется множество смыслов) и реальным комментарием по поводу характера коммуникативной теории в этом аспекте. Причём, как уже отмечалось, А. Поляков, как правило, не критикует «односторонности» иных теорий, не показывает, где и в чём их слабость. Он «по умолчанию» согласен с тем, что в них присутствует некое «рациональное зерно», но выдвигает коммуникативную теорию как тот методологический подход, который стоит «над» односторонними подходами иного характера, скажем, вследствие того, что в нём примирены имеющие место противоречия.

Так, в коммуникативной теории, по мнению Полякова, под правом понимается определённый «порядок отношений», который по своему существу «объективен». С другой стороны, правом являются не столько нормы, сколько «та коммуникативная целостность, интенциональным и смысловым ядром которой выступают субъективные права» [4, с. 626]. Кроме того, существует форма реализации жизненных потребностей

членов общества, и эта форма называется «объективированными правовыми текстами». Т.е. всё то же «примирение», «синкретичность», «новый синтез» или «новое единство». И здесь имеет смысл обратиться к такому правовому феномену, каким является в коммуникативной теории «правовой текст». Дело в том, что новации здесь особенно заметны и связаны с различением как текстуального, так и внетекстуального источника права. Надо сразу признать: А. Поляков последователен в реализации своей методологической программы. Ведь если ключевым, базисным понятием теории является понятие «правовые отношения», а не норма, не государство либо что-то иное, уже апробированное учёными, то из этого органически вытекает и необходимость формирования категории «внетекстуальный текст». Тем более что соответствующие отсылки к классикам постмодернизма помогают обосновать этот подход теоретически.

«Внетекстуальные источники права» – это деятельность членов общества, причём та деятельность, в ходе которой и порождается феномен права. «Типичное и значимое в этой деятельности, основанное на ценностных аспектах как материальной, так и духовной культуры, через обыкновения, волевое императивное установление или договор объективируется в форме первичного правового акта» [4, с. 627]. Здесь стоит обратить внимание на диалектику объективного и субъективного в процессе «порождения права». Опять-таки, иерархия предпочтений строится не на выделении некоего одного, базисного принципа (материальный фактор, например, или классовый интерес), а на сочетании такого рода принципов. Есть «субъективное»: ценность, культура, но есть и «объективное»: «отношения», «объективация». И есть смысловое, более того, методологическое единство, осуществляемое именно в процессе коммуникации.

Понятие «правового текста» здесь является более привычным и трактуемым в классических категориях, несмотря на указание на его «сложную структуру» и вообще наличие «знаковой формы». Это именно так, поскольку правовой текст получит правовое значение только тогда, когда будет соответствующим образом «интерпретирован» в процессе «правовых отношений». В противном случае данный правовой акт не будет востребован.

Объявляя правовыми обычаями, мифы, законы, инструкции, договоры и т.п., А. Поляков совершенно справедливо обращает внимание на факт «социализации права», на укоренённость права в различных социальных институтах, действиях, содержании социальных действий. Действительно, процесс легитимации устоявшихся привычек, традиций имеет место в различных правовых системах, и весь вопрос лишь в том, как данный процесс интерпретировать. Однако может вызвать вопросы столь широкое толкование права вообще, источников права в частности. Характер социальных связей в обществе столь многообразен, эти отношения столь непредсказуемы и часто неконтролируемы, что искать и находить в них «источник права» затруднительно даже с этой «внешней» стороны. Да и со стороны «внутренней», содержательной затруднения столь же очевидны. Вот А. Поляков говорит о том, что правовые тексты «полилогичны», и с точки зрения методологии постмодернизма иного он сказать просто не может. Но «полилогичность» затрудняет рациональное осмысление предмета изучения (с точки зрения классической, аристотелевской логики), и здесь выход во всё том же смысловом многообразии, который, конечно, снимает авторские затруднения, но вряд ли полностью удовлетворяет как самого исследователя, так и читателя.

И речь, конечно, не только о «полилогичности». Столь же пристальное внимание может вызвать трактовка, например, мифа как источника права. Достаточно смело утверждается, что «мифы являются источником права и в современном обществе». Логика рассуждений заключается в том, что люди и сегодня мифологизируют окружающий мир; мифологизация осуществляется в форме идей, концептов; идея, концепт «двигают» массами и, в итоге, «обрастают» признаками правовой нормы, становятся

правовыми нормами. Здесь (в качестве контраргументации) можно апеллировать, например, к следующей проблеме: как определить сегодня миф: в традиционном, классическом ключе (фантастическое представление о мире, свойственное ранним, архаичным этапам развития человечества), либо речь идёт об иных характеристиках, связанных с постмодернистским «углублением» темы. А. Поляков традиционно прибегает к очень широкой трактовке: миф есть и наука, и идеология, и религия, и, наконец, это просто чудо. Это даёт возможность назвать миф источником права не только рациональным, но и иррациональным. Здесь правомерным будет следующий вывод: принимая общую логику рассуждений учёного, его базовые методологические константы, мы признаём и возможность такого рода «частностей» (миф как источник права). Критический анализ такого подхода возможен только на основе критики базовых положений (коммуникация, предельно широкое толкование прав, синкретизм и т.д.).

И, в заключение этой части, несколько слов о параллели между «многоединством» А. Полякова и «всеединством» В. Соловьёва. Здесь затруднителен широкий контекст (он отвлечёт нас от главной темы), но главное заключается в том, что синкретизм, «примирение противоречий», интегративность объединяет подходы обоих учёных. Отмечая подобную позицию В. Соловьёва, Н.Н. Страхов писал в одном из писем Льву Толстому: «Соображая теперь всего его лекции (речь идёт о «Чтениях о Богочеловечестве». – А.Л.), я вижу, что он хотел произвести синтез востока и запада, слить в одну систему атомизм, дарвинизм, пантеизм, христианство и т.д. Соловьёв хочет и всё примирить, и всех объединить» [6, с. 160–161]. Вообще говоря, стоит заметить, что подобного рода «интегративность» – характерная черта многих русских правовых, философских школ и направлений. Достаточно назвать глубокие идеи о соборности А. Хомякова, мысли Л. Карсавина, С. Франка, Е. Трубецкого и иных замечательных мыслителей.

Объединяет подходы мыслителей то, что перед нами системы знания, а не те или иные их фрагменты; системы представлены как «симфонии», как «аккорд», но не отдельно звучащий мотив; «примирение противоречий» выглядит не просто как «снятие» смыслового дискомфорта, скорее это «новая интеграция», получение принципиально нового смыслового продукта в рамках накопленного знания; однако если «корнем» системы В. Соловьёва была религия, вера, религиозная этика, то для А. Полякова таким основанием стало понятие «коммуникативность». Обратимся к его анализу.

Коммуникативность

Обращает на себя внимание уже эпиграф к работе А.В. Полякова «Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход»: «Общаюсь, следовательно, существую (из ненаписанного Декартом)». Получается, перед нами вызов рационалистической традиции, поскольку замена ключевого слова в классическом выражении французского мыслителя-рационалиста («мыслю» на «общаюсь») может означать только это. Речь всё же не идёт о классическом постмодернистском знании, замене постмодернистским знанием рационалистических концептов и соответствующей традиции. Скорее, защитник коммуникативной теории желает, пробует, пытается соединить (в рамках столь важного для него интегративного подхода) основополагающие положения как рационализма, так и постмодернистских методологических предпочтений. В пользу такого утверждения говорит и то, что А. Поляков «предполагает», что «не написал» такую максиму всё же Рене Декарт, а не кто-то иной. Однако вначале – о сути коммуникации.

А.В. Поляков определяет коммуникацию, её структуру в целом традиционно, и здесь рационалистический аспект проявляется в полной мере. Коммуникация – это явление социальное; она возникает между субъектами, и можно говорить о четырёх её видах: 1) в широком смысле – как об одной из основ человеческой жизнедеятельности; 2) как об информационном обмене в технологически организованных системах;

3) о мыслекоммуникации как интеллектуальном процессе, имеющем выдержанный идеально-содержательный план и связанном с определёнными ситуациями социального действия; 4) как об экзистенциальной коммуникации как обнаружении «Я» в «Другом» [4, с. 47–48]. Пункт, связанный с понятием «мыслекоммуникация», является определяющим в данной системе знания, и структура мыслекоммуникации имеет следующий вид: 1) в ней присутствует не менее двух участников-коммуникантов; 2) всегда налицо ситуация, которую коммуниканты пытаются осмыслить; 3) имеют место тексты, выражающие смысл ситуации в языке; 4) должны присутствовать мотивы и цели, делающие текст направленными; 5) важен процесс материальной передачи текстов; 6) как итог – восприятие текста. Если мы в этом контексте обратимся, например, к статье «Коммуникация», помещённой в энциклопедии «Постмодернизм», то заметим, что как сущность феномена «коммуникация», так и её структура здесь во многом совпадают [7, с. 371–372]. Различия наступают и заметны тогда, когда автор коммуникативного подхода обосновывает специфический правовой контекст коммуникации.

Принципиальным здесь выглядит следующий тезис: «Коммуникация является не только условием и формой существования вообще и права в частности, но и онтологическим основанием жизни социума» [4, с. 51]. Параметры коммуникации в этом положении «заданы» весьма широкие. Главным здесь является следующее. Во-первых, онтологический аспект: право связано с жизнью (главным образом) не государства, не классов, а общества. Право вообще возникает не тогда, когда появляется государство, а на более ранней ступени развития общества и напрямую «завязано» на появлении субъекта, сознательного, социального субъекта. Бытие общества есть предпосылка появления права. Кстати, в этом аспекте А. Поляков достаточно часто апеллирует к психологической теории Л. Петражицкого. Обращаясь к психологии общества как предпосылке права, Л. Петражицкий никак не мог отождествить категории «право» и «государство», поскольку психологический (эмоциональный) аспект предшествует аспекту государственному. В этом А. Поляков видит аргумент в защиту выдвигаемого им положения о характере онтологических предпосылок права. Правда, в рамках его терминологии, не психологических, а коммуникативных.

Во-вторых, коммуникация является формой и условием существования вообще и носит интересубъективный характер. Право есть система, причём система, характер функционирования которой определяется коммуникацией, соответствующими текстами. Здесь можно усмотреть определённую связь идей, высказываемых А. Поляковым, с мыслями известного немецкого юриста Н. Лумана, который утверждал, что границы юридической системы очерчиваются не на институциональном, а на операционно-коммуникативном уровне. Любое общение (любая коммуникация), которое выдвигает или отодвигает правовое суждение (например, конфликт с соседом, дорожное-транспортное происшествие), представляет собой операцию юридической системы. Как только коммуникация связывается с системой, вступает в действие формула «законное/незаконное».

Далее: далеко не случайно здесь присутствует понятие «текст», так как «правовой текст может быть интерпретирован как коммуникативно-познавательная единица, без которой право существовать не может» [4, с. 214]. Право здесь – определённый порядок коммуникативных отношений, возникающий на основе интерпретации правовых текстов, причём эта интерпретация может носить как вербальный, так и невербальный характер. Что, заметим, вполне понято, так как сама дефиниция «текст», как уже указывалось выше, понимается в концепции А. Полякова очень широко. Как замечает сам учёный, жест регулировщика, например, предписывающий направление движения, или включение поворота в автомобиле создают «вторичные правовые тексты», указывают на «текстуальную многослойность права».

В определенном смысле приведённые взгляды учёного «балансируют» между рациональной формой объяснения, толкования правовых феноменов и их интерпретацией в русле методологии феноменологического, постмодернистского знания. Скажем, высказываются сугубо рационалистические соображения о характере, содержании, формах коммуникации («коммуникация представляет собой явление социальное и возникает между субъектами»), и вместе с тем утверждается, что «нас будут интересовать только те коммуникации, субъекты которых могут оперировать смыслами» [4, с. 47]. «Смыслы» здесь – известный посыл постмодернистской методологии познания, дезавуирующей рационалистическое понимание истины и обращающей внимание на сугубую аморфность знания.

Вместе с тем могут иметь место рассуждения, которые зачастую с трудом понимаются вследствие непрояснённого понятийного аппарата. Так, например, А. Поляков пишет, что «правовая онтология, которая сама гносеологична и аксиологична и потому предполагает и соответствующую гносеологию и теоретическую онтологию, имеет в качестве коррелята практическую философию права, основанную на онтологически и духовно укоренённых ценностях и создающую в единстве с теоретической философией (правовой онтологией) целостную (интегральную) философию права» [4, с. 565]. Видимо, здесь необходимы корректирующие пояснения, или «корреляты», как предпочитает говорить автор феноменолого-коммуникативного подхода. Похожее замечание высказывал и профессор М.И. Байтин, который отмечал неясность ряда выражений в работе своего оппонента. Как результат – терминологическое, следовательно, смысловое противоречие. Так, например, критик коммуникативной теории замечает: «На словах, согласно коммуникативной концепции, право складывается из объективного и субъективного права, в действительности упоминание о первом носит сугубо номинальный характер. Как с точки зрения правогенеза, так и по существу представление о праве сводится к субъективному праву, к правомочию субъекта правоотношения» [5, с. 112].

Надо признать, что в ряде случаев обращение к понятию «коммуникативность» воспринимается как обращение искусственное, то есть без этого понятия вполне можно обойтись при рассмотрении тех или иных аспектов, например, общей теории права. Автор рассматриваемой концепции постоянно оперирует этим понятием, стремясь, очевидно, добиться большей аргументированности и большей «прозрачности» собственной позиции. Но на деле получается, что понятие «коммуникация» в ряде случаев может быть безболезненно устранено из текста. Так, например, рассматривая вопрос о «коммуникативных условиях возникновения права» (раздел «Правогенез» «Общей теории права»), А.В. Поляков полагает, что эти условия можно подразделить на социопсихические и социокультурные. Социопсихическими условиями права являются: возникновение у индивидов способностей понимать идеальный смысл правил должного поведения, выраженных в общеобязательных нормах, образуемых путём истолкования, интерпретации внешних, знаковых форм их выражения; признание их (прямо или опосредованно) в качестве необходимых оснований своих внешних поступков (совершение актов ценностной легитимации); самостоятельные действия, реализация вытекающих из них (норм) полномочий и обязанностей. К социокультурным условиям относится наличие в обществе самих текстуально объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения, определяющих права и обязанности членов социума и вступающих в качестве общезначимых ценностей своеобразных культурных кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов [4, с. 222–225]. А если данный раздел назвать «Условия возникновения права», то есть исключить слово «коммуникация», изменится ли что-либо в принципиальном плане?

Кроме того, рассматривая в разделе «Российский правовой дискурс: основные доминанты» своего труда роль православной культуры в формирование национального

права (кстати, интересная и важная постановка проблемы), А.В. Поляков говорит о возможности «новой интеграции» знания, основанного на духовных ценностях. Выражением этого синтеза явилось «стремление к такой коммуникации, которая, не ограничиваясь формальным (правовым) взаимодействием, представляла бы возможности для духовного взаимопонимания». Здесь нет смысла спорить о том, что коммуникация – предпосылка любых вообще социальных процессов. Стоит лишь поставить вопрос такого содержания: а что, когда российские юристы второй половины XIX – начала XX века говорили о возможности и важности процессов и явлений такого рода вне контекста понятия «коммуникация», это было следствием ограниченности правового знания той поры, или же мы можем утверждать, что «интеграция на условиях нового синтеза» имела место и тогда? Стоит обратиться к классическим работам упоминавшегося уже нами Владимира Соловьёва, для того чтобы убедиться: стремление к «гармонии», «синтезу» на основе «критики отвлечённых начал» и, соответственно, понимание важности «новой духовности» всегда присутствовало в его работах. Об этом справедливо пишет профессор А.С. Яценко: «Как в основных философских воззрениях Соловьёв был врагом всякого преувеличения односторонней точки зрения, всякого построения философской системы на каком-нибудь одном «отвлечённом» начале, так и в определении природы права Соловьёв удержался от сведения права лишь к одному из его элементов и сумел взглянуть на право истинно синтетически» [8, с. 41]. Конечно, здесь синтез осуществлялся на основе этики, религиозной этики, но, поскольку «коммуникативность» данного подхода подразумевается, нет смысла особо ее аргументировать. Т.е. применение термина «коммуникация» должно быть обоснованным, чётко аргументированным, но в приведённых примерах (да и иных случаях) можно поставить вопрос о целесообразности обращения к данной дефиниции.

Важный аспект коммуникации – её «выход» на лингвистическую философию, герменевтику. А. Поляков полагает, что герменевтика признала «единственно доступным» и «единственно ценным миром» мир человеческого общения, и в этом главная заслуга этой философской доктрины. Мир коммуникации первичен, а уже «внутри» этого мира возникает мир культуры, мир ценностей и всё тех же «смыслов». К слову, «общение» и «коммуникация» – это не тождественные понятия. Общение может быть подсознательным, эмоциональным, а это не коммуникация. Коммуникация наступает (рождается, появляется) лишь тогда, когда мы можем говорить о наличии смысла (смыслов), когда у нас появляется «текст». А.В. Поляков признаёт, что в этом аспекте коммуникативные начала можно найти у любого мыслителя «классического» толка. Скажем, рассуждения И. Канта о том, что человек должен рассматриваться не только как «средство», но и как «цель» коммуникации по сути, так как означают направленность на «Другого», на осуществление мыслекоммуникации. Но тогда возникает закономерный вопрос: а где сущностное различие, по каким основаниям мы можем говорить о «коммуникативной теории», а по каким – нет? Здесь выход находится в категории «понимания»: «концепция права не может быть только теоретической наукой, основанной на эйдетическом знании, но должна быть и мировоззренческой философией, выросшей из понимания» [4, с. 57]. То есть решение вопроса «находится» на путях чрезвычайного расширения предмета права, понимания права как «интегральной философии права», что оправданно с точки зрения рассматриваемой методологии, но может быть подвергнуто критическому анализу с позиций иных методологических школ.

Приведём один пример, связанный с формулированием теории институционализации в контексте рассматриваемого подхода. Если чрезвычайно лапидарно, то суть её в том, что причины возникновения социального порядка, который приходит на место привычке, традиции, надо искать в формировании соответствующих социальных институтов. Ведь любая типизация (то есть обобщение, систематизация социальных привы-

чек) уже есть институт, в том числе и правовой. И с этим спорить сложно. Но для рассматриваемого коммуникативного подхода важно, что в основе теории институционализации лежит всё тот же термин. Т.е. «институционализация начинается при коммуникативном взаимодействии уже двух субъектов» [4, с. 195]. Затем процесс углубляется, т.е. сформировавшиеся институты обладают своей собственной реальностью и воспринимаются независимо от обстоятельств, предшествовавших их появлению. Но при этом важно иметь в виду, что объективность институционального мира «создаётся» самим человеком в процессе именно коммуникативной деятельности, и в этом смысле она есть сконструированная объективность.

Кратко подытоживая сказанное, можно отметить, что сам термин «коммуникация» (наряду с некоторыми иными) имеет в рассматриваемом нами теоретическом подходе тот же характер, какой имеют, например, в теории К. Маркса категории «экономика», «экономические отношения», «базис». То есть это исходная, принципиальная, ключевая дефиниция. И, хотя разговор всё время идёт об «интегративности», предпосылкой собственно интегративности является коммуникация. Применительно к правотворчеству субъекты несут информацию, социально значимую в обществе, а субъект в свою очередь ждет от общества определенной реакции, ответа. Также можно отметить определенный синкретизм в правотворчестве: рассмотрение права не только как юридического явления, но и как социального института, следствием чего является его анализ во взаимодействии с экономикой, моралью и т.д.

В заключение заметим, что рассмотрение иных важнейших категорий коммуникативно-феноменологической концепции права («правовые отношения», «феноменология» и некоторые другие), а также выводы относительно места данной теории в системе методологического знания, о механизме применения феноменолого-коммуникативного подхода применительно к правовым феноменам предполагается развить в ходе дальнейшей работы над темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсесянц, В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории государства и права / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2000. – 288 с.
2. Жоль, К.К. Философия и социология права / К.К. Жоль. – М. : Юнити, 2005. – 417 с.
3. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : Норма. – 1999. – 310 с.
4. Поляков, А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход / А.В. Поляков. – СПб. : Юридический пресс Центр, 2003. – 845 с.
5. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – М. : Изд. дом «Право и государство», 2005. – 544 с.
6. Переписка Л. Толстого с Н. Страховым. – СПб. : Общественная польза, 1914.
7. Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис. Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
8. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма / А.С. Яценко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.

Lepeshko A.B. Conceptual-Categorical System in Phenomenological-Communicative Approach to Analysis of Social and Legal Reality

Categories «integrative» and «communicative» are analyzed in the article, their essential features are revealed, the place occupied by these categories in phenomenological-communicative concept is described. Some aspects of phenomenological-communicative approach in law are analyzed; conclusions about the place that takes this theory in the system of legal methodology and in general theoretical knowledge are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2013

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Абухоўская А.А. – старшы выкладчык кафедры замежных моў эканамічных спецыяльнасцей Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Берагаўцова Д.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Бонк Т. – загадчык кафедры сацыялогіі Інстытута сацыялогіі Універсітэта кардынала Стэфана Вышыньскага ў Варшаве, прафесар Дзяржаўнай вышэйшай тэхніка-эканамічнай школы імя ксяндза Браніслава Маркевіча ў Яраслаў’і (Рэспубліка Польшча)

Борун А.М. – аспірант 4 года завочнай формы навучання кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гарбацкі А.А. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Глухава А.В. – выкладчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гурына В.В. – магістр юрыдычных навук, выкладчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Данілецкая А.В. – магістрант дзённай формы навучання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зайцава Н.І. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Йохна В.М. – аспірант кафедры менеджмента Хмяльніцкага нацыянальнага ўніверсітэта (г. Хмяльніцкі, Украіна)

Лаўрэнка Л.В. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка А.Б. – аспірант 1 года навучання кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мацукевіч У.У. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мярчук В.М. – магістр гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Брэсцкага абласнога краязнаўчага музея

Прыбаровіч А.А. – аспірант 2 года навучання кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Пустаход Т.С. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Пухаў А.А. – аспірант кафедры крымінальнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Радзюк А.Л. – аспірант 3 года навучання Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Рамановіч П.С. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Савіч А.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Стралец М.В. – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, акадэмік Беларускай акадэміі сацыяльных навук

Стрэнкоўскі С.П. – кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры кіравання і эканомікі адукацыі, першы прарэктар Мінскага гарадскога інстытута развіцця адукацыі

Таранец С.В. – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела крыніц па гісторыі Украіны XIX – пачатку XX стст. Інстытута ўкраінскай археаграфіі і крыніцазнаўства імя М.С. Грушэўскага НАН Украіны

Цеканоўскі З. – дацэнт Універсітэта кардынала Стэфана Вышыньскага ў Варшаве, дацэнт Дзяржаўнай вышэйшай тэхніка-эканамічнай школы імя ксяндза Браніслава Маркевіча ў Яраслаў’і (Рэспубліка Польшча)

Чарнавалаў А.В. – доктар эканамічных навук (Расійская Федэрацыя), дацэнт кафедры матэматычнага мадэліравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чарнавалаў В.У. – магістрант Універсітэта прыродазнаўчых і гуманітарных навук у Седльцах (Рэспубліка Польшча)

Шонія І.І. – магістрант дзённай формы навучання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *Г.Ю. Пархац, С.М. Мініч*

Подписано в печать 12.04.2013. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 22,09. Уч.-изд. л. 18,89.

Тираж 100 экз. Заказ № 117.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».

ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.